

РОБЕРТ ГОВАРД ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА

РОБЕРТ ГОВАРД

6

РОБЕРТ ГОВАРД

ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА

ТОМ 6

КТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КТ

РОБЕРТ ГОВАРД

6

КТ

РОБЕРТ ГОВАРД

ПОВЕЛИТЕЛЬ
САМАРКАНДА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 6

РОБЕРТ
ГОВАРД

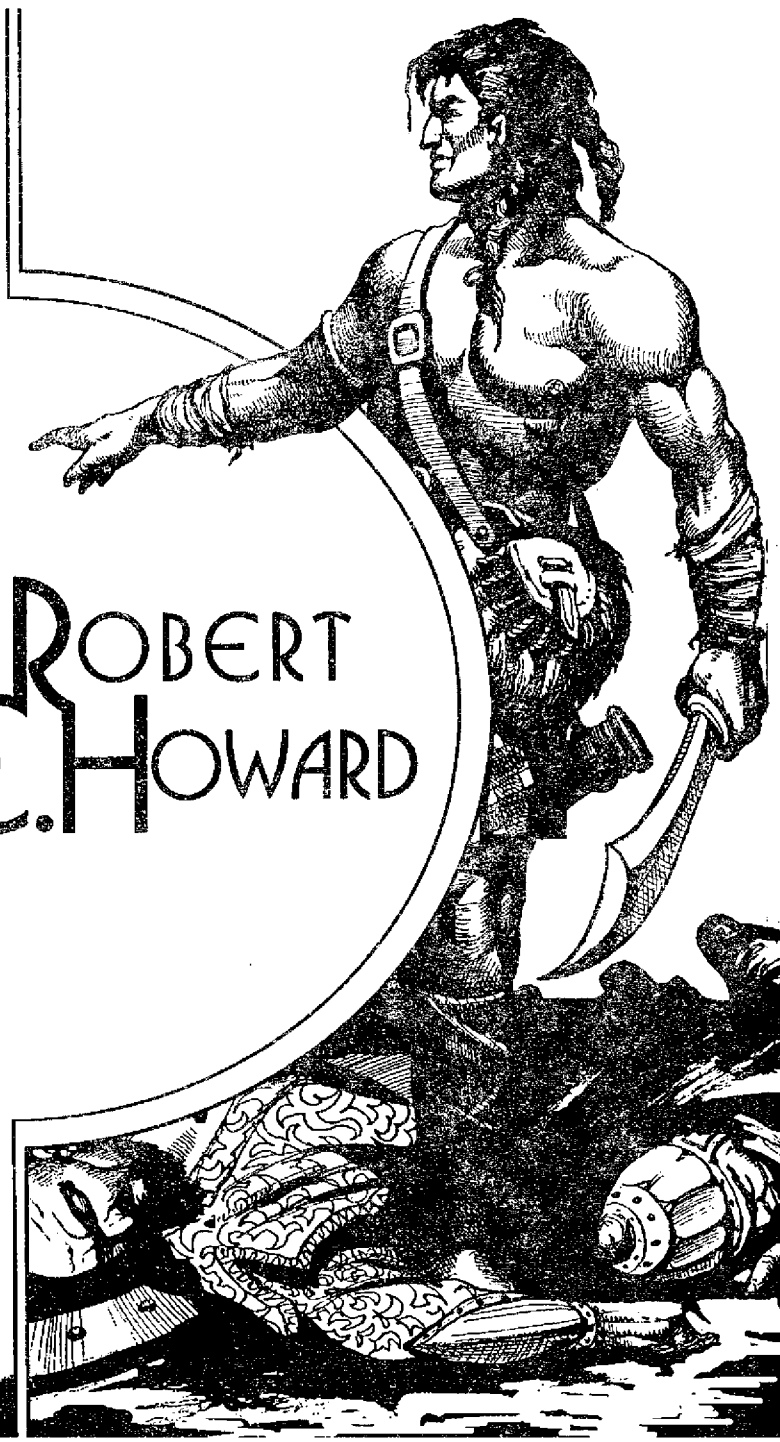

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В 8 ТОМАХ

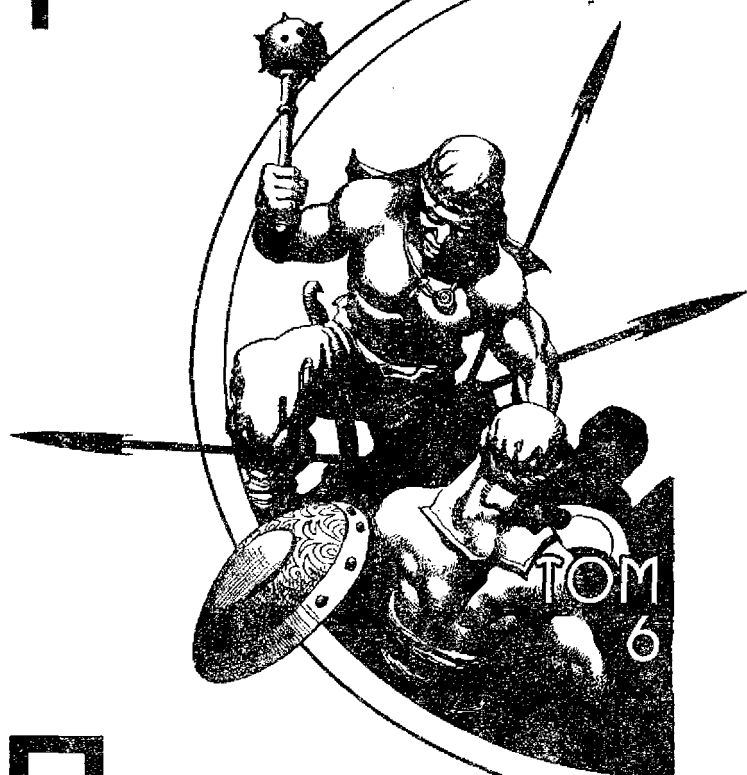

«ТЕРРА — КНИЖНЫЙ КЛУБ» МОСКВА
«СЕВЕРО-ЗАПАД» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ROBERT
E. HOWARD

РОБЕРТ
ГОВАРД

ДОВЕЛИТЕЛЬ
АМАРКАНДА

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
Г57

Оформление художника
В. ДОМОГАЦКОЙ

Руководители проекта
И. ПЕТРУШКИН, А. ТИШИНИН

Составитель А. ЛИДИН

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Говард Р. И.

Г55 Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6: Повелитель Самарканда: Рассказы / Пер. с англ.; Сост. А. Лидина. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004. — 480 с.

ISBN 5-275-00934-8 (т. 6)

ISBN 5-275-00830-9

Роберт Говард (1906—1936) — один из самых талантливых писателей-фантастов Соединенных Штатов Америки, чье творчество было очень ярким, а жизнь — очень короткой.

Шестой том включает в себя рассказы, развитие событий в которых происходит в древние времена, когда существовали могучие королевства, царства и ханства, когда по земле бродили армии безжалостных наемников и варварам удавалось острием клинка завоевать золото или трон, только бесстрашные воины или коварные интриганы могли удержаться у вершины власти.

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-275-00934-8 (т. 6)
ISBN 5-275-00830-9

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2004
© Издательство «Северо-Запад»,
перевод, 2004

ЯСТРЕБЫ НАД ЕГИПТОМ¹

1

Высокий человек в белом халате обернулся, негромко выругался и схватился за рукоять сабли. Без необходимости люди старались не появляться на ночных улицах Каира в тревожные дни 1021 года от Рождества Христова. В этом темном, извилистом переулке негостеприимного речного квартала Эль-Макс могло случиться всякое.

— Зачем ты преследуешь меня, собака? — Голос незнакомца был хриплым, и в нем отчетливо чувствовался турецкий акцент.

Из тени появился еще один высокий мужчина, одетый, как и первый, в белый шелковый халат, но без остроконечного шлема.

— Я тебя не преследую! — Голос его звучал не столь гортанно, как у турка, и акцент был иным. — Что, чужестранцам уже нельзя ходить по улицам, не подвергаясь оскорблениям каждого пьяницы из сточной канавы?

¹ После смерти Р. Говарда этот рассказ был переделан Л. Спрэггом де Кампом и назван «Ястребы над Шемом».

Гнев его был непритворным, так же как и подозрительность его собеседника. Они яростно пожирали друг друга глазами, крепко сжимая рукояти оружия.

— Меня преследуют с самого захода солнца, — заявил турок. — Я слышал шаги за своей спиной. А теперь ты вдруг появился передо мной, в месте, столь подходящем для убийства!

— Да проклянет тебя Аллах! — выругался другой. — Зачем мне тебя преследовать? Я заблудился среди здешних улиц. Я никогда тебя прежде не видел, и надеюсь, никогда больше не увижу. Я Юсуф ибн-Сулейман из Кордовы, недавно прибыл в Египет — ты, турецкий пес! — злобно добавил он.

— Ну да, акцент выдает в тебе мавра, — промолвил турок. — Впрочем, неважно. Андалузский меч столь же просто купить, как и каирский, и...

— Клянусь бородой Али! — воскликнул мавр, в порыве гнева выхватывая саблю; затем едва слышные шаги заставили его обернуться и отскочить, продолжая держать в поле зрения турка и вновь появившихся. Турок тоже вытащил саблю и яростно смотрел куда-то мимо него.

В полумраке угрожающе возвышались три темные фигуры, и тусклый свет звезд отражался в их широких кривых клинках. На мгновение наступила напряженная тишина; затем один из них пробормотал с гортанным суданским акцентом:

— Кто из них тот пес? Оба одеты одинаково и в темноте похожи, как близнецы.

— Прирежь обоих, — ответил другой, возвышавшийся на полголовы над своими спутниками. — Нам нельзя ни ошибиться, ни оставлять свидетелей.

С этими словами трое негров шагнули вперед. Гигант наступал на мавра, остальные двое — на турка.

Юсуф ибн-Сулейман не стал ждать нападения. Прорывав проклятие, он кинулся на приближающегося великана и со всей силы взмахнул саблей, метя в голову. Чернокожий, зарывав, принял удар на свой

клинок. В следующее мгновение, ловко извернувшись, он выбил оружие из руки противника, и оно со звоном упало на камни. С губ Юсуфа сорвалось хриплое ругательство. Он не ожидал встретить подобное сочетание ловкости и грубой силы.

Однако, охваченный яростью, он не колебался. Когда гигант занес над ним широкую саблю, мавр издал боевой клич, прыгнул под его поднятую руку и по рукоятку вонзил кинжал в широкую грудь негра. На запястье Юсуфа хлынула кровь, и сабля выпала из руки противника, разрезав шелковую кафию мавра и отскочив от стального шлема под ней. Умирающий гигант осел на землю.

Юсуф ибн-Сулейман подхватил свою саблю и оглянулся в поисках недавнего соперника.

Турок хладнокровно встретил нападение двух негров, медленно отступил и неожиданно нанес одному из них рубящий удар поперек груди и плеча, так что тот выронил меч и со стоном упал на колени. Однако даже падая, он вцепился в колени противника и повис на них словно пиявка, лишенная разума и рассудка. Турок отчаянно сопротивлялся; черные руки железной хваткой держали его, в то время как оставшийся чернокожий удвоил ярость своих ударов. Турок не в состоянии был ни нападать, ни отступить, не мог он и нанести молниеносный удар клинком, который освободил бы его от объятий врага.

Когда черный воин замахнулся для решающего удара, позади послышался топот бегущих ног. Бросив отчаянный взгляд через плечо, он увидел мавра, глаза которого пылали яростью и оскаленные зубы ярко блестели в лунном свете. Прежде чем негр успел повернуться, сабля мавра погрузилась в его тело с такой силой, что клинок выскочил из груди. Жизнь покинула негра вместе с нечленораздельным воплем. Турок раскроил бритый череп второго негра рукояткой сабли и, страхнув с себя труп, повернулся к мавру, который вытаскивал клинок, застрявший в судорожно дергающемся теле.

— Почему ты помог мне? — спросил турок. Юсуф ибн-Сулейман пожал широкими плечами, сочтя вопрос неуместным.

— На нас двоих напали негодяи, — промолвил он. — Судьба сделала нас союзниками. Теперь, если желаешь, можем возобновить нашу ссору. Ты сказал, что я шпионил за тобой.

— Признаю свою ошибку и прошу прощения, — поспешно ответил турок. — Теперь я знаю, кто крался за мной в темных переулках.

Убрав в ножны саблю, он по очереди склонился над каждым телом, внимательно вглядываясь в окровавленные черты. Возле тела гиганта, убитого кинжалом мавра, он задержался дольше и наконец тихо пробормотал:

— Сохо! Заман Меченосец! Воин высокого ранга, оружие которого отделано жемчугом!

Сняв с безвольного черного пальца тяжелое, искусно ограненное кольцо, он опустил его в мешочек на поясе, а затем ухватился за одежду мертвеца.

— Помоги мне, брат, — предложил он. — Давай избавимся от этой падали, чтобы никто не задавал лишних вопросов.

Не говоря ни слова, Юсуф ибн-Сулейман ухватил в каждую руку по пропитанной кровью накидке и следом за турком потащил трупы по зловонному темному переулку, посреди которого возвышался заброшенный колодец. Трупы нырнули головой вперед в бездну, и внизу раздался приглушенный плеск. С легкой усмешкой турок повернулся к мавру.

— Аллах сделал нас союзниками, — повторил он. — Я перед тобой в долгу.

— Ты ничего мне не должен, — утрюмо ответил мавр.

— Слова не в силах сравнять горы, — невозмутимо произнес турок. — Я Аль Афдал, мамелюк. Давай выберемся из этой крысиной норы и поговорим.

Юсуф ибн-Сулейман нехотя кивнул, словно жалея о примирении с турком, однако последовал за ним

без возражений. Их путь вел через кишевшие крысами вонючие переулки и заваленные отбросами узкие извилистые улицы. Каир в те времена, как, впрочем, и позднее, представлял собой фантастический контраст роскоши и нищеты; экзотические дворцы возвышались среди законченных руин полузаброшенных кварталов; разношерстные строения теснились у стен Эль-Кахиры, запретного внутреннего города, где обитали калиф и его приближенные.

Наконец спутники добрались до более нового и респектабельного квартала, где нависающие балконы под решетчатыми окнами, выложенными кедром и перламутром, почти касались друг друга над узкой улицей.

— Все лавки темны, — проворчал мавр. — Несколько дней назад в городе было светло как днем, от заката до рассвета.

— Это одна из прихотей Аль Хакима, — сказал турок. — Теперь у него новая прихоть, и ни один огонь не горит на улицах Аль-Медины. И лишь одному Аллаху известно, что взбредет ему в голову завтра.

— Это никому не ведомо, кроме Аллаха, — благочестиво согласился мавр и нахмурился. Турок потянул себя за тонкие свисающие усы, словно пряча улыбку.

Они остановились перед окованной железом дверью в тяжелой каменной арке, и турок осторожно постучал. Изнутри послышался голос, и турок ответил на гортанном туранском диалекте, которого Юсуф ибн-Сулейман не понимал. Дверь открылась, и Аль Афдал скрылся в кромешной темноте, таща за собой мавра. Они услышали, как дверь за ними закрылась, затем тяжелый кожаный занавес откинулся, открыв освещенный коридор и покрытого шрамами старика, могучие усы которого выдавали в нем турка.

— Старый мамелюк занялся виноторговлей, — сказал Аль Афдал мавру. — Проведи нас в комнату, где мы могли бы остаться одни, Ахмед.

— Все комнаты пусты, — проворчал старый Ахмед, хромая впереди них. — Я разорен. С тех пор как

калиф запретил вино, люди боятся прикоснуться к бокалу. Да снизошлет Аллах на него подагру!

Проведя их в небольшую комнату, он разостлал на полу циновки, поставил перед ними большое блюдо с фисташками, изюмом и лимонами, налил вина из тяжелого меха и удалился, что-то бормоча под нос.

— Египет переживает тяжкие времена, — лениво протянул турок, сделав большой глоток ширазского вина. Он был высокого роста, худой, но крепко сложенный, с пронзительными черными глазами, которые, казалось, постоянно пребывали в движении. Халат его был одноцветным, но из дорогой материи, остроконечный шлем оправлен в серебро, и на рукояти сабли сверкали драгоценные камни.

Юсуф ибн-Сулейман обладал подобной же ястребиной внешностью, характерной для всех, чьим делом стала война. Мавр был столь же высок, как и турок, но более мускулист и широкогруд. Он обладал телосложением горца; сила в нем сочеталась с выносливостью. Гладко выбритое лицо под белой кафией было светлее, чем у турка, смуглое скорее от солнца, нежели от природы. Серые глаза, холодные, как закаленная сталь, казалось, в любой момент могли вспыхнуть огнем.

Он отхлебнул вина и с удовольствием причмокнул. Турок улыбнулся и снова наполнил бокалы.

— Как дела правоверных в Испании, брат?

— Не слишком хорошо, с тех пор как умер визирь Мозаффар ибн-Аль Мансур, — ответил мавр. — Калиф Хишам слаб. Он не в силах сдержать своих приближенных, каждый из которых хочет основать свое независимое государство. Страна стонет от гражданской войны, и с каждым годом христианские королевства становятся все сильнее. Сильная рука могла бы спасти Андалузию, но во всей Испании не найдется подобной сильной руки.

— Она могла бы найтись в Египте, — заметил турок. — Здесь много могущественных эмиров, которые любят смелых. В рядах мамелюков всегда найдется место для такой сабли, как твоя.

— Я не турок и не раб, — проворчал Юсуф.

— Конечно. — Голос Аль Афдала звучал тихо, легкая улыбка коснулась тонких губ. — Не бойся: я у тебя в долгу, и я умею хранить тайну.

— О чем ты? — Мавр резко поднял ястребиную голову. Серые глаза вспыхнули, жилистая рука протянулась к оружию.

— Я слышал, как ты кричал в пылу битвы, когда убивал черного воина, — сказал Аль Афдал. — Ты орал: «Сантьяго!» Так кричат в бою кафиры Испании. Ты не мавр — ты христианин!

Юсуф в одно мгновение вскочил на ноги, выхватывая саблю. Однако Аль Афдал даже не пошевелился.

— Не бойся, — повторил он и спокойно откинулся на подушки, потягивая вино. — Я уже сказал, что умею хранить тайну. Я обязан тебе жизнью. Человек, подобный тебе, никогда не стал бы шпионом: ты слишком легко поддаешься гневу, и ярость твоя неприкрыта. Есть лишь одна причина, по которой ты мог оказаться среди мусульман — чтобы отомстить личному врагу.

Мгновение христианин стоял неподвижно, расставив ноги, словно для нападения; рукав его халата сдвинулся, обнажив могучие мускулы на смуглой руке. Он сердито хмурился и теперь намного меньше походил на мусульманина. Несколько секунд стояла напряженная тишина, затем, пожав широкими плечами, фальшивый мавр снова сел, однако, положив саблю на колени.

— Очень хорошо, — бесстрастно произнес он, отрывая большую гроздь винограда и запихивая ягоды в рот. Продолжая жевать, он сообщил: — Я Диего де Гусман, из Кастилии. Ищу в Египте своего врага.

— Кого? — с интересом спросил Аль Афдал.

— Бербера по имени Захир эль-Гази, да обгложут собаки его кости!

Турок вздрогнул.

— Клянусь Аллахом, ты замахнулся на серьезную мишень! Ты знаешь, что этот человек теперь эмир Египта и генерал всех берберских войск калифов Фатимидов?

— Клянусь Святым Петром, — ответил испанец, — это столь же неважно, как если бы он был подметальщиком улиц.

— Твоя кровная месть далеко тебя завела, — заметил Аль Афдал.

— Берберы из Малаги подняли мятеж против арабского губернатора, — внезапно сказал де Гусман. — Они обратились за помощью к Кастилии. Пятьсот рыцарей отправились им на выручку. Прежде чем мы смогли добраться до Малаги, этот проклятый Захир эль-Гази предал своих товарищей, отдав их в руки калифа. Затем он предал нас. Ничего не зная о случившемся, мы попали в ловушку, устроенную маврами. Лишь я один уцелел в этой резне. Три моих брата и дядя пали в тот день рядом со мной. Меня бросили в мавританскую тюрьму, и прошел год, прежде чем мои люди собрали достаточно золота для выкупа.

Снова оказавшись на свободе, я узнал, что Захир бежал из Испании в страхе перед собственным народом. Однако Кастилия нуждалась в моем мече. Прошел еще год, прежде чем я смог ступить на тропу мщения. Целый год я искал его в мусульманских странах, переодевшись мавром, язык и обычаи которых узнал за многие годы войны с ними и за время пребывания в их плену. Лишь недавно мне стало известно, что человек, которого я ищу, находится в Египте.

Аль Афдал ответил не сразу, разглядывая суровые черты собеседника и видя в них неукротимую природу диких нагорий, где горстка воинов-христиан три столетия бросала вызов мечам ислама.

— Как давно ты в Аль-Медине? — внезапно спросил он.

— Всего несколько дней, — буркнул де Гусман. — Но достаточно, чтобы понять, что калиф свихнулся.

— Ты должен понять еще кое-что, — ответил Аль Афдал. — Аль Хаким и в самом деле сумасшедший. Я говорю чужеземцу то, что не осмелился бы сказать мусульманину — однако все это и так знают. Народ, кото-

рый принадлежит к суннитам, стонет под его пятой. Три армии поддерживают его власть. Во-первых, берберы из Каируана, где впервые пустила корни шиитская династия Фата мидов, во-вторых, черные суданцы, которые под предводительством эмира Османа с каждым годом приобретают все большую власть; и в-третьих, мамелюки, или бахариты, Белые Рабы Реки — турки и сунниты, к которым принадлежу и я. Их эмир — Эс-Салих Мухаммад, и все трое: он, эль-Гази и черный Осман — в достаточной степени одержимы ненавистью и завистью друг к другу, чтобы развязать десяток войн.

Захир эль-Гази пришел в Египет три года назад в поисках приключений и без гроша в кармане. Он возвысился до положения эмира, отчасти благодаря венецианской рабыне по имени Заида. У калифа тоже есть за кулисами женщина, арабка, по имени Зулейка. Но ни одна женщина не в силах повлиять на Аль Хакима.

Диего поставил пустой бокал и пристально посмотрел на Аль Афдала. У испанцев еще не вошли в привычку изысканные манеры, позднее ставшие одной из их главных черт. В жилах кастильца все еще текло больше нордической, чем латинской крови. Диего де Гусман рубил сплеча, подобно своим предкам готам.

— И что теперь? — спросил он. — Собираешься выдать меня мусульманам, или ты говорил правду насчет того, что умеешь хранить тайну?

— Я не испытываю любви к Захиру эль-Гази, — задумчиво произнес Аль Афдал, словно про себя, поворачивая в пальцах кольцо, которое забрал у чернокожего гиганта. — Заман был псом Османа, однако берберское золото может купить суданский меч. — Подняв голову, он впервые с начала беседы посмотрел де Гусману в глаза.

— Я тоже кое-что должен Захиру, — сказал он. — Я не только сохраню твою тайну. Я помогу тебе отомстить!

Де Гусман резко наклонился вперед, и его железные пальцы впились в покрытое шелком плечо турка.

— Ты говоришь правду?

— Пусть Аллах покарает меня, если я лгу! — поклялся турок. — Послушай, вот мой план...

2

Пока в тайной винной лавке Хромого Ахмеда турок и испанец, склонившись друг к другу, обсуждали мрачный заговор, внутри массивных стен Эль-Кахиры происходили события не менее важные. Среди теней домов пробиралась фигура в покрывале и капюшоне. Впервые за семь лет по улицам Каира шла женщина.

Осознавая чудовищность своего преступления, она дрожала от страха, вызванного отнюдь не окружающим ее полумраком, в котором могли прятаться грабители. Камни ранили ее ноги в изорванных бархатных туфлях; уже семь лет сапожникам Каира запрещено было изготавливать уличную обувь для женщин. Аль Хаким постановил, что женщины Египта должны сидеть взаперти, подобно птицам в вызолоченных клетках.

Одетая в лохмотья женщина, в страхе пробиравшаяся по ночным улицам, не относилась к сословию нищих попрошайек. Утром слухи распространятся по таинственным каналам от гарема к гарему, и злорадные женщины, разваливаясь на бархатных подушках, будут радостно смеяться над позором своей сестры, которой они завидовали и которую ненавидели.

Заида, рыжеволосая венецианка, фаворитка Захира эль-Гази, обладала большей властью, чем любая другая женщина в Египте. Теперь же, пока она, словно изгнанница, крадучись пробиралась сквозь ночь, ее раскаленным железом жгло осознание того, что она помогла своему вероломному любовнику и повелителю подняться к вершинам мира лишь для того, чтобы другая женщина насладилась плодами ее тяжелых трудов.

Заида происходила из тех женщин, красота и ум которых могли поколебать не один трон. Она едва по-

мнила Венецию, откуда ее в детстве похитили пираты-варвары.

Корсар, который взял ее к себе и воспитал для своего гарема, погиб в сражении с византийцами, и стройной четырнадцатилетней девочкой Заида попала в руки владыки Крита, томного, изнеженного юноши — она крутила им как хотела. Затем, несколько лет спустя, был набег египетского флота на греческие острова, грабеж, резня, огонь, рушащиеся стены и предсмертные вопли, и рыжеволосая девушка, кричащая в железных объятиях смеющегося гиганта-бербера.

Поскольку Заида происходила из народа, чьи женщины повелевали мужчинами, она не погибла и не превратилась в хнычущую игрушку. Ее натура была гибкой, словно молодое деревце, которое гнется под порывами ветра, но не ломается. Довольно скоро она, если и не подчинила себе полностью Захира эль-Гази, то по крайней мере стала с ним вровень и поставила себе задачу сделать из него выдающуюся личность. Он обладал достаточным умом и энергией, ему не хватало лишь некоего побудительного толчка к завоеванию власти. Этим стимулом стала Заида.

И теперь Захир, сочтя себя вполне способным подняться по сверкающим ступеням и без нее, отшвырнул ее прочь. Аллах наделил его похотью, которую ни одна женщина, даже самая желанная, не в силах была удовлетворить, но Заида не потерпела бы соперницы. Тем более такой, как Зулейка. Стоило стройной арабке лишь улыбнуться берберу, и мир рыжеволосой венецианки рухнул. Захир лишил ее всего и выбросил на улицу, словно обычную шлюху, лишь из милосердия позволив прикрыть наготу.

Погруженная в мрачные мысли, она внезапно подняла взгляд при виде высокой фигуры в капюшоне, которая, выйдя из тени нависающего балкона, преградила ей путь. На незнакомце была широкая накидка, и капюшон скрывал черты лица. Лишь глаза мерцали в звездном свете. Она тихо вскрикнула и отшатнулась.

— Женщина на улицах Аль-Медины! — прозвучал странный глухой голос. — Не есть ли это неповиновение указу калифа, да хранит его Аллах?

— Я оказалась на улице не по своей воле, мой господин, — ответила женщина. — Хозяин выгнал меня, и мне негде преклонить голову.

Незнакомец наклонил голову в капюшоне, стоя подобно статуе, словно воплощая в себе тягостную картину ночи и тишины. Заида беспокоило наблюдение за ним. В нем было нечто зловещее: он больше походил не на человека, размышляющего над рассказом случайно встреченной девушки-рабыни, а на мрачного пророка, обдумывающего судьбу грешницы. Наконец он поднял голову.

— Идем? — В его голосе звучал скорее приказ, чем приглашение. — Я найду для тебя место. — Не оборачиваясь, он двинулся прочь по улице. Она поспешила следом, плотнее запахнув грязное платье. Она не могла ходить по улицам всю ночь; любой офицер калифа мог отрубить ей голову за нарушение указа Аль Хакима. Незнакомец мог вести ее прямо в рабство, но у нее не было выбора.

Молчание спутника действовало ей на нервы. Несколько раз она пыталась заговорить, но отсутствие какой-либо реакции с его стороны в конце концов заставило ее замолчать, возбуждая любопытство и задевая самолюбие. Никогда еще ее попытки заинтересовать мужчину не заканчивались столь откровенной неудачей. Она ощущала некое неуловимое равнодушие с его стороны, неестественное и пугающее. Ей стало страшно, но она шла следом за незнакомцем, поскольку не знала, что еще можно предпринять. Он заговорил лишь однажды, когда, оглянувшись, она в ужасе увидела позади несколько крадущихся темных фигур.

— Нас преследуют! — воскликнула она.

— Не обращай внимания, — ответил он своим странным голосом. — Они всего лишь слуги Аллаха, которые служат ему подобающим им образом.

Этот загадочный ответ заставил ее содрогнуться, и больше она не услышала ни слова, пока они не подошли к небольшим воротам в высокой стене. Незнакомец остановился и громко крикнул. Ему ответили изнутри, ворота открылись, и в них появился молчаливый негр, высоко державший факел. В его мертвенно-бледном свете незнакомец казался нечеловечески высоким.

— Но это... это же ворота Великого Дворца! — заикаясь, произнесла Заида.

Вместо ответа незнакомец откинул капюшон, открыв длинный бледный овал лица, на котором горели странно мерцающие глаза.

Заида вскрикнула и упала на колени.

— Аль Хаким!

— Да, Аль Хаким, о, неверная грешница! — Его глухой голос звучал подобно похоронному звону, неутомимый и безжалостный, словно медные трубы страшного суда. — О, самонадеянная и глупая женщина, осмелившаяся нарушить указ Аль Хакима, который есть слово Господне! Та, что ходит по улицам во грехе и отвергает приказания благочестивого правителя! О Аллаха, могучий и великий! О Повелитель Трех Миров, отчего не поразишь ты ее ударом молнии, дабы все узрели ее участь и содрогнулись!

Затем, внезапно переменив тон, он резко крикнул:

— Схватить ее!

Когда руки чернокожих слуг коснулись ее тела, Заида упала в обморок — в первый и последний раз в жизни.

Она не чувствовала, как ее подняли и пронесли через ворота, через увитые цветами и пахнущие пряностями сады, через коридоры, обрамленные спиральными колоннами из алебаstra и золота, а затем в комнату без окон, двери которой были заперты на золотые засовы, украшенные аметистами.

Венецианка пришла в себя на покрытом коврами и подушками полу. Ошеломленно оглядевшись по сторонам, она внезапно вспомнила все, что с ней случи-

лось. Тихо вскрикнув, она отпрянула, увидев над собой схватившего ее человека Калиф стоял со сложенными на груди руками и мрачно горящими глазами, которые, казалось, прожигали ее насквозь.

— О Лев Правоверных! — взмолилась она, пытаясь подняться на колени. — Пощади! Пощади!

Еще не договорив, она уже понимала всю тщетность просьб о пощаде — здесь милосердие было неизвестно. Она стояла на коленях перед самым ужасным из монархов мира, чье имя звучало проклятием в устах христиан, иудеев и правоверных мусульман; человека, который, объявив себя наследником Али, племянника Пророка, был главой шиитского мира, воплощением Божественного Разума для всех шиитов; человека, приказавшего убить всех собак, вырубить лозы и сбросить в Нил весь мед и виноград; человека, который запретил все азартные игры, конфисковал собственность христиан-контов и подверг собственный народ ужасным пыткам; человека, который считал неподчинение любому из его приказов, сколь бы незначительно оно ни было, самым тяжким из всех возможных грехов. Переодевшись, он бродил ночами по улицам, как когда-то Гарун аль-Рашид, следя за тем, чтобы соблюдались все его указы.

Аль Хаким смотрел на нее немигающим взглядом, и Заида чувствовала, как внутри у нее все сжимает я от ужаса.

— Богохульница! — прошипел он. — Орудие шайтана! Дочь сил зла! О Аллах! — внезапно закричал он, воздевая к небу руки в широких рукавах. — Какого наказания заслуживает сей демон? Какой кары, каких ужасных мук будет достаточно, чтобы воздать ей по справедливости? Даруй мне мудрость, о Аллах!

И тогда Заида поднялась с колен, сбросила порванное покрывало и вытянула руку, указывая на его лицо.

— Зачем ты призываешь Аллаха? — истерически взвизгнула она. — Призови Аль Хакима! Аллах — это ты! Аль Хаким — Бог!

Неожиданно смолкнув, он закружился на месте, схватившись за голову и что-то неразборчиво крича. Затем он выпрямился и ошеломленно взглянул на нее. К ее природным актерским способностям добавился неприкрытый ужас того положения, в котором она оказалась. В глазах Аль Хакима она выглядела ослепленной неким неземным великолепием.

— Что ты видишь, женщина? — прошептал он.

— Аллах явил свой лик предо мной! — прошептала она в ответ. — В твоем лице, сияющем словно утреннее солнце! О нет, я стораю, я умираю в сиянии твоей славы!

Она закрыла лицо руками и, дрожа, упала на колени. Аль Хаким провел дрожащей рукой по лбу и вискам.

— Бог! — прошептал он. — Да, я Бог! Я догадывался... я мечтал об этом... я, и только я обладаю мудростью Бесконечного. Теперь же и смертный узрел это, узнал Бога в обличий человека. Да, это истина, которой учат наставники шиитов — Воплощение Божества. Наконец предо мной предстала Истина из истин. Не просто воплощение божества — самого Аллаха! Аль Хаким — Аллах!

Обратив взгляд на женщину у своих ног, он приказал:

— Встань и посмотри на своего Бога!

Она робко поднялась, съежившись под его немигающим взглядом. Венецианка Заида не казалась чрезвычайно красивой в глазах арабов, требовавших идеально отточенных черт и изящной фигуры, но она была хороша собой: крепко сложена, с большой грудью, массивными бедрами и плечами несколько шире обычного. Нельзя было отнести к классическим греческим образцам и ее слегка веснушчатое лицо. Однако от нее исходила жизненная энергия, превосходившая внешнюю красоту. В карих глазах светился проницательный разум, а в гибких руках и крупных бедрах чувствовалась физическая сила.

Что-то изменилось в широко раскрытых глазах Аль Хакима; казалось, он впервые отчетливо увидел ее.

— Твой грех прощен, — нараспев произнес он. Ты первая, кто приветствовал своего Бога. Отныне ты будешь служить мне верой и правдой.

Она распростерлась перед ним, целуя ковер у его ног, и он хлопнул в ладоши. Низко кланяясь, вошел евнух.

— Немедленно отправляйся в дом Захира эль-Гази, — приказал Аль Хаким, глядя поверх головы слуги и словно не замечая его. — Скажи ему: «Это слово Аль Хакима, который есть Бог: день завтрашний станет началом великих событий, строительства кораблей и сбора воинства, так, как ты и желал; ибо Бог есть Бог, и неверные слишком долго оскверняли имя Его!»

— Слушаю и повинуюсь, господин, — пробормотал евнух, с поклоном направляясь к дверям.

— Я сомневался и опасался, — словно во сне сказал Аль Хаким, устремив взгляд в одному ему известную даль. — Я не знал — как знаю теперь, что Захир эль-Гази есть орудие Судьбы. Когда он убеждал меня в необходимости завоевания мира, я колебался. Но я — Бог, а Богу подвластно все; о да, все царства и слава!

3

Окинем взглядом мир той знаменательной ночи 1021 года от Рождества Христова. Это была одна из ночей века перемен, века, в котором в муках рождался современный мир. Это был мир, раздираемый в клочья и алый от крови, мир хаоса и страха, мир, беременный невероятным могуществом, но казавшийся погруженным в застой и лежавшим в развалинах.

Суннитское население Египта стонало под пятой шиитской династии — династии, давно уже не владевшей миром, но до сих пор могущественной, простиравшейся от Евфрата до Судана. Между границами Егип-

та и западным морем тянулась бескрайняя пустыня, населенная дикими племенами, номинально подвластными калифу. Когда-то они разгромили готское королевство Испании и ныне нуждались лишь в могущественном вожде, чтобы вновь обрушиться сметающей все на своем пути волной на христианский мир.

В Испании разделенные мавританские провинции уступили перед натиском войск Кастилии, Леона и Наварры. Однако эти христианские королевства, несмотря на силу и отвагу их воинов, не смогли бы противостоять объединенному нападению последователей ислама. Они образовали западный рубеж христианского мира, в то время как Византия стала его восточным рубежом, как в дни Омара и его всепобеждающих союзников, сдерживая рога Полумесяца и не давая им сомкнуться в центре Европы в неумолимый круг. Полумесяц отнюдь не был мертв; он лишь спал, и даже во сне били барабаны его империи.

Раздробленная Европа была слабее в центре, чем у границ. Уже начался процесс формирования наций, но подлинного национального духа еще не существовало.

Во Франции не было еще ни Карла Великого, ни Мартеля — лишь нищее, измученное постоянными бедствиями крестьянство, воюющие друг с другом феодалы и земля, раздираемая спорами между Капетингами и герцогом Нормандским, сюзереном и мятежным вассалом. Типичная ситуация для Европы.

Да, на Западе имелись сильные личности: Кнут Датчанин, правивший саксонской Англией; Генрих Германский, император призрачной Священной Римской Империи. Однако Кнут мало чем отличался от правителя любой другой страны, отрезанной морями от остального мира, а император был озабочен объединением земель своих соперников в Германии и Италии и отражению атак вторгающихся в его владения славян.

В Византии клонилось к закату знаменитое царство базилевса Василия Болгаробойца. Длинные тени уже

наползали с востока, со стороны Золотого Рога. Византия все еще оставалась самым могущественным оплотом христианства; однако с запада, со стороны Бухары, двигались Орды степных кочевников, намереваясь лишить Восточную Империю ее последних владений в Азии. Сельджуки, отраженные на юге блистательной Индо-Иранской империей Махмуда из Газни, уходили на закат солнца, и никто их не мог остановить, пока копыта их коней не омыли воды Средиземного моря.

На улицах Багдада персы сражались с турецкими наемниками слабого калифа Аббасида. Однако ислам не был разгромлен — он лишь распался на множество частей, словно осколки сверкающего лезвия. Активные силы сосредоточились в Египте, в Газни, среди мародерствующих сельджуков. Их потенциальные союзники в Сирии, Ираке, Аравии, среди воинственных племен Атласа, были достаточно сильны для того, чтобы, объединенные сильной рукой, прорвать западные рубежи христианского мира.

Византия продолжала оставаться неприступной крепостью; однако стоило испанским королевствам пасть под внезапным натиском из Африки, и орды завоевателей хлынули бы в Европу почти без всякого сопротивления. Так выглядела картина мира того времени: и Восток, и Запад разделены и бездеятельны; на Западе еще не зародился тот пламенный дух, который семьдесят пять лет спустя стремительно покатился на восток крестовым походом; на Востоке же не имелось никого, подобного Саладину или Чингисхану. Однако, стоило появиться такому человеку, и рога возрожденного Полумесяца могли сомкнуться в кольцо, не в Центральной Европе, но вокруг стен Константинополя, атакованного как с севера, так и с юга.

В ту роковую и знаменательную ночь две фигуры в капюшонах остановились возле группы палм среди руин ночного Каира. Перед ними лежали воды канала Эль-Халидж, а за ним на самом берегу возвышалась высокая крепостная стена из высушенного солнцем

кирпича, окружавшая Эль-Кахиру и отделявшая царственное сердце Аль-Медины от остальной части города. Построенный завоевателями Фатимидами полвека назад, внутренний город в сущности представлял собой гигантскую крепость, дававшую убежище калифам, их слугам и отрядам наемников, запретную для простых смертных.

— Можно взобраться по стене, — пробормотал де Гусман.

— И никак не приблизиться к нашему врагу, — ответил Аль Афдал, ощупью пробираясь в тени деревьев. — Нашел!

Де Гусман увидел, что турок шарит возле чего-то напоминавшего груды обломков мрамора. Их обступали руины, населенные лишь летучими мышами и ящерицами.

— Древнее языческое святилище, — пояснил Аль Афдал. — Оно давно заброшено и разрушено — но скрывает в себе больше, чем покажется на первый взгляд!

Он поднял широкую плиту, и под ней открылись ступени, ведущие вниз в черную зияющую тьму; де Гусман подозрительно нахмурился.

— Это, — сказал Аль Афдал, чувствуя его неуверенность, — вход в туннель, который ведет в дом Захира эль-Гази, находящийся прямо за стеной.

— Под каналом? — недоверчиво спросил де Гусман.

— Да, когда-то дом Гази был домом развлечений калифа Кумараея, который спал на наполненной воздухом подушке, плававшей в пруду из ртути, под охраной сторожевых львов, — и, несмотря на все это, погиб от кинжала мстителя. Он подготовил тайные ходы из всех своих дворцов и домов развлечений. До Захира эль-Гази дом занимал его соперник, Эс-Салих Мухаммад. Бербер ничего не знает об этом потайном ходе. Я мог бы воспользоваться им и раньше, но до сегодняшней ночи не был уверен в том, что хочу его убить. Идем!

Вытащив мечи, они на ощупь спустились по каменным ступеням и в кромешной тьме двинулись по прямому туннелю. Касаясь пальцами стен и потолка, де Гусман понял, что они состоят из громадных каменных блоков, вероятно, позаимствованных из разграбленных строений времен фараонов. По мере того, как они продвигались вперед, камни под ногами становились все более скользкими, а воздух — все более влажным и затхлым. Холодные капли упали за шиворот де Гусману, и он, вздрогнув, выругался. Они шли под каналом. Чуть позже тьма слегка рассеялась, Аль Афдал что-то предупреждающе прошептал, и они начали подниматься по другим каменным ступеням.

Наверху турок остановился и нащарил рукой засов. Панель отошла в сторону, и перед ними предстал усталанный коврами сводчатый коридор, залитый мягким светом. Де Гусман понял, что они действительно прошли под каналом и громадной стеной и теперь стояли в запретных пределах Эль-Кахиры, таинственных и сказочных.

Аль Афдал скользнул в открывшийся проем, и когда де Гусман последовал за ним, вновь задвинул дверь, превратившуюся в одну из стенных панелей розового дерева, неотличимую от других. Затем турок быстро зашагал по коридору, не колеблясь, словно человек, прекрасно знающий, куда и зачем идет. Испанец двинулся следом, с саблей в руке, непрерывно озираясь по сторонам.

Они миновали занавес темного бархата и оказались перед сводчатой дверью из инкрустированного золотом черного дерева. Мускулистый негр, на котором не было ничего, кроме объемистых шелковых шаровар, вскочил, замахиваясь чудовищных размеров саблей. Однако он не кричал; его лицо было зверским лицом немого.

— Лязг стали поднимет всех на ноги, — бросил Аль Афдал, уклоняясь от меча евнуха. Когда чернокожий пошатнулся, не рассчитав усилий, де Гусман под-

ставил ему подножку. Тот растянулся на полу, и турок пронзил клинком черное тело.

— Быстро и без шума! — тихо рассмеялся Аль Афдал. — А теперь — за настоящей добычей!

Он осторожно дотронулся до двери, в то время как испанец присел у него за спиной, шумно дыша сквозь зубы, с горящими как у охотящегося кота глазами. Дверь подалась, и де Гусман прыгнул мимо турка в комнату. Аль Афдал последовал за ним и, закрыв за собой дверь, прислонился к ней спиной, смеясь в лицо человеку, с изумленным проклятием привставшего с дивана.

— Мы загнали оленя, брат!

Однако на губах Диего де Гусмана не было усмешки, когда он очутился над полулежащим хозяином комнаты. Аль Афдал увидел, как дрожит поднятая сабля в мускулистой руке мстителя.

Захир эль-Гази был высоким, крепким мужчиной, с коротко подстриженными рыжеватыми волосами и ухоженной короткой бородой. Несмотря на поздний час, на нем были шелковые шаровары, пояс и бархатный жилет.

— Не повышай голоса, собака, — посоветовал испанец. — Мой меч у твоего горла,

— Я вижу, — невозмутимо ответил Захир эль-Гази. Он перевел взгляд голубых глаз на турка и хрипло рассмеялся. — Значит, ты избежал моих головорезов? Я думал, ты уже давно мертв. Но результат все равно будет тот же. Глупец! Ты сам перерезал себе горло! Не знаю, как ты проник в спальню; но по первому зову сюда явятся мои рабы.

— В старинных домах есть старинные секреты, — усмехнулся турок. — Один из них тебе известен — стены этой комнаты устроены так, что заглушают любые крики. Другого ты не знаешь — того, который привел нас сегодня сюда. — Он повернулся к Диего де Гусману. — Ну, что же ты медлишь?

Де Гусман отступил на шаг и опустил саблю.

— Вот лежит твой меч, — сказал он берберу, и Аль Афдал выругался — отчасти недовольно, отчасти изумленно. — Если тебе хватит мужества, чтобы убить меня, пусть будет так. Но я думаю, ты больше не увидишь восхода солнца.

Захир с любопытством взглянул на него.

— Ты не мавр, — сказал бербер. — Я родился в горах Атласа, но вырос в Малаге и не знаю неверных. Ты испанец. Кто ты?

Диего отбросил в сторону изорванную кафию.

— Диего де Гусман, — спокойно произнес Захир. — Мне следовало догадаться. Что ж, идалго, ты проделал долгий путь, чтобы умереть...

Он взял тяжелую саблю, затем поколебался.

— На тебе броня, а на мне нет ничего, кроме шелка и бархата.

Диего отшвырнул ногой в его сторону валявшийся на полу шлем.

— Под твоим жилетом кольчуга, я заметил ее блеск, — сказал он. — Ты всегда отличался предусмотрительностью. Так что мы в равных условиях. Держись, собака, моя душа жаждет твоей крови.

Бербер наклонился, надел шлем — и внезапно прыгнул, надеясь застать противника врасплох. Однако мавританский клинок с лязгом столкнулся в воздухе с саблей бербера, рассыпая искры. Оба яростно атаковали, и каждый был слишком сосредоточен на том, чтобы лишить жизни другого, не придавая внимания внешним эффектам. Каждый удар наносился в полную силу и со смертоносной жаждой убийства. Подобная схватка не могла продолжаться долго; отчаянное безрассудство боя должно было быстро привести к кровавому завершению.

Де Гусман сражался молча, но Захир эль-Гази смеялся и издевался над соперником между молниеносными ударами.

— Собака! — Движения руки бербера не мешали движениям его языка. — Мне жаль, что приходится

убивать тебя здесь. Следовало бы оставить тебя в живых, чтобы ты смог увидеть конец своего проклятого народа. Зачем я пришел в Египет? Только ради мести? Ха! Я пришел, чтобы выковать меч для моих врагов, как христиан, так и мусульман! Я убедил калифа построить флот, чтобы поднять знамена джихада и победить калифат Кордовы!

Племена берберов готовы к войне. Мы ринемся на запад из Египта, подобно лавине, набирая мощь и скорость. С полумиллионом воинов мы ворвемся в Испанию — втопчем Кордову в пыль и присоединим ее воинов к нашим рядам! Кастилия не в силах противостоять нам, и по телам испанских рыцарей мы вступим на равнины Европы!

Де Гусман выругался.

— Аль Хаким медлил, — рассмеялся Захир, легко парируя удары свистящего в воздухе клинка. — Однако сегодня ночью он послал за мной и сказал, что будет так, как я пожелал. У него новая причуда: он поверил, что стал Богом! Впрочем, это неважно. Испания обречена! Если я останусь в живых, я стану ее калифом! И даже если ты убьешь меня, ты не сможешь остановить Аль Хакима. Джихад начнется в любом случае. Девушки Кастилии пополнят гаремы ислама...

С губ де Гусмана сорвался хриплый яростный вопль, словно он впервые понял, что бербер не просто насмехается над ним, но излагает свои истинные планы.

С посеревшим лицом и горящими глазами он с новой яростью кинулся в атаку, под изумленными взглядами Аль Афдала. Издевательские слова больше не слетали с губ Захира. Все внимание бербера было приковано к отражению ударов сабли испанца, сталкивавшейся с его клинком словно молот с наковальней.

Лязг стали становился все громче, и Аль Афдал нервно прикусил губу, зная, что отзвук шума наверняка проникнет даже сквозь звуконепроницаемые стены.

Превосходство в силе и безумная ярость испанца начали наконец сказываться. Бербер побледнел, из

его легких вырывалось тяжелое дыхание, и он постоянно отступал. Кровь текла из порезов на руках, бедрах и шее. Из ран Гусмана тоже сочилась кровь, но неистовство его атак не ослабевало.

Когда де Гусман в очередной раз бросился на Захира, который был уже возле покрытой ковром стены, тот внезапно отскочил в сторону. Потерявшего равновесие от удара в пустоту испанца швырнуло вперед, и острие его сабли стукнуло о камень под ковром.

В то же мгновение Захир из всех оставшихся у него сил нанес удар по голове противника. Однако клинок из толедской стали, вместо того чтобы сломаться, согнулся и распрямился. Сабля бербера пробила мавританский шлем, но прежде чем Захир успел восстановить равновесие, клинок де Гусмана вонзился вертикально вверх сквозь стальные звенья, перерубив бедренную кость и застряв в позвоночнике врага.

Бербер пошатнулся и со сдавленным криком упал, пальцы на мгновение вцепились в ворс тяжелого ковра, затем безвольно разжались.

Де Гусман, ослепший от крови и пота, в молчаливом безумии снова и снова вонзал меч в неподвижную фигуру у своих ног, опьяненный яростью, пока Аль Афдал, отчаянно ругаясь, не оттащил его прочь. Испанец ошеломленно стер кровь и пот с глаз, у него все еще кружилась голова от удара. Он сорвал расколотый шлем и отшвырнул его прочь. Шлем был полон крови, и алая струя текла по лицу испанца, ослепляя его.

Проклиная все на свете, он начал на ощупь искать что-нибудь, чем бы можно было вытереть кровь, когда почувствовал прикосновение пальцев Аль Афдала. Турок быстро стер кровь с лица своего спутника и перевязал рану полосами ткани, оторванными от собственной одежды.

Затем, достав из мешочка на поясе кольцо, снятое с пальца чернокожего убийцы, турок бросил его на ковер рядом с телом Захира.

— Зачем ты это сделал? — спросил испанец.

— Чтобы сбить с толку преследователей. Идем быстрее, ради Аллаха. Рабы бербера, вероятно, все глухие или пьяные, раз до сих пор еще не появились.

Едва выйдя в коридор, где мертвый немой смотрел невидящим взглядом в расписной потолок, они услышали отдаленные голоса и топот ног. Пробежав по коридору до потайной панели, они скрылись в темноте, чтобы вновь появиться в тихой пальмовой роще.

Бледнеющие звезды отражались в темных водах канала, и первые лучи солнца коснулись минаретов.

— Ты знаешь дорогу во дворец калифа? — спросил де Гусман. Повязка на его голове пропиталась кровью, тонкая струйка которой стекала по шее.

Аль Афдал повернулся, и они взглянули друг другу в глаза.

— Я помог тебе убить нашего общего врага, — сказал турок. — Но я не договаривался выдать моего повелителя! Аль Хаким безумен, но его время еще не пришло. Довольствуйся своей мстостью и помни, что, взлетев слишком высоко, можно опалить крылья о солнце.

Де Гусман вытер кровь и не ответил.

— Тебе лучше покинуть Каир как можно быстрее, — сказал Аль Афдал, пристально глядя на него. — Думаю, так будет безопаснее для всех. Рано или поздно в тебе распознают чужестранца. Я дам тебе денег и лошадь...

— У меня есть и то и другое, — проворчал де Гусман, вытирая кровь с шеи.

— И ты уйдешь с миром? — спросил Аль Афдал.

— Какой у меня выбор? — ответил испанец.

— Поклянись, — настаивал турок.

— Бог мой, ты настойчив, — проворчал де Гусман. — Хорошо, клянусь Святым Хайме, что покину город до полудня.

— Хорошо! — Турок облегченно вздохнул. — Это лишь для твоего добра, как и все прочее, что я...

— Я понимаю твое бескорыстие, — проворчал де Гусман. — Если мы что-то должны друг другу, считай

долг оплаченным, и пусть каждый действует по собственному разумению.

Повернувшись, он зашагал прочь пошатывающейся походкой всадника. Аль Афдал смотрел ему вслед и с сомнением хмурился.

4

Из мечети и с минарета доносилось звучное песнопение. Перед мечетью Талаи, возле ворот Баб-Зувейла, стоял мулла Даразай, и когда он повышал голос, разносившийся над толпой, люди вздрагивали и вонзали ногти в смуглые ладони.

— И поскольку ваш Богом ниспосланный калиф, Аль Хаким, происходит из рода Али, который был кровью от крови Пророка, который был воплощением Бога — сегодня Бог среди вас! Да, Бог ходит среди вас в обличье смертного! И отныне я повелеваю вам, истинно верующим ислама, признать Его и поклоняться единственно истинному Богу, Повелителю Трех Миров, Создателю Вселенной, Тому, кто простер над нами небосвод, Воплощению Божественной Мудрости, чье имя Аль Хаким, потомок Али!

Толпа содрогнулась, затем мертвую тишину разорвал дикий вопль. Вперед выбежал безумный расстрепанный человек. С криком: «Богохульник!» полуголый араб схватил камень и швырнул его. Снаряд попал мулле прямо в рот, выбив зубы. Тот пошатнулся, по бороде потекла кровь. С яростным ревом толпа заволновалась и рванулась вперед. Непосильные подати, голод, грабежи, убийства — все это египтяне в силах были перенести; но подрыв устоев их религии стал последней каплей. Степенные торговцы превратились в безумцев; униженные попрошайки стали бешеными дьяволами.

Камни сыпались градом, и рев обезумевшей толпы становился все громче, напоминая рычание стаи

диких зверей. Множество рук уже вцепилось в одежду оглушенного Даразай, когда турецкие стражники в кольчугах и остроконечных шлемах отогнали толпу своими саблями и унесли перепуганного муллу в мечеть, забаррикадировав ее изнутри.

Лязгая оружием и звеня сбруей, из ворот Зувейлы галопом выехал стряд суданских всадников, сверкая золочеными латами и шелковыми шароварами. На лицах чернокожих воинов сверкали веселые белозубые улыбки, они вращали глазами и облизывали губы в предвкушении. Летевшие из толпы камни ударялись об их кирасы и щиты из кожи гиппопотама, не причиняя никакого вреда. Они направили коней в толпу, нанося удары кривыми саблями. Люди с воем падали под копыта. Мятежники отступили, в ужасе прячась в лавках и переулках, оставив на площади корчащиеся тела.

Черные всадники спрыгнули с коней и начали взламывать двери лавок и жилищ. Из домов раздавались женские крики. Послышался вопль, звон стекла, и о камни мостовой с треском ломающихся костей ударилась одетая в белое женщина. В разбитом окне появилось черное лицо, надрываясь от хохота. Проезжавший мимо черный всадник прищипорил коня, наклонился в седле и пронзил копьем все еще вздрагивавшую жертву.

Гигант Осман, в блестящем шелке и полированной стали, ехал впереди своих черных псов, вытянувшихся в линию позади него. Легким галопом они промчались по улицам, покачивая копытами с торчавшими на них окровавленными человеческими головами — наглядным уроком для обезумевших каирцев, которые прятались в укрытиях, задыхаясь от ненависти.

За запыхавшимся евнухом, принесшим Аль Хакиму весть о восстании и его подавлении, вскоре последовал еще один, который распростерся перед калифом и закричал:

— О Повелитель Трех Миров, эмир Захир эль-Гази мертв! Слути нашли его во дворе, и рядом с ним — коль-

цо Замана, черного воина. И потому берберы кричат, что его убили по приказу эмира Османа, и ищут Замана в Эль-Мансурии, готовые сражаться с суданцами!

Заида, слышавшая его слова из-за занавески, едва удержалась от крика и схватилась за сердце. Однако непостижимый отрешенный взгляд Аль Хакима не изменился; казалось, он был окутан равнодушием, погруженный в таинственные раздумья.

— Пусть мамелюки заставят их разойтись, — приказал он. — Должна ли личная месть вмешиваться в предначертание Господне? Эль-Гази мертв, но Аллах жив. Найдется другой, кто поведет мои войска в Испанию. Тем временем пусть начинают строить корабли. Пусть суданцы займутся толпой, пока те не осознают собственную глупость и грех, в который они впали. Я осознал свое предназначение, которое состоит в том, чтобы явиться миру в крови и огне, пока все племена Земли не узнают меня и не поклонятся мне. Ступай!

Ночь уже опускалась на окровавленный город, когда Диего де Гусман шагал по улицам, прилегавшим к Эль-Мансурии, кварталу суданцев. В этой части города, населенной преимущественно солдатами, по негласному молчаливому соглашению, горели огни и были открыты лавки. Весь день в городе шумел мятеж; толпа напоминала тысячеголового змея, раздавленная голова которого тут же вырастала в другом месте. Копыта суданских коней простучали от Зувейлы до мечети Ибн-Тулуна и обратно, разбрызгивая кровь.

Сейчас на улицах можно было встретить лишь вооруженных людей. Большие, окованные железом ворота квартала были заперты, словно во времена гражданской войны. Через низкую арку больших ворот Зувейлы проскакал отряд черных всадников, обнаженные клинки которых отбрасывали алые отблески факелов. Шелковые накидки развевались на ветру, руки блестели, словно отполированное черное дерево.

Де Гусман не нарушил клятву, данную Аль Афдалу. Уверенный, что турок выдаст его мусульманам,

если он не подчинится его требованиям, испанец покинул город и скрылся в холмах Мукаттама еще до восхода солнца. Однако он не давал клятвы больше не возвращаться. На закате он въехал в полуразрушенный пригород, где рыскали лишь воры и шакалы.

Сейчас он шагал по улицам, заходя в лавки, где солдаты объедались дынями, орехами и мясом, исподтишка запивая их вином, и прислушивался к разговорам.

— Где берберы? — спросил усатый турок, запиная в рот пригоршню миндальных пирожных.

— Сидят в своем квартале и злобствуют, — ответил другой. — Они клянутся, что эль-Гази убили суданцы, и в доказательство показывают кольцо Замана. Все знают это кольцо. Однако сам Заман куда-то исчез. Черный эмир Осман клянется, что ничего об этом не знает. Однако он не может объяснить, откуда взялось кольцо. Уже человек десять зарубили во время ссор, когда калиф приказал нам, мамелюкам, разнять их. Аллах, ну и денек!

— Все из-за безумия Аль Хакима, — заявил еще один, понизив голос и настороженно оглядываясь по сторонам. — Как долго нам еще страдать от этого шиитского пса?

— Осторожнее, — предупредил его товарищ. — Он калиф, и наши мечи — его мечи, пока таков приказ Эс-Салиха Мухаммада. Однако, если мятеж возобновится, берберы скорее станут сражаться с суданцами, чем с нами. Говорят, Аль Хаким забрал Заиду, наложницу эль-Гази, к себе в гарем, и это еще больше злит берберов. Они подозревают, что эль-Гази убили если и не по приказу Аль Хакима, то по крайней мере с его ведома. Но, о Аллах, их ярость ничто по сравнению с гневом Зулейки, которую калиф отстранил от дел! Ее ярость, как говорят, подобна буре в пустыне.

Де Гусман не стал более слушать и, поднявшись, поспешно вышел из лавки. Если кто-то и знал тайны дворца калифа, то это была Зулейка. А отвергнутая любовница как нельзя лучше подходила в качестве

орудия мести. Миссия де Гусмана стала чем-то большим, чем охота за личным врагом. Даже сейчас слухи распространялись за пределы прочных стен дворца калифа, и на базарах люди уже говорили о вторжении в Испанию. Де Гусман знал, что все боевое искусство испанцев в конечном счете не спасет их от тех сил, которые в состоянии бросить против них Аль Хаким. Возможно, лишь в мозгу безумца могла родиться идея о мировом господстве, но безумец мог претворить ее в жизнь; и как бы ни сложилась дальнейшая судьба Европы, Кастилия была обречена, если с горных перевалов хлынут орды африканцев. Де Гусмана мало интересовала Европа; он имел мало представления о странах, лежавших за Пиренеями, не более для него реальных, чем империи Александра и Цезаря. Его волновала судьба Кастилии и отчаянного вспыльчивого народа диких нагорий, кровь которого текла в его жилах.

Обогнув Эль-Мансурию, он пересек канал и направился к пальмовой роще у берега. Пошарив в темноте среди мраморных развалин, он нашел и отодвинул плиту. Снова спустившись и в крошечной тьме пройдя по туннелю, он поднялся по лестнице с другой стороны. Его пальцы нашли и отодвинули металлический засов, и он оказался в коридоре, теперь неосвещенном. В доме было тихо, но мелькавшие то тут, то там огни говорили о том, что кто-то здесь до сих пор живет, скорее всего, слуги и женщины убитого эмира.

Не зная, где выход наружу, он двинулся наугад, прошел через занавешенную дверь — и оказался лицом к лицу с десятком черных рабов, которые вскочили, хватаясь за мечи. Прежде чем он успел отступить, позади него послышался крик и шум бегущих ног. Проклиная свое невезение, он кинулся прямо на ошеломленных негров. Молниеносный взмах стали, и он уже бежал по коридору, оставив позади корчащееся окровавленное тело. Искривленные клинки свистели у него за спиной, и когда он захлопнул за собой дверь, сталь зазвенела о прочный дуб и между расщепленных досок

показались сверкающие острия. Он задвинул засов и быстро огляделся в поисках пути к бегству. Взгляд его упал на окно, закрытое золоченой решеткой.

Резко выдохнув, он бросился головой вперед в окно. Мягкие прутья с треском подались, и окно разлетелось вдребезги под ударом его тела. В то же мгновение дверь с грохотом распахнулась и в комнату ворвалась завывающая толпа.

5

В Большом Восточном дворце еще бесшумно скользили босые девушки-рабыни и евнухи, не слышалось ни единого отзвука творившегося за стенами ада. В зале с потолком из украшенной золотой филигранью слоновой кости сидел, скрестив ноги на кушетке из черного дерева с драгоценными камнями, Аль Хаким. Одетый в белую шелковую мантию, придававшую ему еще более призрачный и нереальный вид, он немигающим взглядом смотрел на стоявшую перед ним на коленях венецианку Заиду.

На Заиде уже не было лохмотьев рабыни. Доломан алого шелка, обшитый золотой лентой, с бархатным поясом, украшенным жемчугом составлял ее наряд. Ткань широких шаровар была легкой словно паутина, сквозь которую, казалось, слегка просвечивала розовая кожа. В серьгах спали большие драгоценные камни. Длинные ресницы покрашены, кончики пальцев покрыты хной. Она стояла на коленях на расшитой золотом подушке.

Однако несмотря на роскошь, превосходившую все, что когда-либо знала Заида, игрушка вельмож, взгляд ее был мрачен. Впервые в жизни она осознала себя действительно игрушкой. Она внушила Аль Хакиму его самое последнее безумие, но не стала его повелительницей. Одна ночь, один час... и она ожидала, что подчинит его своей воле. Однако он, казалось, отдалился от нее, и выражение холодных нечеловече-

ских глаз калифа заставляло ее содрогаться. Внезапно он заговорил, тяжело и зловеще, словно бог, изрекающий проклятие:

— Богам не пристало общаться со смертными.

Она вздрогнула, открыла рот, но не решилась заговорить.

— Любовь — человеческая слабость, — задумчиво продолжал он. — Я отвергаю ее. Бог превыше любви. Но мною овладевает слабость, когда я лежу в твоих объятиях.

— Что ты имеешь в виду, мой повелитель? — осмелилась спросить Заида.

— Даже Богу приходится идти на жертвы, — мрачно ответил он. — Любовь к человеку есть святотатство для божества. Я отказываюсь от тебя, чтобы не ослабела моя божественность.

Он хлопнул в ладоши, и вошел евнух, на четвереньках — недавно заведенный обычай.

— Позови эмира Османа, — приказал Аль Хаким, и евнух, изо всех сил ударив головой о пол, неуклюже попятился прочь.

— Нет! — Заида лихорадочно вскочила. — О, мой повелитель, смилуйся надо мной! Ты не можешь отдать меня этому зверю! Ты не можешь...

Она упала на колени, хватаясь за его мантию, которую он вырвал из ее пальцев.

— Женщина! — прогремел он. — Ты сошла с ума? Ты хочешь навлечь на себя проклятие? Ты смеешь возражать воплощению Бога?

Вошел Осман, неуверенно и с явной тревогой; воин варварского Дарфура, он достиг своего нынешнего высокого положения, отчаянно сражаясь и прибегая к грубой лести.

Аль Хаким показал на дрожащую женщину у своих ног и коротко произнес:

— Возьми ее!

Суданец никогда не оспаривал приказов своего монарха. Его черное лицо озарилось широкой улыб-

кой, и, нагнувшись, он поднял Заиду, которая билась и кричала в его объятиях, в отчаянной мольбе протягивая руки. Аль Хаким молча сидел, скрестив руки, и взгляд его был пустым и отрешенным, словно у курильщика гашиша. Если он и слышал вопли своей прежней фаворитки, то не подавал виду.

Однако их услышала другая. Притаившись в стенной нише, стройная смуглая девушка наблюдала за улыбающимся суданцем, который нес свою извивающуюся пленницу по коридору. Едва он скрылся из виду, она, путаясь в складках одежды, бросилась в противоположном направлении.

Осман, любимец калифа, единственный из всех эмиров жил в Большом Дворце, который на самом деле являлся скоплением дворцов, объединенных в одно могучее сооружение, где обитали тридцать тысяч слуг Аль Хакима. Осман жил в крыле, которое выходило на южный квартал Бейн эль-Касрейн.

Чтобы попасть туда, ему не требовалось выходить из дворца. По извилистым коридорам и через открытый дворик, выложенный мозаикой и ограниченный прямоугольными арками на алебастровых колоннах, он пришел прямо к себе домой.

Черные воины охраняли двери из черного тика, отделанного медными полосами. Однако, едва он показался в широком выложенном панелями коридоре, стройная фигурка скользнула из занавешенного прохода, преграждая ему путь.

— Зулейка! — Суданец отступил назад почти с благоговейным трепетом; в ней чувствовалась некая утонченная страсть, недоступная его пониманию, и глаза ее горели, словно драгоценные камни преисподней.

— Слута сообщил мне, что Аль Хаким избавился от рыжеволосой девчонки, — сказала девушка. — Продай ее мне! Я перед ней в долгу и с радостью ей отплачу.

— Зачем мне ее продавать? — возразил суданец, дрожа от звериного нетерпения. — Калиф отдал ее мне. Отойди, женщина, пока я не причинил тебе вреда.

орудия мести. Миссия де Гусмана стала чем-то большим, чем охота за личным врагом. Даже сейчас слухи распространялись за пределы прочных стен дворца калифа, и на базарах люди уже говорили о вторжении в Испанию. Де Гусман знал, что все боевое искусство испанцев в конечном счете не спасет их от тех сил, которые в состоянии бросить против них Аль Хаким. Возможно, лишь в мозгу безумца могла родиться идея о мировом господстве, но безумец мог претворить ее в жизнь; и как бы ни сложилась дальнейшая судьба Европы, Кастилия была обречена, если с горных перевалов хлынут орды африканцев. Де Гусмана мало интересовала Европа; он имел мало представления о странах, лежавших за Пиренеями, не более для него реальных, чем империи Александра и Цезаря. Его волновала судьба Кастилии и отчаянного вспыльчивого народа диких нагорий, кровь которого текла в его жилах.

Обогнув Эль-Мансурию, он пересек канал и направился к пальмовой роще у берега. Пошарив в темноте среди мраморных развалин, он нашел и отодвинул плиту. Снова спустившись и в крошечной тьме пройдя по туннелю, он поднялся по лестнице с другой стороны. Его пальцы нашли и отодвинули металлический засов, и он оказался в коридоре, теперь неосвещенном. В доме было тихо, но мелькавшие то тут, то там огни говорили о том, что кто-то здесь до сих пор живет, скорее всего, слуги и женщины убитого эмира.

Не зная, где выход наружу, он двинулся наугад, прошел через занавешенную дверь — и оказался лицом к лицу с десятком черных рабов, которые вскочили, хватаясь за мечи. Прежде чем он успел отступить, позади него послышался крик и шум бегущих ног. Проклиная свое невезение, он кинулся прямо на ошеломленных негров. Молниеносный взмах стали, и он уже бежал по коридору, оставив позади корчащееся окровавленное тело. Искривленные клинки свистели у него за спиной, и когда он захлопнул за собой дверь, сталь зазвенела о прочный дуб и между расщепленных досок

показались сверкающие острия. Он задвинул засов и быстро огляделся в поисках пути к бегству. Взгляд его упал на окно, закрытое золоченой решеткой.

Резко выдохнув, он бросился головой вперед в окно. Мягкие прутья с треском подались, и окно разлетелось вдребезги под ударом его тела. В то же мгновение дверь с грохотом распахнулась и в комнату ворвалась завывающая толпа.

5

В Большом Восточном дворце еще бесшумно скользили босые девушки-рабыни и евнухи, не слышалось ни единого отзвука творившегося за стенами ада. В зале с потолком из украшенной золотой филигранью слоновой кости сидел, скрестив ноги на кушетке из черного дерева с драгоценными камнями, Аль Хаким. Одетый в белую шелковую мантию, придававшую ему еще более призрачный и нереальный вид, он немигающим взглядом смотрел на стоявшую перед ним на коленях венецианку Заиду.

На Заиде уже не было лохмотьев рабыни. Доломан алого шелка, обшитый золотой лентой, с бархатным поясом, украшенным жемчугом составлял ее наряд. Ткань широких шаровар была легкой словно паутина, сквозь которую, казалось, слегка просвечивала розовая кожа. В серьгах спали большие драгоценные камни. Длинные ресницы накрашены, кончики пальцев покрыты хной. Она стояла на коленях на расшитой золотом подушке.

Однако несмотря на роскошь, превосходившую все, что когда-либо знала Заида, игрушка вельмож, взгляд ее был мрачен. Впервые в жизни она осознала себя действительно игрушкой. Она внушила Аль Хакиму его самое последнее безумие, но не стала его повелительницей. Одна ночь, один час... и она ожидала, что подчинит его своей воле. Однако он, казалось, отдалился от нее, и выражение холодных нечеловече-

на широкой площади Бейн эль-Касрейн между двумя похожими как близнецы дворцами он услышал звон сбруи и в свете факелов увидел отряд суданских воинов верхом на лошадях. Подобная бдительность имела свои причины. Вдалеке среди кварталов слышался глухой стук барабанов. Где-то за стенами на фоне звезд виднелся тусклый отблеск огня. Ветер доносил обрывки диких песнопений и отдаленных воплей.

Развязной походкой солдата, выставив вперед рукоятку сабли, де Гусман незамеченным миновал воинов в доспехах, рыскавших по улицам. Когда он решился потянуть за рукав бородатого мамелюка и спросить у него дорогу к дому Зулейки, турок ответил ему с готовностью и без малейшего удивления. Де Гусман знал — как и все в Каире что, хотя арабка рассматривала Аль Хакима как свою собственность, она ни в коей мере не считала себя исключительной собственностью калифа. Многим капитанам наемников ее жилище было столь же знакомо, как и Аль Хакиму.

Дом Зулейки стоял чуть в стороне от широкой улицы, в непосредственной близости от Восточного Дворца, с садами которого он на самом деле соединялся. В дни своей бытности фавориткой калифа Зулейка могла пройти из дома во дворец, не нарушая указа владыки об уединении женщин. Зулейка не являлась служанкой: она была дочерью свободного шейха, любовницей Аль Хакима, а не его рабыней.

Как и ожидал де Гусман, попасть в ее дом оказалось несложно. В ее руках соединялись тайные нити интриг и политики, и мужчины любых убеждений и состояния допускались в ее приемную, где предлагались в качестве развлечений юные танцовщицы и опиум. В эту ночь не было ни танцовщиц, ни гостей, но зловещего вида йеменец без вопросов открыл сводчатые двери, над которыми горел факел, и проводил фальшивого мавра через небольшой дворик, по лестнице и по коридору в большую комнату, задрапированную алыми бархатными занавесками.

Освещенная мягким светом бронзовых ламп, комната была пуста, но где-то в доме слышались женские крики, сопровождавшиеся мелодичным смехом, тоже женским, неопишимо зловещим.

Однако де Гусман почти не обратил на это внимания, поскольку как раз в это мгновение на улицы Эль-Кахиры, казалось, выплеснулся ад.

Послышался глухой рев невероятной силы, словно грохот прорвавшего дамбу потока, смешанный с воем множества диких зверей. Йеменец прислушался, и его темная кожа стала мертвенно-бледной. Затем он вскрикнул и кинулся в коридор, откуда донеслись быстрые мягкие шаги и тяжелое дыхание.

В соседней комнате, оторвавшись от занятия, казавшегося ей невероятно занимательным, Зулейка услышала за дверью сдавленный крик, свист и удар клинка, а затем звук падающего тела. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Осман, сверкая в свете ламп белками глаз и оскаленными зубами; с его широкой сабли каплями стекала кровь.

— Собака! — воскликнула она, выпрямляясь, словно атакующая змея. — Что тебе здесь надо?

— Ту женщину, что ты у меня забрала! — прорычал он, похожий в своей животной страсти на обезьяну. — Рыжую бабу! Весь Каир в аду! Кварталы восстали! Еще до рассвета улицы превратятся в реки крови! Я убью всех! Я буду рубить суннитских псов, словно тростник. Еще одно убийство сейчас ничего не значит! Отдай мне ту женщину, или я убью тебя!

Опьяневший от крови и похоти, обезумевший суданец забыл о своих страхах перед Зулейкой. Она бросила взгляд на обнаженную дрожащую женщину на ковре со связанными руками и ногами. Она еще не отомстила до конца своей сопернице. До сих пор это была лишь занимательная прелюдия к пыткам, мучениям и унижительной смерти. Никакие силы ада не отняли бы у нее жертву.

— Али! Абдулла! Ахмед! — закричала она, выхватывая украшенный драгоценными камнями кинжал.

Взревев, словно бык, чернокожий гигант бросился на нее. Арабке никогда прежде не приходилось сражаться с мужчинами, и ее гибкости и ловкости, не дополненной боевым опытом, оказалось явно недостаточно. Широкое лезвие пронзило ее тело, выйдя на фут между лопаток. Со сдавленным криком агонии и ужаса она осела на пол, и суданец грубым движением выдернул саблю. В это мгновение в дверях появился Диего де Гусман. Испанец ничего не знал об обстоятельствах случившегося; он видел лишь громадного воина, вытаскивающего меч из тела женщины, и действовал в соответствии со своими инстинктами.

Осман, развернувшись, словно большой кот, замахнулся окровавленной саблей, но сокрушительный удар де Гусмана тут же обрушился на его голову. Суданец пошатнулся, и в следующее мгновение клинок испанца со всей силой отсек ему левую руку, врубился между ребер и глубоко погрузился в кости таза.

Де Гусман, ворча и ругаясь, выдернул застрявшее среди мускулов и костей лезвие. Вновь он услышал нарастающий рев толпы, и волосы у него на голове встали дыбом. Ему был знаком этот рев — охотничий клич, гром, сотрясавший троны мира. Сулицы слышались стук копыт и разъяренные голоса, выкрикивавшие команды.

Он уже повернулся, чтобы выбежать в коридор, когда услышал умоляющий голос и впервые заметил обнаженную женщину, извивающуюся на ковре. На ее теле не было ни царапины, но щеки были мокры от слез, рыжие волосы, разметавшиеся по белым плечам, пропитались потом, и она вся дрожала, словно ее пытали.

— Освободи меня! — умоляла она. — Зулейка мертва — освободи меня, ради Бога!

Приглушенно вырутавшись, он разрезал ее путы и снова повернулся, почти тут же забыв о ней. Он не видел, как она поднялась и скользнула в занавешенный проход.

Снаружи послышался голос:

— Осман! Во имя шайтана, где ты? Пора в путь! Я видел, как ты бежал сюда! Дьявол тебя поberi — ты где?

В комнату ворвался воин в кольчуге и шлеме и застыл на месте.

— Что? Аллах! Ты солгал мне!

— Нет! — весело ответил де Гусман. — Я покинул город, как и поклялся; но затем я вернулся.

— Где Осман? — спросил Аль Афдал. — Я пришел сюда следом за ним... о Аллах! — Он яростно потянул себя за усы. — Во имя Бога, Единого Истинного Бога! О, проклятый кяфир! Зачем ты убивал Османа? Все города восстали, и берберы сражаются с суданцами, которым я вместе со своими людьми спешу на помощь. А ты... я все еще обязан тебе жизнью, но всему есть предел! Во имя Аллаха, убирайся отсюда, и чтобы я никогда тебя больше не видел!

Де Гусман хищно усмехнулся.

— На этот раз тебе так просто от меня не избавиться, Эс-Салих Мухаммад!

Турок вздрогнул.

— Что?

— К чему этот маскарад? — ответил де Гусман. — Я узнал тебя еще в доме Захира эль-Гази, который прежде был домом Эс-Салиха Мухаммада. Лишь хозяин дома мог столь хорошо знать его секреты. Ты помог мне убить эль-Гази, так как бербер нанял Замана и остальных зарезать тебя. Что ж, неплохо. Но это не все. Я пришел в Египет, чтобы убить эль-Гази, и моя цель достигнута; но теперь Аль Хаким намерен уничтожить Испанию. Он должен умереть, и ты поможешь мне в этом.

— Ты такой же безумец, как и Аль Хаким! — воскликнул турок.

— Что, если я пойду к берберам и расскажу им, как ты помог мне убить их эмира? — спросил де Гусман.

— Они изрубят тебя на куски!

— Что ж, пусть! Но они точно так же изрубят на куски и тебя. А суданцы им помогут: никто не любит

турок. Берберы вместе с чернокожими вырежут всех турок в Каире. И где в таком случае будет твое тщеславие, когда ты лишишься головы? Да, я умру, но если я устрою так, что суданцы, турки и берберы перережут друг друга, возможно, мятеж сметет их всех, и я своей смертью добьюсь того, чего никогда бы не добился при жизни.

Эс-Салих Мухаммад осознал мрачную решимость, звучавшую в словах кастильца.

— Похоже, мне все же придется прикончить тебя! — пробормотал он, вытаскивая саблю. В следующее мгновение комната наполнилась лязгом стали.

После первого же выпада де Гусман понял, что турок — лучший боец из всех, кого он встречал; если испанец казался воплощением огня, то его противник был холоден как лед. К нежеланию убивать Эс-Салиха добавилось понимание того, что тот превосходит его в ловкости и силе. Эта мысль привела испанца в безудержную ярость, так что отчаянное безрассудство, всегда бывшее его слабостью, стало сильной стороной. Собственная жизнь не имела для него никакого значения, однако, если бы он погиб в этой забрызганной кровью комнате, Кастилия погибла бы вместе с ним.

За стенами Эль-Кахиры бесновалась толпа; факелы разбрасывали вокруг искры, и сталь взимала свою кровавую дань. В комнате мертвой Зулейки свистели и звенели кривые клинки. «Убей, Диего де Гусман! — казалось, пели они. — Судьба Испании в твоих руках! Сражайся во имя вчерашней славы и завтрашнего величия. Слышишь грохот оружия, шелест знамен на горном ветру; видишь бесплодные усилия защитников и кровь мучеников? Сражайся за родные нагорья, за черноволосых женщин, за костры в очагах и барабаны будущих империй! Сражайся за нерожденные еще королевства, великолепия славы, и громадные галеоны, плывущие по золотому морю к неведомым мирам! Сражайся за прекрасную Испанию, древнюю и вечно юную, феникса наций, возрождающегося из пепла

мертвого прошлого, чтобы ярко вспыхнуть среди штандартов мира!»

Из приоткрытых губ Эс-Салиха Мухаммада вырывалось тяжелое дыхание. Его смутлая кожа приобрела пепельный оттенок. Ни сила, ни ловкость его не могли устоять перед натиском этого воплощения ярости, неумолимо наступавшего на него с горящими глазами, нанося удары, словно кузнец по наковальне.

Из-под запекшейся повязки де Гусмана вновь потекла по виску кровь, но меч его был подобен огненному колесу. Турок мог лишь парировать удары, не в силах ответить.

Эс-Салих Мухаммад сражался ради удовлетворения собственного тщеславия; Диего де Гусман сражался за будущее своего народа.

Последнее отчаянное усилие, и сабля вылетела из руки турка. Он отшатнулся, издав вопль — не боли или страха, но отчаяния, Де Гусман, широкая грудь которого тяжело вздымалась, опустил оружие.

— Я не стану сам убивать тебя, — сказал он. — Не буду я и принуждать тебя к клятве с мечом у горла. Ты бы все равно ее не сдержал. Я иду к берберам, и это станет моей смертью — и твоей. Прощай, я мог бы сделать тебя визирем Египта!

— Подожди! — задыхаясь, произнес Эс-Салих. — Давай поговорим! Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал! — Де Гусман резко повернулся, чувствуя, что затравленная дичь наконец у него в руках. — Ты что, не понимаешь, что на тебе сейчас держится равновесие власти? Суданцы и берберы сражаются друг с другом, а жители Каира сражаются с теми и с другими! Никто не в состоянии победить без твоей поддержки. На чью сторону ты бросишь своих мамлюков, тот и выиграет. Ты собирался поддержать суданцев и сокрушить как берберов, так и повстанцев. Но, предположим, ты свяжешь свою судьбу с берберами? Предположим, ты окажешься вождем повстанцев, сторонником правоверных, выступающих против свято-

татцев? Эль-Гази мертв, Осман мертв, у толпы нет предводителя. Ты единственный сильный человек, оставшийся в Каире. Ты искал славы, служа Аль Хакиму, однако тебя ждет слава куда большая, стоит только попросить! Встань со своими турками на сторону берберов и сокруши суданцев! Толпа объявит тебя освободителем. Убей Аль Хакима! Поставь на его место другого калифа, при котором ты будешь визирем и реальным правителем! Я буду рядом с тобой, и мой меч — твой меч!

Эс-Салих, слушавший его словно в полусне, внезапно расхохотался, будто пьяный. Мелькнувшая было мысль о том, что де Гусман собирается использовать его как пешку, чтобы сокрушить врага Испании, тут же утонула в горячем вине неудовлетворенного тщеславия.

— Отлично! — проревел он. — По коням, брат! Ты показал мне путь, который я искал! Эс-Салих Мухаммад будет править Египтом!

7

На большой площади посреди эль-Мансурии пламя факелов освещало водоворот мечущихся фигур, ржущих лошадей и сверкающих клинков. Коричневые, черные и белые люди сражались друг с другом — берберы, суданцы, египтяне, — тяжело дыша, рутаясь, убивая и умирая.

В течение тысячи лет Египет дремал под пятой иноземных хозяев; теперь он проснулся, и пробуждение его было окрашено алым.

Подобно безумцам, жители Каира вцеплялись в чернокожих убийц, стаскивая их с седел, перерубая подпруги взбешенных лошадей. Ржавые пики с лязгом ударялись о клинки сабель. Огонь вспыхнул сразу в сотне мест, поднимаясь к небу, пока пастухи Мукаттама не проснулись и изумленно не уставились на за-

рево. Со всех окраин чудовищным потоком катились ревущие толпы, соединяясь вместе на большой площади. Сотни неподвижных тел, в кольчугах или полосатых халатах, лежали под топчущими их копытами и ногами, а над ними кричали и рубились живые.

Площадь находилась в самом центре суданского квартала, в который ворвались опьяненные кровью берберы, пока основная часть суданцев сражалась с толпой в других частях города. Теперь же, поспешно отозванные в собственный квартал, черные воины явно превосходили берберов числом, в то время как толпа угрожала поглотить оба войска. Суданцы, под руководством их капитана Изеддина, сохраняли некоторую видимость порядка, что давало им преимущество над неорганизованными берберами и лишенной вождя толпой.

Обезумевшие каирцы врывались в дома чернокожих, вытаскивая оттуда вопящих женщин; пламя горящих зданий превратило площадь в океан огня.

Где-то вдали слышались звук барабанов и стук множества копыт.

— Наконец-то турки! — тяжело дыша, сказал Изеддин. — Слишком долго же они мешкали! И где, во имя Аллаха, Осман?

На площадь влетела обезумевшая лошадь, с губ которой клочьями срывалась пена. Всадник едва держался в седле, яркая одежда была разорвана, по черной коже струилась алая кровь.

— Изеддин! — закричал он, вцепившись обеими руками в развевающуюся гриву. — Изеддин!

— Сюда, дурак! — прорычал суданец, хватая за повод вставшую на дыбы лошадь.

— Осман мертв! — сквозь рев пламени и становившийся все громче барабанный бой завопил всадник. — Турки предали нас! Они убивают во дворцах наших братьев! А! Они идут!

Подоглушительный грохот копыт и сотрясающий все вокруг барабанный бой на площадь ворвались от-

ряды всадников в кольчугах и с копьями, прокладывая себе кровавый путь и не различая своих и чужих. Изеддин увидел ликующее смуглое лицо Эс-Салиха Мухаммада под сверкающей дугой его сабли и с ревом направил лошадь прямо на него, впереди своего войска.

Однако незнакомый всадник в одежде мавра, издав странный воинственный клич, поднялся в стремених и нанес сокрушительный удар. Изеддин упал, и по изрубленным телам его сотников пронеслись копыта убийц — словно темная ревушая река, грохотавшая среди объятной пламенем ночи.

На каменистых отрогах Мукаттама пастухи в ужасе смотрели на огненное зарево, протянувшееся от ворот Эль-Футуха до мечети Ибн-Тулуна; лязг мечей был слышен далеко на юге, до самого Эль-Фустата, где побледневшая знать тряслась от страха в своих окруженных садами дворцах.

Словно покрытый кровавой пеной и отсвечивающий пламенем поток, волны ярости наводнили кварталы и хлынули через ворота Зувейлы, заливая улицы Эль-Кахиры, Победоносной. На большой площади Бейн эль-Касрейн, по которой могли пройти строем десять тысяч человек, суданцы сделали последнюю остановку и там же и погибли, окруженные турками в остроконечных шлемах, вопящими берберами и обезумевшими каирцами.

Именно толпа первой переключила свое внимание на Аль Хакима. Орды оборванцев ворвались в бронзовые двери Большого Восточного Дворца и с воем устремились по коридорам в Большой Золотой Зал, где, сорвав расшитую золотом портьеру, обнаружили лишь пустой золотой трон. Грязные и окровавленные пальцы срывали со стен дорогие ковры; столы из сардоникса переворачивались под звон позолоченной посуды; евнухи в алых мантиях с визгом разбегались, девушки-рабыни вопили в руках насильников.

В Большом Изумрудном Зале, словно статуя, стоял на покрытом шкурами возвышении Аль Хаким. Его

бледные руки дрожали, глаза были подернуты дымкой; он производил впечатление пьяного. У входа в зал группа преданных слуг отбивалась мечами от нападающей толпы. Отряд берберов пробился через пеструю толпу, вступив в борьбу с черными рабами, и в гуще схватки никто не обращал внимания на белую неподвижную фигуру на возвышении.

Аль Хаким почувствовал, как кто-то взял его за локоть, и, словно в полусне, увидел перед собой лицо Заиды.

— Идем, мой повелитель! — убеждала она. — Весь Египет восстал против тебя. Подумай о себе! Следуй за мной!

Он позволил ей увести его, бормоча, словно в трансе:

— Но ведь я Бог! Как может Бог познать поражение? Как может Бог умереть?

Отодвинув ковер, она повела его по длинному узкому коридору. Пробыв некоторое время в Большом Дворце, Заида хорошо знала его секреты. Набросив на калифа свой халат, она поспешно вела его через погруженные во мрак пахнущие пряностями сады, затем по извилистой улице среди домов с плоскими крышами. Никто из тех немногих, кто им встречался, не обращал внимания на спешащую пару. Через маленькие ворота, скрытые среди пальм, они прошли сквозь стену. С севера и востока Эль-Кахиру окружала пустыня. Они вышли с восточной стороны. Позади них и далеко на юге ревели пламя и бушевала резня, но вокруг были лишь пустыня, тишина и звезды. Заида остановилась, и ее глаза вспыхнули в звездном свете.

— Я — Бог, — ошеломленно пробормотал Аль Хаким. — И вдруг весь мир — в пламени. Но я все равно Бог...

Он почти не чувствовал сильных рук венецианки, заключивших его в последние смертельные объятия. Он не слышал ее шепота; «Ты отдал меня в лапы этого зверя! Из-за этого я попала в руки соперницы,

которая подвергла меня таким унижениям, которые никому даже не снились! Я помогла тебе бежать, поскольку не кто иной, как Заида, уничтожит тебя, Аль Хаким, глупца, возомнившего себя Богом!»

Уже почувствовав смертоносный укол ее кинжала, он простонал:

— И все же я Бог — а боги не умирают...

Где-то вдалеке завыл шакал.

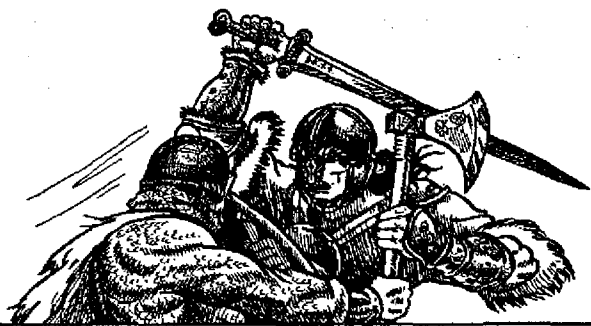
В Эль-Кахире, в Большом Восточном Дворце, мозаичный пол которого был залит кровью, окровавленный Диего де Гусман повернулся к Эс-Салиху Мухаммаду, столь же растрепанному и перемазанному кровью.

— Где Аль Хаким?

— Какая разница? — рассмеялся турок. — Он повержен; в эту ночь мы — повелители Египта, ты и я! Завтра другой сядет на трон калифа, кукла, за чьи ниточки я буду тянуть. Завтра я стану визирем, а ты — проси чего хочешь! Но сегодня здесь правим мы, клянусь блеском наших мечей!

— И все-таки мне бы хотелось проткнуть Аль Хакима своей саблей — это было бы подходящим завершением сегодняшней ночи, — ответил де Гусман.

Однако этому уже не суждено было случиться, хотя двое с жаждущими крови клинками еще долго бродили по покрытым коврами залам и сводчатым палатам, пока их ненависть и ярость не сменились удивлением и суеверным страхом, отголоски которого слышатся до сих пор в легендах о чудесных исчезновениях и таинственных историях о сверхъестественном. Время превращает дьяволов и безумцев в святых и хаджи; далеко в горах Ливана друзья ждут нового пришествия Аль Хакима Божественного. Но, даже если бы они ждали десять тысяч лет, они бы ни на шаг не приблизились к воротам Тайны. И лишь шакалы, нашедшие убежище в холмах Мукаттама, и стервятники, простирающие крылья над башнями Ваб-эль-Везира, могли бы рассказать о том, какая судьба постигла человека, возомнившего себя Богом.

БОГИ СЕВЕРА¹

Лязг мечей смолк, шум битвы затих; над красным от крови снегом повисла мертвая тишина. Лучи бледного северного солнца ослепительно сверкали над ледяными полями, отражаясь в разбитой броне доспехов, играли яркими бликами на разбросанном повсюду оружии, блестя на лезвиях мечей и топоров, на лобниках рогатых шлемов, оковке круглых щитов, рядом с грудami поверженных тел. Там — безжизненная рука крепко сжимает рукоять меча, там — запрокинутые в последнем смертельном усилии лица, с торчащими к небу ярко-рыжими или русыми бородами, словно бросающие вызов снежной белизне бескрайнего царства великана Аймира.

По красной от пролитой крови наледи навстречу друг другу приближались двое облаченных в кольчуги мужчин. Над ними простиралось морозное небо, вокруг — бесконечная снежная пустыня, а под ногами — мертвецы. Люди медленно пробирались меж телами погибших воинов, напоминая призраков, спешащих к месту самой кровавой бойни на свете.

¹ Этот рассказ был переписан Говардом из более раннего рассказа «Дочь Исполына льдов».

В пылу битвы оба потеряли щиты, латы носили следы от ударов врагов. Кровь залила их кольчуги, обагрила мечи, рогатые шлемы испещрили зазубрины.

Волосы и борода одного пламенели, как кровь на освещенном солнцем снегу, и он заговорил первым:

— Ты, чьи локоны черны, как воронье крыло, назови свое имя, и мои братья в Ванегейме узнают, кто из отряда Вульфера пал от меча Хеймдула.

Черноволосый ухмыльнулся:

— Не в Ванегейме, а в Валгалле скажешь ты своим братьям имя Амры из Акбитаны.

Хеймдул взревел и ринулся на врага, поднимая меч. Клинок ванира обрушился на шлем врага, высекая голубые искры. Амра зашатался и на мгновение ослеп, но быстро пришел в себя и бросился вперед, вкладывая в удар всю силу своего огромного тела. Пронзив медную чешую кольчуги, острие его меча прошло сквозь кости и сердце, и рыжеволосый воин мертвым упал к ногам противника.

Внезапная слабость накатила на Амру, и воин качнулся, с трудом удерживая свой меч. Сверкающий в солнечных лучах снег словно ножом резал глаза, а небо как-то странно отдалилось и пошло рябью. Он отвернулся от вытоптанного поля, где золотобородые и рыжеволосые воины лежали, застыв в смертельном объятии. Амра сделал несколько шагов, и нестерпимый блеск резко потускнел. Вновь нахлынула волна слепоты, воин опустился на снег, оперся на руку и замотал головой, изо всех сил стараясь стряхнуть слепоту с глаз.

Внезапно тишину прорезал чей-то серебристый смех, и зрение начало медленно возвращаться к Амре. Снежный мир стал довольно странным — неизвестная земля плавно сливалась с небом. Но не это захватило внимание Амры. Перед ним, покачиваясь, словно деревцо на ветру, стояла женщина. Если не считать прозрачного, как дымка, покрывала, она была обнажена. Ее тело было словно вырезано из слоновой кости, стройные обнаженные ноги казались белее снега. Дева

засмеялась, и ее смех звучал нежнее журчания / есного ручейка.

— Кто ты? — спросил воин.

— А зачем тебе это знать? — В ее голосе, более мелодичном, чем звуки арфы с серебряными струнами, звенели нотки жестокости.

— Ну же, зови своих людей, — прорычал Амра, хватаясь за меч. — Пусть силы мне изменяют, но живым меня не возьмут. Ты, я вижу, из племени ваниров.

— Разве я это говорила?

Он посмотрел на непослушные локоны девушки, поначалу показавшиеся ему рыжими. Сейчас же стало видно, что они не рыжие и не золотистые, а представляют собой великолепную смесь этих оттенков. Волосы переливались, совсем как у эльфов, их блеск ослеплял. Цвет глаз незнакомки постоянно менялся: то они становились бездонными, как морские глубины, то дымчатыми, как облака. Полные красные губы улыбались, а тело, от стройных ног до ослепительной короны волнистых волос, было совершенно, как мечта богов. Сердце Амры учащенно забилося.

— Не могу понять, — сказал он, — ты из Ванагейма и мой враг или из Асгарда и мой друг? Я прошел немало, от Зингары до моря Вилайет, побывал в Стигии, Куше и в стране хирканийцев, но такой женщины, как ты, еще никогда не встречал. Твои локоны ослепляют своим блеском. Клянусь Аймиром, таких волос я не видел даже у самых красивых дочерей Эзира.

— Да кто ты такой, что клянешься Аймиром? — усмехнулась дева. — Что ведомо тебе о богах льда и снега, тебе, пришедшему с юга в поисках приключений на незнакомой земле?

— О темные боги моего народа! — в гневе вскричал воин. — Кто бы я ни был, мой меч сегодня все сказал за меня! Здесь пало восемь десятков воинов, и лишь я уцелел в битве, где грабители Вулфера встретились с людьми Браги. Скажи, женщина, видела ли ты, хоть мельком, людей в кольчугах, пробирающихся по льду?

— Я видела иней, сверкавший на солнце, — ответила она. — Я слышала ветер, шепчущий в бескрайних снегах!

Он покачал головой.

— Ниорд должен был догнать нас прежде, чем началась схватка. Боюсь, он и его воины попали в засаду. Вулфер лежит мертвый со всеми своими людьми. Я думал, на много лиг отсюда нет ни одной деревни, ведь война занесла нас далеко от человеческого жилья. Но ты, почти нагая, наверно, немного прошла по снежной пустыне. Веди меня к своему племени, если ты из Асгарда, я смертельно устал и хочу отдохнуть.

— Трудно будет дойти до моего жилища, Амра из Акбитаны! — засмеялась девушка.

Она широко развела руки, запрокинула золотистую головку, и ее сверкающие глаза затенили длинные шелковые ресницы.

— Ну разве я не красива, воин?

— Как заря, бегущая по снегу, — пробормотал Амра, и его глаза загорелись, как у волка.

— А почему бы тогда тебе не подняться и не последовать за мной? Кто этот сильный воин, лежащий предо мной? — запела она с недоброй усмешкой. — Так оставайся и умри в снегах вместе с другими глупцами, черноволосый Амра. Тебе не под силу идти по моему следу!

Исторгая ругательства, Амра поднялся на ноги, его синие глаза холодно сверкнули, а смутное, покрытое шрамами лицо исказила судорога гнева. Однако вспыхнувшее желание к стоящей перед ним насмешнице заставило кровь воина еще быстрее бежать по жилам. Страсть, неистовая, мучительная, наполнила все его существо, земля и небо поплыли в глазах красным туманом, и слабость отступила пред сумасшедшим порывом.

Наклонясь к пальцам женщины, Амра не произнес ни слова. Пронзительно засмеявшись, она отпрянула и побежала, то и дело оглядываясь через плечо. Тихо зарывчав, Амра пустился следом, забыв о битве, забыв о воинах в изрубленных кольчугах, что лежали

на красном от крови снегу, забыв о попавшем в засаду отряде Ниорда. Он думал только о стройной фигурке, скорее плывущей, нежели бегущей впереди.

Она вела его по ослепительно белой равнине. Истоптанное красное поле осталось далеко позади, а Амра упорно продолжал двигаться за девушкой. Закорюченные в латы ноги пробивали ледяную корку, и воин глубоко проваливался в сугробы, с трудом выбираясь из них. А девушка, пританцовывая, ступала по снегу так же легко, как перышко плавает по луже — ее босые ножки почти не оставляли следов. Несмотря на огонь в крови, холод добирался до тела воина сквозь кольчугу и меха; девушка же в своем прозрачном покрывале двигалась легко и весело, словно кружилась в танце среди пальм в розовых садах Пуатена.

Запекшиеся губы воина исторгали черные ругательства, от злости он скрежетал зубами, кровь стучала в висках от усталости и желания.

— Ты не убежишь от меня! — ревел он. — Если завлечешь меня в ловушку, я сложу головы твоих соплеменников к твоим ногам. Если спрячешься — разнесу по камешку горы, но найду тебя! Я последую за тобой и на Серые Равнины, и дальше!

Лишь мающий девичий смех был ему ответом. На губах Амры появилась кровавая пена, но он упорно шел все дальше и дальше по ледяной пустыне, пока широкие равнины не сменились нестройными рядами низких холмов. Далеко на севере виднелись очертания высоких гор, белых от вечных снегов. Над их вершинами искрились лучи северного сияния. Веером расходясь по всему небу замерзшими лезвиями холодного многоцветья, они постепенно увеличивались и становились все ярче и ярче.

* * *

Небеса сверкали странными огоньками и отблесками. Снег таинственно мерцал, становясь то мороз-

но-голубым, то пугающе красным, то серебристо-холодным. Амра упрямо продвигался через сияющее льдом зачарованное королевство в кристаллический лабиринт, где единственной реальностью оставалась белая фигурка, танцующая на сверкающем снегу далеко впереди, по-прежнему далеко впереди.

И все же его почему-то не удивляла колдовская странность происходящего, даже тогда, когда две гигантские фигуры загородили ему дорогу. Чешуя их кольчуг побелела от инея, шлемы и топоры обледенели. Снег искрился на волосах великанов, а на бородах поблескивали острые сосульки, глаза были холодными, как пронсящие в небе разноцветные огоньки.

— Братья! — закричала девушка, кружась между ними. — Посмотрите, кого я привела! Я привела человека для празднества! Вырвите его сердце, и пусть оно дымится на столе нашего отца!

В ответ раздался треск, словно от трущихся о замерзший берег айсбергов, и великаны подняли топоры. Страх и гнев смешались в душе Амры, и он как безумный бросился в бой. Ледяное лезвие сверкнуло у воина перед глазами, ослепив ярким светом, но он первым нанес ужасный удар, рассекший врагу бедро. Жертва со стоном упала, а Амра в тот же миг повалился в снег, уворачиваясь от удара второго великана. Левое плечо Амры онемело от боли, от верной смерти его спасла только кольчуга. Над воином навис ледяной колосс, топор великана ринулся вниз и глубоко врезался в мерзлую землю. Амра отпрянул в сторону и резко вскочил на ноги. Великан заревел, потянулся к топору, но в этот момент на него обрушился меч Амры. У гиганта подогнулись колени, и он медленно осел в снег, тотчас потемневший от крови, хлынувшей ручьем из ужасной раны. Клинок Амры почти отделил голову великана от туловища.

Развернувшись, Амра увидел стоящую неподалеку девушку, ее глаза широко распахнулись от страха. Насмешливое выражение исчезло с ее лица. Амра за-

орал, неистово потрясая мечом, разбрызгивая стекавшие с лезвия капли крови.

— Зови остальных братьев! — ревел он. — Зови собак! Я скормлю их печень волкам!

Девушка вскрикнула и бросилась бежать. Теперь она не смеялась и не дразнила воина. Она убегала, спасая свою жизнь, и Амра, напрягая каждый нерв и мускул, кинулся следом. Его виски почти разрывались, снег залеплял глаза, а она все отдалялась, уменьшаясь в коловских огнях небес, пока не стала размером с ребенка, потом танцующим белым пламенем на снегу и, наконец, размытым пятном. Стиснув зубы так, что на деснах выступила кровь, Амра, шатаясь, продолжал бежать вперед и наконец увидел, что размытое пятно становится танцующим белым пламенем, а пламя — фигуркой ростом с ребенка; вскоре девушка оказалась менее чем в ста шагах от него, и это расстояние медленно, фут за футом, сокращалось.

Девушка пошатывалась, столь резво мелькавшие еще недавно ножки все замедляли и замедляли свой бег. А шаг воина оставался все таким же широким. В его необузданной душе пылало пламя страсти, которое она так умело раздула. Амра почти настиг беглянку и взревел, торжествуя, а она повернулась, затравленно вскрикнула и закрыла лицо руками.

Амра схватил девушку и прижал к себе, не обращая внимания на упавший меч. Она забилась в его руках, пытаясь высвободиться из железной хватки: золотистые волосы разметались, ослепляя воина, близость стройного женского тела сводила его с ума, но Амре казалось, что он обнимает не женщину из плоти и крови, а ледышку. Она тщетно пыталась увернуться от неистовых поцелуев воина.

— Ты холодна, как снег, — изумленно бормотал он. — Я согрею тебя огнем своей крови...

Девушка неистовым усилием вырвалась, оставив в руках Амры лишь клочок своего прозрачного одеяния. Она стояла в двух шагах от воина, грудь ее взволнованно поднималась, прекрасные глаза сверкали от

ужаса и гнева. А воин остолбенел, замороженный дьявольской красотой девушки...

Внезапно она вскинула руки к огням, переливающимся в небесах, и закричала голосом, который навсегда остался в памяти Амры:

— Аймир! О, отец мой, спаси меня!

Амра бросился вперед, пытаясь схватить девушку, но в тот же миг раздался грохот снежной лавины и все небеса запылали голубыми, ледяными огнями. Девушку с телом цвета слоновой кости внезапно охватило ослепительное пламя, и воин вскинул руки, чтобы защитить глаза. В считанные мгновения небеса и снежные холмы засверкали потрескивающими, голубыми жалами ледяного света и искрящимися красными огоньками. Амра пошатнулся и закричал. Девушка исчезла. Далеко вокруг простиралась безлюдная ледяная пустыня, высоко над ней на обезумевшем морозном небе играли колдовские огни, а с голубых гор доносились раскаты грома, словно там пронеслась гигантская боевая колесница, запряженная конями, чьи копыта высекали молнии из снегов и эхо из небес.

Вдруг покрытые снегом холмы и сверкающие небеса зашатались, как пьяные, тысячи огненных шаров взорвались ливнями искр, и небо превратилось в гигантское колесо, описывающее круги и рассыпающее звезды. Земля вздыбилась ледяной волной, и Амра упал.

В холодной темной вселенной, солнце которой померкло целую вечность назад, Амра чувствовал движение жизни, незнакомой и неразгаданной. Землетрясение заключило воина в свои объятия, швыряя застывшее тело в разные стороны и обдирая кожу о ледяную корку, пока он не завопил от боли и ярости и не стал искать меч.

* * *

— Он приходит в себя, Хорса, — проворчал чей-то голос. — Скорее! Нужно разогреть его руки и ноги! Неизвестно, сможет ли он когда-нибудь владеть мечом.

— Левую руку он не разжимает, — прорычал другой сквозь сжатые от усилия зубы. — Он что-то в ней держит...

Амра открыл глаза и уставился на склонившиеся над ним бородатые лица. Его окружали высокие золотоволосые воины в кольчугах и мехах.

— Амра! Ты жив!

— Клянусь Кромом, Ниорд, — произнес он с тяжелым вздохом, — или я жив, или мы все мертвы и находимся в Валгалле?

— Мы живы, — ответил Эзир, растирая полуобмороженные ноги Амры. — Нам пришлось с боем прорывать засаду, иначе мы бы догнали тебя прежде, чем завязалась битва. Когда мы появились на поле, трупы еще не успели остыть. Не найдя тебя среди павших, мы пошли по твоему следу. Скажи нам ради Аймира, зачем ты отправился в эту северную пустыню? Мы долго шли за тобой. Клянусь Аймиром, если бы начался буран и смел твой следы, мы бы никогда тебя не нашли!

— Не клянись так часто именем Аймира, — пробормотал один из воинов, глядя на отдаленные горы. — Легенда гласит, что это его земля и он затаился вон за теми горами.

— Я пошел за женщиной, — ответил Амра. — На равнинах мы повстречали людей Браги. Не знаю, как долго продолжался бой. В живых остался я один. У меня закружилась голова, и я потерял сознание. Земля, лежащая передо мной, была странной, как видение. А сейчас все опять кажется мне естественным и знакомым. Ко мне подошла женщина и стала насмехаться надо мной. Она была красива, как адское замерзшее пламя. Посмотрев на нее, я забыл обо всем на свете. Я пошел за ней. Вы не нашли ее следов? Не нашли убитых мной великанов в обледеневших кольчугах?

Ниорд покачал головой.

— Мы нашли на снегу только твои следы, Амра.

— Тогда я, должно быть, спятил, — изумился Амра. — И все же, ты для меня не более реален, чем нагая

золотоволосая ведьма, что танцевала передо мной. Но она исчезла в ледяном пламени, когда я уже чуть было не поймал ее.

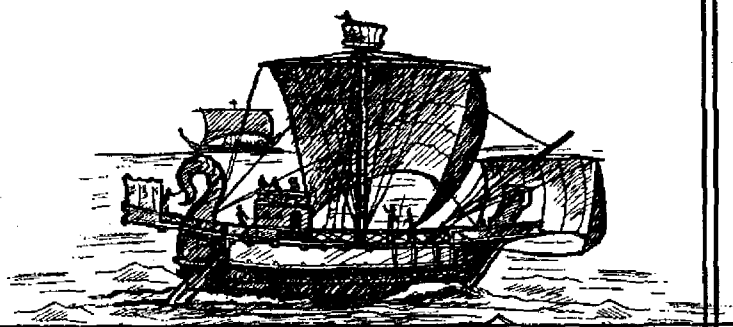
— Он бредит, — прошептал молодой воин.

— Это не бред! — возразил воин постарше, восхищенно сверкнув глазами. — Это была Атали, дочь Аймира, Ледяного Великана! Она появляется на полях битв и рядом с умирающим! Я сам видел ее в детстве, когда чуть не умер на кровавом поле Вольравена. Я видел, как она шла по снегу среди мертвых, видел ее обнаженное тело, блестящее, как слоновая кость, и золотистые волосы, пламеневшие в лунном свете. Я лежал и выл, как умирающая собака, потому что не мог поползти за ней. Она заманивает измученных людей в снежные пустыни, а ее братья, ледяные великаны, добивают воинов и подают их дымящиеся красные сердца на стол Аймира. Амра видел Атали, дочь Ледяного Великана!

— Старый Горм повредился умом еще в молодости, когда меч едва не рассек ему голову. С Амрой случилось то же самое! Посмотрите, как помят его шлем. Он шел по пустыне за видением. Он же с юга, что он знает об Атали?

— Может быть, вы и правы, — пробормотал Амра. — Все это было странно и таинственно — клянусь Кромом!

Вдруг воин замолчал, пристально глядя на предмет, зажатый в его левой руке, — кусочек прозрачной, необыкновенной ткани, что никак не могла быть соткана земной женщиной.

ДВОЕ ПРОТИВ ТИРА

Средь буйства красок, царящего на улицах Тира, фигура иностранца казалась странной и неуместной. Конечно, в одной из богатейших в мире столиц, куда приходили большие богатые парусные суда из многих морей и стран, толпилось немало иноземцев, но этот не походил ни на одного из них. Среди местных купцов, торговцев и их рабов и слуг в Тире можно было встретить темнокожих египтян — искусных воров из далеких от Ливана земель, тощих выходцев из диких племен с юга, бедуинов из великой пустыни и блестящих принцев из Дамаска, окруженных чванливой свитой.

Все эти различные народы сближало очевидное родство — на них лежал отпечаток востока. А чужеземец, важно вышагивающий по улице под взглядами жителей Тира, выглядел совершенно чуждым восточному окружению.

— Это грек, — прошептал облаченный в темно-красное одеяние придворный, обращаясь к стоящему рядом с ним. Тот был, судя по одежде и широко расставленным ногам, капитаном морского судна. Моряк покачал головой:

— Он и похож на грека, и не похож, он из какого-то родственного им, но дикого народа — варвар с севера.

Внешность чужестранца в самом деле напоминала черты, все еще встречающиеся среди греков, — забранные в хвост светлые волосы, голубые глаза, белая кожа выглядели контрастно на фоне темных лиц местных жителей. Но крепкое, могучее тело, в движениях которого мерещилось что-то от волчьей повадки, вряд ли могло принадлежать греку. Иноземец был из родственного древним грекам народа, который в настоящее время оказался намного ближе к не испорченным цивилизацией северным племенам, — человек, чья жизнь прошла не в мраморных городах и плодородных долинах, а в постоянной борьбе с дикой и жестокой к человеку природой. Это читалось по его сильному угрюмому лицу, сухощавому сложению, мощным рукам, широким плечам и узким бедрам. На нем был шлем без украшений, кольчуга с латами, а на широком с золотой пряжкой поясе висел длинный меч и галльский кинжал с обоюдоострым лезвием четырнадцати дюймов длиной и шириной с ладонь — страшное оружие. Один край кинжала был слегка выпуклый, другой соответственно вогнутый.

Чужеземец разглядывал город и его обитателей с не меньшим любопытством, чем смотрели на него сами жители Тира. Глаза его были по-детски удивленно распахнуты, однако от этого он не переставал казаться менее грозным. Изумление перед странным городом не могло сделать варвара безобидным и безопасным для окружающих.

Все здесь, действительно, казалось варвару странным. Никогда еще он не видел такой роскоши и такого богатства, столь беззаботно раскиданных на каждом шагу. Мощеные улицы были ему в диковинку, он восхищенно смотрел на здания из камня, кедра и мрамора, украшенные золотом, серебром, слоновой костью и драгоценными камнями. Его поразил блеск про-

цессии какого-то здешнего или иностранного принца: знатная особа сидела развальясь на шелковых подушках в инкрустированных драгоценными камнями носилках под шелковым балдахинном; носилки несли рабы, одетые в шелковые набедренные повязки, и рядом шли рабы с опахалами из павлиньих перьев с украшенными драгоценными камнями ручками. Процессию сопровождали солдаты в позолоченных шлемах и бронзовых кольчугах — сирийцы, жители Тира, аммониты, египтяне, богатые купцы с острова Киттим. Варвар не мог оторвать глаз от одежды знаменитого тирского пурпурного цвета — краски, благодаря которой была основана Финикийская империя и в поисках элементов которой месопотамская цивилизация развернулась во все стороны света. Благодаря своим одежаниям толпы богачей и купцов превратились из прозаичных торговцев, склонных посудачить о соседях, в знать, старающуюся снискать славы богов. Их одежды колебались и сверкали на солнце, красные, как вино, темно-пурпурные, как сирийская ночь, багровые, как кровь убитого короля.

В этой мерцающей радуге цветов, сквозь разноцветный лабиринт, шел светловолосый варвар с холодными, но наполненными изумлением глазами, по всей видимости не сознающий, что он объект пристального внимания окружающих мужчин, а также смуглых женщин, которые проходили рядом, обутые в сандалии, или проплывали мимо в носилках под балдахинами, бросая на чужестранца дерзкие взгляды.

Внезапно в конце улицы показалась стонущая и ревущая процессия, заглушившая шум торговли и разговоров. Сотни женщин бежали полуголые, с распущенными по плечам черными волосами, колотя себя в грудь и вырывая себе волосы с криками нестерпимого горя. Позади них шли мужчины с носилками, на которых лежала укрытая цветами неподвижная фигура. Купцы и содержатели лавочек замерли, чтобы посмотреть и послушать.

Постепенно варвар разобрал фразу, которую не-
престанно выкрикивали женщины: «Таммуз умер!»

Варвар повернулся к стоящему рядом прохоже-
му, который только что прекратил спор с хозяином
лавочки о цене одежды, и задал вопрос на ломаном
финикийском языке:

— Кто этот великий вождь, которого они несут
на вечный покой?

Тот, к кому он обращался, взглянул на процессию
и, не сказав ни слова, открыл рот так широко, как толь-
ко было возможно, и завопил:

— Таммуз умер!

Вся улица, мужчины, женщины, начали выть, по-
вторя одни и те же слова, доводя крик до истериче-
ской ноты и начиная раскачиваться из стороны в сто-
рону и рвать на себе одежду.

Варвар, озадаченный, дернул прохожего за рукав
и повторил вопрос:

— Кто этот Таммуз — какой-нибудь великий ко-
роль востока?

Рассерженный тем, что его отвлекают, прохожий
повернулся и заорал:

— Таммуз умер, дурак! Таммуз умер! Кто ты та-
кой, чтобы прерывать мои молитвы?

— Меня зовут Этриаль, я галл, — ответил варвар
сердито. — А что касается твоих молитв, то ты не дела-
ешь ничего, кроме того, что стоишь и мычишь: «Там-
муз умер» — как племенной бык,

Финикиец посмотрел на варвара с ненавистью и
оглушительно завизжал:

— Он поносит Таммуза! Он поносит великого
бога!

В этот момент носилки как раз приблизились к
варвару и остановились, потому что, несмотря на вой и
рев процессии, носильщики заметили ужимки кричав-
шего и слышали его слова. Когда носилки останови-
лись, сотни глаз, уже одурманенных всеобщей истери-
кой, обратились на галла. Начала собираться толпа, как

всегда происходит в восточных городах. Визг повторился, и воюющие люди начали качаться из стороны в сторону в религиозном экстазе с пеной на губах, доводя себя до безумия. Самый уравновешенный и неэмоциональный в обычной жизни народ в мире — финикийцы были подвержены вспышкам помешательства, которые характерны для всех семитов во время ритуалов, посвященных богам.

Руки толпы потянулись к кинжалам, глаза кровожадно впились в светловолосого великана, против которого бросал свои обвинения обезумевший финикиец.

— Он поносит Таммуза! — вопил сумасшедший с пеной у рта.

Толпа загудела, и носилки закачались, словно лодка на море во время шторма. Галл положил ладонь на рукоять меча, окинув толпу холодным взглядом голубых глаз.

— Идите своей дорогой, люди, — прорычал он. — Я не сказал ничего плохого ни про какого бога. Идите с миром, а ты — иди к черту!

Исcoverканный финикийский галла был плохо популярен толпе, к тому же мешал шум, и толпа уловила лишь брошенное ругательство. В ту же секунду раздались дикие крики:

— Он поносит Таммуза! Убить преступника!

Окружившая его толпа свирепо надвигалась на него, и галл не успел даже выхватить свой меч. Толпа налетела на него и опрокинула на землю. Падая, галл нанес сильный удар ближайшему к нему врагу — это был тот, кто завел всю толпу, — его шея хрустнула, как прут. Толпа пинала галла, царапала ногтями, и в воздухе зловеще засверкали кинжалы. Но народу было слишком много, и добраться до галла могли не все, поэтому выхваченные кинжалы ранили самих же теснящих друг друга финикийцев. Сквозь гул безумия послышались крики раненых. Этриаль наконец вытащил свой кинжал и поразил одного из врагов. Толпа раздвинулась, когда он вскочил на ноги и начал наносить смер-

тельные удары направо и налево, разбрасывая людей, словно кегли. Ураган завязавшейся битвы опрокинул носилки в пыль мостовой, и Этриаль с удивлением и отвращением увидел то, что лежало на них.

Сумасшедшие идолопоклонники продолжали наступать на галла, сверкая мечами. Один из толпы бросился вперед, галл отклонился от удара: одновременно с отступающим движением тела он взмахнул мечом, и атаковавший, вскрикнув, упал как подкошенный. Он был почти разрублен пополам.

Этриаль отпрыгнул от звенящих в воздухе мечей, налетев могучей спиной на что-то твердое, подавшееся назад — это была открытая дверь, — и бесславно рухнул на спину в дверной проем. Он вскочил на ноги с кошачьей ловкостью и выставил перед собой руку с кинжалом, оглядываясь по сторонам.

Галл увидел перед собой человека, который быстро задвинул засов на захлопнувшейся двери. Галл удивленно уставился на незнакомца, а тот рассмеялся и пошел к противоположному выходу, махнув галлу рукой, чтобы он следовал за ним. Этриаль повиновался, продолжая враждебно и подозрительно озираться вокруг. Снаружи ревела толпа, и дверь стонала и содрогалась под ее ударами. Незнакомец повел Этриаля по темному узкому переулку. Никого не встретив, они шли, пока гул толпы не превратился в едва слышный звук. Тогда незнакомец свернул, и они оказались перед дверями гостиницы. Войдя внутрь, они увидели несколько мужчин, сидящих, поджав ноги «по-турецки», и ведущих между собой бесконечный, по восточному обычаю, спор.

— Ну что, друг мой, — сказал галлу спаситель, — думаю, мы сбили свору со следа.

Этриаль подозрительно взглянул на незнакомца и подумал, что между ними есть какое-то сходство. Безусловно, этот человек не финикиец — черты его лица такие же правильные, как у самого галла. Он был высок, хорошо сложен, ненамного ниже гиганта-гал-

ла, с черными волосами и серыми глазами, лет сорока или меньше. Несмотря на восточное одеяние незнакомца и финикийский язык с семитским акцентом, Этриаль понял, что перед ним потомок их общих предков — кочующих арийцев, заселивших мир светлоглазыми, светловолосыми племенами.

— Кто ты? — прямо спросил галл.

— Люди зовут меня Ормраксис Мициец, — ответил незнакомец. — Давай присядем и выпьем вина. Когда убегаешь от погони, всегда хочется пить!

Они сели за грубо сколоченный стол, и слуга принес им вина. Они пили и молчали, и Этриаль раздумывал над тем, что произошло. Наконец он произнес:

— Нет нужды говорить, что я благодарен тебе за то, что ты задвинул засов и привел меня в безопасное место. Клянусь Кромом, эти люди сумасшедшие. Я только спросил, какого короля они несут к могиле, а они бросились на меня, как дикие кошки. И к тому же на носилках не было никакого трупа — только деревянный идол, украшенный золотом, драгоценностями и цветами, политый протухшим маслом. Что... — Он внезапно замолк, вытащив меч, потому что с улицы послышался шум.

— Они уже забыли о тебе, — рассмеялся Ормраксис. — Расслабься.

Но Этриаль подошел к двери и осторожно выглянул в щель. Переулок, в котором находилась гостиница, пересекал вдали улицу, по которой теперь двигалась процессия. Настроение толпы изменилось: монахи несли увитого цветами идола, поднятого вверх, и люди танцевали и пели, крича от восторга и радости так же неистово, как вопили от горя. Этриаль с отвращением фыркнул.

— Теперь они воют: «Адонис жив», — сказал он. — Только что они кричали: «Таммуз мертв» — и рвали на себе одежду и ранили друг друга кинжалами. Клянусь Кромом, Ормраксис, говорю тебе — они сумасшедшие!

Мидиец захохотал и поднял чашу.

— Этот народ сходит с ума во время своих религиозных празднеств. Они празднуют воскрешение бога жизни, Адониса-Таммуза, которого убивает Ваал-Молох — солнце во время летнего солнцестояния. Сначала они носят мертвого идола бога, затем воскрешают его и приветствуют, как ты только что видел. Это еще ничего — ты бы посмотрел на идолопоклонников в Гевале, священном городе Адониса. Там люди режут сами себя и бросаются в грязь, чтобы быть растоптанными толпой.

Галл размышлял над услышанным несколько минут, потом озадаченно покачал головой и глотнул из своей чаши. У него появился вопрос к мидийцу:

— Зачем ты рисковал жизнью, спасая меня?

— Я видел, как ты бьешься с толпой. Это было нечестно — тысяча на одного. Кроме того, между нами есть родство, хоть отдаленное, но кровное.

— Я слышал о твоём народе, — сказал Этриаль. — Он ведь живет далеко на севере, так?

— За землями Наири и истоками Евфрата, — ответил Ормраксис. — Постепенно он переходил на юг из степей, год за годом завоевывая долины ала-роданцев. Некоторые передвигались в одиночку и маленькими группами вдоль Евфрата и Тигра, становясь наемными солдатами. Это движение продолжается уже три или четыре поколения.

— Значит, ты родился в этой стране? — спросил галл.

— Не в Финикии. Я родился в долине Наири и двигался на юг как охотник и купец. На границах Аммона я встретил народ, отдаленно родственник моему племени, и поселился там.

Этриаль не задал больше никаких вопросов: он знал об Аммоне не больше, чем об Атлантиде. Но рассказ Ормраксиса навел его на некоторые мысли.

— Скажи, во время своих странствий и скитаний в этих землях не встречал ли ты или не слышал ли о человеке по имени Шамаш?

Ормраксис покачал головой:

— Это ассирийское имя, так они называют одного из своих богов. Но я никогда не встречал человека с точно таким же именем, без добавлений вроде Ишуми-Шамаш или Шамаш-Пайлис. Как он выглядит?

— Высокого роста, хотя ниже, чем мы с тобой, и мощный. С темными глазами и иссиня-черными волосами и бородой, которую завивает. У него дерзкая и высокомерная манера держать себя. Он похож на жителей Тира, но в то же время и не похож на них, ибо там, где они избегают битвы, он, наоборот, ищет ее. Черты его лица также не очень похожи на их лица, хотя у него крючковатый нос и выражение лица, чем-то напоминающее этих людей.

— Ты в самом деле описал ассирийца, — сказал Ормраксис со смехом. — На юго-востоке, за Евфратом, ты встретишь тысячи людей с такими приметами, но, возможно, тебе не придется идти так далеко, потому что в воздухе пахнет войной и Шаламану-асшир, король Ассирии, идет с боевыми колесницами на принцев Сирии. Я не думаю, что это только базарные слухи.

— Кто этот Шаламанишир? — спросил галл, переименовав имя на семитский манер.

— Величайший король всей земли, чья империя раскинулась от южных долин Наири до Моря восходящего солнца и от гор Загроса до палаток арабов. Ему принадлежат Ассирия, Каркемиш хиттитов, Вавилония и болота Халдеи. Его предки, короли, жили прежде в Ашшуре и Ниневии, но он построил Калан — королевский город и украсил его богатыми дворцами, словно рукоять меча драгоценными камнями.

Этриаль посмотрел на Ормраксиса с сомнением: переходы на высокопарный стиль были больше свойственны семитам, чем арийцам, но галл вспомнил, что мидиец провел на востоке, возможно, большую часть жизни.

— А как правители Сирии? — спросил галл. — Они точат топоры и готовятся к войне?

— Так говорят,— подозрительно ответил мидиец.

— У меня нет золота,— пробормотал галл.— Который из этих королей заплатит мне дороже за мою силу?

Глаза Ормраксиса блеснули, словно он давно ждал этого вопроса. Он наклонился к галлу и что-то хотел сказать, но внезапный крик снаружи прервал его. Он вскочил на ноги, как пружина, и повернулся к выходу с мечом на изготовку.

В дверях стояли несколько солдат в блестящих доспехах, знатный господин в пурпурном одеянии и одетый в лохмотья бродяга, который выскользнул из гостиницы сразу после того, как в нее вошли Этриаль и Ормраксис. Бродяга показывал на мидийца и кричал:

— Это он! Это Кхумри!

— Быстро! — прошептал мидиец.— Бежим в боковую дверь!

Но в ту же секунду в боковую дверь ввалилась толпа солдат. Зарывав, Ормраксис отпрыгнул от двери, и солдаты по приказу одетого в пурпурное господина бросились на мидийца. Тот раскроил череп ближайшему солдату, отразил удар копья и подлетел к человеку в пурпурном, который закричал, прося помощи. Солдаты окружили мидийца, и один из них схватил Ормраксиса за руки сзади. Меч Этриаля обезглавил нападавшего, и спина к спине два товарища начали отбивать удары. Но гостиницу наполняли новые и новые солдаты. Крутом грохотала сталь, раздавались крики ярости и боли. Новая сокрушительная атака солдат оторвала двух арийцев друг от друга. Этриаля отбросило на перевернутый вверх ножками стол, и полдюжины мечей старались поразить его. Этриаль рычал, истекая кровью. Одного из врагов он пронзил насквозь, выпустив наружу его внутренности. Но чья-то железная булава обрушилась на шлем галла. Голова его закружилась, в глазах помутилось, но он не отступал. На голову галла снова и снова сыпались удары, пока он не повалился на пол без сознания, словно дерево под ударами топора.

Этриаль медленно приходил в сознание. В голове стучало и болело, все тело ломало. Какой-то свет показался перед его глазами — он понял, что это свеча. Он находился в маленькой комнате с каменными стенами. «Должно быть, тюрьма», — подумал галл. Он лежал на кушетке, и над ним склонился человек, перевязывая ему раны. Галл решил, что враги не хотят позволить ему умереть легко и оживляют, чтобы помучить. Рука Этриаля, словно бросившийся на жертву питон, схватила человека за горло прежде, чем тот успел сообщить, что раненый пришел в себя. В комнате были еще другие люди, но на галла почему-то не посыпались удары, как он ожидал. Лишь чьи-то руки схватили его за плечо, и кто-то закричал по-финикийски:

— Постой! Постой! Не убивай его! Это друг! Ты среди друзей!

Слова прозвучали убедительно, и галл разжал смертельную хватку. Его жертве спасло жизнь только то, что к галлу еще не вернулись полностью силы. Однако парень повалился на пол, задыхаясь и кашляя. Его подхватили, застучали ему по спине и влили в горло вина. Он наконец оправился и с упреком взглянул на чужестранца. Тот, кто успокоил разбушевавшегося галла, рассеянно теребил бороду и задумчиво смотрел на Этриаля. Это был человек среднего роста, с характерными финикийскими чертами лица, одетый в пурпурный наряд, означавший знатного господина или богатого купца.

— Дайте еды и питья, — приказал он, и раб принес мясо и большой кувшин вина. Этриаль почувствовал страшный голод. Заглотив чуть не полкувшина вина, схватив огромный кусок мяса двумя руками, он начал поглощать пищу, разрывая ее сильными, как у зверя, зубами. Он не спрашивал, зачем и почему: голодные годы приучили варвара сразу брать пищу, когда она появляется перед ним.

— Ты друг Кхумри? — спросил финикиец в пурпурном.

— Если ты говоришь о мидийце, — ответил галл в перерыве между следующим куском мяса, — то я никогда не встречал его до сегодняшнего дня, когда он спас мою жизнь и помог скрыться от толпы. Что вы с ним сделали?

Финикиец покачал головой:

— Это не я взял его, к сожалению. Его схватили солдаты короля Тира. Они бросили его в темницу. Тебя я нашел лежащим без сознания в переулке около гостиницы, брошенным на дороге. Возможно, они подумали, что ты умер. Но, лежа на мостовой, ты все еще сжимал в руке меч. Мои слуги перенесли тебя ко мне домой.

— Зачем?

Человек не ответил прямо, а сказал:

— Кхумри спас твою жизнь. Хочешь помочь ему?

— Жизнь за жизнь, — ответил галл, отпив из кувшина и причмокнув губами. — Он помог мне, я помогу ему, даже если понадобится умереть.

Это не было хвастливой болтовней. За границами цивилизации чувство долга действительно существовало, и люди помогали друг другу из-за жестокой необходимости, пока это не превратилось в настоящую религию среди варваров — платить долги. Человек в пурпурном знал об этом, так как много путешествовал, и больше всего ему понравились странствия среди светловолосых народов запада.

— Ты пролежал без сознания несколько часов, — сказал он. — Можешь ты сейчас бежать и драться?

Галл встал на ноги и вытянул мощные руки, посмотрев на всех сверху вниз с высоты своего роста.

— Я отдохнул, наелся и напился, — проворчал он. — Я не греческая девушка, чтобы свалиться замертво от хлопка по голове.

— Принесите его меч, — приказал финикиец. Этриаль вложил меч в ножны с довольным смешком и привычным жестом проверил, на месте ли огромный кинжал у пояса, затем вопросительно взглянул на финикийца.

— Я друг Кхумри, — сказал тот. — Меня зовут Акурос. Теперь слушай. Сейчас около полуночи. Я знаю, где заточен Кхумри. Его держат в подземной тюрьме недалеко от пристани. В тюрьме есть внешняя охрана и внутренняя. Внешнюю охрану назначаю я. Это филистимляне, и я подошла человека подкупить их, чтобы они оставили пост. Но внутренняя охрана состоит из ассирийцев, их нельзя подкупить. Но их только трое, и если ты ловок, то сможешь избавиться от них.

— Предоставь это мне, — решительно заявил галл. — Где тюрьма? И что мы будем делать дальше, когда Кхумри будет освобожден?

— Я пришлю человека, чтобы он провел тебя к тюрьме, — сказал Акурос. — Если ты освободишь Кхумри, тот же человек проведет вас к пристани, где будет ждать лодка. Тир построен на островах, как ты знаешь, и ты никогда бы не смог пройти через ворота в стене, которые закрывают город от материка. Открыто я не могу помогать Кхумри, но тайно я сделаю все, что смогу.

Спусти некоторое время Этриаль пробирался по темным холодным переулкам Тира, следуя за крадущейся впереди фигурой. Несмотря на свой рост, галл двигался бесшумнее ветерка в лесу. Только иногда свет луны, проникавший сквозь дремлющие стены в город, оставлял бледные блики на доспехах, шлеме или мече галла. Наконец они остановились в начале тенистого переулочка, и проводник галла указал на приземистое каменное здание, перед которым стоял небольшой отряд солдат в доспехах, различных только благодаря свету нескольких факелов в каменных нишах стен. Солдаты говорили с человеком в маске, передавшим им небольшой, довольно пухлый мешочек. Человек в маске обернулся плащом и исчез в темноте, а солдаты быстро и тихо ушли в противоположном направлении.

— Они не вернутся, — прошептал проводник Этриаля. — Господин Акурос дал им достаточно золота, чтобы оставить службу в армии. Они будут пить не-

сколько недель. Скорей, мой господин! Внутри тоже охранники.

Галл проскользнул в переулок и приблизился к тюрьме. Железная дверь была не заперта. Он осторожно открыл ее и заглянул внутрь. Несколько факелов в нишах тускло освещали пустой коридор. Однако издалека доносился шум голосов и виднелся какой-то свет. Галл тихо пошел по коридору до поворота, откуда слышались голоса. Он остановился и увидел каменные ступени, ведущие в нижний коридор, в глубине которого стояли трое широкоплечих рослых солдат в шлемах и кольчугах. Они были чернобородые, с жесткими хищными лицами. Галл вспомнил о своем давнем враге и, словно ошетинившаяся на жертву гончая, напрягся всем телом. Солдаты болтали на каком-то странном наречии. Но вот из темноты вышел коренастый человек и сказал по-финикийски:

— Через час люди короля придут за заключенным.

— Ты его допрашивал? — спросил один из солдат на том же не вполне понятном языке.

— Он упрям, как все его племя, — ответил финикиец. — Но это неважно. Шаламану-асшир будет рад получить его. Как ты думаешь, каким будет приветствие великого короля господину Кхумри?

— Он сдерет с него кожу заживо, — ответил ассириец, поразмыслив немного.

— Хорошенько смотрите за ним. Он закован по рукам и ногам, но это не человек, а лев. Я пошел к королю.

Ассирийцы возобновили прерванную игру, а финикиец стал вперевалку подниматься по ступеням. Этриаль проскользнул обратно за угол и прижался к стене в темноте. Финикиец поднялся до верхнего коридора и повернул за угол, но в тот момент, когда он поравнялся с галлом и был от него на расстоянии вытянутой руки, какой-то инстинкт заставил его посмотреть в сторону. Свет был тусклым, крутом тени — возможно, финикиец решил, что перед ним привидение.

Возможно, вид светловолосого гиганта в блестящей кольчуге на секунду лишил его дара речи. Этой секунды было достаточно. Прежде чем он успел открыть рот, огромный меч Этриаля раскроил его череп, и финикийец упал к ногам галла.

Этриаль отскочил обратно за угол и приник к стене. Снизу раздался стук рассыпавшихся игральные костей, когда удивленные ассирийцы повскакивали с мест. Галл не рискнул выглянуть из коридора, но услышал спор и перешептывание, а затем звук поднимающихся по лестнице шагов. Отчаянно оглядевшись вокруг, галл заметил над головой железное кольцо, вбитое в стену, которое, безусловно, использовали для подвешивания и пыток узников. Подпрыгнув, галл схватился за кольцо и подтянулся на руках, нога его нащупала небольшое углубление в стене, где вывалился кусочек каменной кладки, и, засунув туда кончик ноги, галл ненадежно повис в воздухе. Ассирийцы поднялись по ступеням и громко заспорили, наткнувшись на тело лежащего в крови финикийца. С копьями на изготовку они оглядывались по сторонам, но им не пришлось в голову взглянуть вверх. Один из них пошел к выходу, очевидно в поисках внешней стражи, — в этот момент нога галла соскользнула со стены.

В такие секунды мозг галла работал молниеносно. В то же мгновение он отпустил кольцо и, падая, знал уже, что собирается делать. Солдаты были застигнуты врасплох. Колено Этриаля ударило одного из них в грудь, повалив на пол. Вскочив на ноги с кошачьей ловкостью, галл уклонился от удара копья второго солдата, который был слишком поражен, чтобы метко бросить копье. Меч Этриаля разорвал кольчугу ассирийца и пронзил его тело насквозь. Но сила удара Этриаля едва не стоила ему жизни. Третий ассириец, также пораженный неожиданным падением галла сверху, пришел в себя и теперь занес копье для смертельного удара. Этриаль с силой рванул рукоять, но меч накрепко застрял в грудной клетке убитого. Ассириец готов

был поразить галла, но тот, оставшись безоружным, резко развернулся. Копье со скрежетом скользнуло по доспехам, и ассириец всем телом налетел на Этриаля. Тот покачнулся и упал, скатываясь по ступеням, ассириец тоже рухнул вместе с ним. Вцепившись друг в друга, гремя доспехами, они пересчитали все ступени. Когда они беспомощно докатились до низа лестницы, Этриаль понял, что солдат лежит под грузом его тела неподвижно. Голова у галла кружилась, он нащупал рукой слетевший с головы шлем. Ассириец был мертв: он сломал шею.

Этриаль надел шлем и огляделся. Камеры открывались в коридор, но все они были темны, лишь в глубине коридора сквозь дверную щель виднелся тусклый свет. Галл быстро обыскал мертвого ассирийца и обнаружил на его поясе связку ключей. Отперев дверь освещенной камеры, галл увидел лежащего на каменном полу Кхумри-мидийца, закованного в тяжелые цепи. Мидиец не спал — в самом деле, падение с лестницы одетых в доспехи галла и ассирийца могло бы поднять и мертвого.

Кхумри усмехнулся и не произнес ни слова, увидев Этриаля. Галл, перепробовав несколько ключей, наконец отыскал ключ от кандалов Кхумри. Освобожденный, Кхумри с наслаждением потянулся, встал на ноги и вопросительно взглянул на галла. Тот, приложив палец к губам, повел Кхумри по коридору. Они поднялись по лестнице, и Этриаль с усилием и тихими ругательствами вытащил наконец свой меч из тела убитого. Кхумри поднял копье одного из охранников. Осторожно и бесшумно они выбрались из тюрьмы и подошли к переулку, где ждал проводник. Он сделал знак рукой следовать за ним, и все трое по тенистым лабиринтам улиц вышли на открытое пространство. Этриаль слышал плеск волн и увидел отражающиеся в воде звезды. Они были на маленькой пристани.

Из темноты возникла лодка с несколькими гребцами на борту. Этриаль, Кхумри и проводник сели в

лодку, и гребцы заработали веслами. Огни Тира постепенно превращались в сотни танцующих искр. По заливу гулял ветерок. Начинало светать. Впереди на другом берегу заблестел какой-то свет, гребцы двигались ему навстречу.

Лодка приблизилась к берегу. У кромки воды стояли несколько человек, один из них держал в руке факел. Город остался далеко слева. Берег выглядел пустынным и голым, на нем не было даже хижин рыбаков.

Лодка причалила, Этриаль и Кхумри вышли на берег. К ним подошел один из людей — это был Акурос. За ним стояли несколько слуг и держали под уздцы лошадей.

— Мой господин,— сказал Акурос Кхумри,— мой план сработал намного лучше, чем я предполагал.

— Да, спасибо галлу,— засмеялся мидиец.

— Я не осмелился бы помогать тебе более явно,— сказал финикиец.— Даже теперь я могу полатиться жизнью, если не буду в десять раз осторожнее лисы. Но вы — вы будете помнить?

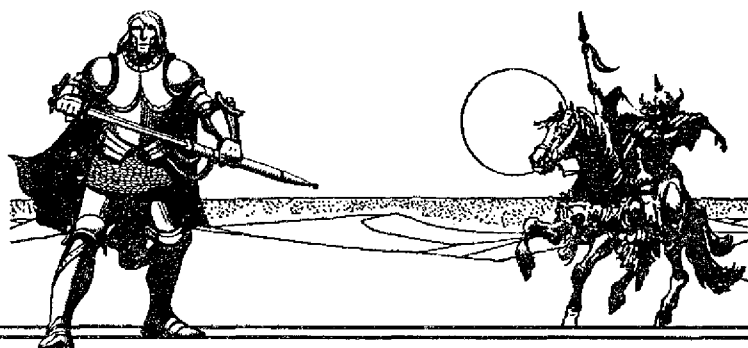
— Я буду помнить,— ответил Кхумри.— Принцы Сирии не двинутся против Тира после того, как мы разобьем колесницы ассирийцев. А у тебя, Акурос, я куплю весь кедр, лазурит и драгоценные камни, как и обещал.

— Я знаю, господин Кхумри держит свое слово,— сказал Акурос с почтением, которого Этриаль не понял.— Вот лошади, мой господин. Я не смею посылать эскорт, чтобы меня не заподозрили...

— Нам не нужен эскорт, добрый Акурос,— перебил Кхумри.— Теперь мы прощаемся с тобой. Солнце высоко, а нам далеко ехать.

Галл и Кхумри вскочили в седла и поскакали на восток.

Обернувшись, Этриаль увидел вдалеке, другой стороне залива, блестящее море огней Тир, а на берегу — освещенного светом факела Акуроса в пурпурном одеянии с прощально поднятой вверх рукой.

ТЕНЬ ВАЛЬГАРЫ

1

— Эти неверные готовы лицедретъ нас?
— Да, Покровитель всех истинно верующих.
— Пусть приведут их.

И вот послы, бледные после долгих месяцев заключения, предстали перед Сулейманом Великолепным, султаном Турции, могущественнейшим из правителей эпохи великих монархий. Под огромным куполом величественного зала сверкал, переливаясь, золотой, украшенный драгоценными камнями трон, заставлявший трепетать весь мир. Роскошь этого символа безграничной власти подчеркивал шелковый багдахин; его ниспадавшие края, расшитые прекрасными изумрудами, мягко светились нитями жемчуга, создавая подобие сияющего ореола над головой Сулеймана. Да и весь облик светлейшего правителя вызывал благоговение и восторг: его одеяние переливалось множеством невиданной красоты драгоценных камней, а белоснежный тюрбан, украшенный бриллиантами, венчало пышное украшение из разноцветных перьев. Вокруг трона в почтительных позах застыли девять

великих визирей; чуть дальше стояла грозная стража — личные телохранители султана, солаки — в боевых доспехах, с плаумажами из черных, белых и ярких перьев на позолоченных шлемах.

Подавленные этим фантастическим зрелищем австрийские послы, переодетые по повелению султана в шелковые турецкие халаты, нелепо смотревшиеся на европейцах, казались особенно жалкими и растерянными. Измученные девятью изнурительными месяцами заточения в мрачном Замке Семи Башен, что возвышается на берегу Мраморного моря, они шурились от блеска золота и драгоценностей, чувствуя себя непривычно маленькими по сравнению с величественно восседавшим на троне Сулейманом Великолепным. Глава посольства, генерал Габордански, доверенное лицо австрийского эрцгерцога Фердинанда, с трудом подавлял гнев и жгучую обиду, скрывая их под маской смирения и почтительности. Остальные сотрудники миссии искоса поглядывали на генерала, готовые поддержать выбранную им манеру поведения. Несчастные австрийцы томились в тюрьме с того самого дня, когда сербский князь Милош Кабилович, стремясь остановить кровавую резню, заколол спрятанным на груди кинжалом завоевателя Мурада.

Сулейман Великолепный смотрел на посла с еле заметной снисходительной улыбкой, которая, пожалуй, пугала не меньше, чем выражение ярости, частенько искажавшее его худое, довольно красивое лицо. Тонкий, немного крючковатый нос и сжатый прямой рот придавали султану жестокий и даже хищный вид, который не могли смягчить ни длинные свисающие усы, ни удивительно тонкая шея.

Его узкий заостренный подбородок был тщательно выбрит, и во всем облике Сулеймана угадывалось скорее что-то татарское, нежели турецкое, и это соответствовало истине: сын Селима Мрачного и крымской принцессы Гавжи Хатум унаследовал от матери гораздо больше, чем от отца. Рожденный повелевать

простыми смертными, наследник трона могущественнейшей военной державы, Сулейман Великолепный достиг вершин власти и славы и не знал себе равных в подлунном мире.

Жесткий пронизательный взгляд султана заставил старого генерала опустить голову — как ни пытался Габордански скрыть свою ярость, она неутихающим пламенем горела в его глазах, воспоминания терзали сердце. Девять месяцев назад, в качестве полномочного представителя эрцгерцога, генерал прибыл в Стамбул для ведения переговоров о перемирии и передаче венгерской короны Фердинанду: гибель короля Лукаша в кровавой битве под Мохачем, в сущности, открывала турецким войскам дорогу в Европу.

Тогда же перед султаном предстал и другой посланник — Жером Лашски, польский пфальцграф. Все предложения эрцгерцога в изложении Габордански прозвучали прямолинейно и даже грубовато — как свойственно людям его типа — и вызвали безудержный гнев Сулеймана. Лашски же — хитрая лиса — демонстрируя бесконечную преданность и смирение, просьбу свою передать корону в Польшу излагал, стоя на коленях и почтительно кланяясь.

И милость Сулеймана конечно же пролилась на него животворящим дождем: почести, золото, покровительство. Однако цена показалась слишком высокой даже для алчной натуры Лашски — поляки предали своих соседей-союзников, открывая дорогу туркам через их территорию к самому сердцу христианского мира.

Все это старый генерал, корчась от ярости и бессилия, узнал уже в тюрьме, куда угодил по воле надменного и высокомерного султана. Теперь Сулейман, с легким презрением поглядывая на Габордански, решил обойтись без обычной церемонии и вести беседу с иноземцами только через Главного визиря. Великий Турок не снисходил до изучения языка неверных — будь то немецкий или французский — зато австрий-

ский посол прекрасно понимал по-турецки. Султан высказался коротко и без всякого предисловия:

— Скажи своему повелителю, что теперь я готов нанести визит сам, и если он не захочет приветствовать меня в Мохаче или Пеште, я встречу с ним под стенами Вены.

Габордански молча поклонился в ответ. Сулейман подал знак, и один из офицеров подошел к генералу и протянул ему небольшой позолоченный мешочек с двумя сотнями дукатов. Точно такие же подарки получили и все остальные члены посольской миссии, замешанные под наставленными на них пиками янычаров.

Залившись краской, Габордански промямлил слова благодарности, теребя мешочек старческими узловатыми пальцами. Султан хищно усмехнулся, прекрасно понимая, что генерал с удовольствием швырнул бы деньги в лицо презренному турку, но конечно же никогда не решится на подобный поступок. Затем Сулейман Великолепный легким взмахом руки показал, что аудиенция окончена, но внезапно задержал взгляд на людях, сопровождавших Габордански, а вернее — на одном из них. Этот человек выделялся своим ростом и производил впечатление чрезвычайно сильного и бывалого воина, даже мешковатый турецкий халат не мог скрыть его атлетического телосложения. По знаку султана янычары вывели австрийца вперед.

Сузив глаза, Сулейман принялся внимательно его разглядывать. Короткие рыжие волосы иноземца упрямо топорщились, длинные усы свисали ниже подбородка, а голубые глаза были как-то странно затуманены, словно человек спал — стоя и с открытыми глазами.

— Говоришь ли ты по-турецки? — спросил султан, оказывая простому члену посольской миссии честь разговаривать с ним лично. Видимо, иногда, несмотря на все великолепие и пышность Османского двора, в Сулеймане проявлялась наивная простота его татарских предков.

— Да, ваше величество, — отвечал иноземец.

— И кто же ты будешь?

— Люди зовут меня Готтфрид фон Кальмбах.

Сулейман нахмурился, и рука его непроизвольно потянулась к плечу, где под тонким шелком проступал давний шрам.

— У меня хорошая память на лица, я никогда их не забываю. Где-то я видел и твое — в ситуации, которая навсегда оставила след в глубине моей памяти. Но сейчас я не могу вспомнить, что именно произошло.

— Возможно, на Родосе, — предположил германец.

— Многие бывали на Родосе, — покачал головой Сулейман.

— Верно, — спокойно согласился фон Кальмбах. — Например, там был Адам де Лиль.

Сулейман застыл, и глаза его грозно сверкнули при упоминании имени Великого полководца рыцарей Сент-Джона, чья ожесточенная оборона Родоса стоила туркам шестидесяти тысяч человек. И тем не менее он решил, что глупый австриец вряд ли сам понял, как дерзко прозвучал его ответ. Сулейман вновь шевельнул рукой, разрешая посольству удалиться.

Он велел проводить послов до ближайших границ Империи, чтобы как можно скорее доставить эрцгерцогу свое предупреждение: уже через короткое время — едва ли не по пятам посольства — собирались отправиться в поход армии великой Османской державы.

Приближенные Сулеймана понимали, что Великий Турок имеет планы посерьезнее установления марионеточного правительства Запольи на завоеванном венгерском троне. Амбиции Великого Турка простирались на всю Европу — ведь эти тупоголовые францисканцы веками совершали набеги на Восток, горлая свои христианские гимны, бесчинствуя и мародерствуя. Позабыв все доводы рассудка и потакая своим прихотям и капризам, они могли вновь попытаться завоевать мусульманский мир, и хотя они все же не выходили из войны победителями, но не были и побежденными.

К концу дня австрийские послы отбыли, погружившийся после окончания аудиенции в глубокие раздумья Сулейман вдруг поднял голову и подал знак Главному визирю Ибрагиму, который тотчас приблизился и почтительно склонился перед владыкой. Этот опытный царедворец твердо уповал на незыблемость своего положения — разве они с Сулейманом не друзья детства, разве не пивали вместе из хмельной чаши?..

Единственной соперницей Ибрагима по особой хозяйской милости была рыжеволосая русская девушка Хуррем, Полная Радости, которую Европа знала как Роксолану, пленницу, увезенную из отцовского дома в Рогатине и ставшую любимой женой в гареме Сулеймана.

— Наконец-то я вспомнил, кто этот неверный, — проговорил Сулейман. — Не забыли ли ты первое нападение рыцарей при Мохаче?

Ибрагим едва заметно вздрогнул, услышав это напоминание.

— О, Заступник за всех страждущих, как же могу я забыть тот день, когда неверный пролил божественную кровь моего повелителя?

Тогда ты помнишь, как тридцать два рыцаря, палadini Назариинны, прорвали наш строй, и каждый готов был отдать свою жизнь за то, чтобы унести хотя бы одну из наших. Клянусь Аллахом, они словно собрались на свадьбу! Их копья разили всех, кто вставал у них на пути, а панцири отражали благородную сталь наших сабель. Но они начали падать, как подкошенные, как только заговорили наши кремневые ружья, и вскоре уже только трое из них остались в седле — князь Маршали и двое его товарищей. Но и тогда от их ударов солaki валялись, словно колосья под серпом. Однако сам Маршали вместе с одним из рыцарей погибли — почти у моих ног.

Остался один, хотя в пылу схватки он потерял свой шлем, а кровь струилась из пробитых доспехов. Рыцарь бросился ко мне, размахивая огромным дву-

ручным мечом, и, клянусь бородой Пророка, смерть была столь близко, что я уже ощутил обжигающее дыхание Азраила на своих губах! Его меч сверкнул в воздухе, подобно молнии, и я почувствовал страшный удар по шлему, а затем по плечу. Клинок пробил кольчугу, и из раны полилась кровь. Эта рану я чувствую до сих пор, особенно она саднит в сезон дожди. Янычары окружили его и перерезали сухожилия его лошади, и она вместе с рыцарем исчезла под грудой тел. Оставшиеся солдаты унесли меня с поля боя, и я больше не видел того рыцаря. А вот сегодня я встретил его вновь.

Ибрагим недоверчиво посмотрел на своего повелителя, но не решился возражать.

— Нет-нет, я не ошибаюсь! Я хорошо помню эти голубые глаза. Рыцарь, который ранил меня при Мохаче, и есть тот австриец, Готтфрид фон Кальмбах.

— Но, Защитник истинной веры, — не выдержал Ибрагим, — головы этих поганых рыцарей были выставлены на всеобщее обозрение перед дворцом...

— Я тогда сосчитал их, но не захотел, чтобы на тебя пало обвинение, — покачал головой Сулейман. — Там была всего лишь тридцать одна голова, и большинство настолько изуродовано, что я не смог бы их узнать. Я понял — один из неверных ускользнул, и именно он нанес мне эту рану. Я люблю храбрых воинов, но наша кровь слишком драгоценна, чтобы какой-то неверный мог безнаказанно проливать ее на землю, а там ее лакали бы собаки!

Ибрагим отвесил глубокий поклон и молча удалился. Пройдя по широким коридорам, он вошел в выложенную голубыми плитками комнату, сквозь окна которой открывался вид на внешние галереи, затененные кипарисами и охлаждаемые серебряными струями воды из позолоченных фонтанов. Именно туда на зов Главного визиря и явился некто Ярук-хан, крымский татарин с раскосыми глазами, спокойный человек в доспехах из лакированной кожи и полированной бронзы.

— Ну что, старый пес, — молвил визирь, — заметил ли твой затуманенный кумысом взгляд высокого германского господина в свите эмира Габордански, того, чьи волосы такие же рыжие, что и грива льва?

— Да, но он — это тот, кого зовут Гомбак.

— Именно так. А теперь возьми отряд таких же псов, как и ты, и отправляйся в погоню за германцами. Если привезешь этого человека обратно, тебя ожидает награда. Лица из посольской миссии неприкосновенны, но тут особая причина. И неофициальная, — с циничной усмешкой добавил визирь.

— Услышать — значит подчиниться! — с поклоном, таким же глубоким, как если бы он предназначался самому султану, Ярук-хан покинул комнату второго человека в Империи.

Посланец возвратился несколько дней спустя, запыленный, обессиленный с дороги, но без добычи. Глазами, полными жестокой угрозы, смотрел на него Ибрагим, и татарин рухнул ниц перед шелковыми подушками, на которых восседал Главный визирь, в своей голубой комнате, с арочными окнами, выходившими на внешние галереи.

— Великий хан, не дай гневу уничтожить твоего верного раба. В том не моя вина, клянусь бородой Пророка!

Подними голову, паршивый пес, и пролай мне все от начала до конца, — с холодным спокойствием предложил Ибрагим.

— Дело было так, мой господин, — начал Ярук-хан. — Скакал я быстрее ветра, и хотя неверные выехали намного раньше меня и мчались всю ночь без остановок, я нагнал их уже на следующий день. Но, увы, Гомбака не было среди них, и когда я спросил о нем, паладин Габордански разразился такими страшными проклятиями и так яростно бушевал, что это было подобно грохоту пушек. Тогда я стал говорить с разными людьми из его свиты и узнал, что произошло. Но я прошу моего господина помнить, что я всего

лишь повторяю слова неверных, которые являются людьми без чести и лгут, как...

— Как татары,— подсказал Ибрагим. Ярук-хан принял комплимент с подобострастной собачьей улыбкой и продолжал:

— Вот что они мне рассказали. На рассвете Гомбак повел свою лошадь в сторону от остальных, и эмир Габордански потребовал от него объяснить причину. Тогда Гомбак рассмеялся, как это делают франки — ха-ха-ха! — вот так. А потом сказал: «Видно, дьявол попутал меня поступить к тебе на службу, Габордански, и поэтому я девять месяцев гнил в турецкой тюрьме. Сулейман дал нам беспрепятственно доехать до турецкой границы, и больше я не обязан следовать за тобой». — «Ты, пес! — сказал эмир. — Вот-вот разразится война, и эрцгерцог нуждается в твоём мече». — «Твоего эрцгерцога пожирает дьявол,— отвечал Гомбак. — А пес — это Заполья, который встал у Мохача и позволил туркам порубить нас, его товарищей, на куски. Да и Фердинанд не лучше. Когда я останусь без гроша в кармане, я, возможно, продам ему свой меч. А сейчас у меня есть две сотни дукатов и вот эти турецкие тряпки, которые я смогу продать любому еврей за горсть серебра, и пусть дьявол покусает меня, если я вытащу из ножен меч, пока у меня в кармане остается хоть одна монета. Так что сейчас я поеду в ближайшую христианскую таверну, а ты и твой эрцгерцог можете убираться к дьяволу!» Тогда эмир проклял его всеми проклятиями, какие только смог вспомнить, а Гомбак, смеясь, поскакал прочь. Он кричал на весь лес: «Ха-ха-ха!» — а потом запел песню...

— Ну, хватит! — резко оборвал его Ибрагим, лицо которого исказилось от гнева и ярости. Судорожно вцепившись в бороду, он погрузился в раздумья. То, что вместо тридцати двух голов оказалась тридцать одна, было неслыханным проступком — ни один турецкий султан не сделал бы вид, что этого не заметил. Чиновники теряли свои посты, а часто и собственные

головы и по более незначительным причинам. То, как поступил Сулейман, свидетельствовало о его искреннем и глубоком расположении к своему старому другу, и Ибрагим, цenia это всей душой, не хотел, чтобы даже малейшая тень омрачила их отношения.

— А почему же ты не пошел по его следу, пес? — спросил он, сурово сдвинув брови.

— Клянусь Аллахом! — воскликнул Ярук-хан. — Должно быть, он летел на крыльях ветра. Гомбак пересек границу на несколько часов раньше меня, и я гнал за ним по чужой земле, пока это было возможно...

— Хватит оправданий, — прервал его Ибрагим. — Пришли ко мне Михал-оглы.

Непрерывно кланяясь и благодаря, татарин, пятясь, покинул комнату. Лицо Ибрагима было мрачнее тучи. Он не терпел, когда его люди допускали промахи.

Главный визирь все еще продолжал размышлять, восседая на шелковых подушках, пока на полу перед ним не отпечаталась крылатая тень и высокая худощавая фигура не склонилась в почтительном поклоне. Человек, одно только имя которого наводило панический ужас на всю Западную Азию, изъяснялся тихим и вкрадчивым голосом, а двигался с необыкновенной мягкостью и гибкостью кошки, но его лицо и хищные узкие глаза отражали бесконечную черноту его души.

Михал-оглы был начальником акинджи, этих диких всадников, сеявших страх и опустошение во всех землях за пределами великой Оттоманской империи. Перед Главным визирем он предстал в полном боевом облачении, с неизменными крыльями грифа, прикрепленными на спине к его золоченой кольчуге. Когда его конь мчался во весь опор, эти крылья широко развевались и их тень, летевшая по земле, казалась тенью смерти и разрушения. Не было на свете страшнее убийцы, чем Михал-оглы.

— Скоро тебе предстоит отправиться в земли неверных, — сказал ему Ибрагим. — И, как всегда, ты будешь убивать без пощады. Ты опустошишь поля и ви-

ноградники, сожжешь села и города, убьешь мужчин и захватишь в плен женщин. Земли, лежащие за пределами наших границ, будут стонать и вопить под твоими ногами.

— Я рад это слышать, о Любимец Аллаха, — отвечал Михал-оглы тихим вкрадчивым голосом.

— Но есть и еще один приказ внутри этого приказа, — продолжал Ибрагим, не сводя пристального взгляда с акинджи. — Ты знаешь германца фон Кальмбаха?

— Да, Гомбака, как его называет татарин.

— Именно так. Так вот, мой приказ — кто-то будет сражаться, а кто-то убежит, кто-то умрет, а кто-то выживет, но этот человек жить не должен. Разыщи его, где бы он ни спрятался, пусть даже погоня за ним приведет тебя к берегам Рейна. Награда — в золоте — тройной вес его головы.

— Услышать — значит подчиниться, мой господин. Люди говорят, что он непутевый потомок старинного германского рода, промотавший наследство по кабакам и в объятиях распутных женщин. Когда-то он принадлежал к Рыцарству Сент Джона, пока из-за пьянства...

— Но ты все же не пытайся недооценивать его, — мрачно заметил Ибрагим. — Каким бы пьяницей он ни стал теперь, во времена Маршали он заслуживал уважения. Запомни это!

— Нет такой берлоги, где он мог бы спрятаться от меня, о Любимец Аллаха, — заявил Михал-оглы. — Нет такой темной ночи, чтобы ее мрак помог ему скрыться от моих глаз, и не вырос еще такой густой лес, чащобы которого укрыли бы его от меня. Если я не принесу тебе его голову, значит позволю прислать мою.

— Хорошо. Достаточно, — кивнул Ибрагим, вполне довольный беседой. — Поезжай.

Зловещая фигура с крыльями грифа бесшумно выскользнула из голубой комнаты, а Ибрагим вновь погрузился в размышления о той кровавой пучине, в которую он только что ввергнул мир.

Крошечная соломенная хижина в небольшой деревушке недалеко от Дуная сотрясалась от мощного храпа, вырывавшегося из могучей глотки человека, лежащего навзничь на чем-то, напоминавшем тощий тюфяк. Это был не кто иной, как доблестный паладин Готтфрид фон Кальмбах, заснувший безмятежным сном после доброй попойки. Бархатная куртка, широкие шелковые шаровары, халат и мягкие кожаные башмаки, подаренные презренным султаном, стинули в неизвестном направлении. Теперь наряд рыцаря состоял из чьих-то обносков, поверх которых красовались выдавшие виды помятые и проржавевшие доспехи. Внезапно спящий свирепо зарычал: кто-то упорно старался вырвать его из объятий сна, немилосердно расталкивая и вопя во весь голос:

— Проснись, мой господин! О, проснись, добрый рыцарь... свинья несчастная... ну, пожалуйста! Вот собачья душа! Да проснись же наконец!

— Эй, хозяин, наполни-ка мою фляжку, — сонно пробормотал рыцарь, пытаясь отпихнуть назойливые руки. — Что? Кто? Разорви тебя псы, Ивга! Чего тебе надо? У меня нет ни гроша, так что будь хорошей девочкой и иди куда-нибудь, а мне дай поспать.

Но девушка лишь еще сильнее принялась трясти полусонного Готтфрида.

— О, дурень несчастный! Поднимайся! Посмотри, что происходит!

— Отстань, Ивга, — пробормотал Готтфрид, вновь пытаясь оттолкнуть ее. — Отнеси-ка лучше мой шлем еврею. Он даст за него достаточно, чтобы можно было опохмелиться.

— Дурак! — в отчаянии крикнула она. — Не до денег сейчас! Посмотри на восток, там все пылает, и никто не знает почему!

— А что, все еще льет? — спросил фон Кальмбах, начиная понемногу проявлять какой-то интерес к происходящему.

— Дождь давным-давно кончился. Бери скорей свой меч и бежим на улицу. Все мужчины в деревне пьяные — ты сам их напоил. А женщины не знают, что делать. Ой!

Девушка вскрикнула от неожиданности, когда хижина вдруг осветилась: оранжевый свет внезапной вспышки пламени проник сквозь многочисленные щели. Слегка пошатываясь, рыцарь наконец поднялся на ноги, нацепил на пояс огромный двуручный меч и нахлобучил на голову помятый, иссеченный шлем. Затем нетвердой походкой он поплелся за девушкой на улицу. На пороге его спутница, молодая и гибкая, одетая лишь в легкую короткую тунику, судорожно схватила Готтфрида за руку, испуганно прижавшись к нему.

На улице не было никакого движения и даже, казалось, самой жизни, лишь вода монотонно капала в огромные грязные лужи, стекая с насквозь промокших соломенных крыш, да ветер печально и тревожно завывал в черных мокрых ветвях деревьев, создававших непроницаемый бастион тьмы вокруг маленькой деревушки. Но на юго-востоке, поднимаясь все выше в темное свинцовое небо, разрасталось злоеющее малиновое зарево, кидая багровые отсветы на черные грозовые тучи.

— Я могу сказать тебе, что это значит, моя девочка, — сказал Готтфрид, вглядываясь в сполохи огня. — Это дьяволы Сулеймана. Они переправились через реку и теперь поджигают деревни. Мне уже приходилось видеть подобное. Вообще-то я думал, что эти турецкие собаки появятся раньше, но из-за проливных дождей они, должно быть, повернули назад. Да, это точно акинджи: они сметают все на своем пути, ни перед чем не останавливаясь. Вот что, девочка моя, давай-ка быстро беги в конюшню за хужиной и приведи мне моего серого скакуна. Мы ускользнем на нем, как вода сквозь пальцы. Мой конь легко выдержит нас двоих.

— А как же люди в деревне? — в отчаянии воскликнула Ивга.

— На все Божья воля,— нетерпеливо отозвался Готтфрид.— Здешние мужчины доблестно пили со мной эль, а женщины были добры ко мне, но, клянусь рогами Сатаны, серая кляча не сможет вывезти всю деревню!

— Ну и поезжай один! — замотала головой девушка.— А я останусь и умру вместе со всеми!

— Турки не убивают женщин, дурочка,— возразил Готтфрид.— Они продадут тебя какому-нибудь старому жирному купцу из Стамбула, и тот будет тебя бить. Я не хочу, чтобы мне перерезали глотку, и ты поедешь со мной...

Отчаянный крик девушки внезапно прервал его, и Готтфрид, отшатнувшись, увидел невыразимый ужас, застывший в ее расширенных глазах. В то же мгновение вспыхнула хижина в дальнем конце деревни, хотя из-за намокшей соломы огонь разгорался медленно. Тишину огласили вопли людей, в панике заметавшихся по улице. Вглядываясь в хаос теней, плясавших на стенах хижин, Готтфрид увидел смутные очертания фигур, перелезающих через пролом в глиняной стене, опоясывавшей деревню. Довольно высокая и прочная, она могла бы на какое-то время задержать акинджи, но жители деревни не ожидали нападения и не позаботились о том, чтобы заделать давным-давно образовавшуюся брешь.

— Проклятье! — сквозь зубы пробормотал Готтфрид.— Эти шелудивые псы идут впереди своего огня. Они подкрались в темноте. Бежим, девочка!

Но когда он схватил Ивгу за руку и потащил ее за собой, а девушка, продолжая безумно вопить, принялась отбиваться, глиняная стена внезапно затрещала и рухнула совсем рядом с ними, не выдержав натиска нескольких лошадей. В обреченную деревушку ворвались всадники. Хижины горели со всех сторон, вопли обезумевших от ужаса людей, казалось, достигали небес. Турки врывались в лачуги, хватали кричавших и отбивавшихся женщин, а мужчинам тут же перереза-

ли горло. В пламени пожара Готтфрид рассмотрел характерную посадку всадников, их полированные стальные доспехи и развевающиеся крылья за спиной их предводителя. Он узнал Михала-оглы, но и главарь акинджи в тот же миг заметил фон Кальмбаха.

— Хватайте его! — Голос Михала-оглы потерял обычную мягкость и вкрадчивость и звучал резко, как скрежет металла о камень. — Это Гомбак! Пятьсот асперов тому, кто принесет мне его голову!

Извергая проклятия, Готтфрид ринулся к ближайшей хижине, таща за собой продолжавшую кричать Ивгу. Но когда они достигли тени, сулившей им хотя бы временное укрытие, он услышал легкое жужжание стрелы, и девушка вдруг жалобно всхлипнула и зашаталась. Она осела на землю, и в неровном отблеске пламени Готтфрид увидел оперенный конец стрелы, пронзившей сердце Ивги. Рыцарь взревел, как раненый зверь, и повернулся к убийцам, готовый броситься на них и разорвать на куски голыми руками. Но в следующее мгновение привычная рассудительность вернулась к нему, выхватив меч, он отпрыгнул в сторону и помчался вдоль стены, слыша непрерывное жужжание стрел, которые то и дело попадали в его ржавые, но еще надежные доспехи. К счастью, ружья и пистолеты молчали — вероятно, отсырел порох.

Еще мгновение — и фон Кальмбах ворвался в сарай, где все эти дни ожидал хозяина серый скакун. И тут же кто-то невидимый, словно пантера, прыгнул ему на плечи. Готтфрид резко отклонился и, высоко подняв меч, рубанул сплеча — с диким воем мусульманин повалился на землю.

Готтфрид, перепрыгнув через распростертое тело, бросился к своему коню. Серый жеребец пронзительно ржал от страха и возбуждения и, когда хозяин вскочил ему на спину, захрипел и встал на дыбы. Махнув рукой на седло и упряжь, рыцарь просто ударил пятками по дрожащим бокам коня, серый скакун вылетел за дверь сарая, словно пушечное ядро, и помчался по ули-

це, сметая турок, будто тряпичных кукол, и обдавая седока с ног до головы грязью из многочисленных луж.

Акинджи устремились за Готтфридом в погоню, как охотничьи собаки за диким зверем. Спешившиеся было всадники торопливо вспрыгнули в седла, а те, кто влез через старый пролом, побежали туда, чтобы взять своих лошадей.

Стрелы свистели возле головы Готтфрида, но он, не обращая на них внимания, гнал и гнал коня к единственно возможному спасительному выходу — к оставшейся нетронутой западной части стены. Никогда еще его серый скакун не совершал таких головокружительных прыжков. Готтфрид задержал дыхание, почувствовав, как напрягся его конь, готовясь к отчаянной, невероятной попытке взлететь в воздух. Еще мгновение, и немислимое напряжение мощных мышц совершило чудо — серый скакун перелетел через стену едва ли не в дюйме над краем. Преследователи завопили от изумления и ярости и поскакали обратно. Прирожденные всадники, привычные к широким степным просторам, они не отважились повторить фантастический опыт германского рыцаря. Разыскивая ворота и подходящие проломы в стене, акинджи потеряли время, и, когда они наконец выбрались из деревни, мокрый, черный, непроходимый лес уже надежно спрятал от них беглеца.

Михал-оглы выл, как обезумевший зверь, в бешенстве кусая себе руки. Затем, поручив своему подручному Отману остаться в деревне и проследить, чтобы никто не ушел живым, он устремился в погоню за Готтфридом фон Кальмбахом, поклявшись, что не прекратит преследования, даже если дорога приведет его к самым стенам Вены.

3

Аллах не захотел, чтобы Михалу-оглы досталась голова Готтфрида фон Кальмбаха в этом темном, про-

питанном сыростью лесу. Рыцарь знал страну лучше, чем его преследователи, и, несмотря на все свои усилия, акинджи все-таки потеряли его след. К рассвету Готтфрид миновал лес и помчался через объятые страхом фермы и поместья, обитатели которых с ужасом смотрели на зарево, охватившее юг и восток. Страну заполонили толпы беженцев, волочивших на себе жалкий скарб из оставленных на поругание врагам домов, некоторые тащили за собой перепуганную скотину. Казалось, наступил конец света. Проливные дожди лишь ненадолго задерживали продвижение огненно-го урагана Великого Турка.

Четверть миллиона мусульман пядь за пядью опустошали восточные области христианского мира. Пока Готтфрид шатался по тавернам отдаленных деревушек, пропивая подаренные ему дукаты, пали Пешт и Буда, а германские солдаты находившихся там гарнизонов, хотя Сулейман Великодушный и пообещал сохранить им жизнь, были вырезаны янычарами.

Пока Фердинанд, аристократы и епископы грызлись и пререкались между собой, решая духовные и светские вопросы, за христианский мир сражались лишь разрозненные силы, и безумному нашествию турецкой армады, казалось, противостояла только стихия. Потоки воды размывали дороги, сносили мосты; захватчики тонули в бушующих реках и бездонных болотах, теряли на переправах и в трясине коней, артиллерийские орудия и боеприпасы. Но они продолжали двигаться вперед, ведомые неумолимой волей Сулеймана, и в сентябре 1529 года, превратив в руины Венгрию, начали победный марш по Европе. Впереди шли акинджи — головорезы и грабители — как первый порыв ветра, предшествующий свирепому урагану.

Обо всем этом Готтфрид узнавал по дороге от перепуганных людей, погоняя своего усталого скакуна. Он мчался в Вену, в город, ставший последним прибежищем для тысяч несчастных, вынужденных покинуть родные места. За его спиной стоном стонала земля,

крылья грифа развевались над поруганными полями, и тень их уже накрыла всю Европу. Вновь паладин Смерти поднялся из глубин сумрачного Востока, как прежде его собратья — Аттила, Батый, Баязет и Мухаммед Завоеватель. Но никогда еще такая свирепая буря не обрушивалась на Запад.

По всем дорогам брели изнемогающие беженцы и громко ронгали на равнодушного Бога; стоны и проклятия несчастных заглушали шум их шагов и скрип повозок, но когда людей настигали парящие крылья Михала-оглы, некому было взывать к небесам — оставались только искромсанные, изрубленные тела. Лишь полчаса езды отделяло Готтфрида фон Кальмбаха от отряда убийц, когда он подогнал своего взмыленного скакуна к воротам Вены. Столпившиеся на крепостных стенах горожане уже долгие часы слышали отчаянные крики и лязг металла, которые доносил до них ветер, а вот теперь воочию увидели солнечные блики, играющие на остриях пик, — жаждущая крови орда всадников врзалась в безоружную толпу, спускавшуюся с холмов на равнину, окружавшую город. Венцы с ужасом наблюдали за игрой обнаженной стали, напоминающей танец серпа посреди колосьев спелой ржи.

Готтфрид фон Кальмбах застал город чрезвычайно избудораженным, на всех углах люди говорили о графе Николасе Сальме, семидесятилетнем ветеране, который принял на себя оборону Вены, и его помощниках — Родденгрофе, графе Николасе Зриньи и Пауле Бакише. Сальм работал с неистовой скоростью, разрушая дома возле стен и используя их материал для укрепления крепостных валов, которые обветшали от старости, а во многих местах и вовсе разрушились. Внешнее же ограждение стало таким хрупким, что получило название Штадтцаун — городская изгородь.

И вот теперь, благодаря кипучей энергии графа Сальма, новая стена двадцати футов высотой поднялась от Штубена до Картнеровских ворот. Были выкопаны дополнительные внутренние рвы, соединенные

со старым; крепостные валы протянулись от разводного моста к Соляным воротам. Крыши покрыли кровельной дранью — уменьшая таким образом опасность пожаров, а булыжные мостовые разобрали, чтобы смягчить удары пушечных ядер.

Опустевшие пригороды подожгли, превратив окрестности Вены в безжизненную пустыню, — теперь полчищам Великого Турка придется разыскивать воду, пропитание и траву для коней за много миль до крепостных стен. А в город все продолжали прибывать новые и новые толпы беженцев, подхлестывая и без того усиливающуюся панику. Но настоящий кошмар начался, когда акинджи достигли стен Вены, и ворота пришлось в спешке закрыть, невзирая на стоны и мольбы тех, кто остался за ними. В течение часа после набега акинджи снаружи не осталось ни одной живой христианской души, за исключением тех, кого увели с собой, привязав веревками к седлам.

Дикие всадники кружили вокруг стен, пронзительно крича и стреляя из луков. Люди на башнях узнали страшного убийцу Михала-оглы по зловещим крыльям грифа за его спиной и заметили, что он мечется от одной груды мертвых тел к другой, жадно вглядываясь в лица убитых, не пропуская ни одного, и только изредка вскидывая голову, чтобы посмотреть в сторону бастионов.

А тем временем через кордон акинджи с запада к городу прорвались германские и испанские войска во главе с Филиппом Пальгравом. Они строем прошли по улицам Вены, вызвав у горожан взрыв восхищения и радости.

Сжимая в руке меч, Готтфрид фон Кальмбах смотрел на их сверкающие доспехи и украшенные плюмажами шлемы. На плечах солдаты несли длинные фитильные ружья, а за спиной у них висели огромные двуручные мечи. Готтфрид фон Кальмбах в своей ветхой кольчуге и пробитых во многих местах доспехах и шлеме разительно отличался от этих бравых воинов —

он казался случайно ожившим призраком древнего рыцаря, который с завистью наблюдает за триумфом нового поколения. Тем не менее Филипп Пальграв узнал Готтфрида, когда сияющая колонна проходила мимо него, и отсалютовал ему.

Фон Кальмбах направился к стенам, где стрелки вели прицельный огонь по акинджи, приготовившимся лезть на бастионы при помощи длинных веревок, притороченных к седлам коней. Внезапно до него донесся громкий голос графа Сальма, призывавшего аристократов и солдат копать рвы и возводить земляные укрепления. Готтфрид резко развернулся и что было сил побежал в ближайшую таверну. Напугав своей напористостью хозяина, робкого и бестолкового валлахийца, германец принудил того выставить эль — в долг, и в скором времени напился до такого состояния, что уже никому не пришло бы в голову заставлять его делать что бы то ни было.

До его ушей доносились выстрелы и крики, но Готтфрид фон Кальмбах едва обращал на них внимание: он прекрасно знал, что напор акинджи не иссякнет до тех пор, пока есть что уничтожать. Из разговоров в таверне он узнал, что гарнизон графа Сальма составляют двадцать тысяч копьеносцев, две тысячи всадников и тысяча добровольцев, вызвавшихся защищать город; есть также семьдесят больших и средних пушек.

Новость о многочисленности турок наполнила всех настоящим ужасом — кроме, конечно же, фон Кальмбаха. В сущности, он был фаталистом и никогда ничего не боялся. Но, выпив изрядное количество эля, рыцарь вдруг ощутил в себе острую жалость к горожанам, действительно подвергавшимся смертельной опасности. Чем больше он пил, тем меланхоличнее становился, и по его щекам поползли слезы пьяной сентиментальности, повисая каплями на кончиках усов.

Наконец он с трудом встал на ноги и поднял свой огромный меч с безумным намерением объяснить

Сальму причину нашествия акинджи. Оттолкнув прочь с дороги назойливого валлахийца, Готтфрид нетвердыми шагами направился на улицу. Дико озираясь — ему вдруг показалось, что банни и шнили скачут в каком-то безумном танце, — он с ошалелым видом устремился в сторону ворот, сбивая с ног прохожих. Навстречу ему попался Филипп Пальграв, шагавший, гремя доспехами, во главе своего отряда; смуглые узкие лица испанцев странно контрастировали с румянцем круглощеких ландскнехтов.

— Позор тебе, фон Кальмбах — сурово произнес Филипп. — На нас надвигаются турки, а ты в это время засовываешь свою морду в пивную кружку!

— Чья это морда в пивной кружке? — крикнул Готтфрид, пытаясь как можно устойчивее стоять на ногах. — Дьявол тебя поberi, Филипп, да за такие слова ты сейчас как следует получишь...

Но Пальграв, отвернувшись, проследовал дальше, а Готтфрид в конце концов оказался на башне Картинера, с трудом понимая, как он туда попал. Но то, что открылось его глазам, заставило его мгновенно протрезветь. Турки окружили город. Шатры сплошь покрывали равнину — говорили, что их не меньше тридцати трех тысяч. Один солдат клялся, что даже с самой высокой башни собора Святого Стефана невозможно увидеть, где они кончаются.

Четыре тысячи турецких лодок бросили якорь на Дунае, и Готтфрид услышал, как вокруг все проклинали австрийский флот, бесполезно стоявший далеко вверх по течению, потому что его матросы, долго не получавшие жалованья, отказались служить на кораблях. Еще говорили что Сальм не ответил на предложение Сулеймана добровольно сдаться.

Теперь, полные сознания собственной непобедимости и превосходства над неверными, полчища турок начали выстраиваться в идеальном боевом порядке перед древними стенами Вены, прежде чем приступить к осаде города. Развертывающееся зрелище способ-

но было привести в ужас даже самого храброго. Лучи пылкого солнца отражались от полированных шлемов, украшенных драгоценными камнями рукояток сабель и поточенных наконечников копий. Все это напоминало реку сверкающей стали, медленно текущую вдоль стен Вены.

Акинджи, которые обычно составляли авангард турецкого войска, помчались дальше в глубь страны, а их место заняли крымские татары, восседавшие в своих высоких седлах с короткими стремянами. За ними шли азабы — нерегулярная пехота — курды и арабы, наименее ценная часть турецкого войска, в сущности — пушечное мясо. За всей этой дикой пестрой толпой трусили на низких, покрытых густой шерстью лошадей их собратья по вере — дели, одетые в плащи из леопардовых шкур.

И только потом в наступление шел костяк армии Сулеймана. Впереди ехали беи и эмиры со своими вассалами из феодальных поместий Малой Азии, за ними спяги — тяжелая кавалерия — на роскошных скакунах. И наконец, замыкала строй подлинная сила Турецкой Империи, основа основ ее мощи, самая ужасная военная организация в мире — янычары.

При виде янычаров ужас защитников Вены сменялся всепоглощающей яростью, такое омерзение вызывали эти выродки. Янычары не принадлежали к тюркскому племени, они были сыновьями христиан — греков, сербов, венгров; украденные в детстве и воспитанные в духе ислама, они теперь признавали только одного хозяина — султана — и умели лишь убивать.

Их бритые подбородки контрастировали с роскошными бородами их восточных хозяев. У многих были голубые глаза и рыжие усы. Но на всех лицах лежала печать неукротимой волчьей жестокости, которая в них неустанно культивировалась с детства. Под их темно-синими плащами поблескивали кольчуги, под причудливыми высокими шапками скрывались стальные наголовники.

Кроме сабель, пистолетов и кинжалов каждый янычар носил с собой ружье с фитильным замком, а их офицеры имели при себе сумки с углем для того, чтобы зажигать запальные фитили. Между рядами воинов сновали дервиши в колпаках из верблюжьих шкур, извиваясь и дергаясь в ритуальных танцах. Музыканты извлекали из всевозможных инструментов немислимые сочетания звуков. Над всем этим разноцветным морем развевались знамена — малиновый флаг спагов, белый с золотым обоюдоострым мечом янычаров, штандарты из конских хвостов — семь султана, шесть — Главного визиря, три — аги янычаров. Так во всей красе Великий Турок демонстрировал свою мощь перед глазами неверных.

Но взгляд фон Кальмбаха был сосредоточен вовсе не на этом впечатляющем зрелище — он всматривался в более скромно одетые группы турок, обеспечивающих артиллерийскую опору войска. Наконец он в недоумении пожал плечами.

— Легкие пушки да всякая ерунда, — проворчал он. — А где же, дьявол ее дери, тяжелая артиллерия, которой так гордится чертов Сулейман?

— На дне Дуная! — отозвался стоявший рядом венгерский копыеносец и презрительно сплюнул вниз. — Вульф Хаген потопил те суда, где размещались эти хваленые пушки, а остальные, говорят, намокли из-за дождей.

Медленная усмешка тронула губы фон Кальмбаха.

— А что Сулейман сказал Сальму?

— Что он будет завтракать в Вене послезавтра — двадцать девятого.

Готтфрид лишь усмехнулся и покачал головой.

4

Осада началась грохотом пушек, свистом стрел и хлопками фитильных замков. Янычары укрылись в

развалинах пригородов, полуразрушенные стены которых все же смогли их защитить. Как только взошло солнце, они — под прикрытием огня — стали медленно продвигаться вперед.

Стоя возле орудия с обнаженным мечом, Готтфрид фон Кальмбах увидел, как со стены упал трансильванец-артиллерист и его мозги брызнули из огромной раны в голове, — это турецкое разрывное ядро разлетелось на куски слишком близко от стены.

Орудия турок лаяли, как бешеные псы, упорно долбя ядрами стены, древний камень крошился, проломы росли прямо на глазах. Янычары, чуть ли не ползком, продолжали продвигаться вперед, тоже ведя непрерывный огонь. Некоторые ядра по пологой дуге перелетали через стену, одно из них едва не задело Готтфрида. Он, яростно выругавшись, метнулся к оставленной трансильванцем пушке и вдруг заметил странную фигуру, которая что-то внимательно разглядывала, перевесившись через огромную брешь в стене.

Это оказалась женщина, но фон Кальмбах никогда не видел столь причудливого наряда даже на умеющих поразить воображение француженках. Она была довольно высокой, прекрасно сложенной и гибкой. Из-под широкого стального наголовника вырывались непокорные пряди волос, отливавшие на солнце красным золотом. Высокие сапоги из кордовской кожи закрывали ноги до середины бедра, скрываясь под мешковатыми короткими штанами, в которые была заправлена тонкая рубашка и короткая турецкая кольчуга. Тонкую талию охватывал зеленый шелковый пояс с целым набором оружия — пистолетами, кинжалом и длинной венгерской саблей. Все довершал небрежно брошенный на плечи ярко-алый плащ.

Эта удивительная особа разглядывала группу турок, кативших вперед огромную пушку.

— Эй, Рыжая Соня! — крикнул один из копьеносцев, махнув ей рукой. — Пошли их к дьяволу, девочка моя!

— Ты что, мне не доверяешь? — резко отозвалась она, подходя к пушке трансильванца и прикладывая фитиль к запальному отверстию. — Ты еще посмотришь на меня, песья башка, когда моей мишенью будет Роксолана...

Ужасная детонация заглушила ее слова, облако дыма накрыло всех находившихся рядом, а сильнейшая отдача перегруженной пушки опрокинула девушку на спину. В то же мгновение она вскочила на ноги, как распрямившаяся пружина, и бросилась к амбразуре, нетерпеливо вглядываясь сквозь дым. Он вскоре рассеялся, и все увидели то, что осталось от турецкой пушки и орудийной прислуги. Огромное ядро, размером больше чем с человеческую голову, прямым попаданием превратило орудие в груды покореженного металла. Остатки пороха взорвались и разнесли в клочья турок-артиллеристов, ранив осколками еще нескольких, находившихся неподалеку. С башни раздались возгласы ликования, а девушка по имени Соня издала победный клич и лихо закружилась в казачьей пляске.

Готтфрид смотрел на нее с откровенным восхищением, невольно любясь прекрасными линиями гибкого тела. Почувствовав пристальный взгляд германца, девушка звонко рассмеялась, и он заметил мерцающие огоньки в ее неуловимых по цвету глазах.

— Почему ты так хочешь, чтобы твоей мишенью была Роксолана, девочка? — спросил он, подойдя к ней ближе.

— Потому что эта мерзавка моя сестра! — с презрением ответила Соня.

В это мгновение над стенами прокатился оглушительный, леденящий душу вопль; девушка напряглась, как пантера перед прыжком, и выхватила саблю, ослепительно блеснувшую на солнце.

— Узнаю этот вой! — крикнула она. — Янычары!

Готтфрид метнулся к амбразуре. Он тоже узнал ужасающие звуки, которыми янычары начинали атаку, запугивая противника. Сулейман предполагал, что

легко покорит город, который стоял у него на пути к остальной Европе, и намеревался сокрушить его хрупкие стены одним ударом. Его абазы гибли, как мухи, прикрывая собой продвижение основного войска, и поверх груд их мертвых тел к Вене устремились янычары. Они вздымались, как волны, пересекая рвы по переброшенным, как мосты, лестницам. Их рядами косили австрийские пушки, но теперь атакующие были уже под самыми стенами, и ядра летали поверх их голов.

Испанские запальщики обрушивали огонь почти вертикально вниз, и янычары несли большие потери, но, приставив лестницы к стенам, воюющие безумцы упрямо лезли наверх. С земли, прикрывая их, непрерывно летели стрелы, сбивая вниз защитников города. Продолжали гроыхать турецкие полевые орудия, разбирая — где свои, где чужие. Невероятной силы удар внезапно отшвырнул Готтфрида, стоявшего у амбразуры, назад — ядро, выпущенное турецкой пушкой, разбило вдребезги зубец крепостной стены, размозив головы нескольким защитникам. Наполовину оглушенный, германец с трудом выбрался из-под камней и изуродованных тел товарищей и подошел к краю стены. Он посмотрел вниз и увидел стремительно надвигающуюся массу ревущих янычаров с искаженными безумием лицами и дико горящими глазами. Широко расставив ноги, Готтфрид взмахнул своим огромным, почти в человеческий рост, мечом и с силой обрушил его на головы атакующих. Несколько трупов полетело вниз, цепляясь мертвыми пальцами за окровавленную перекладину лестницы.

Этих он остановил, но янычары лезли со всех сторон, используя все сколько-нибудь подходящие проломы и бреши. Когда нескольким из них удалось взобраться наверх, они издали громогласный вопль радости, но никто из австрийцев не осмелился покинуть свой пост и броситься на прорвавшихся врагов, потому что теперь эти одержимые могли появиться на стене в любом месте и в любой момент. Ошеломленным защит-

никам казалось, что Вена окружена сверкающим бушующим морем, которое вздымается все выше и выше к крепостным башням.

Прикрывая спину, Готтфрид отступил назад и огляделся: три янычара копошились на последней перекладине лестницы почти у самых его ног. Германец обрушил свой тяжелый меч на их ятаганы и могучим усилием смел всех троих вниз. В ту же минуту чей-то клинок лязгнул по его шлему, и перед глазами Готтфрида вспыхнул сноп ослепительных искр. Не оборачиваясь, он наугад ударил мечом куда-то вбок и почувствовал, что сталь достигла цели — послышался отвратительный хруст, и чужая кровь потекла по его руке. Уловив за спиной какое-то движение, Готтфрид поспешно выдернул меч, но не успел он повернуться к новому врагу, как кто-то вскрикнул и одним прыжком оказался рядом с ним. Сталь сверкнула на солнце, и германец услышал скрежет расколовшихся доспехов.

Это Рыжая Соня пришла к нему на помощь, и ее бешеная атака была не менее ужасна, чем нападение расвирепевшей пантеры. Удары ее сабли следовали один за другим и каждый находил свою цель. С новыми силами Готтфрид набросился на янычаров, работая своим огромным мечом, словно цепом, — трупы валялись к его ногам. Вынужденные отступить, мусульмане балансировали на самом краю стены, затем одни прыгнули на лестницы, а другие с диким воплем полетели вниз.

Проклятья и насмешки непрерывным потоком срывались с губ Сони, а когда ее сабля достигала цели и кровь врага в который раз окрашивала лезвие, она возбужденно смеялась. Последний янычар, еще державшийся на стене, отчаянно сопротивлялся ее натиску, затем, отбросив ятаган, обеими руками вцепился в ее клинок. С глухим рычанием безумец качался на краю стены, пытаясь вырвать саблю из рук Сони, кровь потоками лилась из его изрезанных ладоней.

— Да отвяжись ты от меня, собака! — крикнула она. — Отправляйся к дьяволу на обед!

Она несколько раз повернула лезвие, превратив руки янычара в кровавое месиво, а затем с силой выдернула саблю. Янычар, опрокинувшись назад, рухнул со стены головой вниз.

Судя по всему, первая атака была отбита по всему периметру крепости. Орудия турок, сбавившие темп стрельбы, пока наверху шла борьба, вновь начали осыпая ядрами стены, и испанцы, припав к амбразурам, тоже ответили усиленным огнем.

Готтфрид подошел к Соне, которая чистила свою саблю, тихо бормоча что-то себе под нос.

— Клянусь Богом, — сказал он, протягивая ей широкую ладонь, — без тебя, девочка, этой ночью я бы, наверное, жарился в аду. Я думаю...

— Благодарю дьявола! — грубо отрезала Соня, отглатывая его руку. — Просто на стене были турки, пот и все. Не думай, что я рисковала своей шкурой, чтобы спасти твою, песья башка!

И с презрительной ухмылкой она повернулась и пошла прочь, огрызнувшись на ходу на грубоватые шуточки солдат. Готтфрид бросил хмурый взгляд ей вслед, но тут один из ландскнехтов дружески похлопал его по плечу.

— Навонь, это же просто ведьма! Она перепьет всех за столом и при этом сохранит совершенно ясную голову. А ругается похлеще любого испанца. Не переживай, она все равно не создана для любовных забав. Режь, коли, убивай — вот тут она мастер.

— Но кто она такая, черт побери? — прорычал Готтфрид.

— Рыжая Соня из Рогатина — больше мы о ней ничего не знаем. Сражается, как мужчина — Бог знает почему. Проклинает Роксолану, любимую жену султана, за то, что та ее сестра. Да, если бы татары перепутали девчонок той ночью и схватили бы Соню — Сулейману здорово бы досталось, клянусь Святым Петром! Так что оставь ее, дружище, она просто дикая кошка. Пойдем-ка лучше пропустим по кружечке зля!

Янычары, вызванные к разгневанному провалом атаки Главному визирю, клялись, что им помешал сам дьявол в обличье рыжеволосой женщины, которой помогал гигант в ржавых доспехах.

Ибрагим пропустил мимо ушей рассказ о женщине, но описание мужчины разбудило очень неприятные воспоминания. Отослав янычаров, он вызвал тартина Ярук Хана и отправил его в путь, приказав догнать Михала-оглы и спросить, почему тот до сих пор не прислал голову неверного в шатер султана.

5

Сулейману не удалось позавтракать в Вене утром двадцать девятого сентября. Он стоял на возвышенности Земмеринг перед своим роскошным шатром с золотыми башенками и охраной из пятисот солаков и наблюдал, как его войска тщетно пытаются пробиться в город. Он видел, что его азабы, словно песок в пустыне, расточают свои жизни, бессмысленно заполняя телами рвы, он видел, как его саперы, подобно кротам, роются в земле, стараясь установить мины в непосредственной близости от бастионов. В самом городе люди позволили себе вздохнуть с облегчением. Днем и ночью на стены прибывали все новые и новые пополнения. Судя по всему, предстояла длительная осада. В некоторых подвалах хозяева домов обращали внимание на непонятные сотрясения почвы, напоминавшие слабое землетрясение. Знатоки говорили о турецких минах, зарытых под стены, и предпринимали соответствующие контрмеры. Под землей люди сражались не менее яростно, чем наверху.

Вена оставалась сейчас последним оплотом христианства в море неверных. Ночь за ночью люди видели багровые отсветы пожаров, полыхавших там, где по разоренной земле рыскали акинджи. Изредка из внешнего мира приходили какие-нибудь новости — их

приносили те, кому посчастливилось сбежать из турецкого плена, — становившиеся день ото дня все более ужасными. В Верхней Австрии остались живыми меньше трети жителей — Михал-оглы в своих зверствах превзошел самого себя. Еще говорили, будто бы он кого-то специально разыскивает. Акинджи приносили ему человеческие головы и складывали перед ним в груды, а он жадно рылся среди обезображенных останков и, не найдя того, что искал, в звериной ярости отправлял своих дьяволов на новые злодеяния.

Эти рассказы воспаляли австрийцев гневом и отчаянной жаждой мести, стократно увеличивая их силы. Мины взрывались, образовывая бреши, и турки прорывались внутрь, но христиане преграждали им путь и в диком слепом безумии рукопашной схватки платили своими жизнями за те клятвы, которым остались верны.

Сентябрь перешел в октябрь, листья в венском лесу пожелтели и начали опадать, подули холодные ветры. Дозорные мерзли по ночам на стенах, которые к утру покрывались белым налетом инея. Но турки по-прежнему окружали город — Сулейман сидел в своем великолепном шатре и ждал, когда же наконец падет хрупкий барьер, вставший на пути его могучего войска. Никто, кроме Ибрагима, не осмеливался говорить с султаном: расположение духа Великого Турка было мрачнее, чем черные тучи, наползавшие с северных холмов. Ветер, завывавший вокруг шатра, казалось, пел погребальную песню завоевательским амбициям Сулеймана.

Ибрагим, пристально наблюдавший за перепадами настроения своего повелителя, понял, что настала пора привести в действие тайный план. После очередной тщетной атаки, длившейся с рассвета до полудня, он отозвал янычаров и велел им отступить в разрушенные пригороды для отдыха. Потом Главный визирь вызвал доверенного лучника и приказал выпустить в строго определенное место за крепостной стеной помеченную стрелу.

В тот день больше не предпринималось ни одной атаки: турки до темноты перетаскивали свои пушки от ворот Картнера к северной стене. Теперь следовало ожидать наступления с этой стороны, и потому большая часть защитников Вены переместилась туда. Но так ничего и не случилось, и какой бы ни была причина, солдаты радовались передышке — они валились с ног от усталости, теряя последние силы из-за кровоточащих ран и недосыпания.

Этой ночью огромная рыночная площадь перед дворцом эрцгерцога бурлила: в погребах одного богатого еврейского купца солдаты обнаружили огромный запас вина. Купец надеялся извлечь тройную выгоду, продав припрятанное вино, когда все остальные жидкости в городе кончатся. Не обращая внимания на гневные крики офицеров, разгоряченные солдаты принялись выкатывать из погребов на площадь огромные бочки и вскрывать их. Сальм решил не вмешиваться в ситуацию. Пусть лучше напьются, чем свалятся с ног от усталости и отчаяния, рассудил старый вояка и заплатил еврею из своего кошелька. К вождеченным бочкам со стен спускались все новые солдаты и тут же присоединялись к общему веселью, оставляя горожанам лишь незавидную роль наблюдателей.

Пьяные крики и песни вскоре слились в единый нестройный, но мощный хор, к которому изредка примешивались случайные выстрелы какой-нибудь пушки, мрачно диссонировавшие с этой безумной праздничной атмосферой площади. Готтфрид фон Кальмбах в очередной раз опустил свой шлем в бочонок и, наполнив его до краев, поднес к губам. Погрузив усы в вино, он отхлебнул добрый глоток и вдруг увидел поверх ободка шлема знакомую фигуру. Готтфрида вновь захлестнуло острое чувство обиды.

Рыжая Соня, по-видимому, приложилась уже не к одному бочонку — ее наголовник съехал на одно ухо, рыжие волосы в беспорядке разметались по плечам, а в глазах сверкали безумные огоньки.

— Ха! — презрительно крикнула она, увидев, что Готтфрид смотрит на нее, — Да это же великий покоритель турок, и его нос, как всегда, в бочонке! Дьявол бы побрал всех выпивох на свете!

Она опустила серебряный, с драгоценными камнями, кубок в бочку и, наполнив его до краев, осушила одним глотком. Готтфрид опустил шлем и мрачно уставился на нее.

— Ты что глаза-то таращишь? — развязно продолжала Рыжая Соня. — Я что, по-твоему, должна на тебя любоваться? Хорош красавчик, в ржавой кольчуге и с пустым кошельком! По мне даже Пауль Бакиш сходит с ума! Так что проваливай, пьянчуга, безмозглый пивной бочонок!

— Да будь ты проклята, подлая баба! — рявкнул Готтфрид. — И нечего задирать нос, когда твоя сестра — подстилка у султана!

Глаза Сони полыхнули огнем, и она обрушила на фон Кальмбаха поток замысловатых ругательств, на которые он не менее достойно отвечал.

Наконец рыжеволосой фурии показалось этого мало, и она стала угрожающе надвигаться на Готтфрида.

— Ну ты, рыжая бестия! — Фон Кальмбах качнулся ей навстречу. — Я вот сейчас возьму и утоплю тебя в этой бочке!

— Да ты сам там раньше окажешься, хряк паршивый! — крикнула она, перекрывая своим голосом громкий смех солдат, столпившихся вокруг. — Все равно от тебя никакого толку! Если бы ты так же доблестно сражался с турками, как с пивными бочонками!

— Разорви тебя псы, мерзавка! — зарычал Готтфрид. — Да я поотрывал бы им головы, если бы они не прятались возле своих пушек. Или прикажешь метать в них со стены кинжалы?

— Ну, что ты хорохоришься-то! — презрительно засмеялась Соня. — Разве у тебя когда-нибудь хватит мужества напасть на них самому? Ведь их там тысячи!

— Клянусь Богом! — Взбешенный гигант выхватил свой огромный меч и взмахнул им над головой. — Ни одна девка не смеет называть меня трусом или пьяницей! Я пойду и разнесу их проклятые шатры, даже если больше никто не захочет составить мне компанию!

Его последние слова утонули в невообразимом шуме. Пьяная толпа, взбудораженная спором, оживленно загалдела. Опустошив в считанные мгновения ближайшие бочки, солдаты принялись вытаскивать свои мечи и, шатаясь и галдя, направились к внешним воротам.

Дорогу им пытался преградить Вульф Хаген, он расшвыривал пьяных людей направо и налево и яростно кричал:

— Стойте, пьяные ослы! Не лезьте туда в таком виде! Стойте...

Но солдаты оттеснили его и устремились на мост диким безумным потоком.

Ночное небо чуть посветлело над восточными холмами, когда в окутанном безмолвием турецком лагере раздалась тревожная барабанная дробь. Турецкие часовые, едва опомнившись от изумления, выпустили в воздух сигнальные огни, чтобы предупредить лагерь о нашествии дикой орды христиан, которые валом валяли по навесному мосту, размахивая мечами и пивными кружками. Когда последний австрийский солдат миновал ров, мощный взрыв потряс воздух, стена у самых ворот задрожала, и от нее откололся огромный кусок. В турецком лагере поднялся страшный шум, но надвигавшаяся толпа не останавливалась.

Христианское воинство — около восьми тысяч солдат — устремилось к развалинам, в которых разместился костяк турецкого войска. Полусонные и обалдевшие от неожиданной вылазки — но одетые и при оружии — янычары начали спешно строиться в боевой порядок. Однако атакующие, не мешкая, бросились вперед; австрийцы превосходили числом мусульман, а кроме того, свою роль сыграли их пьяная ярость,

внезапность и быстрота нападения. Перед бешено свистящими в воздухе мечами христиан янычары дрогнули и начали отступать. Пригороды Вены превратились в арену кровавой бойни, где обе стороны, неистово рубя друг друга, вскоре покрыли землю месивом искромсанных тел. С высоты Земмеринг Сулейман и Ибрагим видели, как непобедимое воинство обратилось в бегство, в панике бросившись к ближайшим холмам в поисках укрытия.

А в это время в городе добровольцы спешно заделывали огромную брешь, возникшую в результате загадочного взрыва. Сальм был склонен считать, что это натворили — правда, неизвестно зачем — пьяные участники вылазки, в противном случае, под прикрытием оседающей пыли, турки уже проникли бы в город, воспользовавшись результатами своей диверсии.

Весь турецкий лагерь был охвачен смятением. Сулейман, вскочив на коня, отдал приказание спагам, и те, в боевом порядке, начали спускаться со склонов. И тут австрийцы, увлекшиеся погоней, внезапно поняли, что им самим угрожает опасность. Прямо перед собой они еще видели спины бегущих янычар, но с флангов на них уже накатывалась турецкая конница.

На смену пьяному безрассудству пришел страх, и вмиг протрезвевшие вояки подались назад, а вскоре отступление превратилось в повальное бегство. Бросая на ходу оружие, австрийцы что есть силы устремились к крепости. Турки мчались за ними до самого рва и даже попытались проскочить по мосту — прямо в распахнутые ворота. Но у моста преследователей встретил Вульф Хаген со своим отрядом. Они пропустили бегущих и сомкнули ряды, оцетинившись копьями. Строй спагов сломался, и у ворот Вены вновь завязалась кровавая схватка.

Готтфрид фон Кальмбах добровольно не покинул бы поля боя, но поток удирающих сотоварищей подхватил его и увлек за собой. Он бежал вместе со всеми, яростно ругаясь и проклиная все на свете. Внезап-

но споткнувшись, Готтфрид упал, ощутив, как охваченные паникой австрийцы несутся по его распростертому телу. Когда неистовые ноги перестали барабанить по доспехам, он поднял голову и увидел, что лежит рядом со рвом и никого, кроме турок, вокруг нет. Вскочив, Готтфрид, не раздумывая, нырнул в воду, успев заметить метнувшегося за ним мусульманина.

Фон Кальмбах отчаянно греб, стараясь добраться до противоположного берега, его руки мелькали в воздухе, словно крылья ветряной мельницы, но проклятый иноверец — скорее всего алжирский корсар, чувствуя себя в воде так же уверенно, как и на суше — подплывал все ближе и ближе. Готтфрид уже начал терять силы — тяжелые доспехи тянули его на дно — и все же ему удалось добраться до края рва. Оглянувшись на преследователя, он увидел занесенный кинжал, зажатый в смуглых пальцах догнавшего его алжирца. Готтфрид настолько обессилел, что не мог даже подумать об обороне, но в эту минуту на берегу послышался чей-то вскрик, перед лицом мусульманина возник пистолет, прогремел выстрел, и голова неверного разлетелась, как кочан капусты. Сильные тонкие руки подхватили тонущего германца за шиворот и потянули вверх.

— Держись за берег, придурок! — с натугой прозвучал голос. — Мне тебя не вытащить, ты, должно быть, вешишь целую тонну¹. Ну, давай же, цепляйся!

С невероятным трудом Готтфриду удалось кое-как выкарабкаться из рва, где он успел наглотаться грязной воды, и теперь его отчаянно мучило. Больше всего на свете ему хотелось спокойно полежать, но его спасительница заставила обессилевшего германца подняться на ноги.

— Турки пытаются прорваться на мост! Ворота сейчас закроют! Скорее, иначе мы не успеем!

Добравшись до ворот, Готтфрид огляделся по сторонам, словно только что проснулся.

¹ Тонна — старонемецкая мера веса — одна бочка. (Прим. ред.)

— Но где же Вульф Хаген? Я видел, как он защищал мост.

— Лежит мертвый среди двадцати дохлых ту-рок,— ответила Рыжая Соня.

Готтфрид сел на землю, чувствуя себя совершенно опустошенным, и, закрыв лицо огромными руками, заплакал. Соня нетерпеливо потрясла его за плечо.

— Послушай, чертово отродье, нечего тут сидеть и рыдать, как отшлепанный младенец. Ты со своими пьянчугами натворил, конечно, дел, но этого уже не исправишь. Вставай, и пойдем в таверну, выпьем пива.

— Почему ты вытащила меня? — спросил Готтфрид.

— Потому что такая дубина, как ты, никогда не сможет о себе позаботиться. Рядом с тобой должен быть кто-то мудрый, вроде меня, чтобы поддерживать жизнь в этом неуклюжем и бестолковом теле.

— Но я думал, ты меня презираешь!

— Ну и что, женщина может менять свое мнение, разве не так? — отрезала она.

Вдоль стен копьеносцы отгоняли лезущих в частично заделанную брешь мусульман. А в шатре султана Ибрагим объяснял своему повелителю, что только дьявол мог нашептать неверным мысль устроить эту пьяную вылазку как раз в момент взрыва и сорвать тщательно подготовленный план взятия города. Взбешенный Сулейман впервые говорил со своим другом кратко:

— Нет, это твой промах. Довольно интриг! Где умение и искусство терпят поражение, верх одержит невидимая сила. Отправь гонца за акинджи, они нужны здесь, чтобы заменить павших. Объяви о подготовке к следующему штурму.

6

Предыдущие атаки не шли ни в какое сравнение со штурмом, который обрушился теперь на стены Вены.

Днем и ночью не умолкал грохот пушек, и ядра непрерывно падали на улицы и крыши домов. Защитники города погибали, а воинские резервы были уже исчерпаны. Страх и отчаяние поселились в душах людей, и, казалось, этому аду никогда не будет конца.

Расследование показало, что мина, разрушившая часть стены у ворот Карнтнера, была заложена не снаружи. К месту взрыва вел длинный туннель, начинавшийся в самом обычном погребе. И в ту ночь, когда произошла пьяная вылазка, кто-то взорвал под стеной огромное количество пороха. Теперь стало ясно, что турки перетаскивали свои пушки к северной стене только для того, чтобы отвлечь внимание от ворот Карнтнера и дать предателям возможность спокойно сделать свою грязную работу.

Граф Сальм и его помощники предпринимали титанические усилия для обороны Вены. Престарелый командующий, наделенный сверхчеловеческой энергией, постоянно находился на стенах, поддерживал упавших духом, помогал раненым, сражался у амбразур бок о бок с простыми солдатами, не обращая внимания на опасность.

А за стенами крепости смерть пиrowала вовсю. Сулейман снова и снова гнал своих людей на штурм, словно они были его злейшими врагами. Среди его воинов начался мор, из опустошенных земель вокруг не поступало никакой пищи. Холодные ветры беспощадно дули с Карпатских гор, и воины дрожали в своих легких восточных одеждах. В морозные ночи у часовых руки примерзали к оружию. Земля стала жесткой, как камень, и саперы с трудом ковыряли ее своими инструментами. Потом начались проливные дожди — порох намокал, делая бесполезными самые мощные пушки. Равнина вокруг города превратилась в смердящую тряси́ну, и множество мертвых тел, разлагавшихся в ней, стали источником всевозможных болезней.

Лихорадочная дрожь охватывала Сулеймана, когда он окидывал взглядом свой лагерь. Под зловещими

свинцовыми небесами его обессиленные воины копошились в грязи, словно призраки. Зловоние от тысяч трупов отравляло воздух и раздражало ноздри. Султану временами казалось, что жизнь навсегда покинула равнину, а те, кто еще ползал по ней, давно умерли и двигались только благодаря беспощадной воле их повелителя. На мгновение татарин в нем взял верх над турком, и он затрясся от страха, но вскоре смог справиться с этой слабостью. Внимательно оглядев старые, залатанные во множестве мест стены города, он снова задал себе вопрос: сколько же еще они смогут продержаться?

— Объяви сигнал к атаке. Тридцать тысяч асперов тому, кто первым заберется на стену!

Главный визирь беспомощно развел руками.

— Дух покинул наших воинов. Они больше не в силах выносить мерзости этой ледяной страны.

— Гони их на стены кнутами,— сурово ответил Сулейман.— Это ворота в Европу. Другого пути нет.

Над лагерем загремела барабанная дробь. На стенах усталые защитники христианского мира поднялись и сжали в руках свое оружие, понимая, что смерть вновь раскрывает свои объятия.

Офицеры султана начали поднимать своих солдат на последний, решающий штурм. В воздухе засвистели кнуты, и вся равнина огласилась криками боли и страха. Обезумевшие солдаты бросились к городу, как сорвавшиеся с цепи голодные псы. Они лезли на стены и откатывались назад под огнем защитников, но снова лезли, теперь уже понимая, что это их судьба. Незаметно опустилась ночь, и в темноте, освещаемой артиллерийскими залпами и пламенем факелов, атаки стали еще яростнее. Зная только ужасную, непоколебимую и абсолютную волю султана, его воины сражались всю ночь, забыв обо всем.

Рассвет был подобен Армагеддону. У стен Вены вырос вал из мертвых тел, закованных в стальные доспехи. Оперенье их шлемов лениво шевелил ветер. И

по этим трупам, шатаясь, к стенам шли живые воины, мало отличавшиеся от мертвых, с ввалившимися глазами, но с безумной жадой битвы.

Они лезли на стены, падали, отступали, снова строились в ряды... снова... и сами боги застыли в изумлении перед титанической способностью людей переносить бесконечные страдания. В смертельной схватке сошлись Азия и Европа. Вокруг стен бушевало море восточных лиц — турок, татар, курдов, арабов, алжирцев — воющих, кричащих, умирающих под разрывными ядрами испанцев, на копьях австрийцев, под ударами огромных двуручных мечей германцев. В этой вселенской бойне все ценности уже потеряли свой смысл, осталась только смерть.

Для Готтфрида фон Кальмбаха жизнь сузилась до одного простого действия — взмаха его огромного меча. Он сражался у гигантского пролома на башне Карнтнера долгие часы, а потом время остановилось. Казалось, уже целую вечность обездумевшие лица — дьявольские морды — с воем и рычанием поднимались перед ним, и кривые ятаганы каждое мгновение плясали у него перед глазами. Он не чувствовал своих ран, не ощущал усталости. Задыхаясь от дыма и пыли, ослепленный заливавшим глаза потом и кровью, он относился к смерти, как к сбору урожая, смутно чувствуя лишь тонкую фигуру рядом с собой, так же, как и он, наносящую непрерывные удары по искаженным лицам — сначала со смехом, проклятиями и боевыми кличами, затем — в мрачном молчании.

Готтфрид потерял себя в этом сверкании стали. Он смотрел — и не видел, фиксировал — и не понимал... Рядом с ним упал граф Сальм, смертельно раненный разорвавшейся бомбой; потом, кажется, стемнело и он все реже взмахивал своим тяжеленным мечом, но так и не осознал, что нескончаемый смертный прибой начал затухать. До фон Кальмбаха с трудом дошло, что Николас Зриньи тащит его прочь от заваленной телами брешы со словами:

— Давай, благородный человек, иди отдохни. Мы разбили их наголову. Все кончено.

Готтфрид вынырнул из забвения лишь на узкой, темной и заброшенной улочке. Он не помнил, как оказался здесь, только смутно шевельнулось в душе неясное воспоминание о чьей-то зовущей руке, коснувшейся его локтя. Готтфрид вдруг ощутил невыносимый вес своих доспехов, ноги буквально подгибались под их тяжестью. И этот странный пугающий звук — то ли грохот пушки, то ли эхо его воспоминаний. Ему казалось, что он должен немедленно кого-то разыскать — кого-то, кто очень много значил для него. Но мозг не воспринимал настоящего и не помнил прошлого. Казалось, когда-то давным-давно удар меча расколол его шлем. Он пытался вспомнить как это было, но лишь снова ощущал тот страшный удар, пробивший ему голову так, что начал вытекать мозг. Он выдернул осколки черепа из раны и швырнул их на мостовую.

И снова рука сжала его локоть. Чей-то голос звал:
— Вино, мой господин — пейте!

Он смутно увидел тонкую, одетую в черное фигуру, протягивающую ему пивную кружку. Задышавшись, он взял ее и ткнулся лицом в прохладную жидкость, глотая ее с жадностью человека, умирающего от жажды. Затем ночь обрушилась на него миллионами сверкающих искр, словно в голове взорвался пороховой склад. И наступили тьма и забвение.

Он медленно приходил в себя, ощущая мучительную жажду, дикую головную боль и страшную усталость, которая, казалось, парализовала все его тело. Связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту, Готтфрид, медленно поворачивая голову, определил, что находится в маленькой, пустой и пыльной комнате, из которой наверх вели каменные ступени. Он догадался, что это помещение, скорее всего, в нижней части башни.

У грубого стола с оплывшей свечой стояли двое одетых в черное мужчин, оба худощавые и горбоносые — без сомнения, азиаты.

Готтфрид вслушался в разговор, который они вели приглушенными голосами. За время своих странствий он научился понимать многие языки. Узнал он и тех, кто находился сейчас в комнате — армянских купцов Шорука и его сына Рулена. Готтфрид вспомнил, что часто видел Шорука в последние недели — с тех пор, как в лагере Сулеймана появились куполообразные шлемы акинджи. Очевидно, по какой-то странной причине купец следил за ним. Сейчас Шорук читал своему сыну то, что написал на куске пергамента:

— «Мой господин, хотя я и напрасно взорвал стену Карнтнера, у меня есть новость, способная доставить радость сердцу моего господина. Мой сын и я поймали германца, фон Кальмбаха. Когда он ушел со стены, безумный от битвы, мы последовали за ним и незаметно подвели его к известной вам разрушенной башне. Мы дали ему вина со снотворным зельем, а потом связали. Пусть мой господин пошлет эмира Михала-оглы к стене возле башни, и мы отдадим германца ему в руки. Мы привяжем пленника к старой баллисте и сбросим со стены, как срубленное дерево».

Шорук взял стрелу с серебряным оперением и начал оборачивать пергамент вокруг ее древка.

— Поднимись на крышу и пусти стрелу в щитмантелет, как обычно, — начал было он, как вдруг Рулен воскликнул:

— Харк!

Оба застыли, и глаза их, как у попавших в ловушку хищников, засветились страхом и злобой.

Готтфрид попытался вытолкнуть языком кляп, и это ему удалось. Снаружи он услышал знакомый голос:

— Готтфрид! Где ты, дьявол тебя дер?

Он набрал в грудь воздуха и громоподобно крикнул:

— Эй, Соня! Ради Бога! Будь осторожна, девочка...

Шорук завыл, как волк, и в ярости ударил Готтфрида по голове рукояткой кривой сабли. Почти в то же мгновение дверь с грохотом открылась, и, словно

во сне, фон Кальмбах увидел в дверном проеме Соню с пистолетом в руке. Ее лицо осунулось и потемнело, а глаза горели, как раскаленные угли. Наголовник и ярко-алый плащ остались где-то на крепостной стене, кольчуга была разорвана, сапоги изрублены, а короткие штаны запачканы кровью и грязью.

С гортанным криком Шорук бросился на нее, размахивая саблей. Но Соня увернулась и обрушила свой пистолет на череп старика. В ту же минуту к ней подскочил Рулен, метя в горло кривым турецким кинжалом. Отбросив пистолет, девушка схватила одной рукой молодого армянина за запястье, а другой вцепилась ему в горло. Задыхаясь, Рулен споткнулся и повалился на спину. Воспользовавшись этим, Соня безжалостно стукнула парня несколько раз головой о каменный пол, пока его глаза не закатились и не застыли. Затем она отшвырнула безжизненное тело и выпрямилась.

— О Боже! — пробормотала она, хватаясь руками за голову. Затем, пошатываясь, подошла к германцу и, встав возле него на колени, перерезала веревки.

— Как ты меня нашла? — спросил Готтфрид, еще не веря, что все это наяву.

Соня подошла к столу и рухнула на стоявший рядом стул. Увидев кувшин вина, она схватила его и принялась жадно пить, затем вытерла рот рукавом и взглянула на Готтфрида все еще усталым, но уже вполне осмысленным взглядом.

— Я видела, как ты ушел со стены, и поплелась за тобой. Я была еще настолько пьяная от бойни, что едва соображала, зачем это делаю. Но тут я заметила, как эти псы повели тебя куда-то в темноту, и потеряла вас из виду. Но потом я наткнулась на твой шлем — он валялся на улице — и решила позвать тебя. Ну и что все это значит?

Она схватила стрелу и развернула пергамент. Очевидно, Соня умела читать по-турецки, но она перечла письмо раз пять или шесть, прежде чем смысл написанного дошел до ее сознания. Сверкнув глазами,

она гневно взглянула на армян. Шорук уже сидел, в ужасе ощупывая рану на голове; Рулен лежал, корчась и булькая.

— Свяжи-ка их, братец, — велела она, и Готтфрид подчинился. Пленники смотрели на девушку с откровенным ужасом.

— Это послание адресовано Ибрагиму, Главному визирю, — резко сказала она. — Зачем ему нужна голова Готтфрида?

— Из-за раны, которую германец нанес султану при Мохаче, — с трудом произнес Шорук.

— Так значит, это ты, дерьмо собачье, взорвал мину у ворот Карнтнера! — горько улыбнулась Соня. — Ты и твой ублюдок и есть те самые предатели. — Она взяла в руки пистолет. — Когда Зриньи узнает об этом, конец ваш не будет ни легким, ни скорым. Но сначала, старая свинья, я собираюсь повеселиться и разнесу башку твоему выродку прямо у тебя на глазах...

Старый армянин издал вопль, полный ужаса и отчаяния.

— О, бог моих предков, молю о милосердии! Убей меня, пытай меня, но только избавь от этого моего сына!

В это мгновение новый звук прорезал тишину — огромный колокол, казалось, сотрясал воздух.

— Что это? — крикнул Готтфрид, инстинктивно схватившись за пустые ножны в поисках оружия.

— Колокола Святого Стефана! — радостно воскликнула Соня, — Они возвещают о победе!

Она прыгнула на истертую временем лестницу, и Готтфрид устремился за ней. Они вышли на полуобвалившуюся, прогибающуюся крышу, где — на наиболее прочной части — стояла древняя камнеметательная машина, похоже, недавно восстановленная.

Башня возвышалась над сходящимися под углом крепостными стенами; дозорных здесь неставляли, поскольку эта часть укреплений была практически непреодолимой. Часть старинного бруствера и древ-

ний глубокий ров, отделенный крутым естественным земляным скатом от главного рва, не оставляли атакующим ни малейшего шанса добраться до города.

Предатели имели возможность обмениваться здесь посланиями, почти не опасаясь разоблачения. Используемый метод угадать было нетрудно. Вниз по склону, как раз в пределах дальности полета стрелы, виднелся огромный, словно случайно забытый, щит из бычьей шкуры, натянутой на деревянную раму. Именно в него летели помеченные стрелы с донесениями.

Готтфрид окинул взглядом турецкий лагерь и вдруг увидел пляшущие языки пламени, обесцвеченные первыми лучами восходящего солнца. Внезапно до его ушей донеслись страшные, нечеловеческие вопли, заглушаемые до этого громким перезвоном колоколов.

— Янычары сжигают пленных, — с горечью сказала Соня.

— Рассвет Судного дня, — в замешательстве пробормотал Готтфрид, ошеломленный зрелищем, представшим перед его глазами.

С башни они могли видеть почти всю равнину. Под холодным свинцовым небом она представляла собою жуткое зрелище, и даже солнечный свет не мог скрасить эту картину. Повсюду, насколько хватало глаз, на земле лежали мертвые тела.

А оставшиеся в живых покидали равнину. Уже исчез с возвышенности Земмеринг огромный шатер Сулеймана — так же как и остальные, поменьше — в долине, и голова длинной колонны скрылась из виду, затерявшись среди холмов где-то на востоке.

Внезапно крупными белыми хлопьями повалил снег.

— Прошлой ночью они сделали последнюю попытку, — сказала Рыжая Соня. — Я видела, как офицеры гнали их кнутами, посылая на наши мечи. Этот ужас больше не повторится.

Снег продолжал валить, покрывая опустевшую равнину белым саваном.

Янычары срывали безумное разочарование на беззащитных пленниках, бросая их живыми — мужчин, женщин, детей — в огонь, который они разожгли пред сумрачными глазами своего повелителя, султана, Великолепного и Великодушного. Все это время колокола Вены звонили и гремели, не переставая, словно они зывали к небесам вместе с людьми, испытавшими на себе «милосердие» Сулеймана.

— Смотри! — крикнула Соня, схватив Готтфрида за руку. — Акинджи пойдут в хвосте колонны, прикрывая ее с тыла.

Даже с такого расстояния они увидели крылья грифа, развевающиеся среди темных копошащихся фигур, и зловеще поблескивающий шлем, украшенный драгоценными камнями. Перепачканные пороховом Сонины руки сжались так, что ногти впились в побелевшие ладони.

— Он уходит, ублюдок, превративший Австрию в выжженную пустыню! Сколько загубленных им душ летят сейчас за его погаными крыльями, вопя об отмищении! Но, по крайней мере, ему хоть не досталась твоя голова!

— Да, она мне самому еще пригодится, — мрачно пробормотал гигант.

Зоркие глаза Сони внезапно сузились. Схватив Готтфрида за руку, она поспешила к лестнице. Они уже не видели, как в этот момент Николас Зриньи и Пауль Бакиш выехали из ворот во главе крошечного отряда изможденных австрийцев — чтобы попытаться спасти пленных. Вдоль турецкой колонны вновь зазвенела сталь. Акинджи, свежие и полные сил, жестоко отражали атаки храбрецов. Чувствуя себя в полной безопасности, Михал-оглы презрительно усмехался над нелепым поступком этих неверных. А вот Сулейману, ехавшему в главной колонне, казалось, уже ни до чего нет дела. Он выглядел как покойник на собственных похоронах.

Вернувшись в нижнюю комнату, Рыжая Соня поставила ногу на стул и, уперев подбородок в кулак, грозно уставилась в полные страха глаза Шорука.

— Сколько стоит твоя жизнь, старый пес? — спросила она.

Армянин молчал.

— А что ты дашь за жизнь своего выродка?

Старик дернулся, как ужаленный.

— Пощади моего сына, принцесса! — взмолился он. — Все, что угодно... я заплачу... все заплачу!

Соня уселась на стул и скрестила руки на груди.

— Я хочу, чтобы ты послал сообщение.

— Кому?

— Михалу-оглы.

Армянин вздрогнул и облизал пересохшие губы.

— Скажи, что надо сделать, и я выполню, — прошептал он.

— Хорошо. Я дам тебе коня. Твой сын останется здесь — заложником. И если ты не выполнишь мой приказ, я отдам твоего ублюдка жителем Вены...

Старик снова вздрогнул.

— Я и мой приятель — мы отпустим вас обоих и забудем о вашем вероломстве, но ты должен догнать Михала-оглы и сказать ему...

Турецкая колонна медленно двигалась по слякоти вперед скливая падающий снег. Кони низко гнули головы под сильный порывами ветра, верблюды, глухо ворча, плелись на подгибающихся ногах, а быки пронзительно и жалобно ревели. Люди вязли в непролазной грязи, сгибаясь под тяжестью оружия и снаряжения. Уже стемнело, но приказа остановиться на отдых все не было. Весь день отступавших турок беспокоили дерзкие нападения австрийских кирасиров, которые набрасывались на колонну, как осы, и выхватывали пленных прямо из рук. Мрачный Сулейман ехал в окружении своих солаков. Он хотел оказаться как можно дальше от проклятых стен Вены, где тела павших тридцати тысяч мусульман напоминали ему о его рухнувших амбициях, убежать от горечи поражения и позора.

Он был господином Западной Азии, но хозяином Европы так и не стал. Эти презренные стены спасли

западный мир от мусульманского господства; раскати-
стый гром, возвещающий о неслыханной мощи Отто-
манской Империи, эхом облетел мир, империя затмила
славу Персии и Могольской Индии, но желтоволосые
варвары Запада остались непобежденными. Видимо, на
небесных скрижалях было написано, что турки никог-
да не смогут господствовать за Дунаем.

Стоя на Земмерингской возвышенности и глядя,
как позорно бежит от крепостных стен его непобеди-
мое воинство, Сулейман прочел эту волю небес, начер-
танную кровью и огнем. Теперь следовало спасать ав-
торитет власти, и султан отдал приказ свертывать
лагерь. Это далось Сулейману нелегко — слова жгли
ему язык — но иного выхода не было: солдаты уже
начали жечь шатры, собираясь бросить своего госпо-
дина и бежать из этой проклятой страны. Теперь Су-
лейман ехал в мрачном молчании, не разговаривая ни
с кем, даже с Ибрагимом.

Михал-оглы по-своему разделял дикое, безысход-
ное отчаяние Сулеймана и Главного визиря. Лютую
ненависть и злобу у него вызывало то, что теперь он
бесславно уходит из страны, которую уже успел хоро-
шенько потрепать; так еще не насытившаяся гиена
огрызается, когда ее отгоняют от добычи. С мститель-
ным удовлетворением он вспоминал выжженные, за-
валенные трупами земли, прежде цветущие и полные
жизни; страшные крики и стоны жертв, растоптанных
копытами его коня; мольбы женщин, отданных на по-
теху его железному воинству, и жуткие вопли этих же
женщин, которым его акинджи, насытившись, воспа-
рывали животы.

К тому же его грызли досада и разочарование —
он не выполнил приказ Главного визиря, и тот отхлес-
тал его обидными, жалящими в самое сердце словами.
Теперь он потерял покровительство Ибрагима. Любой
другой на его месте поплатился бы жизнью, а он еще
может вернуть утраченное доверие и доказать свою
преданность, совершив нечто невероятное во славу

своего повелителя. Михал-оглы ждал подходящего случая, особенно опасный и безжалостный, как раненый зверь.

Снег валил тяжелыми хлопьями, усиливая тяготы безрадостного пути. Раненые, обессилев, падали на дорогу и оставались лежать, захлебнувшись грязью. Михал-оглы ехал позади своего отряда, зорко всматриваясь во тьму, но уже многие часы враги не беспокоили войско Великого Сулеймана: австрийцы, отбив пленников, с победой вернулись в город.

Колонна медленно двигалась через сожженную дотла деревню, обугленные столбы торчали из белоснежных сугробов, как пальцы мертвых великанов. По рядам передали приказ султана разбить лагерь в долине, в нескольких милях отсюда.

Позади колонны послышался конский топот; акинджи молниеносно развернулись, выставив в темноту пики. Но вместо вражеского отряда их взглядам предстал одинокий всадник — на высоком сером жеребце неуклюже сидел человек, закутанный в черный плащ. Подъехав поближе, он позвал Михала-оглы. Главарь акинджи остановился и, приказав дюжине своих подручных с изготовленными луками не спускать глаз с дороги, крикнул в ответ:

— Шорук! Это ты, армянский пес! Что тебе надо, во имя Аллаха?

Армянин подъехал вплотную к Михалу-оглы и что-то торопливо зашептал ему на ухо. Главарь акинджи заметил, что Шорук трясется, как осиновый лист, старик с трудом проталкивал слова сквозь сведенные судорогой губы. Наконец Михал-оглы понял, о чем идет речь, и глаза его сверкнули злобной радостью.

— Ты не врешь, старый пес?

— Провалиться мне в ад, если я вру! — поклялся Шорук и задрожал еще сильнее, судорожно кутаясь в свой тонкий черный плащ. — Он упал с коня, когда вместе с кирасирами догонял вашу колонну, и теперь лежит со сломанной ногой в пустой крестьянской хи-

жине в трех милях отсюда — с ним только его женщина, Рыжая Соня, и несколько пьяных ландскнехтов.

Михал-оглы весь напрягся, ноздри его раздулись, он резко развернул коня и пролаял:

— Двадцать человек ко мне! Остальные продолжают охранять колонну. Я еду за головой, которая принесет мне в три раза больше золота, чем весит. Я догоню вас по пути к временному лагерю.

Отман, пытаясь удержать командира, схватил украшенные драгоценными камнями поводья его коня.

— Ты что, спятил? Возвращаться назад, когда крутом шныряют австрийцы...

Он резко откинулся назад, когда главарь акинджи хлестнул его по губам конской плеткой. Вытирая рукавом кровь, Отман видел, как Михал-оглы тронул коня, и маленький отряд двинулся за старым армяником. Словно призраки, они исчезли в кромешной тьме.

Отман в нерешительности смотрел им вслед. Снег продолжал валить, ветер зловецом завывал в голых ветвях деревьев. До акинджи не доносилось никаких звуков — только едва различимый шум удаляющейся колонны. И вдруг Отман замер. С той стороны, куда только что умчался Михал-оглы, донесся приглушенный расстоянием грохот, словно разом взорвались тридцать или сорок разрывных ядер, а затем мертвая тишина опустилась на лес. Акинджи охватила паника. Хлестнув коней, они что есть силы помчались через разрушенную деревню догонять основное войско.

7

Никто даже не заметил, когда на Стамбул опустилась ночь, потому что роскошь и богатство Сулеймана сделали ее не менее прекрасной, чем день. Сады источали пряные ароматы курильниц, в небе вспыхивали и гасли яркие искры, подобные мириадам звезд. Фейерверки превратили город в настоящее царство магии, и

в потоках огня минареты пятисот мечетей возвышались, как маяки в океане золотой пены. На азиатских холмах замерли от восхищения представители всех племен, любуясь этим зрелищем, затмившим сами звезды. Улицы Стамбула кишели толпами празднично одетых людей, и их ликующие возгласы поднимались до самых небес. Миллионы огней многократно отражались в драгоценных камнях роскошно украшенных тюрбанов, в золоте расшитых халатов, в темных глазах над тонким покрывалом, в полированных боках паланкинов, которые несли на плечах огромные чернокожие рабы.

Центр празднества находился на Ипподроме. Там нарядные вельможи демонстрировали чудеса выездки своих роскошных скакунов; турецкие и татарские наездники состязались в головокружительных скачках с арабскими и египетскими всадниками; воины в сверкающих доспехах сражались до крови на потеху толпе; африканских львов натравливали на тигров из Бенгалии и диких вепрей из северных лесов. Казалось, возродились пышные зрелища времен Римской Империи, но только с восточным колоритом.

На золоченом троне, установленном на нефритовом основании, восседал Сулейман, снисходительно — как некогда порфиноносные римские цезари — взирая на все это великолепие. Вокруг него с выражением крайней почтительности и благоговения на лицах толпились визири, офицеры и послы чужеземных дворов — из Венеции, Персии, Индии, татарских ханств. Они прибыли, чтобы поздравить султана с победой над австрийцами и принять участие в грандиозных торжествах. Сулейман издал манифест, в котором говорилось, что Австрия на коленях просила милости у султана, и он великодушно разрешил побежденным оставить себе крепость Вену — эта ничтожная пылинка, к тому же находящаяся бесконечно далеко от Оттоманской Империи, не может угрожать Истинной вере.

Сулейман ослепил мир блеском своего могущества, богатства и славы, но тщетно пытался заставить

самого себя поверить, что действительно осуществил свои намерения. Казалось бы — его войско не было разбито на поле битвы; он посадил своего ставленника на венгерский трон; опустошил Австрию и наполнил рынки всей Азии рабами-христианами — этими доводами султан ублажал свое тщеславие. Но несбывшиеся мечты о покорении Европы и воспоминания о бесславной гибели тридцати тысяч мусульман под стенами Вены жгли его душу.

Позади трона красовались военные трофеи: шелковые и бархатные шатры, отнятые у персидских, арабских и египетских мамелюков — давних врагов султана, богатые ковры, гобелены, тяжелые от золотого шитья. У ног Сулеймана лежали груды даров, поднесенных послами из дружественных государств. Там были венецианские бархатные куртки, золотые, инкрустированные драгоценными камнями кубки из дворцов Великого Могола, подбитые горностаем кафтаны из Арзрума, серебряные персидские шлемы с разноцветными плюмажами, шелковые тюрбаны, искусно украшенные египетскими геммами, кривые клинки дамасской стали, доспехи и щиты индийской работы, редчайшие меха из Монголии.

По обеим сторонам трона теснились длинные ряды юных рабов, золоченые ошейники которых были прикованы к одной длинной серебряной цепи. Один ряд составляли обнаженные греческие и венгерские мальчики, другой — девочки; крошечные шапочки с перьями и драгоценные пояса лишь подчеркивали их невинную наготу.

Евнухи в просторных одеждах, подпоясанных золочеными кушаками, с поклоном предлагали гостям шербет, охлажденный льдом со снежных вершин Малой Азии, в богато украшенных геммами кубках. Янычары разыгрывали театрализованные представления военных действий; офицеры швыряли в толпу пригоршни медных и серебряных монет. Никто не страдал от голода и жажды в эту ночь в великом городе Стамбуле, за исключением презренных кафарских рабов.

Неописуемая пышность торжества — свидетельство бесконечного могущества турецкого султана — ошеломила иноземных послов. По огромной арене бродили обученные слоны под кожаными, с золотой отцепкой, накидками, и из сверкающих драгоценными камнями башенок на их спинах раздавались звуки фанфар и рожков, перекрывавшие шум толпы и рычание хищников. Море лиц заполняло все ярусы Ипподрома, и каждое, словно цветок к солнцу, поворачивалось в сторону сверкающего трона, и тысячи языков приветствовали и восхваляли восседавшего на нем.

Сулейман знал: если он произвел впечатление на венецианского посла, значит удивил и весь мир. Видя все его великолепие, люди забудут, что горстка отчаянных кафаров за полуразрушенными крепостными стенами закрыла ему дорогу в Европу, положив конец мечте о всемирной империи. Сулейман взял кубок вина, запрещенного Кораном, и посмотрел в сторону Главного визиря, который вышел вперед и поднял руки.

— О, гости моего повелителя, Падишах не забывает о своих самых преданных подданных в этот час всеобщего ликования. Офицерам, которые вели своих солдат против неверных, он жалует много дорогих подарков. Еще он дает сорок тысяч дукатов, чтобы распределить их среди простых солдат, а также каждому янычару он дает по тысяче асперов.

Над Ипподромом поднялся радостный рев толпы, приветствующей щедрость великого султана. В эту минуту к Главному визирю приблизился евнух и, встав на колени, протянул ему большой круглый пакет, тщательно перевязанный и запечатанный сургучом. К пакету прилагался скрученный кусок пергамента, с круглой красной печатью. Султан с удивлением и любопытством взглянул на Главного визиря.

— Что это, дорогой друг?

Ибрагим склонился в низком поклоне.

— Это доставил гонец из Адрианополя, о Лев Ислама. Вероятно, какой-нибудь подарок от австрийских

псов. Неверные привезли его к границе и отдали в руки стражникам, а те переправили прямо в Стамбул.

— Открой его, — приказал Сулейман, со все возрастающим интересом глядя на неожиданное подношение.

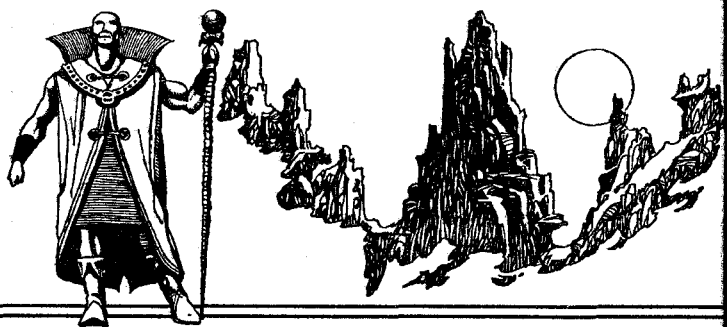
Евнух отвесил поклон до самого пола, а затем начал взламывать печать на пакете. Обученный грамоте раб развернул пергамент и принялся читать его содержание, написанное уверенной, хотя и женской рукой:

— «Султану Сулейману, визирю Ибрагиму и шлюхе Роксолане мы, нижеподписавшиеся, посылаем подарок в знак самого глубокого расположения. Соня из Рогатина и Готтфрид фон Кальмбах».

Сулейман, вздрогнувший при упоминании имени его любимой жены, внезапно побледнел, как полотно, а затем дикий вопль вырвался из его груди, и эхом вторил ему Ибрагим.

Евнух взломал все печати на пакете и извлек из него то, что там лежало. Едкий запах трав и порошков наполнил воздух, и предмет, выскользнув из задрожавших рук евнуха, упал прямо на груды даров к ногам Великого Турка, являя собой дикий контраст с геммами, кубками и бархатными куртками. Сулейман в ужасе уставился на него, и в это мгновение создаваемый годами образ всемогущего повелителя растаял без следа, слава обернулась мишурой и пылью. Ибрагим вцепился в свою бороду, издавая клоочущие, булькающие звуки, лицо его побагровело — казалось, он задышался.

Возле золотого трона, на груды подарков, оскалась гримасой ужаса, лежала голова Михала-оглы, грифа Великого Турка.

НЕСТ САМЕРКЕНД

Тишину разорвал громкий щелчок тетивы, и перепуганный конь громко заржал. Оперенная стрела вонзилась под переднюю ногу коня, и он рухнул на землю вперед головой.

Падая, всадник, пружиня ногами, приземлился, лязгнув стальными доспехами. Отчаянно пытаясь сохранить равновесие при падении, он широко раскинул руки, при этом его мушкет отлетел на несколько футов, а запальный фитиль выпал.

Всадник вытащил из ножен меч и огляделся, пытаясь отыскать маленькие, как бусинки, блестящие черные глазки, которые — он знал это точно — смотрели на него откуда-то слева, из густых зарослей, окаймлявших сухое болото. Пока он искал убийцу, тот встал во весь рост и мгновенно, одним движением, перепрыгнул через корягу. В злобещей тишине вечерних сумерек раздался торжествующий вопль. Двое стояли лицом к лицу, разделенные лишь пятьюдесятью футами рыжевато-коричневого песка, как воплощение Старого и Нового Мира.

Вокруг них простиралась голая равнина, которая исчезла за горизонтом в чуть заметной дымке, заволакивающей бирюзовый край неба. Ни крика птицы, ни

движения зверя! Только мертвый конь. В этом безмолвном пространстве были лишь двое: один — высокий, седобородый, в потускневших стальных латах, другой — индейский воин с медно-красным лицом, в расшитой бисером набедренной повязке, сверкающий черными глазами из-под аккуратно подрезанной челки.

Посмотрев в сторону фитиля, валяющегося на земле, он гневно повел глазами, и в них появились мрачные, красноватые огоньки. Чирикагуа, известные испанцам как Панаго, или жители равнин, уже изведали смертоносную силу оружия белых людей. Но сейчас индеец был уверен, что боги покровительствуют ему. В левой руке он держал короткий толстый лук, в правой — кизилковую стрелу с кремниевым наконечником, а на поясе у него висел каменный топор. Он не имел ни малейшего намерения подставлять себя под удар меча, тускло поблескивающего в лучах заходящего солнца.

Какое-то время оба стояли, сверля друг друга свирепыми взглядами. Индеец знал, что кремниевый наконечник разобьется о латы белого человека, но бородатое лицо незваного пришельца не было покрыто забралом! И все же ему не хотелось тратить впустую ни одной стрелы, на изготовление которой ушли долгие часы тяжелого труда.

Легко, по-кошачьи прыгая из стороны в сторону, он скользнул к своей добыче, чтобы смутить, заставить сдвинуться с места и поймать то положение, когда жертва не сможет увернуться от уготованной ей крылатой смерти. Индеец не боялся внезапного взмаха меча: закованный в латы противник никогда не совладеет с ним, таким быстроногим и проворным! Судьба белого человека в его руках, и он сумеет расправиться с ним.

Издав короткий гортанный крик, он резко остановился, взметнул лук и оттянул назад стрелу, а белый человек тем временем выхватил из-за ремня пистолет и в упор выстрелил в индейца.

Стрела с жалобным свистом взмыла в небо, и лук выскользнул из рук индейца, который, задыхаясь, осе-

дал на колени. Сквозь пальцы, прижатые к мускулистой груди, хлынула кровь, и индеец опустился на песок, по-прежнему с ненавистью глядя на противника. Он буквально пожирал своего убийцу злобным, отчаянным взглядом. У этих белых всегда есть в запасе что-то незнакомое и непредсказуемое! В последние мгновения своей жизни воин увидел нависшего над ним, закованного в латы человека, похожего на грозного стального бога, беспощадного и непобедимого. В холодном, безжалостном взгляде этого бога он прочел печальную судьбу всей своей расы.

Слабо, словно умирающая змея, он поднял голову, плюнул в своего убийцу и затих навеки.

Эрнандо де Гузман вложил меч в ножны. Потом перезарядил громоздкий пистолет и положил его рядом с мушкетом, мельком подумав, что Папето следовало бы иметь более совершенное оружие. Взглянув на убитого коня, испанец вздохнул. Подобно многим своим соотечественникам, он питал особую любовь к лошадям и был всегда так добр к ним, как никогда не бывал добр к людям. Он не стал снимать со своего четвероногого друга богато украшенное седло и уздечку. Теперь ему предстоял долгий, утомительный путь пешком. Взмахнув оружием на плечо, он некоторое время стоял неподвижно, пытаясь сориентироваться.

Мысль о безвыходности положения неумолимо преследовала его все последние часы, даже тогда, когда конь был еще жив. Эрнандо де Гузман был опытным воином, но сейчас он, вопреки рассудку, слишком далеко углубился в это опасное поле. Эрнандо преследовал белую, сверкающую на солнце антилопу, чей стремительный бег, как блуждающий огонек, водил его по холмам и прерии. Он попытался припомнить расположение лагеря, но, кажется, на этот раз удача отвернулась от него: на пути не встретилось ни одного межевого знака, и бескрайняя равнина простиралась перед ним с востока на запад. Экспедиция, везущая с собой весь свой скраб, в том числе и питание, похожа на корабль,

плывущий по незнакомому морю. Такому кораблю в случае опасности несткуда ждать помощи и надеяться можно только на себя. Одиноким всадник напоминает человека, плывущего в открытой лодке, без пищи, воды и компаса. А уж человек, идущий пешком...

Одинокого путника можно смело считать покойником, если только он не сумеет побыстрее добраться до людей. Наспех обследовав мелкую ложину в надежде встретить хоть какого-нибудь коня, де Гузман понял, что это бесполезно. Чирикагуа не используют лошадей для верховой езды. Потерявшихся или украденных у испанцев животных они употребляют в пищу, хотя Эрнандо доводилось слышать об одном ужасном северном племени, все воины которого уже давно стали всадниками.

Выбрав верное, как он надеялся, направление, де Гузман тронулся в путь. Подняв забрало, он пробежал пальцами по влажным седеющим волосам, но нестерпимый зной заставил его снова закрыть лицо. За долгие годы он привык к тяжести жарких стальных лат. Позже усталость даст о себе знать, но, если на равнинах встретятся другие странствующие воины, доспехи ему пригодятся. Одного индейца он уже убил, а значит, где-то поблизости находится все их дикое войско.

Солнце медленно скрывалось за горизонтом на западе. Эрнандо шел навстречу этому зловещему красному глазу, чувствуя себя пигмеем на бескрайней мрачной равнине, словно смеющейся над ним. Де Гузман шел вперед.

Солнце нависло над краем пустыни, прежде чем скрыться из виду и осветить последним розовым сиянием весь горизонт. С наступлением заката небо словно стало шире и глубже. На востоке серый вулканический цвет бледнел, уподобляясь блеску стальных толедских мечей.

Де Гузман остановился и бросил на землю запальный фитиль. Тот с шумом ударился о твердую почву, не оставив никакого отпечатка. Оглянувшись назад,

Орландо не увидел на короткой упругой траве собственных следов. Они исчезли. Наверное, он превратился в призрак, бесцельно блуждающий по спящей, равнодушной земле. Равнины не подвластны человеческим усилиям. Человек не оставляет на них никаких следов: он идет, борется и умирает, проклиная предавших его богов, но равнины хранят свои тайны, и следов пройденного пути на них остается не больше, чем на поверхности моря.

— Золото, — пробормотал де Гузман и разразился сардоническим смехом.

С тех пор как погиб его конь, он успел пройти долгий путь. Если он не ошибся в выборе направления, то недалеко уже лагерь и должны слышаться крики людей. Но он ничего не слышал. Он погиб. Неизвестно, в каком направлении двигаться дальше. Равнина хранила молчание. Его кости, пропитанные пшеницей, маслом и ветрами Старой Испании, истлеют в бескрайней пустыне вместе с костями чирикагуа, коня, койота и гремучей змеи.

«Я погиб».

Эта мысль не вызвала в нем благоговейного или сентиментального ужаса. Испания далеко. Земля Коканьи, словно покрытая дымкой мечты и золотистым блеском юных грез, была сейчас не более реальна, чем призрачный континент, потерявшийся в непроглядном тумане.

— Испанская кровь ничем не лучше какой-либо другой, — пробормотал он.

Да, кровь есть кровь, а он на своем веку видел океаны пролитой крови: испанской, английской, крови гугенотов, инков и ацтеков, королевской крови и пурпурной крови монтесум, стекающей по парапетам Теночтитлана, крови, реками текущей на площадях Кайамарки, под скользящими ногами обреченного Атагуальпы.

Но все существо де Гузмана кипело жадой жизни, которая не имела ничего общего с разумом.

Де Гузман распознал этот слепой инстинкт и подчинился ему. Он многих лишил жизни, но свою страстно желал сохранить, хотя не имел никаких иллюзий насчет ценности своего существования. Он, как и все, знал себя насквозь и сейчас, облизывая губы, говорил себе: «Игра не стоит свеч. Мы, люди, находим рациональные объяснения слепому инстинкту самосохранения и строим легкие воздушные замки, чтобы знать, почему лучше жить, чем умереть, в то время как наш хваленый — но игнорируемый! — разум в каждой своей фазе отрицает жизнь! Но как же мы, цивилизованные люди, ненавидим наши «животные» инстинкты, как же мы их боимся! Точно так же, как мы ненавидим и боимся любого проявления вскормивших нас, непредсказуемых, бьющих ключом первобытных источников».

Он знал: собаки, обезьяны и даже слоны подчиняются инстинктам и живут только потому, что ими управляет инстинкт. Де Гузман придерживался однажды принятого решения: стремление человека к жизни не менее нелепо и беспричинно. Но, с отвращением думая о своем сходстве с существами, имеющими несчастье не быть созданными по образу и подобию Божества, он лелеял свою любимую иллюзию.

Конечно же, нами управляет лишь разум, даже когда этот разум говорит нам, что лучше умереть, чем жить! Не хваленый разум побуждает нас жить и убивать, чтобы жить, а слепой, необъяснимый животный инстинкт.

Эрнандо де Гузман не пытался обмануть себя верой в высший разум, иначе почему бы ему не прекратить мучительную борьбу и не приложить к голове дуло пистолета, тогда бы закончилось его земное существование, интерес к которому уже давно стал меньше, чем его боль.

— Матерь Божья, даже если я каким-нибудь чудом найду дорогу в лагерь Коронадо и даже если я в конце концов доберусь до Мехико или сказочной Квивиры...

нет никакой причины полагать, что жизнь будет менее мрачной и более желанной, чем до того, как я поплелся на север в надежде найти Семь Золотых Городов.

— Золото,— снова пробормотал он, насмешливо скривив губы, и на его загорелом лице отчетливо проступил кривой шрам.— Золото мы ищем в смерти!

Но... этот слепой инстинкт побуждал его бороться за жизнь, бороться до последнего вздоха, жить, невзирая на адские условия, в которые он попадал, и всевозможные предательства по отношению к нему. Этот могучий человек горел желанием жить ничуть не меньше, чем в давно минувшей молодости, когда он сражался плечом к плечу с подлым предателем Кортесом¹ и видел наряженные в перья орды Монтесумы², надвигающиеся, как волна, готовая поглотить бросившую ей вызов горстку храбрецов и забирающая их жизни.

— Жить! — твердо решил де Гузман, подняв кулак, костлявые суставы которого привыкли вынимать оружие, чтобы убивать людей.— Жить! Не для любви, не для выгоды, не из тщеславия или ради дела! — Он плюнул, потому что все эти благородные идеи были обрывками тумана, призраками, которые люди вызывают, чтобы объяснить необъяснимое. Жить, потому что слепое, темное желание жить глубоко заложено в его существе, и он знал, что сам представляет собой вопрос и ответ, желание и цель, начало и конец и ответ на все загадки вселенной.

— Игра не стоит свеч! Да... но сохранять свечу горящей...

Конкистадор сардонически засмеялся, поправил тяжелое оружие на плече и приготовился продолжить свой бессмысленный путь — путь, который в конечном счете приведет к забвению и тишине.

В этот момент он услышал бой барабана.

¹ Кортес, Фернандо (1485 — 1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики.

² Монтесума (1466 — 1520) — верховный вождь ацтеков. Взят в плен и убит испанцами.

По равнине катился ровный, неторопливый, глухой гул, густой, как шум волн на золотом берегу.

ДеГузман остановился в нерешительности, застыл и напряг слух. Звук доносился с востока, и это не был барабан Папего! Нет, это был экзотический, особенный звук, похожий на тот, что он слышал ночью, стоя на плоской крыше в Кайамарке и наблюдая мириады мерцающих во тьме огней. Огни эти были великой армией инков, а неподалеку бесстрастный голос подонка Писарро ¹ плел черные паутины предательства и бесчестия.

Он закрыл глаза, потер их рукой и снова закрыл. Наклонив голову в сторону, он прислушался и подумал, не расплавились ли у него мозги от зноя и тишины и не в собственном ли воображении он слышит звук барабана...

Нет! Это не мираж, воплощенный в звуке. Барабан бил и бил, ровно, как пульс у него на виске. Барабанный бой затронул потаенные струны его ума, и наконец все его существо прониклось этим таинственным призывом. На миг потухший пепел вспыхнул пламенем, словно в это мгновение к нему вернулась молодость. Густой звук манил и... околдовывал. Будто он снова горячо и страстно сжимал перила каравеллы и наблюдал, как в утреннем тумане маячит сказочный золотой берег Мехико, соблазняющий приключениями и наживой; так звук золотой трубы доносится сквозь ветер.

Мгновение пролетело, но пульс в его виске бил все чаще, и Эрнандо посмеялся сам над собой. Даже не дав себе труда обдумать происходящее, он повернулся и направился на восток, туда, откуда слышался бой барабана.

Солнце зашло; мимолетные сумерки опустились над равниной и тотчас же погасли. Впереди заблестели звезды — огромные, белые, холодные, которым не

¹ Писарро, Франсиско (1471 — 1541) — испанский конкистадор.

было никакого дела до крошечной фигурки, лишенной тени, бредущей по пустыне. Редкие кусты склонялись к земле, будто неведомые звери, только и жаждущие, чтобы путник споткнулся и упал. Ровный, пульсирующий звук барабанного боя по-прежнему раздавался в ночи, словно озаряя пустыню золотистым светом. На Эрнандо нахлынули воспоминания как о давно минувшем, так и о чем-то вовсе не знакомом; ему стали мерещиться сады с огромными яркими цветами, необъятные джунгли, журчащие фонтаны... и все это сопровождалось звуком золотых капель, звенящих о позолоченную мостовую.

Золото!

Он снова последовал на этот манящий зов; к этой старой как мир, близкой сердцу каждого человека, вожденной цели он шел по свету сквозь неприветливые моря, грозные джунгли, дым и пламя сожженных городов. Подобно Коронадо, спящему где-то здесь, среди бескрайней равнины, и охваченному фантастическими грезами, де Гузман следовал на зов священного металла, и зов был столь же реальным, как тот, что окончательно свел с ума Франсиско.

— Безумец Франсиско! Кому нужны эти тщетные поиски городов Сиболо с величественными домами и сверкающими сокровищами, где даже рабы едят с золотых блюд? — Де Гузман горько улыбался треснувшими, распухшими от жажды губами. — В будущем, — размышлял он, — Коронадо, наверное, станет символом стремления к чему-то недостижимому. Историки, еще не родившиеся на свет, наделенные высокомерной мудростью взгляда в прошлое, будут, смеясь, называть его глупым мечтателем не от мира сего. Его имя станет предметом насмешек для искателей сокровищ.

Почему? В чем причина? Почему бы нам, испанцам, не поискать золото на этой земле к северу от Рио-Гранде? Почему не поверить в историю о Сиболо? Она не так уж неправдоподобна по сравнению с красивыми сказочками о Мехико, имевшими успех у преды-

душних поколений! Есть не меньше оснований верить в существование Сиболо, чем в существование Перу много лет назад, до плаванья Писарро! Но... мир судит по поражению или успеху. Коронадо не менее искушен, чем Писарро, Кортес... и я. Но они нашли золото и войдут в историю, как — кто? Грабители? Коронадо не нашел золота, и его будут помнить как человека не от мира сего, верящего в мифы и идущего за несуществующими радугами.

Если только он не найдет золото!

Продвигаясь вперед большими шагами, де Гузман смеялся недобрый смехом, в котором было заключено все его отношение к человечеству.

Он шел в кромешной тьме, повинаясь только глухому звуку барабана, казавшемуся галлюцинацией. Но звук становился все громче и громче.

К утру его ноги стали даже не стальными, а свинцовыми, глаза слипались, словно в них насыпали песок, и ему приходилось постоянно моргать. Но он все же различал что-то на восточном горизонте, неясно маячившее среди звезд. Мерцающие огоньки, возможно, были звездами, но он верил, что это костры. Да и звук барабана раздавался уже недалеко; он уловил не знакомые ему до сих пор минорные нотки и полутона. А еще он услышал какое-то странное шуршание и шепот, похожий на шелест юбок кареглазых женщин из племени ацтеков. Звуки также напоминали их тихий журчащий смех, некогда раздававшийся среди фонтанов в садах Теночтитлана, пока испанские мечи не обагрили эти сады фонтанами крови. Что значат здесь, на этой голой северной земле, столь непонятные звуки, полные соблазнов и тайн далекого юга?

Теперь он мог различить неясные очертания длинного горного хребта. Медленно спускаясь по едва заметному склону, Эрнандо понял, что вступает в широкую долину, которая, вероятно, когда-то была руслом пересохшей реки. По мере того как Эрнандо приближался к горам, они становились все выше и выше.

Как раз перед зарей он наткнулся на маленькую речку, текущую на юг, как, похоже, все реки на этой земле. По берегам густо росли кусты ив и хлопка. Изнуренный испанец склонился к воде и, наблюдая за рассветом, принялся жадно пить. Барабан пробил еще одну дробь и затих. Всего один наблюдательный огонь горел на фоне темной вершины, возвышавшейся перед его взором, и над всей этой неведомой землей, находящейся на севере Рио-Гранде, стояла мертвая тишина.

Когда первый молочно-белый луч света прорезал темноту на востоке, де Гузман устоял на башни и плоские крыши укрепленного города. Он слишком много странствовал по свету и видел слишком много невероятного, чтобы чему-то удивляться, но это фантастическое зрелище поразило его до глубины души. Укрепленный... город!

Все постройки в нем были глинобитными, как в индейских деревнях на западе, но на этом сходство заканчивалось. Эти стены защищала глазурь, их украшали причудливые узоры, выполненные в голубом, пурпурном и розовом тонах. Хотя городок был невелик, его трех- и четырехэтажные дома никоим образом не напоминали «пчелиные ульи», которыми кишели индейские деревушки. Из всех зданий особенно выделялось одно, возвышающееся над городом и поблескивающее при свете утренней зари. Венчал это величественное строение огромный колокол, отражающий солнечные лучи и поэтому сам похожий на солнце. Сооружение напоминало теокалу, только увенчанную куполом.

Де Гузман заморгал глазами. Ничего подобного он не видел ни в Перу, ни в Юкатане, ни в Мехико. Архитектура города совершенно сбивала с толку. Здесь чувствовалась рука ацтеков, но искушенному взгляду очень скоро становилось ясно, что замысел принадлежит не им.

Необыкновенный город располагался в широкой веерообразной долине, сужающейся и словно углуб-

ляющей к востоку — там утесы, которые ее окружали, становились все выше. Тысячи, а может быть, и миллионы лет назад огромная река прорезала равнину и исчезла, оставив после себя долину в форме вее-ра. Утесы с трех сторон от нее вздымались ввысь свои крутые вершины. Город выходил лицом на запад, к широкой части долины, где горные хребты постепенно уменьшались, пока не исчезали из виду.

Предаваясь множеству самых противоречивых мыслей, де Гузман окидывал город и долину придирчивым взглядом солдата. Противник, должно быть, приближался к городу с востока как с наименее защищенной стороны — уменьшающиеся в размерах горные хребты находились более чем в миле оттуда. В нескольких сотнях ярдов от городской стены протекала река, нырявшая в пещеру под утесом. За пределами города, на юге, она извивалась, будто по шахматной доске орошенных полей, на которых росли рис, виноград, ягоды, дыни и ореховые деревья. Плодородная почва этих равнин давала обильные урожаи даже при скудном поливе. А воды здесь хватало.

Переведя взгляд, он увидел в южной стене небольшие ворота. Низкорослые смуглые люди выходили в поля на дневную работу. Это были хорошо сложенные мужчины в набедренных повязках и женщины в коротких туниках без рукавов, оставляющих обнаженной левую грудь и едва доходивших до половины бедра.

Испанец с любопытством наблюдал за всем этим, пока не услышал доносящийся с запада гул. Звук показался ему знакомым. Он резко вскинул голову, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь переплетенные ветви ивы, и увидел облако пыли, поднимающееся на краю долины.

Черное облако быстро приближалось, увеличиваясь в размерах. Вскоре он распознал стремительно бегущих лохматых животных с огромными рогатыми головами. Это было стадо диких обитателей равнин, стадо буйволов! Не менее тысячи животных слепо

мчались вперед, к широко распахнутым воротам. Их головы уже поравнялись с городскими стенами, а рев их глоток напоминал звук сотен труб.

Де Гузман нахмурился. Ему доводилось видеть бегущие стада диких буйволов, но чтобы в такой близости от города!

В трехстах ярдах от стен стадо рассыпалось, словно наткнувшись на какой-то невидимый барьер, и буйволы разбежались в разные стороны. Некоторые ринулись сквозь ивы и, поднимая высокие брызги, промчались через реку на почтительном расстоянии от Эрнандо. Вот тут-то и стала видна причина этого панического бегства. Человек!

Когда стадо бросилось врассыпную, Эрнандо увидел чирикагуа, Папего, числом не менее трехсот, в полной боевой раскраске, с луками, копьями, ножами и боевыми дубипками. Эти быстроногие варвары, как стая волков, стремительно и неустойчиво мчались на врага, гоня перед собой буйволов, чтобы под их прикрытием приблизиться к городу на расстояние полета стрелы.

Де Гузман был рад, что оказался под сенью ивовых кустов.

Издавая варварские крики, обнаженные люди мчались к воротам с такой отвагой, которую он никогда не подозревал в их расе.

— Они, конечно, одурманены тизвином, — размышлял Эрнандо, глядя прищуренными глазами на эту свирепую атаку. — Но... почему со стен не сыплется ливень стрел, не раздаются тревожные крики? Ни одна стрела не поразила пронзительно орущих обитателей равнин!

Затем из-за этих сверкающих стен... появилось нечто, и де Гузмани показалось, будто кто-то прошелся по его спине холодными пальцами. Движущееся, извивающееся облако какого-то жуткого голубоватого тумана перекатилось через стену и тотчас же опустилось, как огромная птица на добычу.словно обла-

дая зрением и каким-то фантастическим разумом, оно летело над атакующими чирикагуа. Бледно-голубой туман опустился над воинами, как небо, опускающееся бледной завесой.

Там, где еще недавно раздавались воинственные крики, воцарилась мертвая тишина. Внезапно наступившее спокойствие было не менее жутким, чем туман. В этой кладбищенской тишине де Гузман, затаив дыхание, пристально смотрел перед собой, чувствуя покалывание в затылке, но не видел ничего, кроме клубящейся, крутящейся бледной голубизны...

Лазурный туман рассеялся. Он снова увидел их. Три сотни красновато-коричневых обитателей равнин, еще несколько секунд назад воинственно кричавших и горевших жаждой битвы, лежали там, где упали, едва опустилось облако. Обнаженные тела сверкали при свете восходящего солнца, как медь; перья печально шевелились от дуновения легкого ветерка.

Туман снова вернулся за городские стены, будто собака по пятам за хозяином после успешной охоты.

Эрнандо де Гузман еле передвигал ноги от усталости. Все его тело покрылось под доспехами холодным потом. Туман... триста человек... триста трупов. Какая-то черная магия!

Наконец из ворот города на эту долину тихой смерти величавой походкой вышло несколько высоких, мускулистых мужчин в украшенных перьями шлемах. Набедренные повязки с небрежными складками были расшиты бисером, который поблескивал в свете восходящего солнца.

У де Гузмана, как у истинного конкистадора, кровь закипела в жилах, потому что их странные шлемы тоже сверкали на солнце... сверкали так, как может сверкать лишь чистое золото!

Могучие воины привязали веревки к ногам павших и утащили их всех за стены города. На это ушло около двух часов, и у Эрнандо заурчало в животе. Большие ворота закрылись, открылись малые, и работни-

ки снова вышли в поля. Эрнандо де Гузман лежал в ивах, обдумывая увиденное.

Черная магия.

И золото.

Жажду он утолил, но ему нестерпимо хотелось есть. Тем не менее он не торопился обнаруживать себя перед этими людьми, явно обладавшими каким-то дьявольским даром. Давно сомневаясь в существовании Бога Зла, испанец, однако, узнавал дьявольщину всякий раз, когда сталкивался с ней. Он тихо лежал и размышлял.

После вчерашних трудов он почувствовал невероятную усталость во всем теле и потому незаметно заснул.

...Но через некоторое время внезапно проснулся.

Девушка или молодая женщина, раздвинув ивовые ветви, разглядывала его большими глазами цвета напитка, который зажиточные ацтеки делают из блестящих коричневых бобов какао. Невзрачная белая туника простолюдинки ей почему-то не шла; казалось, такой женщине не пристало носить столь скромную одежду. Шуршащие шелка и сверкающие бриллианты, несомненно, были бы под стать ее высокой, хорошо сложенной фигуре. Белое одеяние кое-где полностью скрывало очертания ее пышного тела. Она напоминала женщину из племени ацтеков... Ацтеки? Здесь?

Де Гузман почувствовал, что у него снова застучало сердце — как в тот миг, когда он увидел золотые шлемы на жителях этого странного города. Несмотря на седину в бороде, кровь в жилах у конкистадора забурлила. Хоть это видение из незнакомого города, несущего таинственную смерть, не так уж и сильно отличалось от странных, экзотических женщин, немало досадивших ему в молодости, когда он впервые последовал за железными капитанами к неведомым жарким землям.

— К-кто вы? — проговорила она, заикаясь от удивления.

Она говорила на языке народа кветцакоатл, живущего далеко к югу от здешних мест, и он узнал этот язык, несмотря на ее неправильное произношение. Что это, один из городов племени ацтеков или его столица?

Седина в бороде у де Гузмана никак не сказалась и на быстроте его реакции. В мгновение ока он оказался на ногах во всех доспехах и крепко схватил женщину за запястье. Она уронила кувшин с водой, продолжая пристально разглядывать его большими темными глазами скорее с удивлением, чем со страхом. От тонкого аромата у него закружилась голова, правда, всего на мгновение, потому что де Гузман контролировал де Гузмана.

— Такая женщина, как ты — и работает в поле?

Она или не поняла вопроса, заданного на ломаном языке ацтеков, или проигнорировала его.

— Я знаю, что ты за человек! Ты из тех, кто убил Монтесуму и погубил его королевство... из тех, кто скачет на животных, которые называются... лошадьми, и несет нам гром и красный огонь смерти из металлических боевых дубинок! — Она нервно пробежала пальцами по его испещренному выбоинами нагруднику, коснулась лица.

Гузман задрожал от удовольствия, но саркастически улыбнулся.

— Что нового я могу узнать о женщинах — я, уже потерявший счет своим победам над ними?

Тем не менее инстинкт притягивал к ней, и он не стал сопротивляться и раздумывать.

— Сюда дошел слух, — задумчиво вспоминала незнакомка, уставившись на его кирасу, — слух об убийстве на юге, в Мехико... Я тогда была еще ребенком. Люди сомневались... от Монтесумы больше не пришло никакой дани, и...

— Дани? — вырвалось у него. — Дани от Монтесумы, императора всего Мехико?

— Ну да. Он и его предки платили дань Нехту Самеркенду целыми столетиями... рабы, золото, шкуры.

— Нехту Самеркенду?

В ее устах как-то странно прозвучало это имя, столь не свойственное племени ацтеков. Конечно, де Гузман слышал его раньше... но где? Когда это неясно отдавалось в затененных закоулках и укромных уголках его памяти. Мелькнули ассоциации: резкий запах пороха и затхлый запах разбрызганной крови.

— Я видела таких людей, как ты! — продолжала она. — Когда мне было десять лет, я гуляла и вышла за пределы города, а чирикагуа захватили меня в плен.

Девушка задумчиво вздохнула, и ее левая грудь вздрогнула. Де Гузман скрипнул зубами.

— Меня продали липанам, а те потом перепродали меня каранкавам — они живут на берегу, далеко к югу отсюда, и занимаются людоедством. Однажды мимо берега проплыло боевое каноэ, и воины-каранкавы, выйдя в море на своих челноках, выпустили в него целый град стрел. Там, на палубе каноэ, были такие люди, как ты. Я это хорошо помню! Они поворачивали в сторону каранкавов огромные пустые железные бревна и разбивали их челноки на мелкие кусочки. Я пришла в ужас, быстро убежала и попала в лагерь тонкевов, которые возвратили меня домой, потому что они наши слуги.

Она посмотрела ему в глаза.

— Как твое имя, железный человек? Теперь я вижу, что ты не весь из железа, и я подумала...

Он назвал себя и услышал, как она с трудом проговаривает его имя.

— А ты кто? — поинтересовался он, не отпуская ее заплатья.

Наконец его закованная в сталь рука скользнула к ее изящной талии. Она вздрогнула и попыталась отшатнуться, но без борьбы ей это никак не удавалось.

«Неглупая девочка», — подумал он.

— Мое имя — принцесса Несагуалча, — высокомерно представилась она.

— Да что вы? И что же вы делаете в этом одеянии рабыни? — спросил он с нарочитым удивлением, потянув за ее тунику

Подняв ее коротенькую юбочку, он сдержал улыбку — и не стал отнимать руку.

Прекрасные темные глаза вдруг наполнились слезами, и она заговорила, словно пытаясь облегчить душу.

— Я забыла. Я рабыня, работаю на полях — у меня на теле следы кнута надсмотрщика!

Она гибко изогнулась, чтобы показать ему эти следы.

— Меня, дочь короля, хлещут кнутом, как обычную рабыню!

Взглянув на ее тело, де Гузман не увидел никаких рубцов. Она знает, чего хочет, подумал он, и готова меня обмануть! Что ж, ладно. Наверное, эта умненькая рабыня-принцесса умеет приспосабливаться не хуже меня.

Девушка повернулась и заговорила быстро и страстно:

— Послушайте, Эрнано д'гусм. Я Несагуалча, потомок династии королей. Нехт Самеркенд правит в Тланскельтеке, а ему подчиняется губернатор — тлакатекатл, Предводитель всех Воинов. Мой возлюбленный Акампихтли был офицером в его войске. Я, естественно, хотела, чтобы Акампихтли стал губернатором.

Де Гузман кивнул.

— Естественно. Поэтому вы строили планы...

— Мы плели интриги. Я обладала властью здесь, в Тланскельтеке. Но Нехт Самеркенд все узнал, и ему это не понравилось. Только он мог решать, кому служить под его властью. Моего возлюбленного предали Каналам с неба. Меня сделали обычной рабыней, такой, как тотонаки, которых мои предки привезли сотни лет назад, когда пришли на север.

Так. Значит, она из племени ацтеков. Они пришли сюда давно — столетия назад!

— Нехт Самеркенд пришел в Теночтитлан много сотен лет назад. Он очень долго правил там, затем собрал множество преданных ему молодых людей, привел их сюда, на север, и основал этот город.

— И это не очень обрадовало тех, кто остался в Теночтитлане!

— Да, ведь там не осталось храбрых воинов. Но в Теночтитлане другой король, Эрнано д'гусм. А Нехт Самеркенд правит здесь, и он — сильный правитель.

— Называйте меня Эрнандо... — протянул он, внезапно вспомнив, где он мог слышать это странное, чуждое испанскому уху имя.

Нехт Самеркенд! Крик из окровавленных уст жреца племени ацтеков, падающего в темноту во время битвы в Ночь Ужасов. Окончательно отчаявшись, он призывал на помощь не Бога, а демона или дьявола. А еще де Гузман смутно вспомнил, как однажды далеко на севере... вот где! Он понял, откуда взялись истории о Сиболо. А он-то думал, что это лишь легенда! Но... имя не характерно для ацтеков.

— Принцесса Несагуалча, а кто такой Нехт Самеркенд? — нарочито почтительно обратился он к девушке, чтобы завоевать ее расположение.

Она сделала неясный жест в направлении востока.

— Он пришел из-за голубого океана, давным-давно. Это могущественный маг, более могущественный, чем жрец из племени толтеков. Он пришел один, а вскоре стал правителем Мехико! Но ему хотелось иметь собственный город, и он пришел на север... Слушай же меня, железный человек!

Она продолжила очень взволнованно:

— Нехт Самеркенд не имеет ничего общего с твоей расой! Но даже его чары бессильны против грома ваших боевых дубинок. Помогите мне убить его — правившего поколениями! Я та же, кем и... была, и здесь есть воины, готовые последовать за мной. Я смогу собрать некоторых из них в храме, а ночью открою тебе ворота и проведу тебя к ним. Надсмотрщик, который стережет рабов, молод и влюблен в меня. Он выполнит любую мою просьбу. Вместе мы с тобой...

Он кивнул. Де Гузман всегда узнавал громкий голос удобного случая и знал, когда надо широко от-

крыть ему дверь. Будь у него время — он, может, еще бы подумал...

— Ладно, — согласился он. — Но сначала принесите мне поесть.

Она замигала, слегка напряглась — и кивнула.

— Я оставляю еду в кустах. А теперь мне надо набрать воды и вернуться, пока меня не хватились.

— А Несагуалча любит молодого человека, который любит ее? — спросил он, притягивая девушку поближе.

Дочь королей... и золотые шлемы!

Она ответила ровным голосом, пристально глядя ему в глаза и прижавшись грудью к его доспехам:

— Несагуалча снова станет принцессой... Нет! Королевой Тланскельтека! А рядом с нею будет самый могущественный человек в Тланскельтеке — тот, кто избавит город от Нехта Самеркенда!

Де Гузман сжал запястье девушки.

— Ладно. А теперь принесите мне поесть, будущая королева. И покажите мне ворота.

— Ты войдешь через Ворота Рабов, — сказала она, а когда он вздохнул, улыбнулась. — Да, Эрнандо, ты войдешь в город через Ворота Рабов. И я тоже войду... в последний раз!

* * *

Весь день он пролежал, спрятавшись в ивовых кустах, глядя на свое оружие и предаваясь нелегким раздумьям. Он ждал, пока окончательно стемнеет, по двум причинам: во-первых, он не хотел, чтобы его увидели, а во-вторых, должна же она хоть чуть-чуть поволноваться, придет он или нет. Он нужен Несагуалче так же, как она ему, потому что, как только с магом будет покончено, она станет здесь символом власти... власти, которую он удержит!

Он наблюдал за облаком, наплывающим на луну. Наконец луна скрылась, и одинокий человек, как при-

зрак, прошел по тихим садам к Воротам Рабов. Маленькие, немногим более обычной двери в стене, они открылись сразу же, как он постучал. Он улыбнулся про себя и тут же заметил, что девушка встречает его. Освещенная слабым светом крошечного факела, в последний раз одетая в нищенское одеяние, она даже не упомянула о том, как долго ей пришлось ждать. Рядом с нею был молодой человек, почти мальчик, и де Гузман узнал парадную одежду старшего надсмотрщика.

— Входите! Мои воины ждут!

Она коротко представила Гузмана Чакулкуну.

«Наши воины ждут», — подумал де Гузман, но ничего не сказал. Она провела его по узеньким улочкам и темным дворам к боковой двери огромного храма, стены которого блестили в лунном свете. Они шли по мрачному коридору, пока не оказались в тускло освещенной комнате. Там, в полной тишине, их ждали десять человек.

Вдруг тишину нарушил пронзительный крик Несагуалчи. Присмотревшись повнимательнее, Эрнандо понял, в чем дело: десять воинов Тланскельтека неподвижно сидели в своих креслах и смотрели в никуда... невидящими глазами.

Внезапно от легкого ветерка, подувшего неизвестно откуда, погас свет. Комната и так была освещена довольно скудно, а теперь и вовсе погрузилась в крошечную тьму. Прежде чем закричала Несагуалча, де Гузман услышал тяжелый вздох Чакулкуна. Уже в темноте испанец добрался до нее, но в этот момент кто-то стремительно вырвал у него из руки запальный фитиль. Из уст перепуганного Эрнандо вырвалось проклятие, но он ловко, по-кошачьи отпрыгнул в сторону и, выхватив из ножен стальной меч, стал рассекать им темноту. Стоя в напряжении, в полной тишине и темени, он ждал.

«Эти десять человек мертвы, — думал Эрнандо, стараясь утроить свою бдительность. — Я видел достаточно мертвецов, чтобы это понять. Но... ведь нигде нет никаких следов...»

Вдруг он почувствовал прикосновение чьей-то маленькой руки. Он мгновенно занес меч, но вовремя остановился. Тонкие женские пальцы ловко обхватили его руку. Он поддался той силе, что мягко повлекла его за собой, и старался скользить как можно бесшумнее, несмотря на тяжелые доспехи. Ни разу не скрипнув ногой о камень, испанец держал свой меч наготове, но поближе к телу, чтобы тот ненароком не звякнул, коснувшись стены. Эрнандо прошел через дверь, и теперь путь лежал по коридору, в тишине которого призрачный звон его лат казался оглушительным. Его вели все дальше и дальше.

Далеко за его спиной раздался душераздирающий женский крик, эхом прокатившийся по каменному коридору. Эрнандо узнал голос Несагуалчи.

Охваченный нехорошими предчувствиями, де Гузман пробежал пальцами по руке своей проводницы. Мягкое, гладкое запястье женской руки, которая... несколькими дюймами выше превратилась в волосатую, жилистую руку! Он содрогнулся, но предательские пальцы сжали его с невероятной силой. Демонический завывающий смех прорвал воздух и разнесся по всему коридору. У де Гузмана волосы встали дыбом.

Лишившись от ужаса дара речи, он со всей силы принялся наугад размахивать мечом. Инстинкт снова выручил его, направляя стальное лезвие, пока ужасающий гогот внезапно не перешел в мучительное бульканье. Пальцы разжали запястья Гузмана, и что-то шлепнулось к его ногам.

Испанец поспешно обернулся, чувствуя, как по телу поползли мурашки. Вспоминая эти изящные, вкрадчивые руки, он испытывал безотчетное отвращение и пытался найти выход из неприятного положения. Двигаясь назад по совершенно темному коридору, он ощупывал стену мечом, зажатым в правой руке, а левой, свободной, рукой размахивал в пустом пространстве. Вскоре вместо камня он нащупал что-то металлическое. Это была дверь, которая легко открылась.

Эрнандо пошел на чуть заметное мерцание отдаленного света.

На ходу он вложил меч в ножны и вытащил оба пистолета. По мере продвижения вперед освещение становилось все ярче, и теперь он смог бы заметить любого, кто посмел бы к нему приблизиться. Наконец Эрнандо вышел на галерею, с которой был виден просторный зал, расположенный этажом ниже. Остановившись у деревянных перил, он посмотрел вниз — туда, откуда доносился голос, сухой и безжизненный, как прах мумии.

Кто-то, скрытый балдахин и спинкой трона из черного дерева, сидел там и говорил. Видно, его слуги сработали быстро, потому что Чакулкун и Несагуалча уже были здесь. Совершенно обнаженный молодой человек висел на золотой цепи, привязанной к потолку и кандалам на его лодыжках. От стоящей под его ногами золотой жаровни время от времени поднималось облако лазурного тумана, скрывающее его до пояса.

У де Гузмана застучали зубы: он уже видел этот туман, и, как ему показалось, теперь до него дошло, почему десять воинов были мертвы без всяких следов насилия.

Девушка неподвижно лежала лицом вниз на инкрустированном жемчугом золотом алтаре, раскинув руки, обнаженная, как и влюбленный в нее юноша. Ее запястья и лодыжки были закованы в тонкие золотые цепи, а широко раскрытые от страха прекрасные глаза безумно уставились в одну точку. Испанец заметил, что прямо над ней, в куполе огромного зала имеется круглое отверстие, из которого открывается вид на усыпанное звездами иссиня-черное небо.

Голос с черного трона звучал спокойно и бесстрастно, однако слова были безжалостны:

— Как же ты глупа, если поверила в какого-то чужестранца с маленьким громовым жезлом. Его власть меньше моей, маленькая глупышка-рабыня, которая когда-то была принцессой. У него без труда отняли гроз-

ную дубинку, и Дитя темноты сейчас везет его к яме, кишашей гремучими змеями. Зря ты все затеяла, глупая маленькая Неса. У тебя была жизнь и легкая работа в полях; теперь же твоя плоть пойдет в пищу Едокам с Неба.

Из груди молодой женщины вырвался ужасающий крик отчаяния и страха.

Де Гузман огляделся, отпрянул от перил и помчался вниз по лестнице, держа в каждой руке по пистолету. Оказавшись внизу, он все еще слышал душераздирающий крик Несагуалчи и звук, похожий на тот, что издает колотящийся на ветру парус, будто сухой шелест огромных крыльев. Конкистадор помчался к изогнутой дугой двери.

Матерь Божья! Подняв взгляд, он уставился на кошмарное существо, появившееся в отверстии купола. Безусловно, именно этот монстр, похожий на дракона, в течение тысячелетий спускавшийся сюда с небесных высот, служил источником наводящих ужас сказок о вампирах и гарпиях. Да, не случайно Коронадо не уставал повторять: все легенды имеют свои корни в реальной жизни.

«А вот это смерть», — подумал де Гузман. Он прошел через арку, держа пистолет в левой руке, и, пока позволяло время, прицелился: кровопийца с крыльями длиной в пятнадцать футов неотрывно смотрел из темноты на предполагаемую жертву, как человек смотрит на особенно лакомый кусок мяса. Среди каменных стен пистолетный выстрел прозвучал с десятикратной силой. Голова монстра поникла, он задрожал и стремительно полетел вниз, поранив когтем обнаженную кожу на бедре молодой женщины. Затем Едок с Неба в последний раз содрогнулся и замер на полу.

Де Гузман повернулся к трону. С черного сиденья поднялся человек. Хотя конкистадор убил двух нелепых чудовищ и с уверенностью ожидал увидеть еще одного, по спине у него пробежал холодок. Человек был стар, но де Гузмана поразила не вековая древность, а злоба, которой горели его темные глаза.

— Молодец,— спокойно произнес облаченный в мантию человек,— безумец! Скоро другие спустятся с неба, хлопая крыльями,— тогда посмотрим, какой ты храбрец!

Де Гузман понял, что этому человеку много сотен лет, что он воплощает в себе все зло мира, а кроме того, обладает какой-то колдовской силой,— и поднял длинную худую руку.

— У этого безумца два пистолета,— сказал де Гузман и решительно выстрелил.

Нехт Самеркенд со сдавленным криком покачнулся и схватился за грудь. Он отшатнулся, изумленно глядя на испанца, который подивился сам себе: с какой легкостью он пустился на поиски приключений и выносил все тяжести путешествия! Но Нехт Самеркенд исчез в стене.

Разглядывая чистую стену, поглотившую его врага, де Гузман услышал слабый голос Несагуалчи. Испанец в мгновение ока вскинул голову и прыгнул на алтарь.

Взглянув наверх, он увидел множество чудовищ, которые, описывая круги, спускались с неба в отверстие купола. Развязывая дрожащими руками крепкие золотые цепи, он заметил, что кровь на бедре у девушки уже запеклась,— рана от когтя была неглубокой.

— Скорее! Он ушел через потайной ход, но сейчас сюда придут другие! — произнесла она голосом испуганного ребенка.

— Отчего поднялся этот туман? — спросил он. Эрнандо пришлось сильно встряхнуть ее, прежде чем она показала на огромную корзину с крышкой.

— Пыль, вот что это. Одна горсточка способна убить целое войско!

— Вперед, девочка,— взмолился он и мгновение спустя поставил корзину на золотую жаровню под телом Чакулкуна.— Эти дьяволы-кровопийцы на сей раз скорее удивятся, чем обрадуются. А теперь — веди меня к нему!

— Сюда,— позвала она, взяв факел.— Скорее!

Даже не взглянув на человека, который любил ее, а теперь висел мертвым в возникшем вдруг лазурном облаке, она повела де Гузмана из зала. Захлопнув за собой огромную бронзовую дверь, он последовал за девушкой по странным коридорам, наводящим на мысли о дворцах ацтеков. Оказавшись в длинном широком холле, испанец остановился, пораженный увиденным.

Вдоль стен стояли каменные мужские изваяния: толтеки, ацтеки, тотонаки, тонкевы, липаны, чирика-гуа с равнин, а также воины других племен, неизвестных испанцу. Инстинкт подсказал ему, что эти украшенные перьями люди жили и умерли еще до деда Монтесумы, а может быть, еще и до Сиды¹.

Господствовала в этом жутком месте статуя сидящего мужчины, голова которого своей формой и чертами лица напоминала головы свиньи и осла. Перед статуей стоял гладкий каменный стол, за которым восседал... Нехт Самеркенд. Во взгляде, устремленном на де Гузмана, отражалась вся накопленная за долгие столетия злоба. Тонкие губы на высохшем лице скривились в чуть заметной улыбке, словно он насмеялся над собой. Окровавленная рука была прижата к груди. Другой рукой древний правитель Тланскельтека сделал пригласительный жест.

— Добро пожаловать, присоединяйся ко мне, присоединяйся к Нехту Самеркенду из Египта, в котором десятки столетий тому назад жил Сет². А ты победил, волосатый варвар. Я умираю от оружия, которым не пристало пользоваться отважному и умному человеку и которое делает людей еще сильнее.

— Лучше присоединиться к тебе, чем к тем, — сказал де Гузман и взял факел из рук Несагуалчи.

Девушка стояла неподвижно, пристально глядя на человека, сделавшего ее рабыней. Де Гузман поставил факел на каменный стол.

¹ Сид «Камлеадор» — прозвище Родриго Диаса де Бивар (1040 — 1099), испанского рыцаря.

² Сет — древнеегипетский бог войны и пустыни.

— Только попытайся околдовать меня, Нехт Самеркенд, и ты немедленно умрешь.

— Тысячелетняя жизнь подходит к концу, поэтому еще несколько мгновений очень важны для меня. Сядь спокойно и Расскажи мне о мире, который тебе довелось повидать.

— Нехт Самеркенд из Египта... из давно погибшего Египта, держу пари!

— И ты выиграл пари. Птолеми уезжали меня из Фив и из самого Египта. Хотя я научил этих простых людей измерять и учитывать время, сам я потерял счет столетиям. Мою галеру разбило о берег Мехико. Мои чары тогда были сильны, в чем могли убедиться многие, живущие на моей земле,— но с годами они сделались еще сильнее. Стать правителем Мехико было не трудно... но мне надоело править дикими племенами, и я пошел на север, чтобы основать собственный город. И я его основал. Мне доводилось слышать, как люди твоей расы безжалостно убили Монтесуму.— Его смехок перешел в кашель, он схватился за грудь.— Здесь, в этом городе, имеются сокровища поценнее тех, что Кортес когда-то награбил в Теночтитлане.

— Я пришел за ними.

— Чтобы увезти их за моря твоим трижды жадным правителям?

Глаза де Гузмана холодно глядели на египетского бога-человека.

— Мне надоело. Я пришел за сокровищами Тланскельтека... и его принцессой, которая взойдет на его трон... и за самим Тланскельтеком.

— Ах, так ты достойный человек, который, как и я,— да и как Неса тоже, будь спокоен,— думает прежде всего о себе! Ну ладно! — Нехт Самеркенд кашлянул и заговорил с трудом: — По крайней мере, меня, прожившего не один отпущенный человеку срок, убил не наемник, купленный за деньги или движимый таким пустяком, как «патриотизм». Но давай же, рассказывай о том мире, который не знаком этим детям.

Эрнандо де Гузман сел и начал беседу с человеком, жившим на протяжении бесчисленных столетий, человеком, в ком воплощался дух древнеегипетского бога. Свет стоящего перед ними факела начал тускнеть, и де Гузман почти поддался неизвестной силе какого-то незримого и безмолвного колдовства. Пошевелив ногой, он почувствовал, будто его обволакивает волшебная паутина: нога словно увязла в густом меду.

— Ах ты чудовище! — неожиданно взревел он, не дав собеседнику закончить фразу. — Ты хочешь меня околдовать!

Рванувшись вперед, как в зыбучем песке, де Гузман ударил Нехта Самеркенда по окровавленной руке, прижатой к пронзенной груди.

Ноги конкистадора сразу освободились от тяжести густого липкого меда, но в тот же миг колдун встал, вынув из-под стола кривой меч.

— Глупое дитя! — Шурша своей черной мантией, он мгновенно оказался рядом с испанцем. — Глупец, которому, может быть, каких-то сорок лет! Ты вырвался от меня, но справиться со мной тебе не удалось — думал, каким-то металлическим шариком можно убить Нехта Самеркенда?

Упав назад с табурета, де Гузман чудом избежал стремительного удара и, толкнув ногой своего врага, помешал египтянину разрубить его на месте. Они отчаянно катались, вцепившись друг в друга; их оружие лязгало и царапало пол. Затем конкистадор поднялся с мечом в руках. В эту минуту он пожалел, что не догадался перезарядить пистолеты!

Кривой меч противника заставлял испанца быть особенно бдительным, и каждый раз, отчаянно парируя удар, он ощущал жуткое тепло его волшебного лезвия. Сам он ни разу не достиг цели, хотя защищался вполне умело. Когда меч Нехта ударился о его доспехи, он застонал от нестерпимого жара.

Нехт Самеркенд коснулся спиной факела, и тот стал оплывать. Пламя погасло. Де Гузман сделал мощ-

ный прыжок в сторону, потом вперед, изо всех сил стараясь поскорее сразить этого дьявола тьмы, пока тьма не воцарит и не отнимет все силы. Лезвие ударялось о лезвие, высекая искры. Оба кричали. Несколько раз нестерпимый жар чуть не заставил де Гузмана разомкнуть пальцы на рукоятке меча. Но внезапно человек из прошлого отшатнулся назад — долгий слабеющий его крик известил де Гузмана о расставленной ловушке: это он, а не Нехт Самаркенд, должен был натолкнуться на потайную дверь! Прежде чем дверь захлопнулась, снизу донеслось до испанца злобное шипение многочисленных ядовитых змей.

Тяжело дыша и обливаясь потом, конкистадор в кромешной тьме нашел руку Несагуалчи.

— Надеюсь, он не окажется неуязвимым к укусам гремучих змей!

— Я — тоже, — сказала девушка, вцепившись в него.

Де Гузман улыбнулся в темноту, потому что он держал за руку новую правительницу Тланскельтека, а значит — и сам Тланскельтек.

Они бросились прочь из этого проклятого обиталища мертвецов, и за ними со звоном захлопнулись огромные двери. Они бежали по темным коридорам, отныне не подвластным Нехту Самаркенду и его подданным.

* * *

На следующий день Несагуалча, которую, как ни странно, до появления де Гузмана никто не знал, объявила народу давно проклятого города, что Нехта Самаркенда больше нет, что она будет их полноправной правительницей, а тот, кому все они обязаны своим спасением, — ее вице-королем. Когда она повернулась, указав на де Гузмана, тот улыбнулся и засунул за ремень пистолет, который до тех пор держал наготове, чтобы она в последний момент не передумала.

Эти люди никогда не видели пороха и не слышали его грохота, пока губернатор не дал де Гузмону чудесную возможность проявить свою власть. Губернатор безраздельно правил под началом Нехта Самеркенда, и теперь ему не слишком нравилась перспектива подчиниться чужеземцу и какой-то девчонке, которая еще вчера была рабыней на полях.

Де Гузман выстрелил. Губернатор обнажил меч и бросился вниз по ступеням храма. После этого тысячи коленей преклонились перед человеком, стоящим возле принцессы, которая только что стала королевой и преданно смотрела на чужеземца.

— Сообщите им мой титул, — приказал солдат дочери королей. — Пусть они называют меня... конкистадором!

Итак, дело сделано. Несколько дней спустя никто не знал, что причина «нездоровья», державшего их правительницу взаперти, — рассеченная губа и огромный синяк на ее щеке, не считая других, невидимых «знаков внимания» де Гузмана: конкистадор никогда не отличался терпением и не был нежным любовником.

Появившись на людях после недолгого отсутствия, она сообщила своим подданным, что армия должна начать учения и что на их земле есть месторождения, которые конкистадор хочет найти и разработать. Он не сомневается, что где-то поблизости залегают уголь, сера и поташ. Если Коронадо или чирикагуа надумают приблизиться к стенам Тланскельтека, их встретит не первобытное племя, легко поддающееся уничтожению, а град огня и люди, умеющие пользоваться порохом. Не знал только ее народ, что под королевской мантией она по-прежнему носит рваное рубище рабыни, плотно прилегающее к ее телу и напоминающее ей, что она женщина конкистадора, правящего Тланскельтеком.

Жизнь де Гузмана только начиналась; рабство же Несагуалчи не закончилось!

В одну из ночей конкистадор увидел во сне приближающегося к нему человека, облаченного в темное одеяние. Глаза его были полны злобы и столетней мудрости. Де Гузман безуспешно пытался выхватить меч; затем до него дошло, что видение — не более чем кошмарный сон. Из всех сил он пытался проснуться. Но проснуться не мог.

— Ни одному чужеземцу не дозволено править моим городом, — говорил ему Нехт Самеркенд. — Краснокожие люди с равнин нападут на тебя, убийца, жаждущий власти глупец, и ты не убежишь от их мечей и топоров!

В жутком сне де Гузмана древний маг был в мантии, испачканной на груди чем-то бурым. Пытаясь убежать от него, конкистадор с трудом вскарабкался на башню храма, схватил огромный деревянный молот и принялся бить в громадный бронзовый колокол. Звук этого колокола почти с физической силой отдавался в голове де Гузмана. Он видел, как на колоколе появились трещины, как отвалился и рухнул наземь кусок бронзы. И тут же возникли обнаженные краснокожие жители равнин, с дикими криками несущиеся на его город. Город, правление которым стало вершиной его жизни, полной предательства, алчности и убийства.

Проснулся он с пронзительным криком, тяжело дыша... под какие-то душераздирающие крики, а главное — под непрекращающиеся удары огромного бронзового колокола.

В последние мгновения своей жизни де Гузман подумал, что он, должно быть, даже падая, убил не менее дюжины истошно вопящих атакующих индейцев. Последнее, что он сделал, — вонзил меч в живот человеку, чья дубинка пригвоздила его голову к нижней ступеньке храма Тланскельтека.

Только когда были перебиты все мужчины, женщины и дети, а босые и обутые в мокасины ноги индейцев заскользили в реках крови, из храма стал под-

ниматься лазурный туман. Число атакующих возрастало, но все они мгновенно умирали. Последний из них увидел облаченного в мантию человека, стоящего на вершине храмовой лестницы с поднятыми к небу руками, и попытался выпустить в него стрелу...

Туман клубился недолго, и Тланскельтек превратился в город мертвецов. Умерли все, кроме Нехта Самеркенда.

Он жестикулировал и бормотал какие-то заклинания, более древние, чем язык, на котором он их произносил, язык, на котором больше никто не говорил.

Наконец он закончил свой разговор с небесами и, шатаясь, опустился на колени.

— Я умираю в городе мертвецов. Но... уходя... я забираю с собой того, кто убил меня... и мой город!

Ни Коронадо, ни кому-либо другому так и не удалось увидеть сказочный город Сиболо, а Тланскельтек Нехта Самеркенда, расположенный к северу от Мехико, в самом сердце земли, исчез: уходя в вечность, древний маг забрал его с собой.

ДОРОГА В АЗРАЭЛЬ

Аллах акбар! Нет Бога, кроме Аллаха. Случилось так, что я, Косру Малик, должен описать эти события чтобы люди помнили о них. Я стал свидетелем безумия, поразившего человеческий разум. Да, я проехал по дорогам Азраэля — Дороге Смерти и видел, как люди в кольчугах падали, словно скошенная пшеница... Подробно и правдиво опишу я судьбу Кизилшера, Красного Города, исчезнувшего, подобно летнему облачку в голубых просторах бескрайнего неба.

А началось все так. Я был в лагере Мухаммед-хана, султана Кизилшера, беседовал с искателями жемчуга о достоинствах стихов Омара Хайяма, винодела из Нишапура и горького пьяницы. Вдруг я почувствовал, что кто-то приближается ко мне. Спиной ощутил я полный ненависти взгляд, как человек чувствует направленный на него взор голодного тигра. Я обернулся, и стояло мне увидеть бородатое лицо незнакомца, в сердце моем вспыхнула застарелая ненависть. За спиной у меня стоял Моктра Мирза, с которым у нас давняя вражда. Я недолюбливаю курдов, а эту собаку просто ненавижу. Прибыв в лагерь на рассвете, я не знал, что Мирза находится здесь, но туда, где пирует лев, всегда сбегаются шакалы...

Мы не сказали друг другу ни слова. Моктра Мирза опустил руку на рукоять сабли, а узнав меня, потянул клинок из ножен. Но двигался он слишком медленно. Подобрал ноги, я вскочил, выхватил кривую восточную саблю и, бросившись на врага, нанес удар. Острый клинок перерезал Мирзе горло.

Истекая кровью, он согнулся пополам, а я, перепрыгнув через костер, быстро побежал через лабиринт шатров. Несколько воинов бросились за мной в погоню. Лагерь охраняли часовые, и я наткнулся на одного из них. Он застыл на высоком гнедом коне, изумленно уставившись на меня. Не теряя времени, я подбежал и, схватив всадника за ногу, сбросил с седла.

Гнедой заржал, когда я вскочил в седло, но я дал шпоры и помчался прочь, низко пригнувшись к шее коня, опасаясь ливня стрел. Я отпустил поводья, и через мгновение дозорные и огни лагеря остались у меня за спиной.

Жеребец, летя словно ветер, уносил меня все дальше в пустыню, и сердце мое переполнялось радостью. Кровь врага еще не высохла на лезвии моей сабли, добрый конь подо мной, над головой сверкают звезды, а ночной ветер бьет в лицо! Чего еще надо турку?

Гнедой оказался резвее, чем конь, оставленный в лагере, а седло из персидской кожи с богатой отделкой было удобным.

Какое-то время я, отпустив поводья, не сдерживал коня, но потом, не слыша шума погони, замедлил шаг гнедого, помня, что тот, кто едет по пустыне на усталой лошади, играет в кости со Смертью. Я видел огни лагеря далеко позади и невольно задумался: почему в погоню за мной не бросилась сотня курдов? Правда, все произошло так стремительно и я так быстро удрал, что мстители, наверное, пребывали в растерянности. Как я узнал позже, они все-таки бросились в погоню, но потеряли след.

Долго скакал я на запад, пока не увидел старую караванную дорогу, которая когда-то вела из Эдессы

в Кизилшер и Шираз. Уже тогда она была заброшена из-за грабителей — франков. Я решил, что стоит пойти к халифам и предложить им свою саблю, поэтому я и отправился через пустыню, бесплодную землю, где плоские песчаные равнины сменялись рваными нитями оврагов и низкими холмами, вновь переходящими в равнины. Бриз с Персидского залива навевал прохладу, и под барабанную дробь копыт я вспоминал дни моего раннего детства, когда я пас по ночам наших низкорослых косматых лошадок в горных долинах далеко к востоку за Оксусом.

Через несколько часов я услышал невдалеке голоса людей и конское ржание. В тусклом свете звезд мне удалось разглядеть цепочку всадников и какую-то покосившую повозку, в каких персы обычно возят свои богатства и гаремы. Я подумал, что это караван, направляющийся в лагерь Мухаммеда или в Кизилшер, но мне не хотелось попадаться им на глаза. Ведь это мог оказаться и не караван, а отряд разыскивающих меня курдов.

Поэтому я отъехал в сторону и, спрятавшись за огромным валуном, стал наблюдать за путешественниками. Они приблизились к моему убежищу, и я увидел, что это хорошо вооруженные турки-сельджуки. Их предводитель показался мне смутно знакомым, и я вспомнил, что видел этого человека раньше. Я решил, что в повозке, наверное, едет какая-нибудь принцесса, и удивился, что у нее так мало охраны. Воинов было не более тридцати, достаточно, чтобы отразить атаку всадников-кочевников, но, безусловно, маловато, чтобы отбиться от франков, если те пожелают напасть на путников — мусульман. Это озадачило меня: люди, лошади и повозка, похоже, проделали долгий путь, может быть, от самого халифата.

Когда повозка поравнялась со мной, одно из колес, громыхая по неровной земле, попало в глубокую выбоину и застряло. Мулы, как и полагается, один раз рванули и остановились, а предводитель отряда, пока-

завшийся мне знакомым, начал отчаянно ругаться. При свете факела я его узнал — это был Абдулла-бей, персидский дворянин, пользующийся особым благоволением Мухаммед-хана — высокий, худой, угрюмый человек, скорее араб, нежели перс.

Вдруг кожаные шторы повозки раздвинулись, и оттуда выглянула юная дева. Но Абдулла-бей гневно толкнул ее и задернул шторы. Потом он что-то крикнул своим людям. Дюжина турок спешила и стала толкать повозку. Ворча и ругаясь, они вытолкнули колесо из выбоины и снова отправились в путь. Вскоре караван растаял среди ночных теней.

Я продолжил путешествие в глубоком раздумье. Девушка, путешествующая в повозке, — несомненно, одна из первых красавиц племени франков. С чего бы это? Сельджуки на дороге Эдессы, возглавляемые персидским дворянином, охраняют девушку из Назарета? Я решил, что турки захватили ее в плен во время набега на Эдессу или Иерусалимское Королевство и теперь везут в Кизилшар или Шираз, чтобы продать какому-нибудь эмиру, и поэтому скрывают пленницу от посторонних взглядов.

Мой конь успел отдохнуть, и я, собираясь совершить длинный переход, всю ночь ехал медленно, но не останавливаясь. А с первым бледным проблеском зари я встретил всадника, быстро скачущего с запада.

Его длинноногий чалый шатался от усталости. Всадник был с головы до ног закован в броню, на голове — тяжелый шлем без забрала. Я прищипорил коня, перейдя на галоп, потому что это был франк — и ехал он в одиночестве на усталой лошади.

Увидев, что я приближаюсь, франк бросил на песок свое копье и выхватил меч, понимая, что его конь слишком устал, чтобы устроить поединок на копьях. Бросившись на него, как ястреб на добычу, я опустил саблю, но, поскольку уже почти поравнялся с франком, вынужден был поднять коня на дыбы.

— Наконец-то, клянусь бородой Пророка! — воскликнул я. — Вот мы и встретились, сэр Эрик де Коган.

Франк удивленно уставился на меня. Он был не старше меня, широкоплечий, длинноногий и светло-волосый. Лицо его казалось усталым и изможденным, словно он не спал уже несколько суток, но это было лицо воина. Мне лично недостает дюйма до шести футов, чтобы франки считали меня высоким, но сэр Эрик был выше меня на полголовы.

— Ты знаешь меня, — промолвил он. — Но я тебя не помню.

— Ха! — усмехнулся я. — Для нас, сарацинов, все вы, франки, на одно лицо! Но, клянусь Аллахом, я тебя узнал! Сэр Эрик, помнишь ли ты взятие Иерусалима и мальчика-мусульманина, которого спас от своих воинов?

Мне — да не помнить! Я тогда был еще совсем юношей, только что пришедшим из Палестины. В то самое утро пал Иерусалим, я через лагерь франков пробирался к городу. Я не привык к уличным боям. Шум, скрежет мечей и треск падающих ворот сбили меня с толку и едва не свели с ума. Франки прошли через бреши в стенах и кровавым Чистилищем ворвались на улицы Иерусалима. Закованные в железо всадники проехали по развалинам ворот, а копыта лошадей разбили деревянные створки в щепу. Крестоносцы убивали, как кровожадные тигры. Улицы залила кровь правоверных.

В слепом водовороте хаоса разрушения я понял, что напрасно влез в толпу великанов, выкованных, казалось, сплошь из железа. Скользя по кровавому месиву, я слепо брел в облаке пыли и дыма, но тут всадники сбили меня и стали топтать. Когда я, шатаясь, поднялся, истекая кровью, ошеломленный, из самой гущи сражения выехал огромный воин. Он словно легкой тростинкой играл железной булавой. Я никогда не сражался с франками и даже не знал, насколько сильны их удары. Юный, гордый и неопытный, я твердо решил не сдаваться и одолеть франка, но булава раскрошила мой меч на кусочки, раздробила мне плечо, и я, полумертвый, упал в пыль.

Великан спешился и встал надо мной, расставив ноги, и замахнулся булавой, чтобы добить меня. Я был очень юн, и в мгновение перед смертью увидел душистую горную траву, пустынное голубое небо и шатры моего народа на берегах голубого Оксуса. Да — в юности жизнь кажется особенно прекрасной.

Потом из клубов пыли и дыма появился другой франк — золотоволосый юноша моего возраста, только выше ростом. Его меч был испачкан кровью по самую рукоять, но взгляд казался затравленным. Он что-то крикнул огромному франку, и я, не зная их языка, смутно понял, что юноша просит оставить мне жизнь и что его уже тошнит от убийств. Но великан, брызгая пеной, взревел, как зверь, снова занеся надо мной булаву, и тут юноша бросился на него и пронзил горло рыцаря длинным прямым мечом. Великан свалился в пыль и отдал душу своему Богу.

Юноша опустился на колени и попытался остановить кровь, хлещущую из моей раны, говоря со мной на ломаном арабском. Но я, не слушая, пробормотал:

— Не здесь должен умирать шагатаи. Посади меня на коня и отпусти. Эти стены заслоняют солнце, и пыль улиц душит меня. Дай мне умереть, чувствуя, как солнце светит в глаза и в лицо дует ветер!

Мы находились недалеко от городской стены. Все ворота города были разбиты. Юноша поймал коня, оставшегося без седока, помог мне сесть в седло, и я, оставив поводья лежать на шее скакуна, вылетел из города, подобно стреле, выпущенной из лука. Я ехал, как во сне, вцепившись в седло. Зная только, что стены, пыль и кровь больше не душат меня и что, в конце концов, мне дано умереть в пустыне, где и должен умирать шагатаи. В тот день я скакал, пока не лишился чувств.

Теперь, когда я пристально смотрел в серые глаза франка, прошлое вернулось ко мне, и сердце наполнилось радостью.

— Что?! — удивился он. — Неужели тебя я посадил на коня, позволив тебе умереть в пустыне?

— Да, я тот самый — Косру Малик, — ответил я. — Я не умер. Нас, турок, убить труднее, чем кошек. Добрый конь привез меня в лагерь арабов. Они перевязали мои раны и заботились обо мне в течение долгих месяцев, пока я лежал беспомощный. Да, я был почти мертв, когда ты посадил меня на арабского скакуна, а крики и окровавленная земля, руины вечного города слились в единый кошмар. Но я запомнил твое лицо и льва на твоём щите. Когда я снова смог сесть на коня, я стал расспрашивать людей о юноше — франке, на щите которого изображен лев, мне сказали, что ты — сэр Эрик де Коган из части Франкистана, которая зовется Англией. Ты недавно приехал на восток, но уже был посвящен в рыцари. С того кровавого дня прошло десять лет, сэр Эрик. С тех пор я мельком видел твой щит, то блестящий, как звезда, в сердце битвы, то сверкавший на стенах осажденных городов, но лишь сейчас встретился с тобой лицом к лицу. И я счастлив, потому что могу отплатить тебе добром за добро!

Его лицо помрачнело.

— Да, я все это помню. Ты действительно тот самый юноша. Мне тогда было плохо. Я не люблю бессмысленного кровопролития. Крестоносцы посходили с ума, оказавшись в стенах города. Когда я увидел, что тебя, моего ровесника, хладнокровно убивает тот, кого я знал, как скотину и вандала, свинью и осквернителя Креста, в мозгу у меня что-то перевернулось.

— И, спасая сарацина, ты убил своего соплеменника, — сказал я. — Да, мой брат, с тех пор мой меч пролил немало крови франков, но я умею помнить не только врагов, но и друзей. Куда ты направляешься? Ищешь мести? Я поеду с тобой.

— Я иду против твоего народа, Косру-малик, — предупредил он.

— Моего народа? Ба! Разве персы мой народ? Кровь курда еще не высохла на моей сабле. И я не сельджук.

— Да, — согласился он. — Я помню, что ты шагатаи.

— Это так, — сказал я. — Клянусь бородой Пророка, Самарканд, Хива и Бухара значат для меня больше, чем Трабзон, Шираз и Антиох. Ты пролил кровь своего соплеменника, спасая меня, — так что же я, пес, чтобы увиливать от долга чести? Нет, брат, я еду с тобой!

— Тогда поворачивай своего коня и поехали вместе, — сказал он, горя нетерпением. — Я расскажу тебе, что случилось. Это грязная история. Мне стыдно рассказывать, ведь подобное деяние порочит человека, который носит на груди символ Священного Похода. В Эдессе живет некий Уильям де Броз, сенешаль графа Эдессы. К нему из Франции недавно приехала юная племянница Эттер. А теперь, Косру-малик, я поведаю тебе историю несказанного человеческого позора! Девушка исчезла, и ее дядя не пожелал сказать мне, где она находится. В отчаянии пытался я проникнуть в его замок, находящийся на спорной земле за южной границей Эдессы, но был задержан тяжеловооруженным рыцарем недалеко от владений де Броза. Я нанес этому человеку смертельную рану, и, умирая, в страхе перед муками ада, он выложил мне все подробности этого отвратительного заговора. Уильям де Броз замыслил отнять Эдессу у своего господина и принял тайных послов Мухаммед-хана, султана Кизилшера. Перс обещал прийти на помощь бунтовщикам, когда настанет час. Эдесса станет частью Кизилшерского султаната, а де Броз будет править ею, как сатрап. Разумеется, каждый собирался в конечном счете обвести другого вокруг пальца, и Мухаммед потребовал у де Броза подтвердить твердость его намерений. И тогда гнусный предатель де Броз в знак верности послал Эттер к султану!

Сэр Эрик впился железной рукой в гриву коня, и глаза его засверкали, как у разъяренного тигра.

— Вот такую историю поведал мне умирающий воин, — продолжал он. — Эттер уже послали с эскортом сельджуков, с которыми де Броз также плетет интриги. Услышав об этом, я помчался что есть духу. Кля-

нусь Святыми, ты мне не поверишь, если я скажу, как быстро я преодолел многие мили, разделяющие это место и Эдессу! Дни и ночи смешались в тумане утомительной скачки, так что я едва могу вспомнить, когда последний раз ел и кормил коня. Этого коня я отобрал у странствующего араба, загнав до смерти своего собственного. Думаю, теперь Эттер и ее стража где-то неподалеку.

Я рассказал ему о караване, который видел ночью, и он закричал, осуждая меня за медлительность, но я охладил его пыл.

— погоди, брат, — сказал я. — Твой конь совсем выбился из сил. Кроме того, девушка наверняка уже у Мухаммед-хана.

Сэр Эрик застонал.

— Но как же так? Не могли же они так быстро добраться до Кизилшера!

— Прежде чем попасть в Кизилшер, они попадут в лагерь Мухаммеда, — ответил я. — Султан со своими ястребами уехал из Города и разбил лагерь в пустыне. Я был в этом лагере прошлой ночью.

Взгляд сэра Эрика стал беспощадным.

— Тем более следует поспешить. Пока я жив, Эттер не попадет в лапы этого мерзавца...

— погоди! — повторил я. — Мухаммед-хан не причинит ей вреда. Он будет держать ее в своем лагере или отошлет в Кизилшер. Пока она в безопасности. У Мухаммеда есть занятия поважнее, чем любовь. Ты не задумывался, почему его извечные враги находятся в одном с ним лагере?

Сэр Эрик покачал головой.

— Я полагал, он воюет с хорезмцами.

— Нет. С тех пор, как Мухаммед захватил Кизилшер, отделив его от империи, шах не осмеливался напасть на него, ведь он стал суннитом и заявил свои права на халифат. Поэтому вокруг него начали собираться сельджуки и курды. Амбиции у него большие. Он уже видит себя Львом Ислама. И это только нача-

ло. Могущество ислама может возродиться благодаря ему. Но сейчас он охотится на Али ибн-Сулеймана, этот разбойник из Аравии с пятью сотнями пустынных ястребов очень далеко зашел за границы султаната. Али — заноза в теле Мухаммеда, но араб попал в ловушку. Халиф объявил его вне закона — если Али отправится на запад, войны Мухаммеда разрубят его на куски. Одиноким всадник, как ты, может прорваться; но не пятьсот человек. Али, должно быть, решил идти на юг в Аравию, а Мухаммед с тысячьо сабель стоит у него на пути. Пока арабы грабили и жгли на границах, персы врезались в их тылы, сделав несколько быстрых переходов. А теперь, брат, осмелюсь дать тебе совет. Твой конь сделал все что мог, и если мы сейчас ворвемся в лагерь Мухаммеда, нас прирежут. Это не поможет ни нам, ни девушке. Но вон там, менее чем в одном лье отсюда, есть деревня, где мы можем поесть и дать отдохнуть нашим коням. Когда твой скакун наберется сил, мы подъедем к персидскому лагерю и укроем девушку прямо из-под носа Мухаммеда.

Сэр Эрик оценил мудрость моих слов, хотя его нестерпимо мучила мысль об отсрочке. Как и всякий франк, он мог вынести любую трудность, кроме ожидания, и мог научиться всему, кроме терпения.

И все же мы отправились к деревушке, скоплению жалких, убогих лачуг. Ее жители пережили столько всевозможных завоевателей, что уже не ведали, кто друг, а кто враг. Увидев необычное зрелище: франка и сарацина, скачущих вместе, они сразу же предположили, что две нации завоевателей объединили усилия, собираясь ограбить их. Такова уж природа человека: люди не удивляются, увидев волка и дикую кошку, объединившихся, чтобы разрушить норку кролика.

Поняв, что мы не собираемся резать им глотки, жители деревни успокоились и сразу же принесли нам поесть — ну и жалкое же это было зрелище — и позаботились о наших лошадях. За едой мы беседовали. Я много слышал о сэре Эрике де Когане, ведь его имя из-

вестно любому в Аутремере, как его называют франки, будь то кафар или правоверный, а имя Косру Малика никогда не было на слуху у людей. Он тоже слышал обо мне, хотя никогда не связывал мое имя с тем юношей, которого спас во время разграбления Иерусалима.

Теперь мы легко понимали друг друга. Франк говорил по-турецки, как настоящий сельджук, а я долго учил речь франков, особенно язык тех, кто называет себя норманнами. Эти предводители франков считались самыми сильными, умелыми, неистовыми и жестокими. К ним принадлежал и сэр Эрик, хотя он многим отличался от большинства крестоносцев. Когда я заговорил об этом, мой спаситель объяснил, что он наполовину саксонец. Его народ, как рассказывал он, когда-то правил островом Англией, лежащим к западу от Франкистана, а норманны пришли с земли под названием Франция и завоевали их земли, как сельджуки завоевали арабов почти столетия назад. Возникло много смешанных браков, а сам сэр Эрик — сын саксонской принцессы и рыцаря, пришедшего с Вильгельмом Завоевателем¹, эмиром норманнов.

Еще сэр Эрик рассказал мне, перед тем как уснуть от усталости, о великой битве прошлого, которую норманны называют Сенлаком и Саксонским Гастингсом, в которой эмир Вильгельм победил своих врагов. Я сильно жалел, что мне не довелось побывать там, ведь нет более прекрасного зрелища, чем франки, режущие глотки друг другу.

Когда солнце зашло, сэр Эрик проснулся и стал осыпать себя проклятиями за свою лень. Мы оседлали коней и легким галопом покинули деревню. На мягкой почве еще сохранились следы каравана. Меня не оставяла мысль, что Мухаммед-хан обязательно должен выставить дозорных, следящих, чтобы Али ибн-Сулей-

¹ Вильгельм I Завоеватель (1027 — 1087) — английский король с 1066 по 1087 гг.:

ман не проскользнул мимо него. И правда, когда стало смеркаться, мы увидели, как в последних лучах солнца сверкают кончики пик и стальные наконечники отрядов, находящихся севернее и западнее нас. Но, соблюдая осторожность, мы проскочили незамеченными. Примерно в полночь мы подъехали к покинутому лагерю персов. Следы говорили о том, что воины отправились на восток.

— Разведчики с помощью сигнальных костров получили достоверные сведения. Али ибн-Сулейман в самом деле спешит в Аравию, — сказал я. — Мухаммед решил перерезать ему путь. У него есть свои люди в стане врага.

— Зачем персу идти в битву всего с тысячью воинов? — не понял сэр Эрик. — Два к одному не такое уж большое преимущество против бедуинов.

— Чтобы поймать араба в ловушку, необходимо действовать быстро, — пояснил я. — Султан управляет войсками, словно шахматист,двигающий фигуры на доске. Он послал всадников ограбить Али и отогнать к караванному пути, где его будет поджидать тысяча отъявленных убийц. Весь вечер к небу поднимался дым сигнальных костров. Арабы всюду, где проезжают, разводят костры, и их дым издали видят другие разведчики, но замечают и дозорные Мухаммеда.

Сэр Эрик поджег труг своим огнем, долго изучал следы, а потом сообщил:

— Вот след повозки Эттер. Смотри — ее левое заднее колесо было сломано и отремонтировано кое-как. По отметине на следе это ясно видно. Это поможет нам понять, едет ли повозка вместе с остальными войсками. Мухаммед может держать девушку при себе, а может отослать в Кизилшер, в свой гарем.

Мы поехали быстрее, внимательно следя за дорогой, но след повозки никуда не сворачивал. Время от времени сэр Эрик слезал с коня и, запалив огонь, изучал следы, чтобы убедиться, что повозка по-прежнему следует с караваном. Мы следовали по караванному

пути, пока на смену темноте не пришел рассвет, и наконец мы приблизились к лагерю Мухаммед Хана, расположенному на широкой равнине у подножия изрезанных оврагами холмов.

Сначала я подумал, что тысяча воинов Мухаммеда чувствуют себя здесь по-хозяйски, потому что на равнине горело множество костров, разбросанных широким полукругом. Воины бодрствовали, по крайней мере, многие из них, и до нас доносились пение и веселые крики. Прячась в тени, мы подобрались поближе и разглядели взнузданных лошадей, многочисленных всадников, бесцельно спящих в разные стороны между кострами.

— Али ибн-Сулейман в ловушке, — пробормотал я. — Все это представление разыграно, чтобы одурачить разведчиков. Человек, наблюдающий с холмов, будет клятвенно заверять, что здесь стоит лагерем не одна тысяча воинов. Персы боятся, что их враги попробуют прорваться ночью.

— Но где же арабы?

Я неуверенно покачал головой. За равниной маячили мрачные, безмолвные холмы. Там не светился ни один огонек. Невозможно было спуститься оттуда незамеченными.

— Должно быть, разведчики доложили, что Али пробирается сюда под покровом темноты, — сказал сэр Эрик. — Персы ждут решающей битвы. Но смотри! Вон шатер — единственный в лагере. Разве это не шатер Мухаммеда? Они не стали разбивать палатки для эмиров, видимо, опасаясь внезапного нападения. Видишь, этот огонь поменьше, мерцающий на самом дальнем холме, вон там, на отшибе! Рядом стоит повозка. Значит, султан разместил Эттер в самом безопасном месте. Подойдем-ка поближе!

Так был сделан первый безумный шаг. На западной стороне равнину пересекали многочисленные глубокие овраги. В одном из них мы оставили наших коней и дальше пробирались пешком в крошечной тьме.

Аллаху было угодно, чтобы на нас не наткнулся никто из часовых, охраняющих лагерь. Сотню шагов нам пришлось ползти на животах.

— Оставайся здесь, — прошептала я. — У меня есть план. Жди. А если вдруг услышишь крик или увидишь, что меня схватили, уноси ноги. Ведь если ты останешься, толку от этого все равно не будет.

Франк тихо вырвался — так заведено у них, когда им предлагают поступать разумно, но когда я быстро, шепотом рассказал ему свой план, он повернул, но позволил мне попытаться его осуществить.

Я прополз несколько ярдов, потом встал и смело направился к повозке. Ее охранял всего один воин с кинжалом и обнаженной саблей. Я надеялся, что это один из сельджуков, которые везли девушку. Он должен был узнать во мне своего соплеменника, ведь иначе я мгновенно расстался бы с жизнью. Однако, подойдя поближе, я увидел, что он хоть и турок, но состоит в личной охране султана. Отступать было поздно: страж уже заметил меня, и я смело подошел к нему, стараясь держать лицо в тени.

— Султан просит меня доставить девушку в его шатер, — дерзко произнес я, и сельджук неуверенно взглянул на меня.

— Что это значит? — проворчал он. — Когда ее караван прибыл в лагерь, султан соблаговолил лишь взглянуть на нее, потому что устал, а, кроме того, ему доложили о приближении арабских собак... Неужели он захочет нарушить свой сон ради какой-то неверной девчонки?!

— Ты будешь обсуждать приказ султана? — нетерпеливо спросил я. — Хочешь, чтобы тебя сожгли на костре или чтобы с тебя содрали кожу? Слушай и повинуйся!

Но в душу турка уже закрались подозрения. Мне показалось, что он собирается разбудить девушку, но он резко схватил меня за плечо и развернул лицом к костру.

— Ха! — рявкнул он, как шакал. — Косру-малик!

Сабля сельджука уже взвилась над моей головой, но я перехватил его кисть левой рукой, а правой схватил за горло, заглушив вопль, готовый вырваться. Свалившись на землю, мы стали бороться и пинать друг друга, как пара крестьян. Мои глаза чуть не вылезли из орбит, когда мой противник двинул меня коленом в пах. От внезапной боли я на мгновение ослабил хватку, а он высвободил руку, выхватил кинжал и молниеносно ударил, целя в мое горло. Но в тот же миг раздался треск, словно топор врезался в ствол дерева. Турок судорожно дернулся, его кровь и мозги брызнули мне в лицо, а кинжал упал на мою защищенную кольчугой грудь, не причинив никакого вреда. Сэр Эрик подкрался, пока мы боролись, и, увидев, в какую опасность я попал, размозжил череп турка одним ударом длинного прямого меча.

Я встал, обнажил саблю и огляделся. Воины все еще веселились у костров. Похоже, никто не слышал и не видел короткой ожесточенной битвы в тени повозки.

— Быстро ступайте за девушкой, сэр Эрик! — прошипел я, прыгнул к повозке, открыл штору и позвал: — Эттер!

Шум потасовки разбудил ее. Я услышал, как девушка тихо вскрикнула. Я увидел, как две белые руки обвилились вокруг закрытой кольчугой шеи сэра Эрика. Мельком увидел я лицо девушки.

Они быстро перемолвились парой тихих слов, потом он помог ей вылезти из повозки и нежно посадил на песок. Аллах! Насколько я мог разглядеть при свете костра, девушка была почти ребенком, тоненькая, хрупкая, с огромными бездонными глазами, серыми, как у сэра Эрика. Довольно хорошенькая, хотя по моему разумению чуть худовата. Увидев мое лицо и обнаженную саблю, красавица пронзительно вскрикнула и прижалась к сэру Эрику, но тот ее успокоил.

— Не бойся, детка, — сказал он. — Это наш добрый друг, Косру-малик, шагатаи. Идем скорее. Часовые в любой момент могут проехать мимо этого костра.

Ее туфельки были очень легкими, совершенно не приспособленными для прогулки по пескам пустыни. Пока мы украдкой пробирались к оврагу, где оставили наших коней, сэр Эрик нес девушку на руках, словно ребенка. Волей Аллаха до коней мы добрались без всяких неприятностей, но, выехав из оврага, услышали громкий топот копыт.

— Скачи к холмам, — пробормотал сэр Эрик. — За нами по пятам несется отряд всадников, несомненно подкрепление. Если мы повернем, то нарвемся на них. Возможно, нам удастся добраться до холмов прежде, чем взойдет солнце. Тогда можно будет передохнуть и направиться туда, куда захотим.

Мы рысью продвигались по равнине в последние темные часы перед зарей, ставшие еще темнее от густого, холодного и влажного тумана. За спиной мы слышали топот копыт, звон оружия и конской сбруи. Я понял, что это группа разведчиков, ведь они не повернули к кострам, а поехали по равнине прямо к холмам, гоня нас впереди себя, сами того не подозревая. Конечно, Мухаммед знает, что враги постоянно следят за ним, поэтому его всадники и снуют по равнине, создавая впечатление многочисленного войска.

Стук копыт у нас за спиной становился все тише. По-видимому, всадники свернули или поскакали назад. Присмотревшись, мы заметили, что повсюду, словно призраки, скачут в разных направлениях небольшие группы всадников. Со всех сторон доносился топот копыт и звон оружия. Мы насторожились. В небе уже начала заниматься заря, но тяжелый туман все еще висел над землей. В темноте всадники принимали нас за своих братьев, но утренний свет может нас выдать.

Один раз несколько всадников оказались так близко, что воины даже поприветствовали нас. Я ответил по-турецки, и они, удовлетворенные, ускакали. В войске Мухаммеда было много сельджуков, и я не вызывал подозрений, но, окажись всадники чуть ближе, они тут же распознали бы меня. Темнота и туман превра-

тили все вокруг в одну сплошную серую массу, звезды потускнели, а заря еще не занялась.

Потом шум раздавался у нас за спиной, туман рассеялся, по холмам разлился свет, звезды исчезли, и расплывчатые тени вокруг нас приняли форму оврагов, валунов и чахлых деревьев. Рассвет застал нас в глубоком овраге, все еще затянутом туманом.

Сэр Эрик коснулся рукой бледного личика девушки и нежно ее поцеловал.

— Эттер, — сказал он, — хотя мы окружены врагами, но когда ты рядом, мне не страшна смерть!

— И мне, милорд, — ответила она, прижимаясь к нему. — Я знала, что ты придешь! Эрик, неужели правитель язычников сказал правду: мой родной дядя продал меня в рабство?

— Боюсь, что да, маленькая Эттер, — ласково произнес он. — Его душа чернее ночи.

— Что тебе сказал Мухаммед? — вмешался я.

— Когда мы добрались до лагеря султана, меня впервые привели к нему, — ответила девушка. — Все суетились и спешили, сворачивая лагерь и готовясь к переходу. Мухаммед посмотрел на меня и ласково заговорил, умоляя не бояться. Когда я взмолилась, чтобы меня отослали обратно к дяде, он сказал мне, что именно де Броз прислал меня ему в подарок. Затем он распорядился, чтобы обо мне хорошо заботились, и уехал со своими эмирами. Меня вернули в повозку. Но прошлой ночью меня опять привели к султану. Он поговорил со мной, не предложив ничего постыдного, но слова его напугали меня. Глаза правителя неистово сверкали, и он клялся, что сделает меня своей королевой, соорудит в мою честь пирамиду из черепов и бросит к моим ногам тюрбаны шахов и халифов. Отсылая меня назад в повозку, он добавил, что, придя ко мне в следующий раз, принесет мне, как свадебный подарок, голову Али ибн-Судеймана.

— Мне это не нравится, — в замешательстве произнес я. — Это безумие. Ты говоришь о нем, словно о

татарском вожде, а не о цивилизованном мусульманском правителе. Если Мухаммед воспыал любовью к девушке, он перевернет преисподнюю, но получит желаемое.

— Нет, — сказал сэр Эрик. — Я...

Но тут из-за скал выскочили с десяток оборванцев и схватили наших коней за поводья. Эттер вскрикнула, а мне пришлось выхватить саблю. Не подобает бедуинской собаке так обращаться с сыном Турции. Но сэр Эрик остановил меня. Его меч лежал в ножнах, и он не сделал ни малейшего движения, чтобы вынуть клинок, а вместо этого высокопарно заговорил по-арабски, тоном человека, привыкшего к тому, что ему все подчиняются:

— Хорошо же вы нас встречаете, дети шатров. Ведите нас к Али ибн-Сулейману, мы его ищем.

Это ошеломило арабов, и они недоверчиво переглянулись.

— Убейте их, — прорычал один из них. — Это шпионы Мухаммеда.

— Да, — усмехнулся сэр Эрик. — Шпионы всегда возят с собой женщин. Глупцы! Мы проделали большой путь, стремясь найти Али ибн-Сулеймана. Если вы тронете нас, то поплатитесь своей шкурой. Ведите нас к своему предводителю.

— Да, — проворчал тот, кого называли Юрзедом и который, как казалось, был беком — вождем рангом пониже. — Али ибн-Сулейман знает, как поступать со шпионами. Отведем их к нему, как овец на бойню! Отдайте нам ваше оружие, сыновья зла!

Сэр Эрик ответил на мой вопросительный взгляд кивком, вынул свой длинный меч и отдал его арабу, протянув рукояткой вперед.

— Через это придется пройти, — с горечью произнес я. — Возьми мою саблю, собака, чтобы ее жало прошло сквозь твои ребра!

Юрзед оскалился, как волк.

— Успокойся, турок. Пришло время, и твой клинок почувствует руку настоящего мужчины.

— Обращайся с ним осторожно, — огрызнулся я. — Клянусь, когда он вернется в мои руки, я вымою его кровью свиньи, чтобы очистить от скверны твоих грязных пальцев.

Мне показалось, что он вот-вот лопнет от гнева, но он, замычав от ярости, отвернулся от нас, и мы пошли за ним. Его ободренные волки повели наших коней, крепко держа за поводья.

Я понял, в чем заключался план сэра Эрика, хотя мы не решались заговорить друг с другом. Несомненно, на холмах было полно бедуинов. Было бы безумием попытаться прорваться сквозь их ряды. Объединив с ними наши усилия, мы получим, пусть хоть и ничтожный, но шанс остаться и живых. Если нет — что ж, эти собаки не слишком любят турок, а франков и вовсе ненавидят.

Со всех сторон нас окружали косматые люди в грязных одеждах. Они рассматривали нас, прячась за скалами, в оврагах, словно безжалостные ястребы, готовые накинуться на беззащитную куропатку. Наконец мы добрались до оазиса, где паслись пятьсот арабских скакунов. У меня даже слюнки потекли от одного взгляда на них! Клянусь Аллахом, эти бедуины, конечно, собаки и дети собак, но лошадей они выращивают превосходных!

За табуном наблюдало около сотни воинов — высокие, худые люди, суровые, как вскормившая их пустыня. Они были в стальных шлемах с небольшими круглыми щитами, в кольчугах, с длинными саблями и копьями. Вокруг не было видно ни одного огонька. Люди выглядели усталыми и злыми от голода и тяжелого пути. Немного же они награбили во время этого похода! Чуть подальше на небольшом бугорке сидели вожди, и именно туда повели нас конвоиры.

Али ибн-Сулеймана мы узнали сразу. Как и все арабы, он был широкоплечим и высоким, как сэр Эрик, но не таким массивным, как франк. Казалось, природа, создавая его, взяла за образец дикого пустынного

волка. Взгляд араба был пронзительным и грозным, лицо — худым и жестоким. Сэр Эрик не стал ждать, пока он заговорит.

— Али ибн-Сулейман, — сказал франк, — мы предлагаем тебе два хороших меча.

Предводитель арабов зарычал, словно сэр Эрик намекнул, что сейчас перережет ему горло.

— Что это значит? — огрызнулся он, и Юрзед объяснил:

— Этого франка и эту собаку — турка мы нашли на краю холмов на рассвете. Они шли из персидского лагеря. Будь начеку, Али ибн-Сулейман, франки умеют хорошо заговаривать зубы, а этот турок, кажется, не сельджук, а какой-то дьявол с востока.

— Да, — свирепо оскалился Али. — Перед нами замечательные люди! Турок Косру-малик, шагатаи, по следу которого рыщут вороны, а франк — судя по гербу — сэр Эрик де Коган.

— Не верь им! — поспешно возразил Юрзед. — Давай бросим их головы под ноги персидским собакам.

Сэр Эрик засмеялся, и его взгляд стал холодным и суровым, как у всякого франка, глядящего в лицо Судьбе.

— Многие умрут прежде нас, хотя вы и отняли наши мечи, — сказал он. — Ты, вождь пустыни, должен дорожить своими людьми. Вскоре тебе понадобятся все сабли, что у тебя есть, но и их может оказаться недостаточно. Ты в ловушке.

Али потянул себя за бороду, и его взгляд стал злым и недоверчивым.

— Если ты настоящий мужчина, расскажи, чье войско стоит на равнине.

— Войско Мухаммед-хана, султана Кизилшера.

Окружение Али насмешливо и гневно закричало, а сам Али выругался.

— Ты лжешь! Волки Мухаммеда преследовали нас днем и ночью. Они висели на наших флангах, гнали, как шакалы раненого оленя. На рассвете мы напа-

ли на них и рассеяли их отряды. Затем мы подъехали к холмам, и вот на другой стороне увидели огромное войско, стоящее лагерем. Как это мог быть Мухаммед?

— Те, кто преследовал вас, не более чем его дозорные, — ответил сэр Эрик. — Это легкая кавалерия, посланная Мухаммедом. Они жалили вас с флангов и заманили в ловушку, как стадо скота. Вы на чужой земле. Повернуть назад вы не можете. Ваш единственный путь — сквозь ряды персов.

— Да, это так, — с горечью произнес Али. — Теперь я понимаю, что ты говоришь, как друг. Но сумеют ли пятьсот человек прорваться сквозь десять тысяч?

Сэр Эрик засмеялся.

— Над равниной еще висит утренний туман. Когда он поднимется, ты увидишь, что персов не более тысячи.

— Он лжет, — вмешался Юрзед, к которому я начал испытывать неприязнь. — Всю ночь на равнине раздавался топот копыт, и мы видели блеск сотен костров.

— Они хотят обмануть тебя, — объяснил сэр Эрик. — Чтобы ты поверил, что видишь большое войско. Всадники носились по равнине, создавая впечатление большой армии. Из-за этого твои разведчики не могли близко подобраться к кострам персов. Ты имеешь дело с хитрецом и мастером военного искусства! Когда ты пришел на эти холмы?

— Вчера вечером, сразу после наступления темноты, — ответил Али.

— А Мухаммед прибыл на рассвете... Разве ты, проезжая, не видел дыма сигнальных костров? Их зажгли разведчики, чтобы Мухаммед знал, куда ты направляешься. Твой враг в совершенстве рассчитал время и появился вовремя. Он развеял костры и заманил тебя в ловушку. Вчера ночью тебе удалось пройти незамеченным сквозь их ряды, и потому твои люди остались целы. А теперь тебе придется сражаться. Я не сомневаюсь, что путь твой известен персам. Смотри, туман

рассеивается; поднимемся на вершину, и ты увидишь — я говорю правду.

Туман на равнине действительно рассеялся. Али выругался, посмотрев вниз на широко раскинувшийся лагерь персов, которые, судя по оживленному движению, готовились к бою.

— Нас заманили в ловушку и обвели вокруг пальца, — выругался араб. — А мои люди ворчат у меня за спиной. На этих холмах нет ни воды, ни травы. Проклятые курды прижали нас так, что мы, считая их авангардом войска Мухаммеда, ни днем, ни ночью не могли ни поесть, ни отдохнуть. Даже огня не разводили, да и нечего нам было на нем готовить. А дозорные, бросившиеся врассыпную на рассвете, сэр Эрик? Эти хитрые собаки удрали при первой же атаке.

— Не сомневаюсь, что они попытались пробраться к тебе в тыл, — сказал сэр Эрик. — Лучше всего сейчас же оседлать коней и нанести удар по персам до того, как дневная жара разморит твоих голодных людей. Если же курды и в самом деле у нас в тылу, то мы попались, как орех в щипцы!

Али кивнул и стал грызть бороду, как человек, погруженный в глубокое раздумье.

— Почему ты мне это говоришь? Зачем тебе присоединиться к более слабой стороне? Что за хитрость привела тебя в мой лагерь? — неожиданно спросил он.

Сэр Эрик пожал плечами.

— Мы убегали от Мухаммеда. Я помолвлен с этой девушкой, а один из его эмиров украл ее у меня. Попав в руки к Мухаммеду, мы можем поплатиться жизнью.

Так он говорил, не осмеливаясь открыть то, что девушку желает сам султан, и то, что она племянница Уильяма де Броза, чтобы Али не выдал нас Мухаммеду в обмен на мир. Араб кивнул, хотя, казалось, был не слишком доволен рассказом моего спутника.

— Верните им оружие, — распорядился он. — Я слышал, что сэр Эрик де Коган держит слово... И турки редко врут.

Юрзед неохотно вернул нам клинки. Оружие сэра Эрика представляло собой настоящий меч крестоносца — длинный, тяжелый, обоюдоострый. У меня была кривая восточная сабля, выкованная за Оксусом, — рукоятка, усыпанная драгоценными камнями, длинный клинок из прекрасной голубой стали, не слишком изогнутый и не слишком прямой, им можно было и рубить и колоть.

Сэр Эрик отвел девушку в сторону и тихо произнес:

— Одному Богу известно, что нас ждет, Эттер. Может быть, лучше тебе, мне и Косру Малику умереть здесь. И он, и я должны биться с персами, однако неизвестно, каким будет исход. Но если мы поступим иначе, нам просто перережут горло.

— Будь что будет, мой господин, — ответила красавица, светясь от радости. — Я счастлива умереть рядом с тобой!

— Что за воины эти бедуины, мой брат? — спросил меня сэр Эрик.

— В бою они очень жестоки, — ответил я. — Но они могут не выдержать. Каждый, поодиночке, может противостоять турку и уж конечно курду или персу, но настоящая битва — не рукопашная схватка. Это совсем другое дело. Арабы могут ошеломить противника своим внезапным нападением, и если персы поддадутся, а бедуины почуют запах победы, то арабы победят. Но если воины Мухаммеда будут твердо стоять и выдержат первый натиск, тогда нам с тобой лучше бежать и попытаться спастись самим, потому что эти люди — ястребы, никогда дважды не нападающие на одну и ту же добычу в случае неудачи.

— А как, по-твоему, персы выдержат? — спросил сэр Эрик.

— Брат мой, — ответил я. — Я не питаю любви к этим иранцам. Иногда их называют трусами; но если перс доверяет своему вождю, он будет драться, как безумный дьявол, почувствовавший запах челове-

ской крови. Персы выстоят. Они верят Мухаммеду, и их ряды все время пополняются турками и курдами. Мы должны нанести им очень сильный удар и прорваться прямо сквозь их ряды!

А воины Али меж тем стекались с холмов, готовясь к битве и седлая коней. Али ибн-Сулейман широким шагом подошел к нам.

— Что это вы обсуждаете?

Сэр Эрик встал и посмотрел в глаза арабу.

— Эта девушка, моя невеста, похищенная людьми Мухаммеда и, как я уже рассказывал, спасенная мной. Теперь я пытаюсь отыскать для нее безопасное место. Мы не можем оставить ее здесь, но и взять с собой тоже не можем!

Али посмотрел на девушку, словно видел ее в первый раз, и в его глазах мелькнуло пламя зарождающейся страсти. Да, ее белое личико, как искра, зажигало огонь в сердцах мужчин.

— Переоденьте ее мальчиком, — предложил он. — Я приставлю к ней воина для охраны и дам коня. Когда мы поедем в бой, она пусть держится в тылу, подальше от нашего войска. Когда начнется битва, пусть девушка, если сможет, сделает вид, что сражается, как все. Пусть носится, как ветер, среди персов, все время продвигаясь к югу. Если она будет действовать быстро и смело, то сумеет прорваться, а ее охранник сразит любого, кто попытается ее остановить. Ведь если все иранское войско будет сражаться с нами, то вряд ли они заметят двух всадников, удирающих с поля битвы.

Когда Этгер все объяснили, она побелела, а сэр Эрик содрогнулся. Это был ничтожный, но единственный шанс. Франк попросил поручить охрану девушки мне, но Али ответил, что у него на примете уже есть верный человек — несомненно, если он и верил сэру Эрику, то уж мне-то он явно не доверял, полагая, что я могу похитить девушку для себя. Он велел нам обоим держаться рядом с ним, и нам ничего не оставалось, как только повиноваться. Что же касается меня, то я

ликовал: разве пристало мне, ястребу из племени шагатаи, охранять женщину в самый разгар битвы? Юноше по имени Юсуф все подробно объяснили, а Али дал девушке прекрасную черную кобылу. Одета в мужской костюм, она напоминала стройного молодого араба, и, когда Али вновь увидел ее, глаза его хищно сверкнули. Я понял, что если мы прорвемся сквозь ряды персов вместе с девушкой, нам все равно придется сразиться с арабами!

Бедуины уже сидели в седлах. Сэр Эрик поцеловал рыдающую Эттер. Он проследил, как она, под охраной Юсуфа, отъехала в тыл войска. Мы заняли свои места рядом с Али ибн-Сулейманом, рысью пронеслись по оврагу и выскочили у изрезанного оврагами склона холма.

Нет Бога, кроме Аллаха!

С первым лучом утреннего солнца, осветившего восточные холмы, мы помчались вниз и вырвались на равнину, где в ожидании нас расположилось персидское войско. Волей Всевышнего, я буду помнить эту атаку и в смертный час! Мы неслись навстречу смерти, в руках у нас было оружие, ветер играл гривами коней!

Словно дьяволы ада, мы нанесли удар по первым рядам персов, заставив их дрогнуть. Арабы сражались как сумасшедшие, и персы падали перед ними, как зерна в амбар. Наши союзники сражались отчаянно, их сабли сверкали словно вспышки молний. Клянусь, сотни персов умерли в то мгновение, когда армии сшиблись, словно гигантские живые валы. Наш отряд прорвался к сердцу персидского войска. Однако противник сомкнул строй и удержал позицию. От звона клинков дрожали небеса. Мы потеряли из виду Эттер, и не было времени на ее поиски. Все судьбы в руках Аллаха.

Я заметил Мухаммед-хана, восседающего на огромном белом жеребце в окружении эмиров, словно на параде. Казалось, блеск сабель, кровь и вопли сражающихся были для него подобны скучным состязаниям. Вокруг него толпились его военачальники — Кай

Кедра, сельджук, Абдулла-бей, Мирза-хан, Дост Сайд, Мехмет Атабек, Ахмед зль-Гор и Яр Акбар, косматый великан, перебежчик из Афганистана, считавшийся самым сильным человеком в Кизилшере.

Мы с сэром Эриком прорывались сквозь ряды врагов, плечом к плечу, и, клянусь Пророком, за нами оставались лишь трупы! Копыта наших коней ступали по обезглавленным телам! И все же Али ибн-Сулейман прорвался к эмиру раньше нас. Юрзед следовал за ним по пятам, но Мирза-хан одним ударом отрубил ему голову, а спутники эмира набросились на Али ибн-Сулеймана, который заорал, как обезумевшая от крови пантера, и, встав в стремях, рубил направо и налево, как безумный.

Он убил трех персидских тяжеловооруженных всадников, а Мирзе Хану нанес такой удар, что перс, оглушенный, упал с коня и остался жив только благодаря шлему. Абдулла-бей подъехал сзади и, пробив саблей кольчугу Али, глубоко вонзил острие меча в его спину. Предводитель арабов пошатнулся в седле, но не перестал усердно работать длинной саблей.

И тут нам удалось пробиться к раненому арабу. Сэр Эрик встал в седле и, выкрикнув военный клич франков, нанес Абдулле-бею такой могучий удар, что у того треснул череп и он вылетел из седла. Али ибн-Сулейман злобно расхохотался, но тут, в свой последний миг, Дост Сайд разрубил ему кольчугу и плечо. Али пришпорил коня, тот заржал и встал на дыбы. Наклонившись вниз, Али одним ударом рассек Дост Сайду шею и, прорвавшись сквозь рукопашную схватку, бросился на Мухаммед-хана. Но в это мгновение Кай Кедрa нанес ему смертельный удар.

Все, и арабы, и персы, увидевшие поверженного Али, громко закричали. Я почувствовал, что напор арабов слабеет. Раздались громкие крики на флангах, и сквозь шум резни до меня донесся стук копыт коней, несущихся галопом. Мехмет Атабек крепко прижал меня, и, отбиваясь, я не успел разглядеть, что происхо-

дит. Ряды арабов дрогнули и начали рассыпаться, и я, горя желанием узнать, что происходит, поспешил разделаться со своим противником, противопоставив свое проворство его быстроте. Потом я рискнул быстро оглядеться. С севера, с холмов, которые мы недавно покинули, на нас надвигалась армия людей с ястребиными лицами — это приближался Руали со своими курдами.

Завидев их, арабы бросились врассыпную, как стая птиц, спасая свои жизни. В один миг битва превратилась в беспорядочные поспешные единичные схватки. В результате мы с сэром Эриком оказались в самом сердце персидского войска, но, когда кизилшеры бросились преследовать врага, между нами и открытой на юге пустыней осталось лишь несколько воинов Мухаммеда.

Мы пришпорили коней и поскакали во весь опор. Далеко впереди мы увидели двух быстро удаляющихся всадников. Один из них был на той самой высокой черной кобыле, которую араб дал Эттер. Она и ее охранник успешно прорвались, но в долине сейчас было полно всадников.

Мы поскакали за Эттер, минуя ставку султана. Мы проехали так близко, что я встретился взглядом с самим Мухаммед-ханом. Его глаза горели смело и бесстрашно, и я понял, что в этот миг мне довелось увидеть лицо истинного властителя.

Несколько воинов помчались следом за нами. Но вскоре они остались далеко позади, а те, кто осмелился преградить нам путь, приняли быструю смерть от наших клинков.

Мы миновали равнину, на которой еще недавно бушевала битва, и увидели, что Эттер, погоняя свою кобылу, поминутно оглядывается назад, а Юсуф подгоняет ее. Она, должно быть, увидела нас и подняла руку в приветственном жесте. В этот момент на них налетела банда курдов, но не тех шакалов, что преследовали и грабили Али. Раздались крики, засверкала сталь. Сэр Эрик коротко выдохнул и так пришпорил

коня, что тот заржал и бешено рванулся вперед, обогнав моего предого. В одно мгновение мы оказались рядом с дерущимися.

Араб Юсуф сплеховал. Один из курдов ранил его в левую руку и плечо, а о грудь другого он сломал свою саблю. Когда мы подъехали, конь араба упал, но Юсуф, падая вместе с ним, изловчился и выбил курда из седла. Катаясь по земле, они наносили удары друг другу кривыми кинжалами.

Почему-то курды, вместо того чтобы снести голову Эттер, приняв ее за мальчика, стащили ее с лошади. Одежды ее разорвались, тюрбан, прикрывающий лицо, упал. Воины застыли, рассматривая красивую девушку. Потом они взвыли, как волки. Вот тогда-то мы подоспели и перебили их всех.

Аллах наслал на сэра Эрика настоящее безумие. Глаза франка сверкали, лицо мертвенно побледнело, а рука обрела нечеловеческую силу. Трех курдов он уложил всего тремя ударами, остальные с воем отступили, крича, что на них напал сам шайтан. Удирая, один проскочил мимо меня, и я снес ему голову, чтобы научить хорошим манерам.

Наконец сэр Эрик слез с коня и прижал к себе дрожащую от ужаса девушку, а я, бросив взгляд на Юсуфа и курда, обнаружил, что оба мертвы. Обнаружил я и другое — мое бедро проткнуло чье-то копьё! Когда это случилось, ума не приложу, потому что в огне битвы люди не чувствуют боли. Я остановил кровь и как мог перевязал рану обрывками своей одежды.

— Скорее, ради Аллаха! — раздраженно обратился я к сэру Эрику, потому что он, казалось, готов был все утро ласково успокаивать девушку, шепча ей нежные слова. — На нас в любой момент могут напасть. Посади женщину на лошадь и скачи вперед. Сейчас не время для признаний в любви.

— Косру-малик, — произнес сэр Эрик, послушавшись моего совета, — ты надежный друг и стойкий воин, но любил ли ты когда-нибудь?

— Тысячу раз, — ответил я. — Я был влюблен в половину женщин Самарканда. Ради Аллаха, скорей в седло!

Мы двинулись прочь от места бойни и, стараясь избежать столкновения с рыщущими вокруг бандами грабителей (потому что все племена в округе, лишь битва закончится, спешат ограбить мертвых), направились на юго-восток, решив повернуть на запад, когда между нами и победоносными кизилшерцами окажется достаточное расстояние.

Мы ехали, пока день не начал постепенно утасать, сменяясь вечером. Тогда мы нашли родничок и остановились, чтобы дать отдых лошадям и напоить их. Травы там росло мало, а еды у нас с собой не было вообще, а мы с сэром Эриком со вчерашнего дня ничего не ели и две ночи не спали. Но и сейчас мы не могли позволить себе такого удовольствия, ведь угроза нападения все еще висела над нами. Крестоносец уложил девушку под ветвями тамариска, чтобы она хоть немного подремала.

Отдохнув часок, мы медленно, чтобы не загнать коней, отправились дальше. Когда солнце село, мы остановились немного отдохнуть в укрытии огромных скал. На этот раз мы с сэром Эриком позволили себе забыться, и хотя ни один из нас не проспал и получаса, отдых освежил нас самым чудесным образом. Мы снова тронулись в путь, на этот раз повернув на запад.

Уже наступила ночь, когда мною овладело странное, непреодолимое чувство, знакомое каждому человеку, выросшему в пустыне. Спешившись, я приложил ухо к земле. Да, по нашим следам во весь опор скакало немало всадников, и я понял, что безумие овладело Мухаммед-ханом. Я сказал об этом сэру Эрику. Мы ускорили бег наших коней. Чтобы избежать встречи с врагами, мы снова повернули на восток, но, когда наступила ночная тьма, я опять пригнулся к земле и снова почувствовал слабую вибрацию.

— Всадников много, — пробормотал я. — Клянусь Аллахом, сэр Эрик, за нами гонятся.

— А за нами ли? — спросил сэра Эрик.

— За кем же еще? — ответил я. — Они идут по нашему следу, как охотничья собака по следу раненого волка. Сэр Эрик, Мухаммед сумасшедший. Он жаждет девушку и рискует из-за нее погубить империю. Сэр Эрик, женщин много, как ласточек, но таких воинов, как ты, мало. Пусть Мухаммед получит девушку. Ничего зазорного тут нет — за нами гонится целое войско.

Взгляд франка стал утрюмым, и он произнес:

— Уезжай, спасайся сам.

— Клянусь кровью Аллаха, — тихо произнес я. — Никто, кроме тебя, не мог бы предложить мне подобное и остаться в живых.

Он покачал головой.

— Я не хотел тебя оскорбить, брат. Но подумай, тебе ведь умирать совершенно незачем.

— Ради Бога, пришпорим лошадей, — устало произнес я. — Все франки сумасшедшие.

В сгущающихся сумерках, при свете зарождающихся звезд, мы двинулись дальше, слыша за спиной ровный вибрирующий звук многочисленных копыт. Войско шло ровным мерным аллюром, полагал я, уверенный, что рано или поздно они догонят нас, ведь их лошади меньше устали. Как Мухаммед узнал, куда мы направляемся, ума не приложу. Вероятно, курды, избежавшие гнева сэра Эрика, рассказали ему о нас, а может быть, какой-нибудь араб проговорился под пыткой.

Желая улизнуть от них, мы круто свернули на восток, и ближе к рассвету, снова приложив ухо к земле, я не услышал топота копыт. Но я знал: это лишь временная передышка. Мухаммед потерял наш след, но ведь в его войске есть курды, которые могут выследить волка на голых скалах. Он догонит нас еще до захода солнца.

На рассвете мы поднялись в гору и увидели перед собой простирающиеся до самого горизонта спокойные воды Зеленого моря — Персидского залива. Наши кони выбились из сил. Они шатались и жалобно ржали, запрокинув головы и широко расставив ноги. При свете

зари я увидел вытянувшиеся, изможденные лица моих спутников. Глаза девушки были затуманены, и она шаталась от усталости, хотя не произнесла ни слова жалобы. Что касается меня, то когда за три ночи проспешь всего полчаса, мир вокруг кажется нереальным... Но я усилием воли прогнал сон. Сэр Эрик же был словно железным, и умом, и духом, и телом. Внутренний огонь двигал франком. Да, нам выпала тяжелая дорога — дорога, ведущая в Азраэль!

Мы подошли к берегу моря, ведя коней в поводу. На арабской стороне берега Зеленого Моря ровные и песчаные, но на персидской — высокие и скалистые. Крутые берега были усыпаны крупной галькой и булыжниками, так что наши лошади с трудом пробирались по ним.

Сэр Эрик нашел укромное местечко меж двумя огромными валунами и стал умолять девушку хоть немного поспать, а мне приказал охранять ее. Сам же он решил пройти по берегу и поискать рыбацкую лодку. Он хотел выйти в море и таким образом спастись от персов. Широкими, уверенными шагами шел он между скалами, прямой, высокий и величавый, а лучи утреннего солнца сверкали на его оружии.

Уставшая девушка уснула глубоким сном, а я сидел рядом с ней, положив саблю на коленях, и думал, какие же они сумасшедшие, эти франки и султаны. Рана моя болела, и нога почти потеряла подвижность. Очень хотелось пить, голова кружилась от бессонных ночей и голода, а впереди я не видел ничего, кроме смерти.

В конце концов я поймал себя на том, что невольно задремал. Девушка крепко спала, а я встал и, прихрамывая, начал прохаживаться, решив, что боль в ноге не позволит мне заснуть окончательно. Я дошел до выступа находящейся неподалеку скалы — и там со мной произошло странное приключение.

Когда я остановился, на меня откуда-то из-за скал внезапно набросился огромный воин. В мгновение ока я понял, что это франк: у него были светлые, блестя-

щие, как у тигра, глаза и белая кожа, а из-под шлема выбивались пряди светлых волос. Его густая борода тоже была светло-желтой, а из шлема торчали бычьи рога, поэтому я сначала принял его за какого-то пустынного демона.

Все это я заметил в считанные мгновения, когда с оглушительным ревом великан бросился на меня, размахивая тяжелым блестящим топором. Когда он замахнулся, мне надо было бы отклониться в сторону и рубануть его саблей, как я поступал раньше с тысячами франков, но я все еще пребывал в туманном полусне, да и раненая нога сковывала мои движения.

Я отразил удар его топора, но мое плечо онемело. Сила этого ужасного удара бросила меня на землю, но я удержался на одном колене и резко поднялся, а грозная фигура франка уже нависла надо мной. Удар моей сабли пришелся ему ниже бороды и рассек шею. Но и тогда, шатаясь, как пьяный, истекая кровью, он схватил топор обеими руками и, широко расставив ноги, высоко поднял его над моей головой. Но жизнь ушла из тела франка прежде, чем он успел нанести последний удар.

Когда я поднялся, полностью пробудившись от боли в сломанном плече, из-за скал со всех сторон выскочили люди и окружили меня кольцом сверкающей стали. Я никогда не видел таких людей. Как и убитый, все они были высокими и мускулистыми, с рыжими или желтыми волосами и бородами и свирепыми светлыми глазами. Но эти воины, в отличие от крестоносцев, не были с головы до ног закованы в латы. Рогатые шлемы покрывали головы, короткие чешуйчатые кольчуги доходили лишь до колен и оставляли голыми шеи и руки. У большинства из них не было никакого оружия, кроме топоров с широкими лезвиями. В левой руке воины держали тяжелые щиты, на их запястьях блестели широкие золотые браслеты, а на шеях золотые цепи.

Конечно, эти люди никогда раньше не ступали на земли Востока. Впереди стоял, очевидно, предводи-

тель, очень высокий франк в длинной серебристой кольчуге. Его шлем был выполнен с большим мастерством, а вместо топора он держал длинный тяжелый меч в богато украшенных ножнах. Лицо его было неподвижно, как у спящего человека, но взгляд странных светлых глаз казался изменчивым, как блеск моря.

Рядом стоял другой, еще более странный человек, с седыми длинными волосами и длинной бородой. Он был очень стар. Однако годы не согнули его, а его мускулы оставались твердыми, как сучья дуба. Единственный глаз старца блестел каким-то странным, почти нечеловеческим блеском. Казалось, его мало трогало все происходящее. Его львиная голова была высоко поднята, а взгляд единственного глаза устремлен куда-то за горизонт.

Я понял — конец моей жизни близок. Я опустил саблю и сложил руки.

— Слава Аллаху! — сказал я и стал ждать удара. Вдруг раздался лязг оружия, и воины развернулись в сторону сэра Эрика, прорвавшегося сквозь кольцо. Он встал перед франками лицом к лицу. Воины зловеще зашумели и плотно окружили нас. Я поднял саблю, чтобы защитить сэра Эрика со спины, но высокий франк вытянул руку и обратился к сэру Эрику на каком-то странном языке. Все замолчали. Сэр Эрик ответил на своем родном языке:

— Я не понимаю по-норвежски. Не мог бы ты говорить по-английски или на норманно-французском?

— Да, я знаю эти языки, — ответил высокий франк, который оказался на полголовы выше сэра Эрика. — Я Скел Торвальдсен из Норвегии, а это мои волки. Этот сарацин убил одного из моих ребят. Он твой друг?

— Друг и брат по оружию, — сказал сэр Эрик. — Если он кого и убил, то у него были на это причины.

— Он прыгнул на меня, как тигр из засады, — устало объяснил я. — Это твои сородичи, брат. Пусть берут мою голову, если хотят. За кровь надо платить кровью. Тогда они спасут от Мухаммеда тебя и девушку.

— Я что же, собака? — рявкнул сэр Эрик, а воинам он сказал: — Посмотрите на вашего волка. Вы считаете, что он мог нанести удар после того, как ему перерезали горло? Это Косру-малик, и у него сломано плечо. Ваш волк ударил первым, а человек должен защищать свою жизнь.

— Тогда забирай своего друга и убирайтесь восвояси, — медленно произнес Скек Торвальдсен. — Мы не станем пользоваться своим преимуществом, но твой язычник мне не нравится.

— погоди! — воскликнул сэр Эрик. — Я прошу тебя о помощи! За нами, как лев за ланью, гонится мусульманский правитель. Он хочет затащить девушку-христианку в свой гарем.

— Христианку! — громко произнес Скек Торвальдсен. — Но мы не христиане, и десять дней назад я принес в жертву Тору¹ лошадь.

На осунувшемся лице сэра Эрика я увидел полное отчаяние.

— Я думал, что вы, норвежцы, давно отказались от своих языческих богов, — сказал он. — Если есть среди вас настоящие мужчины, помогите нам, не ради меня и моего друга, но ради девушки, которая спит среди этих скал.

Тут из толпы вышел воин моего роста и могучего сложения. Он видел более пятидесяти зим, но его рыжие волосы и борода не тронула седина, а голубые глаза блестели от ярости, горевшей в его душе.

— Вот как! — завопил он. — Ты просишь помощи, норманнская собака?! Ты, чьи сородичи разграбили земли моего народа, чьи сородичи проливали праведную саксонскую кровь? А теперь ты скулишь и просишь о помощи, как шакал, попавший в ловушку на краю пустыни. Я скорее сгорю в аду, чем подниму топор, чтобы защитить тебя и тех, кто рядом с тобой!

¹ Тор — в скандинавской мифологии бог грома и молнии, покровитель земледелия.

— Нет, Гротгар,— впервые заговорил древний бородатый великан, и его голос напомнил зычный призыв барабана.— Этот рыцарь один, а нас много. Не надо обращаться с ним так жестоко.

Гротгар удивился и, казалось, рассердился, но нарушить волю старика не посмел.

— Да, мой король,— пробормотал он полусердито-полувиновато.

— Король? — поразился сэр Эрик.

— Да! — Гротгар снова сверкнул глазами, он и в самом деле был не на шутку озлоблен.— Да — монарх, которого твой проклятый Вильгельм обвел вокруг пальца, заманил в ловушку и сверг с престола. Перед тобой Гарольд, сын Годвина, законный король Англии!

Сэр Эрик снял шлем, уставившись на старика, словно на призрак.

— Но я не понимаю,— произнес он, запинаясь.— Гарольд пал в Сенлаке — Эдит Лебединая Шея нашла его среди убитых...

Гротгар зарычал, как раненый волк, а в его глазах загорелся синий огонь ненависти.

— Обманщиков иногда тоже можно обмануть,— огрызнулся он.— Эдит нашла одного из вождей запада и показала его жрецам. Я, десятилетний мальчишка, был среди тех, кто ночью вынес короля Гарольда, бесчувственного и ослепленного.

Его свирепый взгляд стал мягче, а грубый голос почему-то зазвучал нежнее.

— Мы спрятали его подальше от собаки Вильгельма, и четыре месяца он был при смерти. Но он выжил, хотя норманнская стрела лишила его глаза, а удар меча по голове не оставлял ему шанса на спасение.

Гротгар снова гневно сверкнул глазами.

— Сорок три года странствований и грабежа на тропе викингов,— резко произнес он.— Вильгельм лишил короля его королевства, но не смог отнять у него преданных людей, которые шли за ним и умирали за него. Видишь этих викингов Скела Торвальдсена? Норманны,

датчане, саксонцы — те, кто не захотел очутиться под пятой Вильгельма, — мы и есть королевство Гарольда! А ты, французская собака, еще молишь нас о помощи! Ха!

— Я родился в Англии, — начал сэр Эрик.

— Да, — усмехнулся Гротгар, — под крышей замка, отобранного у какого-нибудь доброго саксонского тана и подаренного норманнскому вору!

— Но люди моего рода сражались в Сенлаке и под Золотым Драконом, а не только на стороне Вильгельма, — возразил сэр Эрик. — Я имею отдаленное отношение к Годрику, графу Эссексу.

— Тем больше позора для тебя, гнусный предатель, — бушевал саксонец. — Я...

В эту минуту все услышали легкие шаги маленьких ножек. Девушка проснулась и, испугавшись грубых голосов, отправилась на поиски своего возлюбленного. Она проскользнула сквозь ряды воинов и бросилась в объятия сэра Эрика, задыхаясь и в ужасе бросая дикие взгляды на беспощадных убийц.

Норманны затихли.

Сэр Эрик умоляюще повернулся к ним:

— Не допустите же вы, чтобы дитя, родственное вам по крови, погибло от рук язычников? Мухаммед-хан, султан Кизилшера, следует за нами по пятам и уже недалеко отсюда — едва ли в часе езды. Позвольте же нам сесть на ваш драпар и уйти вместе с вами...

— У нас нет корабля, — вздохнул Скед Торвальдсен. — Ночью мы подошли слишком близко к берегу, и корабль разбился о прибрежные рифы. Я предупреждал Асгримма Рейвена, что ничего хорошего не выйдет, если войдем в узкую бухту, воду в которой ночью ведьмы подожгли зеленым огнем.

— И что мы, сотня воинов, можем сделать против целого войска? — вмешался Гротгар. — Мы не могли бы вам помочь, если бы...

— Но вы тоже в опасности, — продолжал сэр Эрик. — Мухаммед нагонит и вас. Он не питает любви к франкам.

— Мы купим себе мир, отдав ему тебя, девчонку и турка, связанных по рукам и ногам,— ответил Гротгар.— Асгримм Рейвен, наверное, недалеко. Ночью мы потеряли его, но он обыщет весь берег и найдет нас. Мы не осмелились разжечь сигнальный огонь, чтобы его не увидели сарацины. Но теперь мы купим мир у этого восточного правителя...

— Мир!— Голос Гарольда прозвучал, как густой зов огромного золотого колокола.— Хватит, Гротгар. Нехорошо так говорить.

Он приблизился к сэру Эрику и девушке, и они было опустились перед ним на колени, но он не позволил, а положил свою жилистую руку на голову Эттер и мягко откинул ее назад, так, что умоляющий взгляд огромных глаз был устремлен на него. А я мысленно воззвал к Пророку,— старец казался неземным созданием из-за огромного роста, странного таинственного блеска в глазу и белых локонов, лежащих, как облако, на покрытых кольчужой плечах.

— Такие же глаза были у Эдиты,— тихо произнес он.— Да, дитя, глядя на твое лицо, я становлюсь моложе на полвека. Ты не попадешь в руки язычника, пока последний саксонский король может держать меч. Я кормил его кровью во многих менее достойных схватках. Теперь я снова обнажу его, малышка.

— Это безумие! — вскричал Гротгар.— Неужели хищники разорвут сына Годвина из-за французской девчонки?

— Боже правый! — прогремел старец.— Король я или собака?

— Ты король, мой господин,— утрюмо проворчал Гротгар, опустив глаза.— Тебе и отдавать приказы — даже если они безумны.

Такова преданность этих варваров!

— Разожги сигнальный огонь, Скл Торвальдсен,— приказал Гарольд.— Будем с Божьей помощью сдерживать мусульман до прихода Асгримма Рейвена. Как ваши имена, твое и этого восточного воина?

Сэр Эрик ответил, и Гарольд отдал распоряжения, Я с изумлением увидел, что они выполняются без лишних слов. Скел Торвальдсен командовал этими людьми, но, казалось, чтл Гарольда, как настоящего монарха — того, чье королевство погибло и потерялось в тумане времени.

Сэр Эрик и Гарольд вправили мне руку и крепко привязали к телу. Затем викинги принесли еду и выброшенную на берег из разбитой галеры бочку какого-то пойла, которое называли элем. Наблюдая за взметнувшимся вверх дымом сигнального костра, мы жадно ели и пили. Сэр Эрик ожил. Лицо его было осунувшимся и изможденным, но глаза неукротимо сверкали.

— У нас очень мало времени, надо выбрать место для битвы, ваше величество, — сказал он, и старый король согласно кивнул.

— Не стоит встречаться с ними на открытом месте. Они окружают нас со всех сторон и перебьют. Но недалеко отсюда я заметил высокие утесы...

Мы отправились осмотреть это место. Викинг отыскал среди скал впадину, заполненную пресной водой, и мы, напоив наших усталых лошадей, оставили их там под прикрытием утесов. Сэр Эрик помог девушке подняться на утесы и протянул руку мне, но я покачал головой и захромал сам. Тогда подошел Гротгар и молча помог мне, потому что моя раненая нога онемела и плохо слушалась.

— Безумная затея, турок, — проворчал он.

— Да, — ответила, как во сне. — Все мы сумасшедшие призраки по дороге в Азраэль. Многие же отдали жизни за эту светловолосую девушку. Многие еще умрут до конца пути. Много безумия видел я за свою жизнь, но никогда не участвовал в таком походе!

Мы слышали стук копыт.

Франки остановились в широкой расселине, позади которой рассыпались каменистые бухточки. Перед нами простиралась пустыня, изрытая оврагами. Франки построились в боевой порядок, выставив пе-

ред собой щиты. На одном из флангов этой стены из щитов стоял король Гарольд со Скелом Торвальдсеном по одну руку и Гротгаром по другую.

Сэр Эрик нашел углубление в утесе, нависающем над головами воинов, и спрятал там девушку.

— Ты должен остаться с ней, Косру-малик, — обратился он ко мне. — У тебя сломана рука, плохо двигается нога. Ты не можешь сражаться.

— Аллах хранит тебя! — ответил я. — Но на душе у меня тяжело, а во рту я чувствую вкус горечи. Я думал пасть рядом с тобой, брат.

— Поручаю мою возлюбленную твоим заботам, — сказал он и на мгновение крепко прижал к себе девушку, после чего соскочил с выступа и широкими шагами пошел прочь. Эттер зарыдала и вытянула вслед рыцарю свои белые руки.

Я вынул саблю и положил на колени. Мухаммед, может быть, и победит, но, придя за девушкой, он найдет лишь обезглавленное тело. Живой она ему не достанется.

Да, я смотрел на это тоненькое белое существо и с немалым удивлением раздумывал, как хрупкая женщина может стать причиной смерти стольких сильных мужчин. Поистине звезда Азразля благословляет рождение каждой красивой женщины. Король Мертвых громко смеется, а вороны точат черные клювы...

Храбрости ей было не занимать. Вскоре она перестала плакать и поднялась, чтобы промыть и вновь перевязать мою раненую ногу, за что я ее поблагодарил. За этим занятием мы не слышали стука копыт и не заметили, как появились воины Мухаммед Хана. Всадников было по меньшей мере человек пятьсот, а может быть, больше. Их лошади шатались от усталости.

Персы остановились у входа в расселину и с любопытством рассматривали группу людей, замерших в боевом порядке. Я увидел Мухаммед-хана, стройного, высокого, с перьями цапли на золотом шлеме. Рядом с ним стояли Кай Кедр, Мирза-хан, Яр Акбар, Ах-

мед эль-Гор, араб, и Кояр-хан, великий эмир курдов, который привел всадников, ограбивших арабов.

Наконец Мухаммед-хан приподнялся в золотых стремених и, заслонив глаза рукой, повернулся, что-то сказав своим спутникам. Я сразу понял, что он узнал сэра Эрика, стоящего за спиной короля Гарольда. Кай Кедр проехал на коне как можно дальше по оврагу и, сложив руки трубой, громко произнес на языке крестоносцев:

— Послушайте, франки, Мухаммед-хан, султан Кизилшера, не хочет с вами ссориться; но среди вас есть тот, кто похитил у султана женщину. Отдайте ее нам, и мы уедем с миром.

— Скажите Мухаммеду, — ответил сэр Эрик, — что пока жив хоть один франк, Эттер де Броз он не получит.

Кай Кедр отъехал к Мухаммеду, неподвижно сидящему на лошади, словно гранитное изваяние, и персы стали совещаться. А я опять задумался. Не далее как вчера Мухаммед в жестокой битве разгромил врагов. Теперь ему полагалось бы торжественно ехать по широким улицам Кизилшера, с развевающимися знаменами, под рокот барабанов, а женщины бросали бы розовые лепестки под копыта его лошади. А вместо этого — он здесь, вдали от города, вдали от поля битвы, весь в пыли, выбившийся из сил от многочасовой скачки по пустыне, и все из-за тоненькой девушки, почти ребенка.

Да, страсть Мухаммеда и любовь сэра Эрика — водовороты, затягивающие и обрекающие на смерть многих отважных воинов... Люди Мухаммеда следовали за ним, потому что такова была его воля. Король Гарольд противостоял ему из-за своего безумного нрава, который франки называют рыцарством. Гротгар, ненавидящий сэра Эрика, сражался вместе с ним, потому что любил Гарольда, как и Скел Торвальдсен, и все викинги. А я потому, что назвал его братом.

Наконец мы увидели, как персы спешиваются, поняв, что придется атаковать пешим строем. Они на-

чали карабкаться по каменистым склонам оврага, сверкая золочеными доспехами и украшенными перьями шлемами, держа в руках блестевшие серебром клинки. Персы терпеть не могут сражаться в пешем строю, но тем не менее они приближались к нам, и среди них были эмиры и сам Мухаммед. Да, когда я увидел султана, направляющегося к нам со своими людьми, я вдруг снова почувствовал восхищение, и мне стало жаль, что мы сражаемся против, а не на его стороне.

Я думал, что франки нападут на персов, с шумом пробирающихся по оврагу, но викинги не сошли с места. Они заставили противника подойти к себе, и мусульмане бросились на них с криком:

— Аллах акбар!

Атака разбилась о стену из щитов, как река разбивается об утес. Сквозь вой персов слышался низкий, ритмичный, грохочущий клич викингов, а треск топоров тонул в звоне и свисте сабель.

Норманны стояли неподвижно, как скала. После первого удара персы расстроенными рядами отступили, оставив груды изрубленных тел у ног белокурых великанов. Многие натянули луки и выпустили стрелы с близкого расстояния, но викинги лишь наклонили головы, и лучи света заблестели на их рогатых шлемах и затрепетали на огромных щитах.

А кизилшерцы снова ринулись в атаку. Наблюдая за сражением сверху я, горя и дрожа от возбуждения, любовался великолепием битвы. Моя рука так сжала рукоятку сабли, что из-под ногтей выступила кровь. Воины Мухаммеда снова и снова с безумной отвагой бросались на железную стену и отступали. Груда мертвых тел все росла, а живые карабкались по искромсанным телам павших, чтобы рубить и колоть.

Франки тоже падали, но те, кто оставался в живых, встав на место мертвых, смыкали ряды. Мухаммед не давал своим воинам ни малейшей передышки, он постоянно подгонял их, но и сам со своими эмирами сражался вместе с ними.

Аллах акбар!

Я считал крестоносцев могучими воинами, но таких, как франки эти, еще никогда не видел. Их светлые глаза горели каким-то странным огнем, и, рубя противника, они распевали дикие песни. Да, они наносили мощные удары. Я видел, как Скел Торвальдсен разрубил курда пополам, так что ноги полетели в одну сторону, а туловище в другую. Я видел, как король Гарольд так рубанул турка, что голова его отлетела на десять шагов от тела. Я видел, как Гротгар разрубил бедро перса, защищенное тяжелой кольчужой.

Но самым храбрым воином в этой битве был мой брат, сэр Эрик. Его меч напоминал смертоносный ветер, перед которым никто не мог устоять. Его лицо горело странным таинственным светом, руки дрожали от нечеловеческого напряжения, и, хотя я чувствовал некое родство между ним и дикими варварами, распевавшими и рубившими рядом с ним, все же что-то непостижимое отличало его от остальных. Да, кузнечный горн лишений выжег из души, мозга и тела этого человека всю ржавчину и поднял его на высоты, недоступные обычным людям.

Битва становилась все более и более ожесточенной. Многие из мусульман пали, но и немало викингов нашло смерть. Остальных медленно теснили назад непрекращающимися атаками, пока франки не оказались почти под тем выступом, где находились мы с девушкой. Там их стройные ряды разбились, потому что под ногами воинов теперь была крупная галька и валуны, а не гладкая каменная площадка, и битва превратилась в ряд одиночных схваток. Норманны взяли ужасающую пошлину — волей Аллаха, теперь не более сотни персов оставались в состоянии поднять меч! А франков осталось меньше двух десятков.

Скел Торвальдсен и Яр Акбар встретились лицом к лицу, и Скел мечом ударил мусульманина по черепу. Яр Акбар завопил и взмахнул саблей, но прежде, чем он смог нанести удар, викинг заревел и бросился на

него, как огромный лев. Его железные руки сомкнулись вокруг горла огромного афганца, и, клянусь, сквозь шум битвы я услышал, как затрещали кости Яр Акбара. Затем Скел Торвальдсен отбросил безжизненное тело и, вырвав саблю из мертвой руки, кинулся на Мухаммед-хана, но на его пути встал Кай Кедр. Викинг нанес ему удар, но сельджук успел пронзить саблей Скела, и оба одновременно упали.

Увидев, что сэра Эрика плотно окружают враги и он истекает кровью, я заговорил с девушкой.

— Да хранит тебя Аллах,— сказала я.— Но мой брат умирает в одиночестве, и я должен пасть рядом с ним.

Белая и неподвижная, как мраморная статуя, красавица следила за ходом битвы и видела все.

— Иди, ради Бога,— сказала она.— И пусть Он придаст силы твоей руке, но, пожалуйста, оставь мне свой кинжал!

Так я впервые не оправдал доверия брата и, с трудом спрыгнув с выступа, заковылял по утопанному берегу с саблей в руке. Приблизившись, я увидел, как сошлись в поединке Кояр-хан и король Гарольд, а заросший щетиной Гротгар машет во все стороны своим топором, с лезвия которого брызжет кровь. Вдруг Ахмед эль-Гор, араб, налетел сбоку и так сильно ударил Гарольда мечом по пояснице, что у того из-под кольчуги потекла кровь. Гротгар заорал, как бешеный бык, и бросился на Ахмеда, на мгновение замешкавшегося пред ужасным саксонцем, и тогда викинг нанес сильнейший удар, прорубивший кольчугу, словно одежду. Он раздробил Ахмеду плечо, разрубил грудную кость, но при этом сломал свой меч по самую рукоять. Почти в тот же миг король Гарольд перехватил левой рукой саблю Кояр-хана. Клинок разрубил тяжелый золотой браслет короля и повредил кость, но старый король одним ударом разможил череп курду.

Сэр Эрик и Мирза-хан продолжали бороться, а персы тем временем окружили их, пытаясь нанести удар франку, не задев своего эмира. А я, совершенно

невредимый, перешагивая через мертвых и умирающих, шел к ним, когда внезапно лицом к лицу столкнулся с Мухаммед-ханом.

Его худое лицо казалось изможденным, глаза слезились от пыли, а сабля блестела, омытая кровью по самую рукоять. Он был без щита, а кольчуга его была изодрана в клочья. Мухаммед узнал меня, кинулся вперед, и наши сабли скрестились. Почувствовав свое преимущество перед усталым султаном, я сказал:

— Мухаммед-хан, к чему быть глупцом? Что для тебя значит девушка из племени франков, для тебя, который может быть императором половины мира! Кизилшер без тебя погибнет, превратится в пыль. Иди своей дорогой, оставь девушку моему брату!

Мухаммед рассмеялся, как безумный, занес саблю и бросился на меня. Расставив ноги, я парировал удар, глазами отыскал прореху в его кольчуге и вонзил острие сабли прямо в его сердце. Мгновение султан стоял неподвижно, раскрыв рот, затем, когда я высвободил клинок, он рухнул на пропитанную кровью землю и оставил этот мир.

— Так умирают надежды ислама и слава Кизилшера, — с горечью произнес я.

В этот миг из глоток усталых, окровавленных персов вырвался испуганный крик, и они застыли как вкопанные. Я поискал глазами сэра Эрика? он стоял, качаясь, над неподвижным телом Мирзы-хана и, увидев меня, поднял меч, указывая клинком в сторону моря. И все, оставшиеся в живых, повернули головы. К берегу подходило длинное странное судно, с низкими бортами и высокими надстройками на носу и корме. Нос судна украшала вырезанная из дерева голова дракона. Длинные весла несли его по спокойной воде, а за веслами сидели белокурые великаны и что-то громко кричали. Когда судно подошло к берегу, сэр Эрик рухнул возле Мирзы-хана.

Персы, уставшие от схватки, побежали, прихватив с собой бесчувственного Кая Кедре. Я подошел к сэру

Эрику и попытался снять с него кольчугу, но в этот момент появилась рыдающая Эттер и оттолкнула меня. Я помог ей содрать кольчугу с сэра Эрика, и она повисла измазанными кровью клочками. Мой друг получил глубокие раны на бедре и на плече, а руки от плеч и до кончиков пальцев были порезаны и оцарапаны; стальной шлем был пробит и на голове зияла широкая рана.

Но, хвала Аллаху, ни одна из ран не была смертельной. Однако сэр Эрик потерял сознание от слабости — потеря крови и ужасное напряжение предшествующих дней сделали свое дело. Король Гарольд получил колотые раны в руку и в живот, а Гротгар истекал кровью от глубоких порезов на лице и груди, к тому же он хромял от удара в ногу. Из полдюжины оставшихся в живых франков не было ни одного, кто бы не получил пореза, ушиба или раны. Да, скверно они выглядели в порванных, окровавленных кольчугах.

Пока король Гарольд старался помочь нам с девушкой остановить кровотечение у сэра Эрика, а Гротгар источал проклятия из-за того, что волей короля не ему первому оказывалась помощь, корабль пристал к берегу, и франки заполнили берег. Их предводитель, высокий, могучий человек с длинными белыми локонами, осмотрел тело Скела Торвальдсена и пожал плечами.

— Тор любит своего храбрых воинов, — спокойно произнес он. — Сегодня вечером Скл славно попирует в Валгалле.

Потом франки перенесли на галеру сэра Эрика, остальных раненых и девушку, вцепившуюся в окровавленную руку возлюбленного и не отрывающую от него глаз. Она не думала ни о ком, кроме своего возлюбленного, как и полагается всякой женщине в подобных обстоятельствах. Король Гарольд, пока ему перевязывали раны, сидел на валуне, и меня снова охватил глубокий благоговейный страх, когда я увидел его с мечом на коленях и развешивающимися на поднявшемся ветру белыми локонами. Казалось, что это сидит седой король из какой-то древней легенды.

— Ты, турок,— обратился он ко мне,— не можешь оставаться на этой голой земле. Иди с нами.

Но я покачал головой.

— Нет, это невозможно. Я прошу только об одном: пусть один из твоих воинов приведет мне коней, которых мы оставили за скалами. Из-за раненой ноги я не смогу идти пешком.

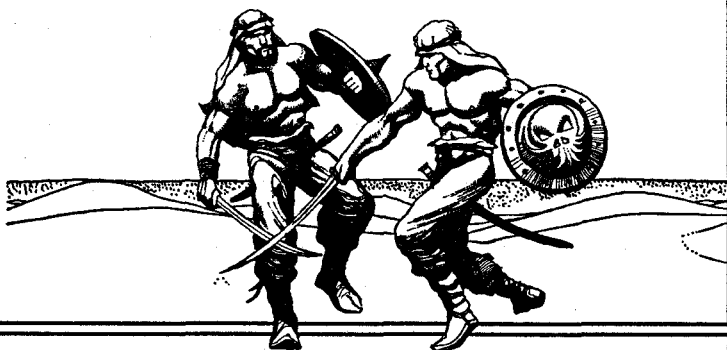
Мою просьбу исполнили. Кони уже настолько отдохнули, что я решил, как можно чаще меняя их, поскорее выбраться из пустыни. Все франки поднялись на борт судна, и король Гарольд снова предложил мне:

— Иди с нами, воин! Морская дорога хороша для странников. На седых тропах ветров ты утолишь жажду крови, а облака дальних морей успокоят твою боль. Идем!

— Нет,— решительно отказался я.— Здесь кончается моя дорога в Азраэль. Я сражался рядом с королями, убил султана, и голова у меня все еще кружится. Возьми с собой сэра Эрика и девушку, а когда они будут рассказывать своим сыновьям эту историю в дальней земле Франкистана, пусть хоть иногда вспоминают Косру-малика. Но идти с тобой я не могу. Кизилшер пал, но мой меч нужен и другим правителям. Салам!

Сев на коня, я увидел, как судно, отойдя от берега, повернуло на юг, и пока мои глаза различали его, я видел древнего короля, стоящего на корме, как седая статуя, подняв меч и салютуя мне.

Но вот корабль исчез в голубой дымке. Одиночество простерло свои крылья над волнами бескрайнего моря.

ЛЕВ ТИВЕРИАДЫ

Сражение в долине Евфрата подходило к концу, хотя резня еще продолжалась. Залитое кровью поле, где багдадский калиф со своими турецкими союзниками отбил натиск Дубейза ибн-Садаки, властителя Хиллы и пустыни, усеивали тела облаченных в доспехи воинов, будто разбросанные ураганом. Огромный канал, который люди звали Нилом, соединявший Евфрат с Тигром, был забит трупами кочевников; а те из них, кто остался в живых, отчаянно спасались бегством, направляясь к белым стенам Хиллы, видневшимся в отдалении над безмятежными водами реки.

Сельджукские воины, словно ястребы, преследовали беглецов, выбивая их из седел. Блистательная мечта арабского эмира наяву оказалась морем крови и стали, а он сам, яростно прищипывая лошадь, также мчался к реке. Но в одном месте бой все еще продолжался. Там любимый сын эмира Ахмет, стройный юноша лет семнадцати-восемнадцати, отчаянно защищался бок о бок со своим единственным сотоварищем. Набросившиеся на них всадники отскочили назад, с воплями бессильной ярости уклоняясь от ударов огромного меча, которым тот защищался.

Фигура этого человека казалась здесь чуждой и неуместной. Его рыжая грива резко отличалась от черных выющихся волос нападавших — как и его запыленные доспехи от их серебристых кольчуг и сияющих шлемов, украшенных перьями. Он был высок и могуч, под доспехами угадывались прекрасно развитые мускулы. Выражение его смутлого, покрытого шрамами лица было сумрачным, а взгляд синих глаз — холодным и жестким, словно сталь, из которой гномы на Рейне выковывали мечи для героев северных лесов.

В жизни Джону Норвальду пришлось нелегко. Он происходил из семьи, разоренной норманнами-завоевателями. Этот потомок феодального тана помнил лишь крытые соломой хижины и нелегкую жизнь наемного солдата, за жалкую плату служившего баронам, которых ненавидел.

Он родился на севере Англии, в древнем Дейнла, где давно обосновались синеглазые викинги, и по крови был не саксонцем, не норманном, а датчанином, и обладал мрачной несокрушимой силой холодного Севера. После каждого удара, который наносила ему жизнь, он становился еще более жестоким и безжалостным. И в долгом странствии на восток, которое привело его на службу к сэру Уильяму де Монсеррату, сенешалю пограничного замка, находившемуся за Иорданом, ему также пришлось нелегко.

За всю свою тридцатилетнюю жизнь Джон Норвальд мог вспомнить лишь один добрый поступок, одно милосердное деяние по отношению к себе; и именно благодаря ему он теперь с отчаянной яростью противостоял целой орде врагов.

Во время первого набега Ахмета его конники замахали де Монсеррата с горсткой вассалов в ловушку. Юноша не боялся боя, но жестокость, с которой добивали поверженных противников, была ему не по сердцу. Корчившийся в кровавой пыли Джон Норвальд, оглушенный и полумертвый, смутно увидел, как легкая рука оттолкнула поднятый над ним ятаган, и над

ним склонилось юное лицо со слезами жалости в черных глазах.

Ахмет, слишком мягкий для своего века и той жизни, которую ему приходилось вести, заставил своих изумленных воинов поднять раненого франка и взять его с собой. Пока рана Норвальда заживала, он лежал в шатре Ахмета неподалеку от оазиса, где жили племена ассадов, а ухаживал за ним собственный лекарь юноши. Когда он снова смог сесть на коня, Ахмет отвез его в Хиллу. Дубейз ибн-Садака всегда старался потакать капризам сына и даровал Норвальду жизнь, хотя с набожным ужасом и пробормотал что-то в бороду. Но впоследствии он не жалел о своем решении, поскольку мрачный англичанин оказался воином, стоящим трех его собственных.

Джон Норвальд не чувствовал никакой вины ни по отношению к де Монсеррату, который бежал от засады, оставив его в руках мусульман, ни по отношению ко всей той расе, от представителей которой он всю жизнь терпел лишь беды. Жизнь арабов хорошо соответствовала его утрюмому, свирепому нраву, и он погрузился в водоворот набегов, пограничных войн и междоусобиц обитателей пустыни — как будто родился в бедуинском шатре из черного войлока, а не под соломенной йоркширской крышей. И теперь, после неудачной попытки ибн-Садаки овладеть Багдадом и троном, англичанин снова оказался в окружении врагов, обезумевших от запаха крови. Вокруг него и его юного товарища роились дикие наездники Мосула, хищники Васита и Бассоры, чей господин Зенги Имад-ад-дин в тот день перехитрил ибн-Садаку и уничтожил его войско.

Ахмет и Джон Норвальд, пешие, отражали натиск, стоя спиной к стене из человеческих и лошадиных трупов. Эмир в шлеме, украшенном пером цапли, натягивая поводья турецкого скакуна, выкрикивал свой боевой клич, а позади него толпилась его охрана.

— Прочь, мальчик! Предоставь его мне! — проорывал англичанин, отталкивая Ахмета назад. Ятаган

выбил синие искры из его шлема, а ответный удар огромного меча Норвальда выбросил уже мертвого сельджука из седла. Стоя над телом предводителя нападавших, франкский великан отбивал удары воинов, с воплями нахлынувших на него.

Кривые сабли разбивались о щит и доспехи англичанина, а его длинный меч крушил щиты, кирасы и шлемы, разрубая плоть и ломая кости, устилая землю у его ног трупами. Оставшиеся в живых, задыхаясь и вопя, отступили.

Тут громовой голос заставил их оглянуться назад, и они расступились, пропустив вперед высокого, крепко сложенного всадника. Тот подъехал к защищавшимся и остановился, натянув поводья. Джон Норвальд впервые оказался лицом к лицу с Зенги-эш-Шаами Имад-адином, правителем Васита и губернатором Бассоры, которого называли Львом Тивериады — за подвиги, свершенные им при осаде этого города.

Англичанин отметил ширину мощных плеч, сильные руки, державшие узду и рукоять меча, магнетический взгляд горящих синих глаз, безжалостное смуглое лицо. Под тонкой черной линией усов улыбались широкие губы, но улыбка походила скорее на оскал охотящейся пантеры.

Зенги заговорил, и в его мощном голосе ощущались не то глумление, не то злобное ликование.

— Кто эти паладины, что стоят посреди своих жертв подобно тиграм в их логове, и никого не найдет, кто выступил бы против них? Рустем ли это попирает моих эмиров — или всего лишь отступник-назарейнин? А другой, клянусь Аллахом — если я не лишился разума, — детеныш волка пустыни! Разве ты не Ахмет ибн-Дубейз?

Норвальд угрюмо молчал, прищуренными глазами он изучал турка, сжимая окровавленную рукоятку меча.

— Ты не ошибся, Зенги-эш-Шаами, — гордо ответил Ахмет, — а это мой брат по оружию Джон Норвальд. Прикажи, о принц, своим волкам наступать.

Многие из них пали. И еще не один падет, прежде чем их сталь доберется до наших сердец. Зенги, подвластный демону-насмешнику, что таится в сердцах всех сыновей Азии, пожал могучими плечами.

— Сложите оружие, волчонок, — и я клянусь честью моего рода, что ничей меч не коснется вас.

— Я не доверяю ему! — прорычал Джон Норвальд. — Пусть только он приблизится хоть на шаг — отправится в ад вместе с нами.

— Нет, — ответил Ахмет. — Князь сдержит свое слово. Опусти меч, брат мой. Мы сделали все, что только могут люди. Мой отец эмир выкупит нас. — Он бросил ятаган с мальчишеским вздохом нескрываемого облегчения, а Норвальд с неохотой сложил свой меч.

— Я предпочел бы вонзить меч в его тело, — проворчал он.

Ахмет повернулся к победителю и распростер руки.

— О, Зенги... — начал он, но тут турок сделал быстрый жест, и двое пленников ощутили, что их схватили и связали за спиной руки ремнями, врезающимися в тело.

— В этом нет никакой необходимости, принц, — запротестовал Ахмет. — Мы отдались в ваши руки. Прикажите вашим людям освободить нас. Мы не попытаемся бежать.

— Замолчи, щенок! — отрезал Зенги. В его глазах все еще плясала опасная насмешка, но лицо потемнело от ярости. Он приблизился к пленным.

— Ни один меч не коснется тебя, собака, — неторопливо сказал он. — Таково было мое слово, а свои клятвы я держу. Ничей клинок не приблизится к тебе, однако сегодня же вечером стервятники будут пировать твоим телом. Твой пес отец убежал от меня, но ты не убежишь; а когда ему расскажут о твоём конце, он будет в муке рвать на себе волосы.

Ахмет, которого крепко держали солдаты, побледнев, поднял глаза, но заговорил без страха:

— Значит, ты нарушаешь клятву, турок?

— Я вовсе не нарушаю клятву, — ответил повелитель Васита. — Кнут — не меч.

Он поднял руку, державшую ужасный турецкий бич, из семи сыромятных ремешков с вплетенными кусочками свинца. Нагнувшись в седле, он с ужасной силой ударил юношу бичом поперек лица. Брызнула кровь, и один из глаз Ахмета оказался наполовину вырванным из глазницы. Юношу держали крепко, и он не мог уклоняться от обрушившихся на него ударов Зенги. Но он не издал ни всхлипа, хотя от ударов, раздиравших плоть и ломавших кости, его лицо превратилось в ужасающее кровавое безглазое месиво. Только под конец, когда умирающий потерял сознание и его тело обвисло в руках державших его солдат, с истерзанных губ сорвался еле слышный животный стон.

Джон Норвальд молча следил за этой сценой, и его сердце превращалось в лед, который не смогло бы растопить ничто, а в душе зрела неистребимая, первозданная ярость.

Избиение закончилось. Еще подававшую признаки жизни кровавую массу, в которую превратился Ахмет ибн-Дубейз, небрежно бросили на кучу мертвецов. На пурпурную маску его лица упала тень крыльев стервятников. Зенги отбросил бич, с которого капала кровь, и повернулся к безмолвному франку. Но когда он встретил взгляд горящих глаз пленника, улыбка исчезла с его губ и насмешки остались невысказанными. В этих холодных глазах турок прочел беспредельную ненависть — чудовищную, пылающую, едва ли не осязаемую, исходящую из глубин ада и неподвластную времени.

Турок задрожал, словно от невидимого ледяного ветра. Однако он вернул себе присутствие духа.

— Я оставляю тебе жизнь, неверный, — сказал Зенги, — согласно моей клятве. Ты получил представление о моей силе. Помни о ней те долгие тоскливые годы, когда ты пожалеешь о моем милосердии и будешь

выть, умолая о смерти. И знай, что так же, как я поступил с тобой, я поступаю и со всем христианским миром. Я пришел в Европу и, оставив тамошние замки в развалинах, вернулся на восток, привесив к седлу головы их властелинов. Я приду туда снова — но не с набегом, а чтобы завоевать. Я сброшу в море их полчища. Франкистан зарыдает над своими мертвыми королями, а мои кони растопчут крепости неверных, ибо здесь, на этом поле, я вступил на сияющие ступени лестницы, ведущей к царскому трону.

— Тебе, Зенги, тивериадской собаке, я скажу лишь одно, — ответил франк голосом, который сам не узнал. — Через год ли, десять или двадцать лет я приду снова, и ты заплатишь этот долг.

— Так сказал охотнику пойманный волк, — ответил Зенги и, обращаясь к мамелюкам, державшим Норвальда, сказал: — Поместите его с невыкупленными пленниками. Отвезите его в Бассору и позаботьтесь, чтобы его продали гребцом на галеру. Он силен и, возможно, проживет года четыре или пять.

Беглецам, стремившимся достичь отдаленных башен Хиллы, алый закат солнца представлялся злое-ще-кровавым. Но калифу, стоявшему на холме и возносившему голос к Аллаху, который еще раз доказал господство выбранного им земного наместника и спас священный Город Мира от осквернения, земля казалась залитой светом имперского величия.

— Воистину в исламском мире возвысился юный лев, чтобы сделаться мечом и щитом правоверных, восстановить мощь Мухаммеда и одолеть неверных.

* * *

Князь Зенги был сыном раба. Это не было большим недостатком в те дни, когда сельджукские императоры, как позже и оттоманские, управляли с помощью генералов и сатрапов, вышедших из рабов. Его отец, Ак-Сункур, занимал высокие посты при султанах

Мелик-шахе, и в отрочестве Зенги прошел основательное обучение у военачальника Кербоги из Мосула.

Зенги не принадлежал к сельджукам, его предки были тюрками из-за Оксуса и принадлежали к народу, который позже стали называть татарами. Его соплеменники быстро стали выдвигаться на первый план в Западной Азии после того, как империя сельджуков, поработивших их и позже обучивших искусству править, начала рушиться. С ослаблением ига султанов эмиры начали вести себя беспокойно. Сельджуки пожинали плоды той феодальной системы, чьи семена они сами и посеяли; а среди ревниво относившихся друг к другу сыновей Мелик-шаха не оказалось ни одного достаточно сильного, чтобы остановить распад.

Пока что владения, в которых правили вассалы султанов, хотя бы внешне сохраняли верность своим властителям, но уже начинался тот неизбежный процесс, который в конечном счете привел к созданию молодых царств на руинах бывшей империи. И в первую очередь это происходило благодаря энергии одного человека, Зенги-эш-Шахи — Зенги-сирийца, которого называли так из-за его успехов в битвах с крестоносцами в Сирии. Народная молва оставила Зенги незамеченным, возвеличивая Саладина, который выдвинулся позже и затмил его. Однако он был предшественником великих мусульманских героев, которым предстояло разрушить королевства крестоносцев, и если бы не он, то выдающиеся свершения Саладина могли бы никогда не осуществиться.

Среди сонма неясных призраков, которые движутся сквозь эти кровавые годы, ярко выделяется одна фигура — человек на вздыбленном черном жеребце, в черном шелковом плаще поверх доспехов, с окровавленным ятаганом в руке. Это Зенги, сын языческих кочевников, первый в блистательном ряду выдающихся воителей — Нур-ад-дин, Саладин, Балибар, Калавун, Баязет, Суботай, Чингис-хан, Хулагу, Тамерлан и Сулейман Великий, перед которыми отступали несгибаемые люди христианского мира.

Взятие Тира крестоносцами в 1224 году явилось высшей точкой франкского владычества в Азии. После этого удары воинов ислама падали на все более слабеющее государство. Ко времени битвы при Евфрате европейское королевство простиралось от Эдессы на севере до Аскалона на юге — приблизительно на пять сотен миль. Однако его ширина с востока на запад составляла всего пятьдесят миль, и расстояние от мусульманских укрепленных городов до христианских владений было короче дневного конного перехода.

Так не могло длиться вечно. Причиной же тому, что это положение сохранялось настолько долго, частично явилась упрямая доблесть крестоносцев, а частично отсутствие у мусульман решительного вождя.

Таким вождем стал Зенги. Когда он разбил ибн-Садаку, ему исполнилось тридцать восемь, и он всего лишь год как получил во владение Васит. На место правителя султан назначал людей не моложе тридцати шести лет, и большинство вельмож оказывались намного старше, когда удостаивались той же чести, что и Зенги. Но такой почет лишь разжег в нем честолюбие.

То же солнце, что беспощадно жгло Джона Норвальда, который в цепях тащился по дороге, ведущей его к скамье галерного гребца, сияло на позолоченных доспехах Зенги, направлявшегося на север, чтобы в Хамадхане поступить на службу к султану Мухаммеду. И похвальба Зенги, что он шагает по лестнице, ведущей к славе, не была беспочвенной. Весь правоверный мусульманский мир соперничал в его восхвалении.

До франков, которые попробовали его когтей в Сирии, дошли смутные слухи о сражении неподалеку от Нильского канала, да и другие новости о росте его могущества. Стало известно о разногласиях между султаном и калифом и о том, что Зенги обратился против своего прежнего повелителя, приняв участие в походе на Багдад под знаменами Мухаммеда. Арабские менестрели пели, что отличия сыплются на него, словно звезды. Зенги поднимался все выше — губернатор

Багдада, правитель Ирака, князь эль-Джезиры, атабег Мосула, а франки тем временем игнорировали новости с Востока с упрямой слепотой, свойственной их расе, пока их границы не уподобились аду и рев Льва не потряс башни их крепостей.

Заставы и замки запылали, сердца христиан ощутили сталь лезвий, а их шеи — ярмо раба. Под стенами обреченного Атариба Болдуин, король Иерусалима, видел, как отборные отряды его рыцарей были рассеяны и бежали в пустыню. И еще раз, в Барине, Лев обратил Болдуина и его дамасских союзников в бегство; а когда сам император Византии Иоанн Комнин выступил против победоносных турок, он обнаружил, что с тем же успехом можно преследовать пустынный ветер, который, неожиданно меняя направление, истребляет отставшую часть его войска и постоянно тревожит его боевые линии.

Иоанн Комнин решил, что мусульманских соседей не следует презирать больше, чем своих варварских франкских союзников, и, прежде чем отплыть от сирийского побережья, вступил в тайные переговоры с Зенги, что позднее привело к большой крови. Его уход позволил турку беспрепятственно выступить против своих вечных врагов франков. Целью Зенги была Эдесса, самый северный оплот христиан, и один из их наиболее укрепленных городов. Но, подобно ловкому игроку, он обманывал противника уловками и ложными ходами.

Королевство шаталось под его ударами. Все заглушали крики конников, звон тетивы луков и свист мечей. Солдаты Зенги проносились по стране, и копыта их коней разбрызгивали кровь на знамена королей. Крепости гибли в пламени, изрубленные трупы устилали долины, смуглые руки тащили вопящих светловолосых женщин, а повелителям франков оставалось только стонать от гнева и боли. Зенги в украшенном звездами тюрбане, с окровавленным ятаганом в руке, на своем вороном жеребце неся к желанному трону.

А пока он, словно ураган, опустошал страну, свергал баронов, а потом делал кубки из их черепов и устраивал конюшни в их дворцах, рабы-гребцы на одной из галер под нескончаемый скрип весел и доводивший до безумия плеск волн перешептывались друг с другом в вечной темноте трюма, обсуждая рыжеволосого гиганта, который всегда молчал и которого не могли сломить ни тяжкая работа, ни голод, ни удары бича, ни бесконечная вереница ожесточенных лет.

Шли годы — блистательные, звездные годы наездника в сияющем седле, обладателя дворца под золотым куполом; мрачные, безмолвные, ожесточенные годы в наполненной скрипом и вонью темноте галерных трюмов.

* * *

Словно ветер, летит над землей Его конь,
И Тень Смерти скользит вслед за ним по земле,
И рыдают владыки кафиров: ведь Он
Царства их растоптал, и дворцы их в огне!

Так пел бродячий менестрель-араб в таверне небольшой деревушки, стоявшей на древней, а теперь мало используемой дороге между Антиохией и Алеппо. Деревня состояла из горстки глинобитных хижин, сгрудившихся у подножия холма, на вершине которого находился замок. Население здесь было смешанным — сирийцы, арабы, люди с примесью франкской крови.

В тот вечер в таверне собрались люди самые разные — местные крестьяне; пара арабов-пастухов; французские наемные солдаты из замка на холме, в потрепанной кожаной одежде и ржавых доспехах; паломник, отклонившийся в сторону от своего пути на юг, к святым местам; оборванный менестрель.

Обращали на себя внимание два человека. Они сидели напротив друг друга за резным столом грубой работы, ели мясо и пили вино, и явно были незнакомы, так как не обменялись ни словом, хотя украдкой погля-

дывали друг на друга. Оба были высоки и широкоплечи, но на этом сходство между ними заканчивалось. Один был чисто выбрит, на его хищном ястребином лице холодно мерцали пронизательные синие глаза. Его вороненый шлем лежал на скамье рядом с ним, вместе с прямоугольным щитом, а кольчужный подшлемник был сдвинут назад, обнажая густые ярко-рыжие волосы. Его доспехи были отделаны золотом и серебром, а на рукоятке меча сверкали драгоценные камни.

Человек, сидевший напротив, в пыльной серой кольчуге с выдавшим виды ничем не украшенным мечом, по сравнению с первым выглядел бесцветно. К его коротко стриженным каштановым волосам хорошо шла небольшая борода, скрывавшая сильную нижнюю челюсть.

Менестрель закончил песню под звон бросаемых ему монет и оглядел слушателей — наполовину дерзко, наполовину настороженно.

— Вот так, господа мои, — провозгласил он, одним глазом посматривая на добычу, а другим на дверь, — Зенги, князь Васита, поднялся со своими мамелюками на лодках вверх по Тигру, чтобы помочь султану Мухаммеду, стоявшему лагерем под стенами Багдада. И когда калиф увидел знамена Зенги, он сказал: «Вот теперь поднялся против меня молодой лев, который победил для меня ибн-Садаку; откройте ворота, друзья, и отдайтесь на его милость, так как здесь нет никого, кто мог бы противостоять ему». И это сделали, и султан отдал Зенги всю землю эль-Джезиры.

Золото и власть он тратил без счета. Он добился, чтобы Мосул, его столица, который он нашел в руинах, расцвел, как роза в оазисе. Цари дрожали перед ним, но бедняки радовались, так как он оградил их от меча. Те, кто служит ему, смотрят на него как на Бога. Говорят о нем, что он дал рабу на сохранение отруби и в течение года не спрашивал о них. А когда спросил, раб отдал ему отруби прямо в руки, завернутые в салфетку. И за такое усердие Зенги доверил ему управлять

замком. Потому что, хотя атабегу служить и нелегко, он справедлив к истинно преданным.

Рыцарь в сияющих доспехах бросил менестрелю монету.

— Ты хорошо пел, язычник! — воскликнул он резким голосом, странно произнося норманнско-французские слова. — А знаешь ли ты песню о разграблении Эдессы?

— Да, господин мой, — ухмыльнулся менестрель, — и с позволения вашей милости попробую спеть ее.

— Прежде твоя голова покатится по полу, — внезапно с угрозой произнес другой рыцарь. — Достаточно, что ты восхваляешь собаку Зенги прямо нам в лицо. Никто в моем присутствии — и под христианской крышей — не будет петь о бойне в Эдессе.

Менестрель побледнел и попятился назад, потому что холодные серые глаза франка смотрели с явной угрозой. Рыцарь в разукрашенных доспехах взглянул на говорившего — с любопытством, но без возмущения.

— Ты, друг, говоришь как человек, кому тяжело слышать об этом, — сказал он.

Тот мрачно взглянул на говорившего, но ответил лишь легким пожатием могучих плеч и вернулся к еде.

— погоди, — упорствовал второй, — я не хотел задеть тебя. Я недавно появился в этих краях; я сэр Роджер д'Ибелин, вассал короля Иерусалимского. Я воевал с Зенги на юге, когда Болдуин и Анар Дамасский составили союз против него, и лишь хотел узнать подробности о взятии Эдессы. Бог свидетель, лишь немногим христианам удалось спастись, чтобы рассказать о нем.

— Прошу простить мою кажущуюся неучтивость, — ответил другой. — Я — Майлз дю Курсей и состою на службе у принца Антиохии. Я был в Эдессе, когда она пала.

Зенги пришел из Мосула и опустошил Диар Бекр, отвоевав у сельджуков город за городом. Граф Жослен де Куртений умер, и власть оказалась в руках этого бездельника Жослена II. Поздней осенью Зенги

осадил Амид, и граф встрепнулся — но лишь для того, чтобы со всеми своими домочадцами отправиться в Тюрбессель.

Нас оставили в Эдессе, поручив город попечению жирных армянских купцов, которые держались за свои мешки с деньгами и, дрожа в страхе перед Зенги, были неспособны преодолеть свою свинскую жадность настолько, чтобы оплачивать наемников, оставленных Жосленом для защиты города.

Ну, как всем известно, стоило Зенги узнать, что этот недоумок Жослен бежал из Эдессы, как он оставил Амид и пошел на нас. Он подвел к стенам города осадные машины и круглые сутки атаковал ворота и башни, которые никогда бы не пали, имей мы достаточно людей, чтобы оборонять их.

Но наши жалкие наемники повели себя неплохо, надо отдать им должное. Никто из нас не знал покоя; днем и ночью скрипели баллисты, камни и тараны крушили башни, тучи стрел затмевали солнце, а дьяволы Зенги с пением лезли на стены.

Мы отбивали их атаки, пока у нас не поломались мечи, наши кольчуги превратились в кровавые лохмотья, а руки от усталости уже не могли держать оружие. В течение месяца мы держали осаду, ожидая графа Жослена, но тот так и не пришел.

И вот утром 23 декабря тараны и другие машины наконец пробили большую дыру во внешней стене, и мусульмане хлынули в нее, словно река, прорвавшая дамбу. Защитники гибли во множестве, но никакая человеческая сила не смогла бы остановить этот поток. В город ворвались верховые мамелюки, и началась настоящая бойня. Турецкие сабли не знали пощады. Священники умирали в алтарях, женщины в двориках своих домов, дети во время игры. Тела загромождали улицы, в канавах текли потоки крови, и мимо этого всего, подобно призраку Смерти, на черном жеребце ехал Зенги.

— Однако тебе удалось уйти?

Холодные серые глаза сделались мрачнее.

— У меня был небольшой отряд конников. Когда турецкая булава выбила меня из седла, они подобрали меня и поскакали к западным воротам. Большинство их погибло на извилистых улочках, но оставшиеся в живых доставили меня в безопасное место. Когда я пришел в себя, город остался далеко позади.

Но я поскакал обратно.— Говоривший, видимо, забыл о слушателях. Его глаза смотрели в даль, а бородатый подбородок опирался на кулак в латной перчатке. Казалось, он говорил сам с собой.— Да, я снова очутился в этой адской пасти. Среди разбросанных тел я нашел умирающего слугу, и перед смертью он сказал мне, что та, за которой я вернулся, погибла, сраженная ятаганом мамелюка.

Он встряхнул плечами и пробудился от горьких воспоминаний. Его взгляд снова стал холодным и жестким, а голос — резким.

— Я слышал, что за два года в Эдессе произошли большие перемены. Зенги восстановил стены и сделал город одним из своих самых надежных оплотов. Наша власть в этой стране рушится. Зенги нужна лишь небольшая помощь, чтобы хлынуть в Европу и уничтожить там все остатки христианства.

— Эта помощь может прийти с севера,— пробормотал бородатый рыцарь.— Я был в свите баронов, которые сопровождали Иоанна Комнина, когда Зенги перехитрил его. Император вовсе не питает к нам любви.

— Ба! Он, по крайней мере, христианин,— рассмеялся тот, кто назвался д'Ибелином, запуская пальцы в свои густые золотистые волосы.

Холодные глаза дю Курсея сузились, остановившись на тяжелом золотом перстне необычного вида на его пальце, однако он промолчал.

Не обращая внимания на пристальный взгляд норманна, д'Ибелин поднялся и бросил на стол монету. Мимоходом попрощавшись с гуляками, он вышел из таверны, гремя доспехами. Было слышно, как он нетерпеливо требует подать ему лошадь.

Сэр Майлз дю Курсей также встал, взял шлем со щитом и последовал за ним.

Человек, назвавшийся д'Ибелином, проехал, вероятно, полмили, и оставшийся позади него замок на холме превратился в неясный силуэт, на котором горело несколько ярких точек, когда топот копыт заставил его обернуться. Он гортанно выругался — не по-французски. В вечернем сумраке он различил фигуру своего недавнего компаньона и взялся за рукоять меча. Дю Курсей остановился рядом с ним и сказал:

— Антиохия находится в другой стороне, господин мой. Возможно, вы по ошибке выбрали не ту дорогу. Три часа пути в этом направлении приведут вас в земли сарацин.

— Друг, — отпарировал тот, — я не спрашивал у тебя совета о том, куда ехать. Направляюсь я на восток или на запад — это едва ли твое дело.

— Мое дело как вассала принца Антиохии расследовать подозрительные действия в пределах его владений. Когда я вижу человека, путешествующего под ложной личиной, с сарацинским перстнем на пальце, едущего ночью к границе, мне это представляется достаточно подозрительным, чтобы начать дознание.

— Я могу объяснять свои действия, если сочту нужным, — резко ответил д'Ибелин, — но на эти оскорбительные обвинения отвечу посредством меча. Что считаешь ты ложной личиной?

— Вы не Роджер д'Ибелин. Вы даже не француз.

— Нет? — В голосе другого прозвучала насмешка, и он потащил меч из ножен.

— Нет. Я был в Константинополе и видел наемников с Севера, которые служат императору греков. Я не мог забыть ваше ястребиное лицо. Вы шпион Иоанна Комнина — Вульфгар, сын Эдрика, капитан варангской гвардии.

Самозванец издал дикое животное рычание и пришпорил свою лошадь; та заржала и сделала резкий прыжок, и в этот момент он взмахнул мечом, вложив

в удар всю свою силу. Но дю Курсей был слишком умелым бойцом, чтобы его так легко удалось застигнуть врасплох. Вывернув поводья, он развернул коня, поднимая его на дыбы.

Обезумевшая лошадь варанга промчалась мимо, и просвистевший меч выбил искры из поднятого щита норманна. С яростным воплем варанг снова ринулся в атаку. Мечи со свистом описывали в воздухе сверкающие дуги, со звоном ударяясь о щит или кольчугу.

Всадники сражались в угрюмом молчании, которое нарушало лишь их напряженное дыхание, однако лязг мечей оглашал ночь, и искры летели, как от наковаляни. Затем с оглушительным грохотом меч разбил шлем и расколол череп. Убитый выпал из седла, тяжело ударившись о землю. Лишившаяся всадника лошадь поскакала прочь, а победитель, стряхнув с лица пот, слез с коня и нагнулся над неподвижной фигурой в латах.

* * *

У дороги, которая вела на юг от Эдессы к Ракке, расположился большой лагерь мусульман — ряды разноцветных шатров. Это был неторопливый поход — с фургонами, избытком роскоши и множеством женщин и рабов. После двух лет, проведенных в Эдессе, атабег Мосула через Ракку возвращался в свою столицу. В сгущающихся сумерках мерцали огни; вокруг костров, на которых готовился ужин, звучали песни в сопровождении лютен и слышался смех.

К Зенги, игравшему в шахматы со своим другом и летописцем Усамой, арабом из Шейзара, приблизился евнух Ярукташ. Он низко поклонился и писклявым голосом нараспев произнес:

— О, Лев Ислама, перед тобой хотел бы предстать эмир неверных — греческий капитан, назвавшийся Вульфгаром, сыном Эдрика. Вождь Иль-Гази со своими мамелюками натолкнулся на него, ехавшего в одиночку, и хотел убить; но тот поднял руку, и они увиде-

ли на ней перстень, который ты дал императору как знак для его тайных посланников.

Зенги подергал свою седеющую бороду и довольно усмехнулся:

— Приведите его ко мне.

Раб отвесил поклон и удалился. Зенги сказал Усама:

— Аллах, ну и собаки же эти христиане, которые предают и убивают друг друга, стоит пообещать им золото или землю!

— Стоит ли доверять такому человеку? — задумчиво произнес Усама. — Если он предает своих, он, несомненно, предаст и тебя, если ему это потребуется.

— Пусть я стану есть свинину, если доверяю ему, — ответил Зенги, перемещая шахматную фигуру пальцем, унизанным перстнями. — Как сейчас эту пешку, я буду двигать и императором греков. С его помощью я раздавлю королей Европы как ореховую скорлупу. Я посулил императору отдать ему их морские порты, и он будет держать свои обещания до тех пор, пока не подумает, что добыча находится у него в руках. Ха! Не города он получит от меня, а удары наших мечей. То, что мы захватим вместе, будет только моим — но этого мало. Клянусь Аллахом, мне недостаточно ни Месопотамии, ни Сирии, ни всей Малой Азии! Я пересеку Геллеспонт. Я въеду на своем жеребце во дворцы Золотого Рога! Весь Франкистан будет дрожать передо мной!

Голос Зенги звучал, как боевая труба, ошеломляя слушавших его своим напором. Его глаза сияли, а пальцы железной хваткой вцепились в шахматную доску.

— Ты стар, Зенги, — осторожно заметил летописец. — Ты сделал многое. Разве нет предела твоему честолюбию?

— Есть! — рассмеялся турок. — Луна и звезды! Стар? Я на одиннадцать лет старше тебя, а духом моложе, чем ты когда-либо был. У меня стальные мускулы, в сердце пылает огонь, а разум даже острее, чем в тот день, когда я сокрушил ибн-Садаку у берегов Нила

и вступил на сияющую лестницу славы! Но молчи, сейчас приведут франка.

Маленький мальчик лет восьми сидел, скрестив ноги на подушке у края помоста, на котором находилось ложе Зенги, и смотрел на него с обожанием. Его карие глаза искрились, когда Зенги говорил о своих устремлениях, он дрожал от волнения, как будто его душа занялась огнем от безумных слов турка. Теперь он, как и другие, смотрел на вход в шатер, через который вошел новоприбывший в окружении мамелюков. Ножны, висевшие у того на боку, были пусты — охрана приказала ему оставить оружие перед входом в шатер.

Мамелюки отступили назад и выстроились по обе стороны помоста, франк один остался стоять перед повелителем. Острые глаза Зенги скользнули по высокой фигуре в сияющих доспехах, отделанных золотом, всмотрелись в чисто выбритое лицо с холодными глазами и остановились на перстне с вырезанной на нем фразой из Корана.

— Мой властелин, император Византии, — сказал по-турецки франк, — посылает тебе, о Зенги, Лев Ислама, привет.

Говоря, он изучал внушительную фигуру турка, облаченную в сталь, шелк и золото: смуглое лицо, могучее тело, и прежде всего глаза атабега, в которых светилась неуходящая молодость и прирожденная свирепость.

— И что сказал твой властелин, о Вульфгар? — спросил турок.

— Он посылает тебе это письмо, — ответил франк, вынимая свиток и подавая его Ярукташу. Тот, в свою очередь, на коленях поднес его Зенги. Атабег внимательно прочел пергамент с несомненной подписью императора Византии и запечатанный его печатью. Зенги никогда не имел дела с вассалами, а лишь с самой высокой властью — и среди друзей, и среди врагов.

— Печати были сломаны, — сказал турок, устремив пронзительный взгляд на неподвижное лицо франка. — Ты читал это письмо?

— Да. Меня преследовали люди принца Антиохии, и, опасаясь, что меня схватят и обыщут, я распечатал послание и прочел его — так что, если мне пришлось бы его уничтожить, я мог бы устно передать тебе его содержание.

— Тогда мне хотелось бы узнать, соответствует ли твоя память твоей осмотрительности, — сказал атабег.

— Как пожелаешь. Мой повелитель говорит тебе:

«Касаясь того, о чем мы вели переговоры: мне нужны более надежные доказательства твоей искренности. И потому отошли мне с этим посланником, которому, хотя он тебе и незнаком, можно довериться, подробное изложение твоих пожеланий и несомненные доказательства той помощи, которую ты обещал нам в предполагаемом выступлении против Антиохии. Прежде чем я выйду в море, я должен знать, что ты готов двинуться в пеший поход, и мы должны клятвенно обязаться помогать друг другу». На послании стоит собственноручная подпись императора.

Турок кивнул, в его синих глазах заплескались чертики.

— Это в точности его слова. Благословен монарх, который может похвастаться таким вассалом. Садись на те подушки, тебе принесут мясо и вино.

Подозвав Ярукташа, Зенги прошептал ему что-то на ухо. Евнух вздрогнул и мгновение смотрел ему в глаза, затем поклонился и поспешил из шатра. Рабы принесли еду, запрещенное вино в золотых сосудах, и франк с явным удовольствием принялся есть. Зенги с ничего не выражающим лицом следил за ним. Мамелюки в сверкающих доспехах стояли как статуи.

— Ты вначале прибыл в Эдессу? — спросил атабег.

— Нет. Когда я в Антиохии сошел с судна, то направился в Эдессу, но едва пересек границу, как повстречавшиеся мне арабы-кочевники, узнав это кольцо, сказали, что ты направился в Ракку, а оттуда в Мосул. Так что я повернул и поехал наперерез вам, а дорогу мне открывал перстень, который знают все

твои подданные. Затем мне повстречался вождь Иль-Гази, который и сопровождал меня сюда.

Зенги кивнул.

— Мне необходимо быть в Мосуле. Я возвращаюсь в свою столицу, чтобы собрать войско. Когда я вернусь, то с помощью твоего повелителя сброшу франков в море.

— Но я забываю, что гостю подобает оказывать любезности. Это князь Усама из Шейзара, а этот ребенок — сын моего друга, Неджм-эд-дина, который спас мою армию и мою жизнь, когда я бежал от Караджи-Виночерпия — одного из немногих моих врагов, кто когда-либо видел мою спину. Его отец пребывает в Бальбеке, управлять которым я ему поручил, но я взял Юсефа с собой, чтобы он повидал Мосул. Воистину он значит больше для меня, чем мои собственные сыновья. Я прозвал его Салах-эд-дин, и он должен стать чувствительной занозой на теле христианства.

В этот момент появился Ярукташ и что-то прошептал на ухо Зенги. Атабег кивнул.

Когда евнух вышел, Зенги повернулся к франку. Манера поведения турка слегка изменилась. Он слегка прикрыл заблестевшие глаза, губы тронула насмешливая улыбка.

— Я хотел бы показать тебе человека, с которым ты давным-давно знаком, — сказал он.

Франк поднял удивленный взгляд.

— Неужели у меня есть друг среди жителей Мосула?

— Увидишь! — Зенги хлопнул в ладоши, и в шатер вошел Ярукташ, таща за руку женщину. Он швырнул ее на ковер к самым ногам франка. Тот смертельно побледнел и с криком вскочил на ноги.

— Элен! Бог мой! Ты жива!

— Майлз! — будто эхом отозвалась она, сиюсь подняться. В ошеломлении он смотрел на ее распростертые белые руки, на бледное лицо, обрамленное золотыми волосами, которые падали на обнаженные плечи. Потом, забыв обо всем, упал на колени и обнял ее.

— Эллен! Эллен де Тремон! Я искал тебя по всему свету и проделал для этого путь сквозь сам ад — но мне сказали, что ты мертва. Муса, прежде чем он умер у моих ног, поклялся, что видел тебя лежащей в собственной крови среди трупов слуг во дворе вашего дома.

— Лучше бы так и случилось! — прорыдала она, опустив голову ему на грудь. — Но когда они зарубили моих слуг, я, потеряв сознание, упала среди их тел, кровь запятнала мою одежду, и меня сочли мертвой. Это Зенги обнаружил, что я жива, и взял меня... — Она спрятала лицо в руках.

— Итак, сэр Майлз дю Курсей, — вмешался насмешливый голос турка, — ты нашел друга среди мосульцев! Глупец! Мои глаза острее, чем меч. Ты думаешь, что я не узнал тебя, несмотря на твое выбритое лицо? Я слишком часто видел тебя на укреплениях Эдессы, убивавшего моих мамелюков. Я узнал тебя, как только ты вошел. Что ты сделал с настоящим посланцем?

Майлз решительно высвободился из рук девушки, поднялся и повернулся лицом к атабегу. Зенги также встал — быстрый и гибкий, как большая пантера, — и вынул свой ятаган. Мамелюки молча и быстро сомкнулись вокруг них. Рука Майлза оставила пустые ножны, и его глаза на мгновение остановились на чем-то у его ног — это был кривой нож для разрезания фруктов, позабытый и наполовину скрытый подушкой.

— Вульфгар, сын Эдрика, лежит мертвым среди деревьев на антиохийской дороге, — сумрачно сказал Майлз. — Я сбрил бороду и взял доспехи и перстень этого пса.

— Чтобы шпионить за мной, — заметил Зенги.

— Да. — В голосе Майлза дю Курсея не было страха. — Я хотел узнать подробности заговора, который вы замыслили с Иоанном Комнином. Получить доказательства его предательства и узнать ваши планы, чтобы сообщить обо всем повелителям страны.

— Я догадался об этом, — улыбнулся Зенги. — Я узнал тебя, как уже говорил. Но мне хотелось, чтобы

ты полностью выдал себя, потому и привели девушку, которая за годы своего пленения часто с плачем повторяла твое имя.

— Это был недостойный поступок — и он вполне в твоём духе, — угрюмо сказал Майлз. — Все же я благодарю тебя за то, что ты позволил мне еще раз увидеть ее и узнать, что та, которую я так долго считал мертвой, жива.

— Я оказал ей большую честь, — со смехом ответил Зенги. — Она в течение двух лет пребывала в моем гареме.

Мрачный взгляд Майлза лишь стал еще темнее, но на висках вздулись вены, едва ли не готовые разорваться. У его ног девушка тихо рыдала, закрыв лицо руками. Мальчик, сидевший на подушке, неуверенно осматривался по круг, ничего не понимая. В глазах Усамы появилась жалость. Но Зенги широко ухмылялся. Для турка такие сцены были как вино, и он весь трясся от смеха.

— Ты должен благословлять меня за мое благородство, сэр Майлз, — сказал Зенги. — И восхвалять мое царское великодушие. Да, о твоей девушке! Когда я распрощаю тебя завтра четырьмя дикими конями, она отправится вместе с тобой в ад, сидя на колу!

Майлз дю Курсей метнулся со стремительностью змеи. Выхватив из-под подушки нож, он прыгнул — не к атабегу, находившемуся под охраной мамелюков, а к ребенку, сидевшему у края помоста. Прежде чем кто-либо мог остановить его, он подхватил мальчика Саладина одной рукой, а другой прижал изогнутое лезвие к его горлу.

— Назад, собаки! — В его голосе звучало безумное торжество. — Назад, или я отправлю это языческое отродье в ад!

Смертельно побледневший Зенги выкрикнул приказание, и мамелюки отступили назад. И пока дрожащий атабег стоял в неуверенности — в первый и единственный раз за всю свою дикую жизнь, — дю Курсей отступал спиной к выходу, держа своего пленника,

который не кричал и не сопротивлялся. В его задумчивых карих глазах не было страха, а лишь покорность судьбе — странная для его возраста.

— Ко мне, Эллен! — крикнул норманн, мрачное отчаяние которого сменилось стремительными действиями. — Выходи, прячься позади меня! Назад, собаки, вам говорю!

И он, пятясь, вышел из шатра. Мамелюки, бежавшие с саблями в руке, застыли как вкопанные, увидев, какая опасность грозит любимцу их повелителя. Дю Курсей знал, что успех его действий зависит от скорости. Внезапность и дерзость его поступка застали Зенги врасплох — вот и все. Поблизости стояло несколько лошадей, оседланных и взнузданных на случай какого-либо каприза атабега, и дю Курсей достиг их одним прыжком. Конюхи отступили назад, услышав его угрозу.

— В седло, Эллен! — крикнул он, и девушка, которая следовала за ним как замороженная, механически подчиняясь его приказам, вскочила на лошадь. Норманн сделал то же самое и быстро перерезал веревки, которыми были привязаны лошади. Рев, раздавшийся в палатке, подсказал ему, что недолгое замешательство Зенги окончилось. Он опустил невредимого ребенка на песок, поскольку его ценность как заложника миновала. Застигнутый врасплох Зенги инстинктивно подчинился своей необычной привязанности к ребенку, но Майлз знал, что, когда безжалостный разум атабега заработает снова, даже эта привязанность не воспрепятствует его желанию схватить их.

Норманн помчался прочь, таща за поводья коня Эллен и пытаясь своим телом заслонить ее от стрел, которые уже свистели вокруг них. Плечом к плечу они пересекли широкое открытое пространство перед шатром Зенги, прорвались сквозь кольцо костров, на мгновение их задержали растяжки палаток и снующие вокруг фигуры вопящих людей, затем шум позади затих.

Было темно, по небу, закрывая звезды, неслись облака. Позади послышался стук копыт, и Майлз свер-

нул с дороги, которая вела на запад, в пустыню. Топот коней удалился в западном направлении. Преследователи выбрали старую караванную дорогу предполагая, что беглецы окажутся впереди них.

— И что теперь, Майлз? — Эллен ехала рядом с ним, прижав к его закованной в железо руке — как будто она боялась, что он может внезапно исчезнуть.

— Если мы поедем напрямиком в сторону границы, они догонят нас еще до рассвета, — ответил он. — Но мне эти земли знакомы так же хорошо, как и им, — я давно уже пересек их вдоль и поперек с графами эдесскими во время набегов и войн, так что я знаю, что мы можем добраться до Джабар Кал'ата, который находится на юго-западе. Командует гарнизоном в Джабаре племянник Муин-эд-дина Анара, который является подлинным правителем Дамаска и который, как ты, возможно, знаешь, заключил с христианами договор против Зенги, своего давнего соперника. Если мы сможем достигнуть Джабара, нам окажут защиту, дадут продовольствие и свежих лошадей и проводят до границы.

Девушка согласно кивнула головой. Она все еще была как в тумане. Свет надежды слишком слабо теплился в ее душе, чтобы причинять ей новую боль. Возможно, в плену она до какой-то степени прониклась фатализмом своих владельцев. Майлз смотрел на нее, поникшую в седле, молчаливую и покорную, и думал о той дерзкой, смеющейся красавице, полной жизни и радости, которую он сохранил в памяти. Ис бессильной яростью проклял Зенги и его дела. Так они и ехали — отчаявшаяся женщина и озлобленный мужчина, результат деяний Льва, чьи жертвы, живые и мертвые, заполняли землю, словно после эпидемии горя, страданий и отчаяния.

Всю ночь они спешили, прислушиваясь к звукам, которые могли бы сказать им, что преследователи обнаружили их след. И на рассвете, когда солнце зажгло шлемы догонявших их конников, они увидели башни

Джабара, отражающиеся в водах Евфрата. Джабар был надежной крепостью, окруженной рвом, оба конца которого соединялись с рекой.

На их зов вышел командир гарнизона, и нескольких слов, сказанных ему, хватило, чтобы он приказал опустить подъемный мост. Это оказалось более чем кстати. Когда они скакали по мосту, сзади забарабанили копыта, и уже в воротах их осыпал град стрел.

Глава преследователей придержал коня и дерзко обратился к командиру, стоявшему на башне:

— Эй, ты, выдай нам этих беглецов, иначе твоя кровь прольется на пепелище твоей крепости.

— Разве я собака, что ты говоришь со мной подобным образом? — спросил сельджук ярости. — Убирайтесь, или мои лучники пронзят тебя десятками стрел.

В ответ мамелюк издевательски рассмеялся и указал рукой в сторону пустыни. Солнце в отдалении вспыхивало на приближающемся океане стали. Командир побледнел. Наметанный глаз подсказал ему, что к крепости движется целая армия.

— Зенги свернул с пути, чтобы затравить пару шакалов, — насмешливо продолжал мамелюк. — Он оказал им большую честь, идя по их следу всю ночь. Вышли их сюда, глупец, и мой повелитель направится дальше.

— Пусть будет, как пожелает Аллах, — успокоившись, сказал сельджук. — Но друзья моего дяди отдались в мои руки, и да падет на меня позор, если я выдам их кровопийце.

Он не изменил свое решение и тогда, когда сам Зенги с потемневшим от ярости лицом остановил своего жеребца у башни и прокричал:

— Приняв моих врагов, ты лишился права и на твой замок, и на твою жизнь. И все же я буду милосерден. Выдай беглецов, и я позволю тебе уйти целым и невредимым с твоими женщинами и слугами. А если станешь упорствовать в своем безумии, я сожгу тебя в замке, как крысу.

Сельджук негромко сказал стоявшему рядом лучнику:

— Пусти стрелу в эту собаку.

Стрела, не причинив вреда, отскочила от кирасы Зенги, и атабег, издевательски рассмеявшись, отъехал прочь. Так началась осада Джабар Кал'ата, невоспетая и непрославленная. Однако в ее ходе Судьба бросила свой жребий.

Конники Зенги опустошили окружающую замок местность и установили блокаду вокруг замка, так что никакой гонец не смог бы прорваться сквозь нее и отправиться за помощью. И пока эмир Дамаска и повелитель Европы оставались в неведении относительно того, что происходило за Евфратом, их союзник принял неравный бой.

К ночи подошли фургоны и осадные машины; и Зенги приступил к решению своей задачи — с умением, которому он был обязан большим опытом. Турецкие саперы, несмотря на стрелы защитников, осушили ров и заполнили его землей и камнем. Под прикрытием темноты они закладывали под башни мины. Баллисты Зенги со скрипом метали огромные камни, которые сметали людей со стен или обрушивали кровлю башен. Его тараны долбили стены, его лучники непрерывно обстреливали башни, а его мамелюки с помощью лестниц и осадных башен все время шли в атаки. Запасы продовольствия в кладовых замка шли на убыль; росли груды трупов, повсюду в замке лежали стонущие раненые.

Но командир-сельджук не колебался в выборе. Он знал, что теперь никакой ценой не смог бы откупиться от Зенги — даже выдав своих гостей, и, к его чести, такая мысль даже и не приходила ему в голову. Дю Курсей знал это, и хотя ни слова не было произнесено между ними, командир мог убедиться в горячей благодарности норманна. Майлз выражал ее действиями, а не словами — в схватках на стенах и у ворот, в долгих ночных часах, проведенных в дозоре на башнях, в яростных ударах меча, которые крушили доспехи и разруба-

ли тела. Он отталкивал от стен штурмовые лестницы, и вцепившиеся в них турки вопили, летя навстречу смерти, а их товарищи цепенели от ужаса, видя страшную силу рук франка. Но гремели тараны, свистели стрелы, стальные валы вздымались снова и снова, и измученные защитники падали один за другим — пока не осталась лишь горстка людей, чтобы защищать рушащиеся стены Джабар Кал'ата.

* * *

Зенги играл в шахматы с Усамой в шатре, который стоял на расстоянии чуть дальше полета стрелы от стен осажденной крепости. Безумие дня сменила зловещая тишина ночи, которую нарушали лишь отдаленные стоны бредящих раненых.

— Люди для меня пешки, друг мой, — сказал ата-бег. — Я обращаю неудачу в успех. Я долго колебался, прежде чем напасть на Джабар Кал'ат, который должен стать хорошим оплотом против франков, — как только я возьму его, заделаю стены и размещу там гарнизон моих мамелюков.

Я знал, что мои пленники отправятся сюда, именно поэтому я свернул лагерь и отправился в путь раньше, чем мои разведчики напали на их след. Логика подсказывала, что они станут искать прибежища именно здесь. Я завладею не только замком, но и франками — что несравненно важнее. Узнай сейчас кафиры о моемговоре с императором, и мои планы могут потерпеть неудачу. Но они не узнают, пока я не нанесу удар. Дю Курсею не удастся сообщить им об этом. Если он не погибнет при взятии замка, я разорву его дикими лошадьми, как и обещал, а этой неверной придется смотреть на это, сидя на колу.

— Разве нет в твоей душе никакого милосердия, о Зенги? — запротестовал араб.

— А оказала ли мне жизнь какое-либо милосердие — если не считать того, что я добыл собственным

мечом? — воскликнул Зенги. Его глаза засияли в мгновенной вспышке его необузданного духа. — Человек должен либо наносить удары, либо получать их, убивать или быть убитым. Люди — волки, а я лишь самый сильный волк в стае. И люди, потому что они боятся меня, приползают ко мне и целуют мои сандалии. Страх — единственное чувство, которое может их на что-то сподвигнуть.

— Ты в сердце язычник, Зенги, — вздохнул Усама.

— Возможно, — ответил турок, пожав плечами. — Если бы я родился за Оксусом и поклонялся желтоликому Эрлику, как это делал мой далекий предок, я не в меньшей степени был бы Зенги-Львом.

Я пролил реки крови во славу Аллаха, но никогда не просил у Него милосердия или покровительства. Какое дело богам, жив человек или умер? Позволь мне жить ярко, чувствовать вкус вина, ветер на моем лице, сияние царских регалий, яркое пламя битвы, позволь мне испытывать все ощущения нашей безумной жизни — и я не стану искать ни рай Мухаммеда, ни ледяной ад Эрлика, ни черную бездну забвения.

И будто в подтверждение своим словам, он налил себе кубок вина и вопросительно взглянул на Усаму. Араб, содрогнувшийся от богохульных слов Зенги, отодвинулся от него, не в силах преодолеть набожный ужас. Атабег осушил кубок и в татарской манере, громко, чмокнул губами от удовольствия.

— Я думаю, что Джабар Кал'ат завтра падет, — сказал он. — Кто противостоял мне? Сосчитай их, Усама, — это были ибн-Садака, и калиф, и сельджук Тимурташ, и султан Давуд, и король Иерусалима, и граф Эдесский. Правитель за правителем, город за городом, армия за армией — и я сломал их, отбросив со своего пути.

— Ты прошел через море крови, — сказал Усама. — Ты заполнил рынки рабов франкскими девушками, а пустыни — костями франкских воинов. Ты не пощадил и мусульман, если они становились твоими соперниками.

— Они стояли на пути моей судьбы, — рассмеялся турок, — а эта судьба — стать султаном Азии! И я буду им. Я сковал из мечей Ирака, эль-Джезиры, Сирии и Рума единый клинок. Теперь, когда мне помогут греки, сам ад не сможет спасти назаретян. Бойня? Люди еще не видели настоящей бойни, подожди, пока я въеду в Антиохию и Иерусалим с мечом в руке!

— Сердце твое как сталь, — сказал араб. — И все же я видел в тебе один проблеск нежности — твою привязанность к сыну Неджм-эд-дина, Юсефу. Найдется ли в тебе подобный проблеск раскаяния? Из всех твоих деяний найдется ли хоть одно, о котором ты сожалеешь?

Зенги молча поиграл пешкой. Затем его лицо потемнело.

— Да, — не сразу сказал он. — Это случилось давным-давно, когда я разбил ибн-Садаку на берегу этой же реки, ниже отсюда. У него был сын Ахмет с лицом девушки. Я забил его до смерти своим бичом. Вот единственный мой поступок, о котором я, пожалуй, жалею. Иногда он мне снится.

Затем с резким «Хватит!» он оттолкнул в сторону шахматную доску, разбрасывая фигуры.

— Я хотел бы поспать, — сказал он и, упав на свой диван, мгновенно уснул. Усама тихо вышел из шатра, пройдя между четырьмя гигантами-мамелюками в позолоченных доспехах, стоявших на страже у входа.

В замке Джабар командир-сельджук держал совет с сэром Майлзом дю Курсеем.

— Мой брат, для нас настал конец пути. Стены рушатся, башни готовы упасть. Не следует ли нам поджечь замок, перерезать горла нашим женщинам и детям и на рассвете пойти в атаку, чтобы встретить смерть как подобает мужчинам?

Сэр Майлз покачал головой:

— Давайте попытаемся продержаться еще один день. Во сне я видел знамена воинов Дамаска и Антиохии, идущих к нам на помощь. — Он лгал в отчаянной

попытке укрепить дух фаталиста-сельджука. Каждый следует своему инстинкту, а Майлзу было свойственно изо всех сил держаться за последние крохи жизни, прежде чем покориться мучительной смерти.

Сельджук кивнул:

— Если Аллах пожелает, мы продержимся в течение еще одного дня.

Майлз подумал об Эллен, к которой отчасти вернулась ее былая жизнерадостность, и в своем беспросветном отчаянии не увидел ни искры света. Когда он нашел Эллен, это снова пробудило его давно похолодевшее сердце. Теперь, в смерти, ему предстояло потерять ее навсегда. С горечью он снова взвалил на себя бремя жизни.

Зенги беспокойно ворочался. Осторожный, как пантера, даже во сне, он сразу ощутил рядом с собой какое-то легкое движение. Проснувшись, огляделся по сторонам: толстый евнух Ярукташ неподвижно застыл с кувшином вина, не донеся его до рта. Он подумал, что Зенги лежит мертвецки пьяный, и потому прокрался в шатер, чтобы приложиться к вину, к которому питал слабость. Зенги зарычал, как волк: в нем проснулся свойственный ему дьявол.

— Собака! Разве я глупый, жирный купец, что ты пробираешься в мой шатер, дабы глушить мое вино? Убирайся! Завтра я займусь тобой!

Холодный пот выступил на гладком лице Ярукташа, когда он выбегал из царского шатра. Его жирная плоть тряслась в предвкушении неизбежности казни на колу. Даже во времена жестоких хозяев имя Зенги вошло в поговорку среди рабов и прислужников, вызывая в них ужас.

Один из мамелюков, стоявших на страже у шатра, поймал Ярукташа за руку и с угрозой спросил:

— Почему ты убегаешь, скопец?

И тут евнуха осенила настолько неожиданная мысль, что он даже задохнулся от ее великолепия и дерзости. Зачем оставаться здесь, чтобы оказаться поса-

женным на кол, когда перед ним открыта вся пустыня и есть люди, которые защитят его во время бегства?

— Наш повелитель обнаружил, что я пью его вино, — выдохнул он. — Он угрожает мне пыткой и смертью.

Мамелюки одобрительно рассмеялись при виде перепуганного евнуха. Но то, что Ярукташ сообщил дальше, заставило их содрогнуться:

— Вы также обречены. Я слышал, как он проклинал вас за то, что вы плохо охраняете и позволяете его рабам воровать вино.

Оцепеневшим от страха мамелюкам и в голову не пришло, что они никогда не получали приказа не впускать евнуха в царский шатер. Они тупо стояли, ничего не соображая, их умы походили на пустые кувшины, ожидающие, когда их наполнят коварные слова евнуха. Ярукташ прошептал несколько слов, и мамелюки, словно тени, последовали по его пятам, оставив шатер без охраны.

Миновала полночь. Луна скрылась за холмами. Зенги снова пробудился от сновидений об имперском величии и в недоумении оглядел тускло освещенный шатер. Снаружи стояла тишина, которая почему-то показалась ему напряженной и зловещей. Зенги окружали десять тысяч вооруженных людей, однако сейчас он ощутил обособленность и одиночество — как будто оказался последним оставшимся в живых среди мертвого мира. И тут он увидел, что не один в шатре. На него сумрачно глядел незнакомый человек странного вида.

Зенги с ужасом смотрел на одетую в лохмотья фигуру. Руки незнакомца походили на искривленные сучья древних дубов, а мускулы казались стальными канатами.

Седые волосы ниспадали на широкие плечи, седая борода закрывала могучую грудь. Устрашающие руки были сложены на груди, и он стоял неподвижно, словно статуя, глядя на ошеломленного турка. Лицо

было изможденным и морщинистым и казалось изваянным из камня каким-то безумным скульптором.

— Изыди! — задыхаясь, произнес Зенги, на мгновение снова сделавшись степным язычником. — Дух зла — призрак пустыни — демон холмов, я не боюсь тебя!

— Не случайно ты заговорил о призраках, турок!

Глубокий низкий голос пробудил в Зенги неясные воспоминания.

— Я — призрак человека, умершего двадцать лет назад, и пришел из тьмы более глубокой, чем адская. Ты позабыл о моем обещании, князь Зенги?

— Кто ты? — спросил турок.

— Я — Джон Норвальд.

— Тот франк, что служил у ибн-Садаки? Невозможно! — воскликнул атабег. — Двадцать три года назад я приказал отправить его на галеры. Какой галерный раб смог бы прожить так долго?

— Я смог, — ответил другой. — Там, где другие мерли как мухи, я оставался в живых. Меня не могли убить ни голод, ни штормы, ни сражения, ни бичи, которыми меня исхлестали с головы до ног.

Годы были долги, Зенги-эш-Шаами, и тьму наполняли глумливые голоса и жуткие лица. Взгляни на мои волосы, Зенги, они белы, как иней, хотя я на восемь лет моложе тебя. Смотри на эти чудовищные лапы, которые были руками, на эти узлы мускулов — я вращал тяжелые весла, пройдя многие тысячи лиг в штормы и в штиль.

И все же я оставался в живых, Зенги, даже тогда, когда моя плоть умоляла о конце долгой агонии. Когда я терял сознание, меня приводил в чувство не бич, а ненависть, которая не позволяла мне умереть. Эта ненависть, тивериздская собака, двадцать три года удерживала душу в моем измученном теле. На галерах я потерял мою молодость, мою надежду, мою мужественность, мою душу, мою веру и моего Бога. Но моя ненависть пылала огнем, который не смогло бы потушить ничто.

Двадцать лет на веслах, Зенги! Три года назад галера, на которой я тогда находился, потерпела крушение на рифах у побережья Индии. Погибли все, кроме меня, который, зная, что его час настал, разорвал свои цепи и добрался до берега. Я еще нетвердо стою на ногах — из-за кандалов и долгого сидения на галерной скамье, Зенги, хотя руки мои невероятно сильны. Я три года шел из Индии. Но моя дорога кончается здесь.

Впервые в жизни Зенги ощутил страх, который заставил его язык прилипнуть к гортани и заморозил кровь в жилах.

— Эй, охрана! — проревел он. — Ко мне!

— Зови громче, Зенги! — произнес Норвальд своим глубоким голосом. — Они не слышат тебя. Я прошел через твой спящий лагерь, подобно ангелу Смерти, и никто не видел меня. Твой шатер стоял без охраны. И вот, враг мой, ты отдан в руки мои, и твой час настал!

Со свирепостью, рожденной отчаянием, Зенги вскочил с подушек и выхватил кинжал, но англичанин набросился на него, словно огромный тигр, и повалил обратно на диван. Турок ударил наугад и почувствовал, что лезвие глубоко вонзилось в бок противника, но когда он вытаскивал его, чтобы нанести еще один удар, то ощутил на запястье железную хватку, а правая рука франка схватила его за горло, не давая крикнуть.

Когда атабег ощутил нечеловеческую силу нападавшего, его охватила слепая паника. Запястье будто оказалось в стальных тисках, сокрушающих плоть. Изпод пальцев другой руки англичанина, вцепившейся турку в горло, текла кровь — кожа была порвана, словно гнилая тряпка. Обезумев от удушья, Зенги свободной рукой пытался оторвать пальцы Норвальда от своего горла, но безуспешно. Мощные мышцы левой руки Норвальда напряглись, и раздался жуткий хруст ломающихся костей. Кинжал выпал из онемевших пальцев Зенги. Норвальд тут же подхватил его и вонзил в грудь атабега.

Турок выпустил руку, сжимавшую его горло, и поймал другую, с ножом, но эта последняя отчаянная попытка освободиться ему не помогла. Норвальд неспешно искал цель, пока его враг корчился в беззвучной агонии. Как в тумане, Зенги видел приближающееся лицо, израненное и окровавленное. А затем острое кинжала нашло его сердце, и видение ушло вместе с жизнью.

Усама, который не мог заснуть, подошел к шатру атабега и удивился отсутствию часовых. Он застыл как вкопанный. Когда из шатра появилась человеческая фигура, непонятный страх заставил волосы на его затылке зашевелиться. Он различил высокого седобородого мужчину, одетого в лохмотья. Араб неуверенно протянул руку, не смея коснуться призрака. Он видел, что рука человека была прижата к его левому боку, а из-под пальцев капала кровь.

— Куда ты идешь, старик? — запинаясь, произнес араб и невольно отступил назад под устремленным на него жутким взглядом горящих глаз.

— Я возвращаюсь в ту бездну, что породила меня, — ответил тот глухим голосом, и, пока араб в недоумении смотрел на незнакомца, тот прошел мимо него медленным твердым шагом и исчез в темноте.

Усама вбежал в шатер и в ошеломлении остановился, увидев неподвижное тело атабега, лежащее среди порванных шелков и окровавленных подушек.

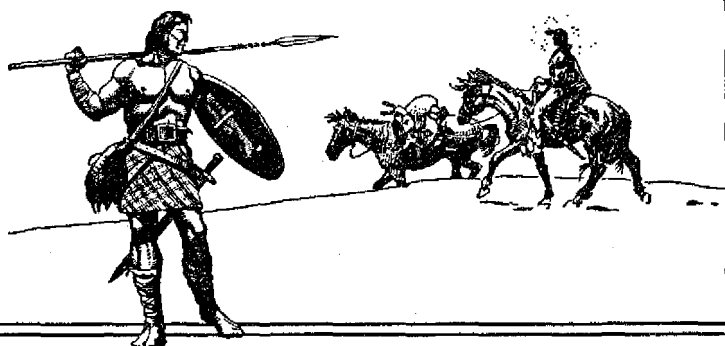
— Конец царственным устремлениям и честолюбивым мечтам! — воскликнул араб. — Смерть — черная лошадь, которая может остановиться ночью перед любым шатром, а жизнь более непостоянна, чем пена на морских волнах! Горе исламу, ибо сломан его самый острый меч! Теперь может возрадоваться христианский мир — ведь Лев, что держал его в страхе, лежит мертвый!

Подобно степному пожару, пробежало по лагерю известие о смерти атабега, и подобно мякине, унесенной ветром, рассеялись его приверженцы, на ходу гра-

бя лагерь. Власть, что объединяла их вместе, перестала существовать, и каждый был сам за себя, а добыча доставалась сильному.

Измученные защитники замка, стоявшие на стенах, поднимали зазубрившиеся мечи для последней смертельной схватки. Они изумились, увидев в лагере осаждавших замешательство, беготню, ссоры, грабеж и крики — и, наконец, разбегающихся по равнине эмиров и солдат. Эти хищники жили своим мечом, и им дела не было до мертвого, хотя бы и властителя. Они направили своих коней кто куда в поисках нового господина, спеша пробиться к самому сильному.

Ошеломленный, еще не понимая, какое чудо спасло Джабар Кал'ат и всю страну, Майлз дю Курсей стоял с Эллен и их другом сельджуком, глядя вниз на безмолвный опустевший лагерь, где под утренним ветерком лениво хлопал порванный шатер, в котором лежало окровавленное тело того, кто был Львом Тивериады.

ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА

1

Рев битвы стих. Над холмами на западе, словно золотисто-багровый шар, висело солнце. На вытоптанном поле уже не гремели копыта коней, не звучал боевой клич. Только крики раненых и стоны умирающих долетали до кружащихся в вышине грифов. Они скользили все ниже и ниже, пока не стали задевать кончиками черных перьев мертвенно-белые лица людей.

Верхом на стройном жеребце Ак-Бога наблюдал за полем битвы со склона холма.

Он наблюдал с самого рассвета и видел, как войска закованных в броню франков, оцетинившись лесом копий и яркими флагами, вышли на равнины Никополиса встретиться с бесплощадными ордами Баязида. Ак-Бога любовался боевыми порядками турок и сверкающими эскадронами рыцарей, которые от нетерпения оставили далеко позади сплоченные ряды пехоты, поначалу возглавлявшей наступление. Он даже прищелкивал языком в знак удивления и неодобрения такой тактики. Здесь собрался цвет Европы: рыцари Австрии, Германии, Франции и Италии, но Ак-Боге не нравилась их тактика.

Он видел, как с громогласным ревом, от которого задрожали небеса, наступали рыцари; видел, как они ударили по всадникам эскорта Баязида, словно слабейший порыв ветра, и как столпились на пологом склоне, зажатые шквальной огнем турецких лучников. Рыцари косили лучников, как свежую пшеницу, а потом бросили все свои силы против приближающейся легкой турецкой кавалерии — спахи. Легковооруженные всадники спахи метали копья и сражались как сумасшедшие, но не выдержали и расступились, рассеялись подобно водяным брызгам. Ак-Бога обернулся. Далеко позади, стараясь поддержать опрометчивых рыцарей, поднимались по склону крепкие венгерские копьеносцы. Франкские всадники ринулись вперед, не думая ни о лошадях, ни о собственных жизнях, и перешли гребень горы. Со своего наблюдательного пункта Ак-Бога видел оба склона горы. Он знал, что за хребтом находятся главные силы турецкой стороны — шестьдесят пять тысяч человек: янычары, страшная оттоманская пехота, которую поддерживала тяжелая кавалерия — высокие воины в крепких доспехах, с копьями и могучими луками.

Теперь и франки поняли то, что уже знал Ак-Бога: настоящая битва еще предстоит, а их лошади устали, копья сломаны, и сами они задыхаются от пыли и жажды.

Ак-Бога видел, что рыцари заколебались и стали оборачиваться, ища взглядом венгерскую пехоту. Но ее скрывал гребень горы. Рыцари в отчаянье бросились на врага, стараясь сломить его ряды своей яростью. Но их атака не достигла неумолимого строя противника: ливень стрел разметал христиан, и на этот раз рыцари на измученных лошадях не смогли уйти от противника. Весь первый ряд рыцарей погиб — и люди, и лошади, утыканные стрелами. Кони рыцарей, ехавших сзади, стали спотыкаться о тела и падать. Янычары кинулись в бой с хриплым криком «Аллах!», похожим на рев прибоя.

Все это видел Ак-Бога, видел бесславное бегство одних рыцарей и яростное сопротивление других. Рыцари, оказавшиеся пешими, объединившись и превосходя по численности турок, дрались мечами и секирами. Но они стали гибнуть один за другим, когда битва охватила их с обеих сторон. Опьяневшие от крови турки схватились с пехотой, появившейся из-за хребта...

И тут произошла еще одна катастрофа. Бегущие рыцари хлынули сквозь ряды валахов, разрывая их строй, и те в беспорядке отступили. Венгры и баварцы приняли на себя главный удар бешеной атаки турок, покачнувшись и попятившись, упорно отстаивая каждый шаг, но не в силах сдержать победоносный поток мусульман.

Теперь, внимательно разглядывая поле битвы, Ак-Бога больше не видел сомкнутых рядов воинов с копьями и мечами. Франки сражались не на жизнь, а на смерть, отходя назад той же дорогой, что пришли. Часть турок повернула назад, чтобы ограбить мертвых и добить умирающих. Рыцари, которые, так и не отступив с поля боя, остались живы, побросали мечи, сдавшись. Даже Ак-Бога слегка вздрагивал от воплей пленных, которых добивали ратники Баязида. Вокруг бегали отвратительные проворные дервиши с пеной в бороде и безумием в глазах. Они останавливались над каждой грудой трупов и усердно работали ножами над корчащимися от боли ранеными, вопящими о милосердии смерти. А основная часть турецкого войска сосредоточилась среди деревьев, на дальней стороне долины.

— Эрлик! — прошептал Ак-Бога. — Рыцари хва-
стались, что смогут поднять небо на острие копий, если оно упадет... И вот небо упало, а их воинство стало мясом для ворон.

Он направил коня в рощу. На поле битвы среди одетых в латы мертвецов его ждала богатая добыча, но Ак-Бога пришел сюда не ради этого. Сначала ему нужно было завершить одно дело. За рощей он приметил добычу, которую не пропустил бы ни один татарин, —

высокого турецкого коня с разукрашенным седлом. Быстро подскакав, Ак-Бога поймал отделанную серебром уздечку. Держа на поводу норовистого скакуна, он пустился рысью дальше, прочь от поля битвы.

Неожиданно Ак-Бога остановился среди рощи низкорослых деревьев. Ураган сражения уже перебрался и на эту сторону хребта. Ак-Бога увидел перед собой высокого, богато одетого рыцаря, который ковылял вперед, ворча и рутаясь. Вместо костыля он использовал сломанное копье. Его шлем слетел, обнажив белокурую голову и багровое лицо холерика. Неподдалеку лежала мертвая лошадь со стрелой в боку. Ак-Бога видел, как высокий рыцарь споткнулся и упал, сыпя проклятиями. И тут из кустов вышел человек, подобного которому Ак-Бога еще не встречал даже среди франков. Он был выше Ак-Бога — крупного мужчины, — а его походка напоминала поступь сухопарого серого волка. Бритый, покрытый шрамами череп венчал взъерошенный пучок рыжеватых волос. Лицо казалось черным от загара. Глаза были холодны, как серая сталь. В руках он сжимал меч, обгаренный кровью по самую рукоять. Заржавевшая чешуйчатая кольчуга незнакомца была разрублена и изодрана в клочья, а подол шотландской юбки разорван. Правая рука — по локоть в крови, медленно сочащейся из глубокой раны в предплечье.

— Черт возьми! — прорычал хромой рыцарь на норманнском диалекте французского, который Ак-Бога понимал. — Это — конец света!

— Всего лишь конец для шумной толпы дураков, — прозвучал высокий, жесткий и холодный голос странного воина, похожий на скрежет меча в ножнах.

Хромой снова принялся рутаться:

— Дурак, не стой там как болван! Поймай мне лошадь! Моему чертову коню досталось. Я гнал его, пока кровь не брызнула мне на колени. Упав же, конь сломал мне лодыжку!

Высокий воткнул меч в землю и мрачно уставился на собеседника.

— Барон Фредерик, вы отдаете команды так, словно вы в своем саксонском поместье! Если бы не вы и остальное дурачье, то сегодня мы раскололи бы армию Баязида, как орех.

— Собака! — проревел барон с побагровевшим от нетерпения лицом. — Смеешь мне дерзить! Да я с тебя живого шкуру спущу!

— Кто, как не вы, унижал Избранного на совете? — зарычал высокий. Его глаза опасно заблестели. — Кто называл Сигизмунда Венгерского дураком из-за того, что он настаивал разрешить ему пустить вперед пехоту? И кто, как не вы, послушал молодого дурака Главного Констебля Франции Филиппа де Артуа, который повел рыцарей в атаку, не дождавшись поддержки венгерцев, что нас всех и погубило? И теперь вы — тот, кто первым повернулся спиной к врагу, увидев, что наделала ваша же глупость, — вы приказываете мне поймать вам лошадь!

— Да, и быстро, шотландский пес! — заорал барон, содрогаясь от ярости. — Ты мне ответишь за свою дерзость...

— Я отвечу прямо сейчас, — кровожадно прорычал шотландец. — Вы осыпаете меня оскорблениями, с тех пор как мы впервые увидели Дануба. Если я должен умереть, то сначала заплачу по одному счету!

— Предатель! — заорал, бледнея, барон, встав на колено и потянувшись рукой к мечу.

В этот момент шотландец с проклятием нанес удар, и крик барона оборвался страшным булькающим звуком. Огромный клинок шотландца прошел через плечевую кость, ребра, позвоночник, и искалеченный труп безвольно рухнул на землю, поливая ее кровью.

— Хороший удар!

Убийца, освобождая свой меч, повернулся на звук гортанного голоса, словно громадный волк. Несколько напряженных мгновений смотрели друг на друга застывший над своей жертвой мрачный воин с мечом, готовый убивать дальше и дальше, и татарин, сидящий в седле, словно высеченный из камня идол.

— Я не турок, — наконец сказал Ак-Бога. — У тебя нет повода нападать на меня. Между нами нет вражды. Видишь, моя сабля в ножнах. Мне нужен человек, такой, как ты, — сильный, как медведь, быстрый, как волк, жестокий, как сокол. Я могу дать тебе многое из того, что ты пожелаешь.

— Я желаю только обрушить месть на голову Ба-язида, — громко ответил шотландец.

Темные глаза татарина блеснули.

— Тогда пойдем со мной к моему господину. Он — заклятый враг турок.

— Кто твой господин? — спросил шотландец подозрительно.

— Люди зовут его Хромым, — ответил Ак-Бога. — Тимур, слуга Бога, татарский эмир милостью Аллаха.

Шотландец повернул голову туда, откуда доносились крики, свидетельствовавшие о том, что бойня еще продолжается. Мгновение он стоял, словно огромное изваяние из бронзы, затем с жестким скрежещущим звуком убрал меч в ножны.

— Я пойду с тобой, — коротко сказал он. Татарин оскалился от удовольствия и, наклонившись, передал шотландцу повод коня. Франк запрыгнул в седло и вопросительно посмотрел на Ак-Богу. Татарин качнул шлемом, указывая направление, и пустил коня вниз по склону. Они пришпорили скакунов и быстро поскакали галопом в сгущающихся сумерках. У них за спиной еще долго звучали предсмертные крики. В небе тускло, словно напуганные резней, загорались звезды.

2

Солнце снова садилось, на этот раз над пустыней, выветив шили и минареты голубого города. На вершине холма Ак-Бога натянул поводья и на какое-то время замер, не говоря ни слова, упиваясь привычной картиной, которая каждый раз изумляла его.

— Самарканд, — произнес он.

— Далеко же мы заехали, — отозвался его спутник.

Ак-Бога улыбнулся. Одежда татарина пропылилась, кольчуга потускнела, лицо скривилось, но глаза все еще сверкали. Точенные черты твердого лица шотландца не изменились.

— Да ты, богатырь, из стали, — удивился Ак-Бога. — Путь, что мы проделали, утомил бы и посыльного Чингис-хана. Клянусь Эрликом, хотя я воспитан в седле, я устал за двоих.

Шотландец молча и пристально смотрел на далекие шпильки, вспоминая дни и ночи бесконечного, как казалось, путешествия, когда он, качаясь из стороны в сторону, спал в седле и все звуки мира заглушал грохот копыт. Франк, не задавая вопросов, следовал за Ак-Богой через холмы, занятые неприятелем. Избегая троп, пробираясь по глухой, дикой местности, по горам, где властвовали холодные, жалящие, словно лезвия сабель, ветра, беглецы пересекли пустыню.

Шотландец ничего не спросил, когда, расслабившись, Ак-Бога всем своим видом показал, что они выехали из земель врага, и молчал даже тогда, когда татарин стал останавливаться у придорожных постов. Там высокие люди в железных шлемах каждый раз давали путникам свежих лошадей. И безудержный аллюр беглецов ничуть не замедлился. Урывками всадники выпивали по глотку вина, ели они не спешиваясь, редко позволяли себе немного поспать на куче шкур и плащей, и снова — барабанный бой копыт. Франк знал, что Ак-Бога несет известие об исходе битвы своему таинственному господину, и дивился расстоянию, которое они преодолели между первым постом, где их ожидали оседланные лошади, и городом голубых шпиль — конечным пунктом их путешествия. В самом деле, границы владений Тимура Хромого были велики.

Ак-Бога и шотландец проделали длинный путь за очень короткое время. Франк страшно устал от этой ужасной скачки, но внешне не показывал этого. Город

мерцал перед ним, смешиваясь с голубизной дымки, и, казалось, находился у самого горизонта. Голубой город — волшебный мираж. Татары жили в землях, обильных красками, но лейтмотивом палитры их страны был голубой. В шпилях и куполах Самарканда отражались оттенки неба, дальних гор и спящих озер.

— Ты увидишь земли, моря, реки, города и караванные пути, которые не видел еще ни один франк, — сказал Ак-Бога. — Ты увидишь величие Самарканда. Раньше это был город высушенного кирпича, но Тимур сделал его столицей голубого камня, слоновой кости, мрамора и серебряной филиграни.

* * *

Всадники не торопясь спустились на равнину, пробираясь среди караванов верблюдов и мулов, погонщики которых вопили не переставая. Все караваны, нагруженные специями, шелками, драгоценностями, и вереницы рабов направлялись к Бирюзовым воротам. Здесь были товары из Индии, Китая, Персии, Аравии и Египта.

— Весь Восток идет в Самарканд, — заметил Ак-Бога.

Татарии и шотландец проехали через широкие, инкрустированные золотом ворота, где высокие воины радостно приветствовали Ак-Богу. Тот, довольный, прокричал что-то в ответ, ударив себя по покрытому кольчужой бедру. Он радовался возвращению на родину.

Спутники проскакали по широким ветреным улицам, мимо дворца, рынка, мечети, базаров, заполненных торгующимися, спорящими, кричащими людьми сотни племен и народов.

Шотландец увидел в толпе хищные лица арабов, тощих, беспокойных сирийцев, толстых раболепных евреев, индийцев в тюрбанах, томных персов, шумных, самодовольно расхаживающих, но подозрительных афганцев и много представителей незнакомых

народов из таинственных северных земель и с Дальнего Востока. Это были коренастые широколицые невозмутимые монголы. От постоянной жизни в седле похода у них была раскачивающаяся. Там встречались и раскосые китайцы в одеждах из муарового шелка, и высокие круглолицые кипчаки, узкоглазые киргизы и купцы старинных народов, о существовании которых на Западе и не догадывались. Все страны Востока были представлены в Самарканде.

Удивление франка росло. Города Запада в сравнении с этим великолепием казались скопищем жалких лачуг. Спутники проехали мимо академий, библиотек, увеселительных павильонов, и Ак-Бога свернул в широкие ворота, которые охраняли серебряные львы. Там путники передали своих коней в руки подпоясанных шелковыми кушаками грумов и пешком отправились дальше по ветреной, мощенной мрамором улице, обсаженной тонкими зелеными деревцами.

Меж стройными стволами открывались клумбы роз и каких-то экзотических цветов, неизвестных франку, заросли вишневых деревьев и фонтаны, в серебряной водяной пыли которых играла радуга. Шотландец и татарин подошли ко дворцу, сиявшему в солнечном свете лазурью и золотом, прошли между высокими мраморными колоннами и через золоченые сводчатые двери вошли в комнаты. Стены комнат украшали изысканные картины персидских художников, золотые и серебряные предметы ручной работы, вывезенные из Индии.

Ак-Бога не стал останавливаться в большой, предназначенной для приемов комнате с тонкими резными колоннами и бордюрами из золота и бирюзы, а направился к лепной позолоченной арке, ведущей в комнату с куполом. Ее окна, забранные золотыми решетками, выходили на ряд широких, затененных, мощенных мрамором галерей. Там одетые в шелка придворные забрали у них оружие и, подхватив под руки, повели меж рядов немых негров-гигантов в шелковых набедренных повязках. Каждый из них держал на плече саб-

лю. У входа придворные отпустили их руки и отступили, согнувшись в глубоком поклоне. Ак-Бога встал на колени перед фигурой, сидящей на шелковом диване, но шотландец стоял непреклонно прямо и не сделал необходимого почтительного поклона. Кое-что от непритязательного двора Чингис-хана еще сохранилось при дворах потомков кочевников.

Шотландец пристально смотрел на человека, развалившегося на диване. Так вот он — таинственный Тамерлан, ставший легендой для Запада. Шотландец видел перед собой высокого, как и он сам, человека, сухопарого, но тяжелой кости, с широкими плечами и характерной для татар широкой грудью. Его лицо не было таким смуглым, как у Ак-Боги, а его черные, напоминающие магниты глаза не были раскосыми, к тому же он не сидел, скрестив ноги, как монгол. Во всей его фигуре чувствовалась мощь: в резких чертах лица, в кудрявых волосах и бороде, не тронутых сединой, несмотря на шестьдесят один год. Что-то от турка было в его внешности, но преобладающим отличительным признаком были сухая, волчья твердость, выдававшая в нем кочевника. Ближе, чем турок, стоял он к урало-алтайским корням этого народа и к бродячим монголам — его предкам.

— Говори, Ак-Бога, — разрешил эмир низким, могучим голосом. — Вороны полетели на Запад, но пока не принесли сюда новостей.

— Мы приехали, опережая все слухи, мой господин, — ответил воин. — Новости следуют за нами по караванным дорогам. Скоро скороходы, а за ними торговцы и купцы доставят тебе известие о том, что великая битва произошла на западе и Баязид разбил войска христиан. Волки воют над трупами королей франков.

— Кто стоит рядом с тобой? — спросил Тимур, подперев рукой подбородок. Взгляд его темных глаз остановился на шотландце.

— Это — франк, который избежал смерти, — ответил Ак-Бога. — В одиночку он прорубил себе дорогу

через ряды врагов и, убегая, задержался, чтобы убить одного господина из франков, который в былые времена покрыл его позором. В этом воине нет страха, и у него стальные мускулы. Клянусь Аллахом, мы неслись быстрее ветра, чтобы доставить тебе новости. Этот франк ничуть не устал, в отличие от меня, который научился скакать в седле раньше, чем ходить.

— Зачем ты привел его ко мне?

— Я подумал, что он завоюет себе славу, сражаясь на твоей стороне, мой господин.

— Во всем мире едва ли найдется дюжина людей, мнению которых я доверяю, — задумчиво проговорил Тимур. — Ты — один из них, — кратко добавил он, и Ак-Бога густо покраснел в смущении, довольно оскандившись.

— Франк понимает меня? — спросил Тимур.

— Он говорит по-турецки, мой господин.

— Как твое имя, франк? — обратился к шотландцу Тимур. — Каково твое звание?

— Меня зовут Дональдом Мак-Диза, — ответил воин. — Я родился в Шотландии, далеко от Фракии. У меня не было звания ни на моей родине, ни в армии, где я служил. Я живу своим умом и зарабатываю себе на жизнь лезвием своего меча.

— Зачем ты приехал ко мне?

— Ак-Бога сказал, что это поможет мне отомстить.

— Кому?

— Баязиду — султану турок, которого зовут Громовержцем.

Тимур опустил голову, и в тишине Мак-Диза слышал серебряный звон колокольчиков во дворе и приглушенное пение персидского поэта, аккомпанировавшего себе на лютне.

Наконец великий татарин поднял львиную голову и заговорил:

— Сядь с Ак-Богоей на этот диван, рядом со мной, — приказал он. — Я расскажу тебе, как заманить в западную серого волка.

Садясь, Дональд невольно поднес руку к лицу, словно почувствовал боль от удара одиннадцатилетней давности. Его мысли перенеслись к событиям прошлого. Он вспомнил другого, более грубого короля, более грубый двор, и в краткий миг, присаживаясь рядом с эмиром, он быстро охватил взглядом тернистый путь, который привел его в Самарканд.

Молодой лорд Дуглас, самый могущественный из всех шотландских баронов, был своевольным и порывистым. Как и большинство нормандских лордов, он был раздражительным, когда считал, что ему противоречат. Но ему не стоило бить худого, молодого шотландского горца, спустившегося в пограничную страну на поиски славы и добычи и примкнувшего к его свите.

Дуглас привык пользоваться хлыстом и кулаками, общаясь со своими пажам и эсквайрами, которые быстро забывали и боль, и причину, вызвавшую ее. Те, с кем лорд так поступал, были норманнами. Но Дональд Мак-Диза был не норманном, а газлом, и понятия этого народа о чести и оскорблениях иные, чем у норманнов, так как нравы дикой горной страны севера отличаются от нравов плодородных равнин южной Шотландии. Глава клана Дональда не смог бы безнаказанно ударить своего вассала, а южанин, рискнувший... Ненависть отравила кровь молодого горца, словно черная река, и наполнила его сны багровыми кошмарами.

Лорд Дуглас слишком быстро забыл о том, как ударил Дональда, и, конечно, ни о чем не сожалел. Но сердце горца переполняла месть. Дональд вырос среди дикого племени, которое столетиями не забывало обиды. Он был настоящим кельтом, как и его предки, которые своими мечами вырезали королевство Альбы.

Шотландец спрятал свою ненависть и ждал благоприятного случая, который ему представился в урагане пограничной войны.

Несмотря на протесты короля, война распростерла свои крылья вдоль границы, и шотландцы с радостью отправились в набег. Но, до того как Дуглас отпра-

вился в поход, тихий вкрадчивый человек пришел в палатку Дональда Мак-Диза. Он постарался говорить с горцем по существу.

— Зная о том, что один из лордов покрыл вас позором, я тихо шепнул ваше имя тому, кто послал меня. Воистину хорошо известно, что этот лорд настолько запугивает королевства и раздувает гнев и вражду между монархами... — Тут незнакомец заговорил еще тише, а потом ясно произнес слово «защита».

Дональд ничего не ответил, и странный гость, улыбнувшись, оставил молодого горца сидящим, подперев подбородок кулаком и мрачно уставившись в пол.

После этого лорд Дуглас вместе со своими вассалами отправился в поход и «ликуя, сжег долины Тайни, часть Бемброфшира и три башни на Рейдсвирских горах». Он пронес гнев и скорбь по всей Англии, так что король Ричард, придя в ярость, вынужден был послать ему ноту протеста, а потом терпеливо ждать новостей.

После нерешительной перестрелки лучников в Ньюкастле Дуглас расположился лагерем в местечке Оттебурн, и там лорд Перси ночью неожиданно напал на него. В беспорядочной рукопашной схватке пал Дуглас. Шотландцы называли это сражение «битвой при Оттебурне», а англичане — «Охотничьей травлей». Англичане клялись, что Дугласа убил сам лорд Перси, который со своей стороны не отрицал, но и не подтверждал этого, сам не зная, кого точно убил он в сумятице ночного боя.

Но раненый Дуглас, прежде чем умереть, пробормотал что-то о шотландском плече и секире. Ни то, ни другое никакого отношения не имело к англичанам. Лорды с пристрастием допросили Дональда. Тем временем король спалил кучу свечей за душу Дугласа, а в своих личных апартаментах поблагодарил Бога за смерть барона, объявив, что «мы слышали о том, что его преследовал один юноша, но нам представляется ясным, что этот горец невиновен точно так же, как и мы сами.

За сим мы предостерегаем всех под страхом смертной казни от дальнейших преследований этого юноши».

Так заступничество короля спасло Дональда, но люди втайне подтверждали его вину. Мрачный и озлобленный Дональд ушел в себя. В одиночестве, запершись в хижине, он размышлял до тех пор, пока однажды ночью ему не сообщили, что неожиданно король отрекся от престола и ушел в монастырь. Напряженная королевская жизнь и бурные события тех времен оказались слишком тяжелыми для монарха. Вслед за новостями в хижину Дональда явились люди с обнаженными кинжалами. Но келья оказалась пустой. Скол улетел, хотя убийцы сразу помчались по его следам. Они нашли лишь павшего коня на морском берегу и увидели тающий вдали белый парус.

Дональд уехал на континент, потому что в Южной Шотландии его ждала тюрьма, а в Северной у него было слишком много врагов, да и на границе Англии его наверняка ждала ловушка. Все это случилось в 1389 году. С тех пор прошло семь лет. Дональд провел их в сражениях и интригах. Он участвовал в войнах в Европе и заговорах. Когда Константинополь стал собирать воинов под знамена Баязида, люди стали закладывать земли, чтобы предпринять новый крестовый поход. Шотландский воин присоединился к потоку рыцарей, потянувшихся на восток к своей гибели.

Семь лет скитаний привели его во дворец с голубыми куполами, в легендарный Самарканд. И вот он, облокотившись на шелковые подушки дивана, стал слушать размеренную, монотонную речь владыки татар.

3

Время текло, как всегда течет, вне зависимости от жизни и смерти простых людей. Разлагались тела на равнинах Никополиса, и Баязид, опьяненный своим могуществом, попираал державы всего мира. Его желез-

ные легионы перебили греков, сербов, венгров, и в своей растущей империи Баязид попираал взятые в плен народы. Он купался в разврате, безумие которого поражало даже его грубых вассалов.

Сквозь его стальные пальцы протекали женщины всего мира. Баязид разбивал королевские короны, чтобы их золотом подковать своего скакуна. Константинополь пошатнулся под его ударами, а Европа зализывала раны, как искалеченный волк, и дрожала от страха в ожидании нового нападения.

Где-то в туманных далях Востока правил главный враг Баязида — Тимур Хромой. Баязид посылал татарину официальные письма с угрозами и насмешками. Ответа турок так и не получил, но караваны приносили ему новости о готовящихся походах и великой войне, разгоревшейся на юге, о том, что индийские шлемы с плюмажами бросаются врассыпную, слышав цокот татарских скакунов. Однако Баязид мало обращал на это внимания. Индия была для него так же далека, как и владения Папы Римского. Взгляд турка был устремлен на Запад, на города Кафры:

— Я стану терзать Фракию огнем и мечом, — объявил он. — Их султаны поволокут мою колесницу, и летучие мыши поселятся во дворцах неверных.

Ранней весной 1402 года на внутренний двор дворца в Брюсе, где, жадно глотая запретное вино и наблюдая за ужимками голых танцовщиц, развалившись восседал Баязид, пришли придворные. Они привели высокородного франка, чье мрачное, иссеченное шрамами лицо потемнело от жаркого солнца далеких пустынь.

— Обезумев, эта кафрская собака на взмыленном коне прискакала в лагерь янычаров, — сказали слуги. — Он говорил, что разыскивает Баязида. Содрать ли нам с него кожу, перед тем как привязать к хвостам двух коней?

— Собака, ты нашел Баязида, — заговорил султан, сделав большой глоток и с довольным видом поставив кубок. — Говори, прежде чем я посажу тебя на кол.

— Подобающий ли это прием для того, кто при-
скакал издали, чтобы служить тебе? — самоуверенно
возразил франк. — Я — Дональд Мак-Диза, и среди
твоих янычаров нет ни одного, кто выстоит против
меня в схватке, а среди твоих толстобрюхих борцов —
ни одного, кому я не смог бы сломать хребет.

Султан погладил свою черную бороду и ухмыль-
нулся.

— Жаль, что ты — неверный, — сказал он. — Я
люблю смелых на язык. Продолжай. Какие еще у тебя
достоинства, зеркало скромности?

Горец оскалился, словно волк.

— Я могу сломать хребет татарину, на скаку сру-
бить голову хану.

Огромный Баязид незаметно изменил позу. От
него исходила сила и угроза.

— Что за чепуха? Что означают твои слова? —
проговорил он.

— Я не загадываю загадок, — отчеканил газл. — Я
люблю тебя не больше, чем ты меня. Но я ненавижу Ти-
мура, за то что он швырнул меня лицом в навозную кучу.

— Ты пришел ко мне от этой наполовину невер-
ной собаки?

— Да. Я служил ему, скакал верхом рядом с ним,
уничтожал его врагов. Я взбирался на стены городов
под градом стрел, рассеивал строй неприятелей. А ког-
да Тимур стал раздавать дары и оказывать почести, что
досталось мне? Куча насмешек и град оскорблений.
«Проси подарки у султанов Фракии, кафр», — сказал
Тимур, да сожрут его черви, а его советники захохота-
ли. Бог мне свидетель, я заглушу этот смех грохотом
рушащихся стен и ревом пламени!

Угрожающий голос Дональда прогремел эхом. В
глазах его читались неподдельные холод и жестокость.
Баязид вытянул подбородок и произнес:

— И ты пришел ко мне, чтобы я помог тебе ото-
мстить? Но стану ли я воевать с Хромым из-за того, что
он обидел какого-то кафрского бродягу?

— Ты будешь воевать с ним, иначе он станет воевать с тобой, — ответил Мак-Диза. — Когда Тимур написал тебе, попросив не оказывать помощи его врагам — турку Каре Юзефу и Ахмеду, султану Багдада, ты ответил ему словами, которые нельзя стерпеть, и послал своих всадников, чтобы укрепить ряды его врагов. Сейчас турки разбиты, Багдад разграблен, Дамаск превратился в дымящиеся руины. Тимур разбил твоих союзников, но не забудет позора, которым ты покрыл его.

— Чтобы знать это, нужно быть особо приближенным к Хромому, — тихо сказал Баязид. Его глаза сузились и засверкали с подозрением. — Почему я должен верить франку? Аллах, я всегда говорю с его соплеменниками при помощи сабли! Как с теми дураками, что пытались противостоять мне у Никополиса.

На долю секунды яростное пламя, неподвластное воле, сверкнуло в глазах горца, но выражение смуглого лица воина ничуть не изменилось.

— Знай, турок, я могу показать тебе, как сломать хребет Тимуру, — сказал горец, перемежая речь ругательствами.

— Собака! — заорал султан. Его серые глаза горели огнем. — Ты думаешь, я нуждаюсь в помощи безродного мошенника, чтобы победить татарина?

Дональд расхохотался ему в лицо тяжелым, безрадостным смехом, который даже звучал неприятно.

— Тимур раздавит тебя, как грецкий орех, — сказал Мак-Диза с тайным умыслом. — Видел ли ты татар скачущими в боевом порядке? Видел ли ты сотню тысяч стрел, пущенных как одна и закрывших солнце на небе? Видел ли ты их всадников, летящих в атаку быстрее ветра, так что пустыня содрогается от топота копыт их коней? Видел ли ты их слонов с башнями на спинах, откуда лучники посылают огненные стрелы, сжигающие человеческую плоть, как извергающаяся лава.

— Все это я уже слышал, — ответил султан, не слишком впечатленный.

— Но ты не видел,— возразил горец. Он закатал рукав кольчуги и показал шрамы на мускулистой руке.

— Сюда меня поцеловала индийская сабля под Дели. Я скакал с дворянами Тимура, и казалось, весь мир содрогается от грохота боя. Я видел, как Тимур обманул индийского султана и выманил его из недоступных татарам стен. Так выманивают змею из ее логовища. Бог мой, раджпуты, увенчанные перьями, падали под нашими ударами, словно созревшие зерна!.. От Дели Тимур оставил груды развалин, а рядом с разрушенными стенами построил пирамиду из сотни тысяч черепов. Ты не поверил бы, если бы я рассказал тебе, сколько дней Киберийский путь был заполнен толпами воинов в сверкающих доспехах, возвращавшихся по дороге в Самарканд. Горы сотрясались от их поступи, а дикие афганцы спустились с гор, чтобы поклонить колени перед Тимуром... да свернет он себе шею, да слетит его голова к твоим ногам, Баязид!

— Это ты мне говоришь, собака?— воскликнул султан.— Я прикажу зажарить тебя в масле!

— Да. Докажи свою силу Тимуру, убив собаку, над которой посмеялись,— едко сказал Мак-Диза.— Все вы, короли, похожи друг на друга в своих страхах и глупости.

Баязид удивленно уставился на Мак-Диза.

— Аллах! Ты — сумасшедший, если говоришь такое Громовержцу. Обожди при моем дворе, пока я не узнаю, мошенник ли ты, глупец или безумец. Если же ты шпион, я буду убивать тебя долго, не три дня, а целую неделю станешь ты молить моих палачей о смерти!

* * *

Вот так Дональд и остался при дворе Громовержца, хоть тот и не доверял шотландцу. Вскоре пришло краткое и не допускающее возражений послание — требование выдать Тимуру для справедливого наказания «не христианина, а вора, нашедшего прибежище

при турецком дворе». На это Баязид, используя новую возможность оскорбить противника, скалясь, словно гиена, и весело теребя черную бороду меж пальцев, продиктовал такой ответ:

— Знай, калеченный пес, что османы не имеют привычки уступать вздорным требованиям неверных. Веселись, пока можешь, хромая собака, ибо скоро я превращу твое королевство в кучу отбросов, а твоих любимых жен — в своих наложниц.

Больше посланий от Тимура не приходило. Баязид разрешил Дональду участвовать в своих диких попойках, угощая шотландца крепкими напитками. Даже бесчинствуя, Баязид внимательно следил за своим новым приверженцем. Но подозрительность султана стала притупляться, потому что и в самом бесчувственном состоянии Дональд ни разу не произнес слова, которые могли бы намекнуть на то, что он не тот, кем прикидывается. Имя Тимура он произносил только с проклятиями. Баязид не принимал в расчет Дональда как ценного помощника, но собирался его использовать. Турецкие султаны всегда нанимали иностранцев в телохранители и поверенные, слишком хорошо зная собственный народ. Газал, как казалось, не замечал, что за ним наблюдают, напивался и вместе с султаном валялся на пол упившись, вел себя с безрассудной доблестью во время набегов на Византию, чем снискал уважение среди упрямых турок.

Играя на вражде генуэзцев и венецианцев, Баязид залег у стен Константинополя. Он готовился: сначала Константинополь, потом Европа. Судьба христианства повисла на волоске и теперь решалась под древними стенами восточного города. Несчастные греки, изнуренные, умирающие от голода, уже подписали капитуляцию, когда подоспела весть с Востока. Ее привез грязный, окровавленный посыльный на загнанной лошади.

С Востока внезапно, как смерч, налетели татары, и пограничный город Баязида — Сивас пал.

Той же ночью люди, дрожащие на стенах Константинополя, увидели факелы, мерцающие и передвигающиеся по турецкому лагерю. Огни высвечивали хищные лица и блестящее оружие, но атаки турок так и не последовало. Рассвет открыл огромную флотилию лодок, пересекающих Босфор двумя равномерными потоками, двигающимися параллельно друг другу в разные стороны. Лодки уносили турецких воинов обратно в Азию. Наконец глаза Громовержца повернулись к Востоку.

4

— Здесь мы станем лагерем, — объявил Баязид, повернувшись в золоченом седле.

Он оглянулся на длинные ряды воинов, исчезающие у горизонта за далекими холмами. В армии его было свыше 200 000 воинов: беспощадные янычары, сверкающие перьями и серебряными кольчугами спahi, тяжелые кавалеристы в броне и шлемах и его союзники со своими подданными — греческие и валахские воины, двадцать тысяч всадников короля Сербии Петра Лазариуса, который сам был закован в броню от короны до пят, а также отряды татар-калмыков, ранее кочевавших в Малой Азии и теперь присоединившихся к Османской империи вместе с остальными народами. В начале похода они готовы были восстать, но Мак-Диза успокоил их, сказав речь на их родном языке.

Несколько недель турецкое войско двигалось на восток по сивасской дороге, ожидая столкновения с татарами в любой момент. Турки прошли Автору, где султан устроил опорный лагерь, пересекли реку Халис, или Кизил Ирмак, и теперь двигались по гористой местности, лежащей в излучине той реки, что к востоку от Сиваса делала широкую петлю к югу, прежде чем у Киршехра свернуть на север, в сторону Черного моря.

— Здесь будет наш лагерь, — повторил Баязид. — Сивас восточнее милях в шестидесяти пяти. Мы пошлем разведчиков в город.

— Они обнаружат, что в городе нет людей, — сказал скакавший рядом с Баязидом Дональд. Султан ухмыльнулся.

— О, жемчужина мудрости, неужели Хромой мог так быстро улизнуть?

— Он никуда не улизнул, — ответил гаэл. — Не забывай, что его войско может двигаться намного быстрее твоего. Он перейдет горы и нападет на нас, когда мы меньше всего будем этого ожидать.

Баязид презрительно фыркнул.

— Он что, волшебник и может перелететь через горы со сто пятидесятитысячной ордой? Ба! Говорю тебе, он придет по сивасской дороге, чтобы вступить в битву, и мы растопчем его армию, как ореховую скорлупу!

Турецкое войско разбило лагерь и с всевозрастающей яростью и нетерпением ожидало татар в течение недели. Разведчики Баязида вернулись с новостью о том, что в Сивасе осталась лишь горстка татар. Тогда султан заорал в гнев и недоумении:

— Дураки, вы что, не заметили татарского войска?

— Его там нет, клянемся Аллахом, — отвечали разведчики. — Татары исчезли, растаяв в ночи, словно привидения. Никто не знает, куда они ушли, мы прочесали горы до самого города.

— Тимур ускользнул обратно в пустыню, — сказал Петр Лазарус, и Дональд засмеялся.

— Тимур убежит, когда реки потекут в гору, — уверил всех Дональд. — Он притаился где-нибудь в горах, но южнее.

Баязид никогда не слушал советов, ибо давно убедился в собственном превосходстве над остальными людьми. Но теперь он был озадачен. До сих пор ему не приходилось драться с всадниками пустыни, секрет победы которых в маневренности и в умении в нужный

момент словно сквозь землю провалиться. И тут верховые принесли весть, что замечены всадники,двигающиеся параллельно правому флангу турецкого войска.

Мак-Диза рассмеялся, и смех его напоминал лай шакала.

— Теперь Тимур налетит на нас с юга, как я и предсказывал.

Баязид подтянул войска и ждал нападения, но напрасно. Разведчики донесли, что всадники проехали дальше и исчезли. Озадаченный впервые в жизни и жаждущий схватиться со своим призрачным врагом, Баязид снялся с лагеря и быстро — в два дня — достиг реки Халис, где ожидал найти Тимура, приготовившего дать отпор. Но ни одного татарина не было видно. Султан ругался. Где же эти восточные дьяволы? В воздухе растворились они, что ли?

Турецкий султан послал разведчиков через реку, и вскоре те вернулись, шлепая по мелководью. Они видели арьергард армии татар. Тимур ускользнул от турецкой армии и теперь шел к Ангоре! Вскипев от гнева, Баязид повернулся к Мак-Диза:

— Что скажешь теперь, собака?

Но горец смело стоял на своем:

— Тебе некого винить, кроме самого себя, в том, что Тимур перехитрил тебя. Прислушивался ли ты к моим советам, хоть к хорошим, хоть к плохим? Я говорил, что Тимур не будет ждать, пока ты придешь. Я говорил, что он покинет город и уйдет в южные горы. Он так и сделал. Я говорил, что он нападет на нас внезапно. Тут я ошибся. Не думал, что он перейдет реку и снова ускользнет. Но все остальное, о чем я предупреждал тебя, произошло.

Баязид неохотно согласился с франком, но внутренне кипел от ярости. Теперь ему ни за что не удастся настигнуть летучую орду до самой Ангоры.

Он перевел войско через реку и отправился по следам татар. Тимур переправился возле Сиваша и, повернув вдоль наружной стороны излучины реки,

ушел от турков на другой берег. Теперь Баязид, следуя за ним, повернул от реки в степи, где было мало воды и не было никакой пищи, после того как там прошла орда, выжигавшая все у себя за спиной.

Турки шли по почерневшей от огня пустыне. Тимур за три дня преодолел расстояние, на которое колонне Баязида потребовалась неделя. Сотни миль по выжженной равнине и по голым холмам. Поскольку сила армии заключалась в пехоте, кавалерия вынуждена была соизмерять скорость своего движения с пешим войском, и вся турецкая армия медленно ползла вперед в тучах горячей пыли, поднимавшейся из-под стертых, усталых ног воинов. Под жгучим летним солнцем войско медленно тащилось вперед, жестоко страдая от голода и жажды,

Наконец воины Баязида добрались до равнины Ангоры и увидели, что татары устроились в оставленном ими лагере и осадили город. Из уст обезумевших от жажды турков вырвался рев отчаянья. Тимур изменил течение впадавшей в Ангору речушки так, что теперь она оказалась за спиной татар. Единственный путь к ней лежал через вражеское войско. Все колодцы и источники в округе были загрязнены и отравлены. Узнав обо всем этом, Баязид мгновение сидел в седле, безмолвно переводя взгляд с татарского лагеря на собственное беспорядочно растянувшееся войско, и видел лишь угрюмые лица воинов. Непривычный страх проник в сердце турка. Это чувство было незнакомо Баязиду, и он не сразу его распознал. Раньше ведь победа всегда была за ним... Разве когда-нибудь могло случиться иначе?

5

В то тихое летнее утро войска замерли, готовые к смертельной схватке. Турки выстроились длинным полумесяцем, концы которого перекрывали татарские

фланги, один из которых упирался в реку, а другой — в укрепленный холм на расстоянии пятнадцати миль.

— Никогда в жизни не просил я совета на войне, — заявил Баязид. — Но ты ездил с Тимуром шесть лет. Скажи, он нападет на нас?

Дональд покачал головой.

— Твое войско превосходит его войско по численности. Тимур никогда не бросит своих всадников против янычар. Он будет стоять и издали забрасывать тебя стрелами. Тебе самому придется идти к нему.

— Разве я могу атаковать его конницу своей пехотой? — прорычал Баязид. — Однако ты говоришь мудро. Я должен бросить свою кавалерию против его кавалерии... Но, Аллах!.. Его конница лучше.

— У него слабый правый фланг, — сказал Дональд, и его глаза зловеще блеснули. — Сгруппируй сильных всадников на левом фланге, атакуй и разбей правую часть татарского войска, затем подойди ближе, перенеси на фланг основную битву, пока твои янычары будут наступать по всему фронту. Перед атакой спahi на правом фланге могут сделать отвлекающий маневр, чтобы привлечь внимание Тимура.

Баязид молча посмотрел на газла. Дональд, как и остальные, страдал во время этого ужасного марша. Кольчуга его стала белой от пыли, губы почернели, горло саднило от жажды.

— Да будет так, — сказал Баязид. — Принц Сулейман командует левым флангом, плюс сербская конница и моя тяжелая кавалерия, подкреплённая калмыками. Мы все разом двинем в атаку!

Войска Баязида заняли позицию, но никто не заметил, как плосколицый калмык улизнул из турецких рядов. Он ускакал в лагерь Тимура, настегивая словно сумасшедший свою коренастую лошаденку. На левом фланге турецкого войска собралась мощная сербская конница, а позади нее — вооруженные луками калмыки. Ими командовал Дональд. Так потребовали калмыки. Пусть их поведет франк.

Баязид не собирался противопоставлять татарам огонь луков, он хотел довести своих воинов до врага, чтобы те разметали ряды Тимура, прежде чем эмир сможет получить преимущество искусным маневром. Правый турецкий фланг состоял из спахов, центр из янычар и сербской пехоты с Петром Лазариусом, а командовал ими сам султан.

У Тимура не было пехоты. Он с охраной засел на холмике позади своего войска. Нур эд-Дин командовал его правым флангом всадников, Ак-Бога — левым флангом, принц Мухамед — центром. В центре находились слоны в кожаной сбруе, с башнями и лучниками. Устрашающий рев слонов был единственным звуком, разносившимся над огромным, закованным в броню татарским войском, тогда как турки наступали под гром кимвалов и литавров.

Как удар молнии обрушил Сулейман свои эскадроны на правое крыло татар. Турки побежали прямо в самую гущу ливня стрел. Они наступали неудержимо, и ряды татар пошатнулись. Сулейман, выбив из седла увенчанного перьями цапли вождя, торжествующе закричал, но в этот момент за спиной у него раздался гортанный рев.

— Гар! Гар! Гар! Братья, ударим за повелителя нашего Тимура!

Взревев от ярости, Сулейман обернулся и увидел, как его всадники отступают, падая под стрелами калмыков. И еще он услышал смех Мак-Диза, похожий на смех сумасшедшего.

— Предатель! — закричал турок. — Это твоя работа...

Широкий меч горца сверкнул на солнце, и обезглавленный принц Сулейман выпал из седла.

— За Никополис! — прокричал обезумевший горец. — Цельтесь лучше, братья-псы!

Приземистые калмыки завизжали в ответ, словно волки, откатились назад, чтобы избежать сабель отчаявшихся турок, но по-прежнему посылали во вра-

га свои смертоносные стрелы. Много вынесли камень от своих хозяев, и наконец наступил час расплаты. Теперь правое крыло татар били и спереди, и сзади. Турецкая кавалерия оказалась смята. Войско обратилось в бегство. Все шансы Баязида уничтожить врага одним ударом были потеряны.

В начале битвы правый фланг турок наступал под оглушительный рев труб и грохот барабанов. И вот во время этого отвлекающего маневра по туркам неожиданно ударил левый фланг татар.

Ак-Бога налетел на летучих спахов и, потеряв голову в пылу кровавой сечи, погнал их назад, пока преследуемые и преследователи не исчезли за холмами.

Тимур послал принца Мухаммеда с резервным эскадром поддержать левое крыло и вернуть Ак-Богу. В это время Нур эд-Дин, уничтожив остатки кавалерии Баязида, повернулся и ударил по сплоченным рядам янычар. Те держались, словно железная стена, и вернувшийся галопом Ак-Бога насел на них с другой стороны.

Теперь уж и сам Тимур сел на своего боевого коня. Центр армии татар взметнулся стальной волной, хлынув на едва держащихся турок. Пришло время смертельной схватки.

Атаку за атакой обрушивали татары на сомкнутые ряды турок. Волнами налетали они и возвращались назад. Но янычары неколебимо стояли в облаках дыма, отбивались окровавленными копьями, зазубренными саблями и топорами, с которых капала кровь. Исступленные всадники, словно смертоносный смерч, сметали ряды противников ураганом стрел, за полетом которых не мог проследить глаз человека. Очертя голову бросались они в ряды янычар и с безумными криками прорубали щиты, шлемы и черепа врагов. Турки отвечали тем же: опрокидывая лошадей и всадников, они рубили, топтали татар, топтали своих же мертвых и раненых, чтобы сомкнуть ряды. Это продолжалось до тех пор, пока оба войска не оказались на ковре из мер-

твых тел и копыта татарских скакунов не стали разбрызгивать кровь при каждом шаге.

Многочисленные атаки наконец разорвали на части турецкое войско, и сражение с новой силой вспыхнуло по всей долине: группы турок стояли спина к спине, убивая врагов и погибая под стрелами и саблями всадников степей. В облаках пыли шествовали слоны. Их рев походил на трубный глас ангелов. Лучники на спинах слонов пускали потоки стрел и огня, иссушавшего воинов в кольчугах, как жареное зерно.

Весь день Баязид пешим сражался во главе своих людей. Рядом с ним пал король Петр, пронзенный десятком стрел. С тысячью янычар султан весь день удерживал вершину самого высокого холма на равнине. Он не отступил, хоть рядом с ним и гибли его люди. Расщепленными копьями, разящими топорами и саблями воины султана из последних сил сдерживали татар. И тогда Дональд Мак-Пиза, пешком, со свирепым взглядом обезумевшего пса, очертя голову кинулся в гущу схватки и обрушился на султана с такой яростью и ненавистью, что украшенный гребнем шлем Баязида разлетелся вдребезги от удара тяжелого меча. Султан рухнул замертво. На усталые группы сражающихся спустилась тьма, и только тогда литавры татар возвестили о победе.

6

Мощь османов была сокрушена. Перед палаткой Тимура лежала куча голов приближенных Баязида. Но татары на этом не остановились. Вслед за бегущими турками они ворвались в Брюс, столицу Баязида, опустошив город огнем и мечом. Как смерч пронеслись татары и растаяли, нагруженные сокровищами из дворца, прихватив с собой женщин из сераля султана.

Прискакав в татарский лагерь вместе с Нур э-Дином и Ак-Богой, Дональд Мак-Диза узнал, что Бая-

зид жив. Удар шотландца только оглушил султана, и теперь турок стал пленником эмира, над которым раньше насмехался. Мак-Диза сыпал проклятиями. Гаэл был весь в пыли и грязи после тяжелого перехода и еще более тяжелой битвы. Высохшая кровь темнела на его кольчуге и запечатала устье ножен. Пропитанный кровью шарф обвивал его талию грубой перевязью. Глаза гаэла были налиты кровью, тонкие губы скривились от ярости.

— Клянусь Богом, не думал, что этот вол оправится от такого удара. Он будет распят? Ведь именно это он собирался сделать с Тимуром.

— Тимур его хорошо принял и не причинит ему вреда, — ответил один из придворных. — Султан будет присутствовать на пире.

Ак-Бога покивал головой, ибо был милостив, когда не сражался. Но в ушах Дональда раздавались крики избиваемых пленных в Никополесе, и он горько рассмеялся. Неприятно прозвучал этот смех.

Для свирепого сердца султана смерть была предпочтительней, чем пир, происходивший, как обычно, после победы. На этом пиру он присутствовал как пленник. Баязид походил на мрачного идола, безмолвного и, как казалось, глухого. Он делал вид, что не слышит грохот митавров и рев веселящихся татар. На голове султана был тюрбан верховного владыки, украшенный драгоценными камнями, в руках украшенный драгоценными камнями скипетр его исчезнувшей империи.

Султан не притронулся к огромной золотой чаше, стоявшей перед ним. Много, много раз радовался он агонии побежденных, никому не оказывая таких милостей, как оказали сейчас ему. Незнакомая ранее боль поражения сковала сердце султана.

Он таращился на красавиц своего сераля, которые соответственно татарскому обычаю, трепеща, обслуживали своих новых хозяев: черноволосые еврейки с сонными, тяжелыми веками, смуглые гибкие черкешенки и златовласые русские, темнокожие гречанки и турец-

кие женщины с фигурами Юноны — все они нагими, как в день рождения, явились перед глазами татарских князей.

Баязид клялся, что изнасилует жен Тимура. Теперь же его коробило, когда он смотрел на Деспину — сестру и любовницу Петра Лазаруса, обнаженную, как и остальные, коленопреклоненную и трепещущую от страха, предлагая Тимуру чашу вина. Татарин рассеянно запустил пальцы в волосы девушки, и Баязид содрогнулся, словно эти пальцы сжали его собственное сердце.

Султан видел Дональда Мак-Диза, сидевшего рядом с Тимуром. Газл остался в своей пыльной, испачканной одежде и выделялся среди пышных, разодетых в шелка и золото татар. Дикие глаза Мак-Диза сверкали, а за едой вел он себя дико и необузданно, словно изголодавшийся волк. Он пил крепкое вино чашу за чашей. И тут наконец самообладание отказало Баязиду, и он сломался. С ревом, заглушившим весь остальной шум, Громовержец наклонился вперед, сломав руками тяжелый скипетр, как тростинку, и швырнул на пол обломки.

Все собравшиеся устремили на него свои взгляды, и некоторые из татар быстро встали между ним и своим эмиром, который лишь невозмутимо взглянул на Баязида.

— Собака! Собачье отродье! — ревел Баязид. — Ты пришел ко мне, как беглец, и я приютил тебя! Пусть проклятие всех предателей ляжет на твое черное сердце!

Мак-Диза поднялся, разметав чаши и кубки.

— Предателей! — закричал он. — Для тебя шесть лет оказалось слишком большим сроком. Ты забыл обезглавленные трупы, оставленные гнить у Никополиса? Ты забыл десять тысяч пленных, которых вы там убили, голых и со связанными руками? Там я сражался с тобой мечом, теперь я сразил тебя с помощью хитрости! Глупец, ты был обречен с той минуты, как войско твое вышло из Брюсы! Именно я договорился с калмы-

ками, ненавидевшими тебя. Поэтому-то они были довольны и делали вид, что хотят служить тебе. Через них я поддерживал связь с Тимуром с того момента, как мы в первый раз покинули Ангору. Я тайно посылал вперед всадников или притворялся, что охочусь на антилоп... Благодаря мне Тимур перехитрил тебя. Я даже вложил в твою голову план битвы! Я поймал тебя в паутину совпадений, зная, что все равно поступишь, как захочешь, не считаясь ни с тем, что скажу я, ни с тем, что скажет кто-то другой. Я солгал тебе только дважды: когда сказал, что хочу отомстить Тимуру, и когда сказал, что эмир будет ждать в горах и сам нападет на нас. До начала битвы я знал, чего хочет Тимур, и своим советом завлек тебя в ловушку. Поэтому Тимур, придумавший план, который ты посчитал отчасти своим, отчасти моим, заранее знал каждый твой шаг. Но в конечном счете все зависело от меня, так как именно я повернул против тебя калмыков, направив их стрелы в спины твоих всадников. Это и склонило чашу весов в пользу татар, когда исход битвы висел на волоске... Я дорого заплатил за месть, турок! Я играл свою роль под пристальным взглядом твоих шпионов при твоём дворе, даже когда голова у меня кружилась от вина. Я сражался за тебя против греков, и меня ранили. В пустыне под Халисом я страдал вместе со всеми. Я прошел через страшный ад, чтобы низвергнуть тебя в пыль!

— Служи же хорошо своему хозяину, как служил мне, предатель, — резко сказал султан. — В конечном счете, Тимур Хромой, ты проклянешь тот день, когда взял себе этого помощника. Когда-нибудь вы уничтожите друг друга!

— Полегче, Баязид, — бесстрастно сказал Тимур. — Что случилось, то случилось.

— Да! — Турок зашелся безумным смехом. — Но Громовержец не станет слугой хромой собаки! Хромой, Баязид говорит тебе: «привет и прощай».

И прежде чем кто-нибудь сумел его остановить, султан схватил со стола нож для мяса и по рукоять вот-

кнул! себе в горло. Секунду он раскачивался, словно могучее дерево, а потом с грохотом рухнул вниз. Весь шум стих, пирующие были поражены. Раздался надрывный плач, и вперед выбежала Деспина. Она упала на колени, прижала львиную голову своего свирепого господина к обнаженной груди и, содрогаясь, зарыдала. Тимур медленно, рассеянно погладил бороду. А Дональд Мак-Диза спокойно поднял огромную чашу, в которой в свете факелов сверкало малиновое вино, и осушил ее до дна.

7

Чтобы понять отношение Дональда Мак-Диза к Тимуру, нужно вернуться на шесть лет назад, в тот день, когда в Самарканде во дворце с бирюзовым куполом эмир размышлял, как же уничтожить надменного турка.

Когда другие смотрели вперед на несколько дней, Тимур мог заглянуть в будущее на годы. Пять лет прошло, прежде чем Тимур подготовился выступить против турка и согласился отпустить Дональда в Брюсу, а потом выслал за ним погоню. Пять лет неистовых сражений среди горных снегов и в пыли пустынь подняли Тимура как мифического исполина. Он жестоко правил своими военачальниками, а к Мак-Диза относился еще суровее. Тимур словно изучал шотландца беспристрастным жестоким взглядом ученого, требуя, чтобы гаэл полностью выкладывался на службе. Казалось, татарин ищет предел выносливости и мужества горца. Но Тимур так и не нашел его.

Гаэл был чересчур безрассуден, чтобы Тимур мог доверить ему войска. Но во время неожиданных нападений, набегов, во время штурма городов — во всем, что требовало личного мужества и отваги, горец был непобедим. Шотландец представлял собой типичного европейского воина, для которого стратегия и такти-

ка имели меньшее значение, чем жестокая рукопашная схватка, где исход битвы решался благодаря личной доблести и силе воинов. Обманывая турка, шотландец лишь следовал инструкциям Тимура.

Между гаэлом и эмиром не могло возникнуть дружеских уз, поскольку Дональд для Тимура был лишь свирепым варваром из чужеземной Фракии. Тимур никогда не осыпал его подарками и почестями, как мусульманских военачальников. Жестокий гаэл презирал мишуру почестей и, казалось, получал удовольствие только от хороших сражений и обильной попойки. Он игнорировал правила внешнего благоговения, которое демонстрировали Тимуру его подданные, и в подпитии осмеливался говорить мрачному татарину в лицо такие вещи, что окружающие замирали, затаив дыхание.

— Это волк, которого я спускаю с привязи на своих врагов,— сказал однажды про него Тимур.

— Такой человек как обоюдоострый клинок, который легко может поранить владельца,— рискнул заметить один из князей.

— Его обратная сторона не так тщательно заточена, как та, что поражает моих врагов,— ответил Тимур.

После победы под Ангорой Тимур отдал под командование Дональду калмыков и беспокойных, непокорных вигуров. Такой была награда Тимура: большое неосвоенное поле, возможность долго усердно трудиться в поте лица и беспощадно бороться с врагами татар. Но Дональд ничего не сказал. Он держал своих головорезов наготове и экспериментировал с различными типами седел и доспехов, с кремневыми ружьями, тем не менее находя, что они уступают по меткости татарским лукам; экспериментировал с последними видами огнестрельного оружия, громоздкими пистолетами на колесах, которые использовали арабы еще за сто лет до своего появления в Европе.

Тимур бросал Дональда на врагов, как человек бросает дротик, мало заботясь о том, сломалось или нет

оружие. Всадники газла возвращались в крови, в пыли, усталые. Доспехи их были растерзаны в клочья, мечи зазубрены и затуплены, но к остроконечным седлам всегда были приторочены головы врагов Тимура. Жестокость воинов Дональда, его собственная дикая свирепость и нечеловеческая сила постоянно вызволяли их из безнадежных на вид положений. А животная энергия Дональда заставляла его снова и снова оправляться от страшных ран, вызывая восхищение у мускулистых татар.

С годами Дональд, всегда отчужденный и неразговорчивый, все больше и больше уходил в себя. Когда войны затихали, он в одиночестве сидел в мрачной тишине в какой-нибудь таверне или угрожающе гордо бродил по улицам, положив руку на рукоять огромного меча, и люди осторожно уступали ему дорогу. У Дональда был только один друг, Ак-Бога, и один интерес, кроме войн и убийств. Во время набега на Персию наперерез его отряду выбежала, крича, тоненькая девчушка, и воины Дональда увидели, как их предводитель наклонился и подхватил ее одной могучей рукой, усадил в седло. Это была Зулейка, персидская танцовщица.

У Дональда был дом в Самарканде и горстка слуг, но только одна эта девушка, миловидная, чувственная и легкомысленная. Она обожала своего господина, а ее страх перед ним доходил до восторженного иступления, но когда Мак-Диза уезжал на войну, она не скрывала своих связей с молодыми солдатами.

Как и большинство персиянок ее касты, Зулейка имела склонность к мелким интригам и не могла не совать свой нос в чужие дела. Она стала доносчицей у Шади Мулх — персидской любовницы Халила, слабовольного внука Тимура, и таким образом косвенно влияла на судьбы мира. Зулейка представляла собой жадное, тщеславное существо и страшную лгунью, но ее руки были легки, как несомые ветром снежинки, когда она перевязывала раны от мечей и копий на же-

лезном теле Дональда. Газл же никогда ее не бил и не ругал, хотя никогда и не ласкал, не ухаживал с нежными словами, как другие мужчины. Он хорошо знал, что для него Зулейка дороже всех владений и наград.

Тимур старел. Он играл с миром в шахматы, и пешками его были короли и армии. Молодым вождем без богатства и власти он сверг своих хозяев-монголов, а теперь сам повелевал ими. Он завоевывал племя за племенем, народ за народом, королевство за королевством, создавая собственную империю, протянувшуюся от Гоби до Средиземного моря, от Москвы до Дели — могущественнейшую империю из всех когда-либо известных миру.

Он открыл двери юга и востока, и через них в Самарканд потекли богатства всего мира. Именно Тимур спас Европу от азиатского нашествия, когда остановил волну турецкого завоевания, о чем он сам так никогда и не узнал. Великий татарин строил и разрушал города. Он сделал сад из бесплодных пустынь и превратил цветущие земли в пустыню. По его приказу возводились пирамиды из черепов и кровь лилась реками. Его князья возвышались над народами и племенами, тщетно, словно женщины, заблудившиеся в горах, вопившими, когда их начинало перемалывать в жерновах империи Тимура.

Теперь же эмир смотрел на восток, где столетиями дремала пышная империя Китая. Возможно, к старости это было всего лишь стремление к истокам своего народа. Возможно, Тимур помнил героических ханов, своих предков, хлынувших некогда в плодородные равнины Китая из бесплодных степей Гоби.

* * *

Великий визирь покачал головой. Он играл в шахматы со своим царственным господином. Визирь был стар, слаб и осмеливался высказывать свое мнение даже Тимуру.

— Мой господин, что пользы в бесконечных войнах? Ты уже покори́л больше народов, чем покори́ли Чингис-хан или Александр. Отдохни от завоеваний, по-нежся в мире и заверши работу, начатую в Самарканде. Построй побольше великолепных дворцов. Собери вокруг себя философов, художников, поэтов со всего мира.

Тимур пожал могучими плечами.

— Философия, поэзия и архитектура хороши, но их не видно в тумане и дыме завоеваний, ибо все вещи в мире покоятся на окровавленном блеске стали.

Визирь играл фигурками из слоновой кости, покачивая седой головой.

— Мой господин, в тебе словно два человека. Один — строитель. Другой — разрушитель.

— Возможно, я разрушаю, с тем чтобы на руинах можно было строить, — ответил эмир. — Я никогда не пытался до конца разобраться в этом. Я просто знаю, что я прежде всего — завоеватель, а потом — строитель, и завоевание — суть моей жизни.

— Но для чего нужно опрокидывать этот слабый колосс на глиняных ногах — этот Китай? — поинтересовался визирь. — Это означает еще одно большое кровопролитие, а ты уже достаточно окропил кровью землю. Новая война означает новую скорбь и новые страдания для беспомощных людей, умирающих под твоим мечом, словно жертвенные овцы.

Тимур рассеянно покачал головой.

— Что значат их жизни? Они все равно умрут, а пыне их существование наполнено страданием. Я же обовью сердце татарина стальной лентой. Новыми завоеваниями на востоке я усилю свой трон, и правители моей династии станут повелевать миром десять тысяч лет. Все дороги мира будут вести в Самарканд, и тут будут собраны все чудеса, тайны и вся слава мира — институты и библиотеки, величественные мечети, мраморные дворцы, темно-синие башни и бирюзовые минареты. Но сначала я выполняю свое предназначение — завоюю весь мир!

— Но приближается зима, — не отступал визирь. — По крайней мере, дождись весны.

Тимур молча покачал головой. Он знал, что стар. Железное тело начинало сдавать. И тогда во сне он слышал пение Адджай Темноглазой, невесты его юности, умершей более сорока лет назад. Вот так через Голубой город пролетела весть. Мужчины оставили женщин и вино, натянули тетиву на луки, проверили сбруи у коней и вновь ступили на старую, проторенную дорогу завоеваний.

Тимур и его военачальники взяли с собой множество жен и слуг. Эмир собирался остановиться в своем пограничном городе Отраре и, когда весной снег растает, направиться оттуда в Китай.

Как обычно, Дональд Мак-Диза со своей беспокойной шайкой составлял авангард. После нескольких месяцев безделья газл был рад отправиться в путь. Зулейку он взял с собой. Годы не пощадили горца-гиганта. Его необузданные калмыки по привычке поклонялись ему, но все-таки он был для них чужаком, и они никогда не понимали его сокровенных мыслей. Ак-Бога со своим сверкающим взглядом и веселым смехом был единственным другом горца. Но Ак-Бога умер. Его доброе сердце остановил удар арабской сабли. Все сильнее и сильнее старался сбежать Дональд от растущего одиночества, скрыться от него в обществе персидской девушки. Зулейка же не понимала странного, своенравного сердца газла, но хоть как-то заполняла болезненную пустоту в его душе. Длинными, одиночными ночами руки Дональда сжимали ее тоненькую фигуру с диким, беспокойным голодом, который смутно ощущала персиянка.

В необычной тишине выехал Тимур из Самарканда во главе длинных, сверкающих колонн. Люди не приветствовали его громкими криками, как в прежние времена. Они стояли со склоненными головами, с сердцами, переполненными чувствами, которые они не могли определить, и смотрели на завоевателя. Потом они вновь возвращались к своей незначительной жиз-

ни, к банальности, мелким задачам с неясным бессознательным ощущением, что нечто ужасное, велико-
лепное и устрашающее навсегда ушло из их жизни.

Войска подгоняла набирающая силу зима, и шли они намного медленнее, чем раньше, когда подобно тучам в бурю проносились над землей. Сейчас войско состояло из двухсот тысяч человек и везло с собой ста-
да запасных лошадей, повозки с продовольствием и огромные шатры-палатки.

Тропу под названием Ворота Тимура завалило сне-
гом, но армия упорно шла сквозь буран. Наконец стало очевидно, что даже татары не могут ехать дальше в та-
кую погоду, и принц Халил остался зимовать в стран-
ном городке, который почему-то называли Каменным городом. Но Тимур со своим войском шел вперед. Они перешли Сир там, где толщина льда достигала трех фу-
тов. Впереди лежала гористая местность и стало еще труднее. Лошади и верблюды вязли в сугробах, повоз-
ки раскачивались на ухабах. Но воля Тимура непрек-
лонно вела их вперед, и наконец они вышли на равни-
ну и увидели шпили Отрара, блестящие сквозь пургу.

Тимур со знатью устроился во дворце, а его вои-
ны отправились по зимним квартирам. Тут-то Тимур и послал за Дональдом Мак-Диза.

— На нашем пути лежит Ордушар, — сказал Ти-
мур. — Возьми две тысячи воинов и захвати этот город, чтобы с приходом весны дорога на Китай оказалась открытой.

Когда человек бросает дротик, он не заботится, расщепится ли тот, достигнув цели. Тимур не послал на это безумное дело ни своих придворных, ни отбор-
ных воинов. Он поручил расчистить дорогу Дональду. Однако газл остался равнодушен. Он был готов пус-
титься на любую авантюру, если та может заглушить смутные, горькие мысли, все сильнее и сильнее отрав-
ляющие его сердце.

В сорок лет Мак-Диза ничуть не ослабел, не раз-
мягчился. Но временами он чувствовал, что стар. Все

чаще его мысли отвращались от образа жизни в черных и багровых красках, от жизни, переполненной насилием, вероломством, жестокостью и безнадежностью. Сон его стал беспокойным. Порою он слышал странные голоса в ночи. Иногда сквозь воющий ветер ему чудились причитания шотландской волинки.

Получив приказ от эмира, Дональда разбудил своих волков, которые, хоть и зевали, подчинились беспрекословно и отправились из Отрара навстречу ревущему бурану. Этот поход был рискованным предприятием.

* * *

Во дворце в Отраре Тимур дремал на диване, обложившись картами и схемами. Сквозь сон слушал он непрекращающиеся споры своих жен. Интриги и ревность из Самарканда перебрались в тихий Отрар. Женщины гудели вокруг Тимура, страшно утомляя его своими мелочными склоками.

Когда к железному эмиру незаметно подобрался возраст, женщины заволновались, решая, кто же станет преемником Тимура. В интригах участвовала королева Сарай Мулх Ханума и Хан-Зейд, жена умершего сына Тимура, Джаханчира. Королева пыталась сделать наследником сына Тимура — Шах-Руха, Хан-Зейд стремилась, чтобы это место занял ее сын — принц Халил, которого обвела вокруг пальчика куртизанка Шади Мулх.

Эмир вопреки сильным возражениям Халила взял Шади Мулх с собой в Отрар. Принц становился все неспокойнее, метался по унылому Каменному городу, и до Тимура дошли слухи о его дерзких словах и угрозах.

Сарай Ханума, сухопарая, утомленная женщина, постаревшая в войнах и в горе, пришла к эмиру.

— Персиянка посылает секретные сообщения принцу Халилу, подталкивая его на глупые дела, — сказала королева. — Ты далеко от Самарканда. Если Халил отправится туда, пока ты здесь, всегда найдутся

глупцы, готовые восстать даже против повелителя из повелителей.

— В другое время я бы задушил ее, — сказал Тимур устало. — Но Халил по своей глупости поднялся бы против меня, а восстание сейчас, даже немедленно подавленное, расстроило бы мои планы. Посадите персиянку под стражу. Оттуда она не сможет посылать сообщений молодому дураку.

— Я уже сделала это, — резко ответила Сарай Ханума. — Но персиянка посылает сообщения через персиянку франка Дональда.

— Приведите девушку, — приказал Тимур, со вздохом отложив карты в сторону.

Зулейку притащили к Тимуру. Он мрачно смотрел, как девушка хныкала, лежа у его ног. Усталым жестом Тимур подписал ей смертный приговор и сразу же забыл о ней, как король забывает о раздавленной мухе.

Кричащую девушку утащили и бросили на колени в большой комнате, где не было окон, только двери с засовами. Ползая на коленях, Зулейка неистово выла, звала Дональда и взывала к милосердию, пока ужас не сковал ее голос. Оцепенев от страха, она увидела полуголую фигуру палача. Лицо его напоминало маску. Убийца с ножом в руке подошел к девушке...

Зулейка была трусливой, распущенной и глупой. Ее жизнь не была преисполнена достоинства, и некрасиво встретила Зулейка свою смерть. Но даже муха любит жизнь. И возможно, в жестоких загадочных книгах Судьбы записано, что даже император не может растоптать насекомых безнаказанно.

8

Осада Ордущара продолжалась. В ледящих, слепящих и жальщих порывах ветра и снега коренастые калмыки и тощие фигуры старались изо всех сил и гибли, принимая смерть в жестоких муках.

Они приставили лестницы к стенам и устремились наверх, а защитники, страдая не меньше нападающих, пронзали их копьями, сталкивали валуны, давившие людей в кольчугах, как жуков, и сбрасывали лестницы со стен так, что те, падая, убивали людей внизу. Ордушар, возвышавшийся в ущелье и защищенный сбоку скалами, на самом деле был бурятской крепостью.

Волки Дональда рубили замерзшую землю обмороженными, ободранными руками, едва державшими кирки, и старались сделать подкоп под стены. Они долбили стены, всовывали наконечники копий меж камней, вырывали куски кладки голыми руками, а сверху на них дождем лились дротики и расплавленный свинец. С огромным трудом воины Дональда соорудили импровизированные осадные машины из поваленных деревьев, кожаной упряжи и веревок, сплетенных из грив и хвостов лошадей.

Тараны тщетно долбили массивные стены. Вдоль парапетов сражались атакующие и защитники, пока окровавленные руки не примерзали к древкам копий и к рукоятям мечей, а кожа не начинала сдираться, обнажая кровавые струпья. Но неизменно, с нечеловеческой яростью, продлевающей агонию, защитники отражали атаки.

Центральная башня крепости была обнесена стенами с бойницами, откуда жители крепости лили горящую нефть. Люди Дональда ходили на жуков, попавших в пламя. Снег и дождь со снегом налетали ослепляющими шквалами, затянув весь мир ледяной пеленой. Убитые валялись там же, где падали, раненые умирали, замерзая. Не было ни передышки, ни конца агонии... Дни и ночи слились в единый ад. Люди Дональда со слезами страдания, замерзающими на лицах, остервенело колотили таранами в заиндевевшие, каменные стены, сражались ободранными руками, сжимавшими сломанное оружие, и, умирая, проклинали сотворивших их богов.

В крепости горя было не меньше. Там не осталось никакой пищи. Ночью воины Дональда слышали вой умирающих от голода людей. Отчаявшиеся мужчины Ордущара перерезали глотки женщинам и детям и вышли из крепости. Изможденные, переполненные яростью калмыки напали на них. В водовороте битвы снег был густо обгажен кровью, и воины Дональда вошли в городские ворота. Страшная битва продолжалась в городских пределах.

Дональд использовал последнее дерево у подножия крепости, чтобы поднять еще одну штурмовую башню. Теперь в долине перед крепостью не осталось ничего, что могло бы гореть. Сам шотландец стоял у подъемного моста башни, который можно было бы в любой момент опустить. Газл не щадил себя. Штурмовую башню повернули к стене под градом стрел, убившим половину людей, не успевших укрыться за высоким валом. Со стены прогремела чугунная пушка, но громадное ядро просвистело над головой Дональда. Потом буряты пытались поджечь башню с помощью горящей нефти. Наконец мост удалось опустить.

Выхватив широкий меч, Дональд шагнул вперед. Со звоном отлетали стрелы от его лат и шлема. Загремели выстрелы, но газл шагал вперед. Тощие люди в доспехах, с глазами обезумевших собак, карабкались на перила, стремясь разломать мост. Дональд шагнул к ним, и меч его со свистом рассек воздух. Клинок газла разрубал доспехи, плоть и кости. Толпа защитников распалась.

Тяжелый топор обрушился на щит Дональда, и он зашатался на парапете, но нанес ответный удар, разрубив надвое нападавшего. Газл удержался на стене, отшвырнув разбитый щит. За ним по мосту пошли его волки, сбрасывая защитников со стен. Размахивая тяжелым мечом, Дональд продвигался вперед в водовороте битвы и вдруг подумал о Зулейке. Она показалась ему чем-то нереальным, мысль о ней больно ранила его под сердце. Но не мысль была это на самом деле, а вра-

жеское копье, прошедшее сквозь кольчугу. Яростно рубанул Дональд своего противника. Меч сломался в его руке. Шотландец прислонился к стене. Лицо его на миг исказилось. Вокруг шла резня: ярость обезумевших от долгих страданий калмыков не знала границ.

9

К Тимуру, сидевшему на троне во дворце Отра-ра, пришел великий визирь:

— Выжившие из тех, кто был послан в ущелье Ордушара, возвращаются, мой господин. Города в горах больше нет. Воины несут Дональда на носилках. Он умирает.

Усталые, окровавленные люди с потухшими глазами, перевязанные грязными тряпками, закутавшиеся в растерзанные одежды и доспехи, внесли носилки. Они бросили к ногам Тимура золоченые латы военачальников, ящики с драгоценностями и одеждой из шелка и серебряной тесьмы — добычу из Ордушара, где среди богатств люди умирали голодной смертью. Носилки опустили перед Тимуром.

Эмир взглянул на умирающего Дональда. Шотландец был бледен, но на лице его не появилось и тени слабости. Его холодные глаза горели огнем.

— Дорога на Китай открыта, — сказал Дональд, с трудом выговаривая слова. — Ордушар лежит в дымящихся руинах. Я выполнил твой последний приказ.

Тимур кивнул. Казалось, его глаза смотрели сквозь шотландца. Что значил умирающий на носилках для эмира, столько раз видевшего смерть? Его мысли были уже где-то на дороге в Китай. Дротик наконец разбился вдребезги, но последний его удар открыл Тимуру дорогу в новые земли. Темные глаза эмира странно засверкали. Знакомый огонь пробежал по его жилам. Новая война! Снаружи завывал ветер, словно гремели трубы, гудели кимвалы. Они пели песнь победы.

— Пришлите ко мне Зулейку, — прошептал умирающий.

Тимур не ответил. Он едва ли слышал слова Дональда, погрузившись в собственные видения. Давно уже забыл эмир и о Зулейке, и о ее судьбе. Что значила еще одна смерть в устрещающем и ужасающем плане становления империи?

— Зулейка, где Зулейка? — повторял газл, беспокойно задвигавшись на носилках.

Тимур слегка вздрогнул и поднял голову, что-то вспоминая.

— Я приговорил ее к смерти, — спокойно ответил он. — Это было необходимо.

— Необходимо?! — Глаза Дональда округлились. Он попытался приводняться, но, обессилев, упал на носилки и закапсался кровью. — Безумный пес, она была моей!

— Твоя или чья-нибудь еще, какая разница, — рассеянно возразил Тимур. — Что значит женщина, когда решается судьба империи?

В ответ Дональд выхватил из одежды пистолет и выстрелил в Тимура. Эмир вздрогнул и покачнулся на троне. Закричали придворные.

Сквозь дым они увидели, что Дональд, лежащий на носилках, мертв. На губах газла застыла жестокая улыбка. Тимур, согнувшись, сидел на троне, одной рукой сжав грудь. Сквозь пальцы эмира сочилась кровь. Свободной рукой он махнул знати, прося людей отступить.

— Довольно, все кончено. Каждому когда-то приходит конец. Пусть вместо меня правит Пир Мухаммед. Пусть он усилит границы империи, которую я воздвиг.

Мучительная агония исказила черты эмира.

— Аллах, это — конец империи!

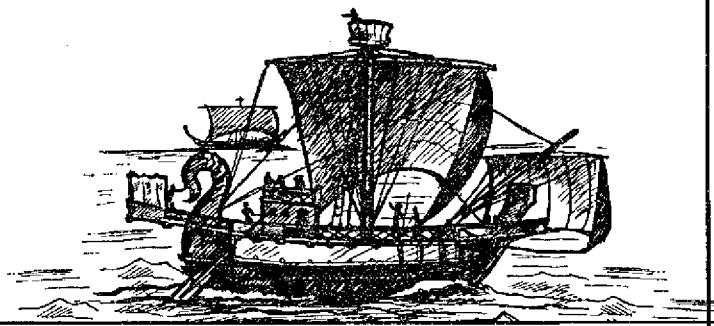
Яростный крик страдания вырвался из его горла.

— Я — тот, кто топтал королевства и уничтожал султанов. Я умираю из-за раболопной проститутки и франка!

Военачальники беспомощно смотрели на могучие руки Тимура, сжатые, словно железные клещи. Лишь нестигаемая воля эмира не позволяла Смерти забрать его душу. Фатализм ислама никогда не находил отклика в языческой душе Тимура. Он боролся со смертью до последней капли крови.

— Пусть народ мой не узнает, что я умер от руки франка, — с трудом проговорил он. — Пусть летописи не прославляют имя волка, убившего императора. О Аллах, горсть пыли, маленький кусочек свинца уничтожил Завоевателя Мира! Пиши, писец, что в этот день не от руки человека, а по воле Аллаха умер Тимур, слуга Аллаха.

Военачальники застыли вокруг в изумлении и молчании, пока побледневший писец доставал пергамент и писал дрожащей рукой. Мрачный взгляд Тимура застыл на умиротворенном лице Дональда, который, казалось, тоже смотрел на эмира. Лицо мертвого человека на носилках было повернуто к умирающему на троне. И прежде чем скрип пера замер, львиная голова Тимура упала на могучую грудь. Вслед за поющим панихиду ветром, заметающим снегом все выше и выше стены Отрара, пески забвения стали засыпать империю Тимура — последнего завоевателя и повелителя мира, — сокрушенную одним выстрелом.

ВРАТА ИМПЕРИИ

Пировавшие в подвале замка Годфрея де Куртене не слышали ни бряцания оружия утруемых часовых на башнях, ни порывов весеннего ветра. Также и наверху никто не слышал шума пирушки.

Трещавшая свеча освещала неровные стены, сырые и негостеприимные, вдоль которых стояли покрытые паутиной пластенные бутылки и бочки. Из одной бочки выбили затычку, и кожаные кружки в ослабевших от выпитого вина руках снова и снова погружались в пенистую глубину.

Агнесса, девушка-служанка, накануне украла с пояса управляющего массивный железный ключ от подвала, и теперь, пользуясь отсутствием хозяина, там веселилась небольшая, но далеко не избранная компания.

Сидя на колене слуги Питера, Агнесса отбивала кружкой рваный ритм в такт непристойной песне, которую оба горланили каждый на свой лад. Эль переливался через край качающейся кружки, стекая за воротник Питера, чего тот не замечал.

Другая служанка, толстая Мардж, раскачивалась на скамейке, хлопая себя по крутым широким бедрам и шумно комментируя пикантную историю, только что

рассказанную Джайлсом Хобсоном. Судя по его манерам, он мог бы быть хозяином замка, а вовсе не бродягой-мошенником, мотавшимся по волнам житейского моря. Опершись спиной о бочку и положив ноги в сапогах на другую, он ослабил ремень, что стягивал его объемистое брюхо под поношенным кожаным камзолом, и вновь погрузил губы в пенящуюся кружку.

— Джайлс, клянусь бородой святого Витольда, — промолвила Мардж, — я еще никогда не слышала ничего подобного! Даже вороны, которые будут обглаживать твои кости на виселице, лопнут от смеха. За тебя — принца всех сквернословов и лжецов!

Она взмахнула громадной оловянной кружкой и осушила ее столь же решительно, как любой мужчина.

В этот момент появился еще один участник пирушки, который вернулся со свидания: в дверях наверху лестницы показался человек в обтягивающем бархатном костюме. На ногах он держался нетвердо. Через приоткрытую дверь донеслись звуки ночи — шелест портьер где-то в доме, шум ветра в ущельях, сердитый оклик часового на башне. Порыв ветра пронесся по лестнице, едва не погасив свечу.

Гильом, паж, закрыл дверь и, шатаясь, спустился по грубым каменным ступеням. Он не был столь пьян, как остальные, просто из-за юного возраста еще не привык к большим количествам подобных напитков.

— Который час, мальчик? — спросил Питер.

— Далеко за полночь, — ответил паж, неуверенно на шаривая открытую бутылку. — В замке все спят, кроме стражи. Однако я слышал стук копыт сквозь шум ветра и дождя: кажется, сэр Годфрей возвращается.

— Пусть возвращается, будь он проклят! — закричал Джайлс, звучно шлепая Мардж по жирному заду. — Может быть, он и хозяин замка, но сейчас мы — хозяева подвала! Еще эля! Агнесса, маленькая шлюха, еще песню!

— Да, еще эля! — шумно потребовала Мардж. — Брат нашей хозяйки, сэр Жискар де Шатильон, рас-

сказывал невероятные истории про Святую Землю и неверных, но, клянусь святым Данстеном, вранье Джайлса затмевает правду рыцаря!

— Не клевети на... ик!... святого человека, побывавшего... ик... в паломничестве и крестовом походе, — икнул Питер. — Сэр Жискар видел Иерусалим и сражался рядом с королем Палестины... сколько лет тому назад?

— Десять лет — десять лет прошло с того майского дня, когда он отправился в плавание к Святой Земле, — сказала Агнесса. — С тех пор леди Элеонора не видела его, пока вчера утром он не подъехал к воротам. Ее муж, сэр Годфрей, вообще никогда его прежде не видел.

— И не знал его? — пробормотал Джайлс. — И сэр Жискар его не знал?

Он заморгал, проведя широкой ладонью по рыжим волосам. Он даже не осознавал, насколько пьян. Мир вокруг него завертелся, словно волчок, и голова, казалось, заплесала на плечах. В парах эля и перебродившего спирта родилась сумасбродная идея.

Джайлс внезапно расхохотался и выпрямился, пролив содержимое кружки на колени Мардж, что вызвало град ругательств с ее стороны. Задыхаясь от смеха, он ударил ладонью по крышке бочки.

— Ты что, рехнулся? — взвизгнула Агнесса.

— Сейчас будет потеха! — Крыша затряслась от его бычьего рева. — Ну и потеха, клянусь святым Витольдом! Сэр Жискар не знает мужа своей сестры, а сэр Годфрей сейчас у ворот. Слушайте!

Четыре неуверенно покачивавшиеся головы склонились к нему, словно грубые стены могли услышать его слова. Мгновение спустя тишина сменилась бурными взрывами хохота. Сейчас они готовы были последовать любой, самой безумной идее, которую бы им предложили. Лишь Гильома терзали смутные дурные предчувствия, но и его увлек пьяный пыл собутыльников.

— Чертовски будет весело! — воскликнула Мардж, пылко целуя Джайлса в багровую щеку. — Вперед, бродяги!

— Вперед! — проревел Джайлс, выхватывая меч и беспорядочно им размахивая, и пятеро, спотыкаясь и налетая друг на друга, устремились вверх по лестнице. Пинком распахнув дверь, они вбежали в широкий зал, завывая, словно стая охотничьих псов.

Замки двенадцатого века, напоминавшие скорее крепости, чем просто жилища, строились для защиты, а не для комфорта.

Просторный зал с высоким потолком, по которому разносились крики пьяной компании, был устелен тростником и освещался лишь едва тлеющими углями в большом камине. Грубые, напоминавшие паруса портьеры вдоль стен колыхались на сквозняке. Спавшие под большим столом собаки проснулись от топота ног и разом залаяли, внося свой вклад во всеобщую суматоху.

Шум разбудил сэра Жискара де Шатильона. Во сне он видел иссушенные солнцем равнины Палестины и потому решил, что его окружили сарацинские разбойники. Он вскочил, хватаясь за меч, и тут только сообразил, где находится. Однако явно затевалось что-то недоброе. Из-за дверей доносились шум, лай и вопли, и на прочные дубовые панели обрушился град ударов — несомненно, кто-то намеревался вышибить дверь. Рыцарь услышал, как чей-то голос громко и настойчиво зовет его по имени.

Оттолкнув в сторону дрожащего от страха оруженосца, он подбежал к двери и распахнул ее настежь. Сэр Жискар был высок и сухопар, с большим ястребиным носом и холодными серыми глазами. Даже в ночной рубашке он выглядел весьма внушительно. Яростно моргая, он вглядывался в группу людей в противоположном конце зала. Только тусклое мерцание углей освещало их. Среди них рыцарь увидел женщин, детей и какого-то толстяка с мечом.

— На помощь, сэр Жискар! — взревел толстяк. — На помощь! Замок в осаде, и все мы погибли! Разбойники из Хоршемского леса уже в зале!

Сэр Жискар услышал топот закованных в броню ног, который ни с чем невозможно было спутать, и увидел туманные очертания входящих в зал фигур. На их латах поблескивал красноватый свет тлеющих углей. Еще не до конца проснувшись, рыцарь кинулся в яростную атаку.

Сэр Годфрей де Куртенэ, вернувшийся домой после многочасовой езды сквозь дождь и ветер, предвкушал лишь покой и уют собственного замка. Сорвав свое раздражение на сонных конюхах, которые едва переставляли ноги, он отпустил тяжеловооруженных всадников и направился в главную башню, в сопровождении оруженосцев и свиты. Не успел он войти в зал, как там начало твориться нечто неопишемое: топот ног, грохот переворачиваемых скамеек, лай собак, резкие выкрики и чей-то торжествующий рев.

Изумленно ругаясь, он вбежал в зал во главе своих рыцарей, и тут на него накинулся воинственный маньяк, на котором не было ничего, кроме ночной рубашки. Маньяк размахивал мечом и завывал словно оборотень.

Яростные удары безумца высекали искры из шлема сэра Годфрея, и хозяин замка едва не стал трупом еще до того, как успел вытащить меч. Он упал на спину, призывая на помощь своих воинов. Однако безумец орал значительно громче, к тому же со всех сторон к ним устремились другие сумасшедшие в ночных рубашках, с воем нападая на ошеломленную свиту сэра Годфрея.

В замке царил суматоха — вспыхивали огни, выли собаки, вопили женщины, ругались мужчины, и над всем этим раздавался лязг стали и топот закованных в латы ног.

Заговорщики, протрезвев при виде того, к чему привела их забава, разбежались в разные стороны, ища убежища, — за исключением Джайлса Хобсона.

Он был слишком пьян, а потому его не беспокоила столь обыденная сцена. Какое-то время он любовался творением своих рук, затем, обнаружив, что клинки мелькают в опасной близости от его головы, отступил и, следуя некоему инстинкту, направился в укрытие, известное ему с давних времен. Там он с приятным удивлением обнаружил, что все это время сжимал в руке плетеную бутылку. Он опустошил ее. Вино, смешавшись с тем, что уже попало в его глотку ранее, неожиданно быстро повергло Джайлса в бесчувствие. Он свалился и спокойно захрапел под соломой, в то время как над ним и вокруг него стремительно разворачивались события.

Там, в соломе, и нашел его брат Амброз, когда этот безумный день начал уже клониться к закату. Пузатый румяный монах встряхнул нераскаившегося грешника, и тот с трудом открыл подернутые туманом глаза.

— Святые угодники! — сказал Амброз. — Опять ты за свои старые шуточки! Я так и думал, что найду тебя здесь. Тебя весь день ищут по всему замку, здесь, в конюшне, тоже искали. Хорошо, что ты спрятался в самой большой куче сена.

— Слишком большая честь для меня, — зевнул Джайлс. — Зачем им меня искать?

Монах воздел руки к небу в благочестивом ужасе.

— Да спасет меня святой Дионисий от Сатаны и дел его! Ты что, не помнишь, какую сумасбродную затею выдумал? Ты же натравил несчастного сэра Жискара на мужа его сестры!

— Святой Данстен! — простонал Джайлс, давясь сухим кашлем. — До чего же хочется пить! Кого-нибудь убили?

— Благодарение Господу, нет. Однако у многих разбиты макушки и поцарапаны ребра. Сэр Годфрей едва не погиб при первой же атаке, ибо сэр Жискар отменно владеет мечом. Однако наш хозяин, будучи в полном вооружении, вскоре нанес сэру Жискару сильный удар по голове, отчего потекла кровь и сэр Жискар начал ругаться так, что страшно было слушать.

Одному Богу известно, чем бы все закончилось, но леди Элеонора, разбуженная шумом, выбежала в одном белье в зал и, увидев сражающихся насмерть мужа и брата, встала между ними и обратилась к ним со словами, которые я не стану повторять. Воистину страшен язык нашей хозяйки во гневе.

В конце концов понимание было достигнуто, сэру Жискару и всем пострадавшим оказали необходимую помощь. Сэр Жискар указал на тебя как одного из тех, кто колотил в его дверь. Затем нашли прятавшегося Гильома, и он во всем признался, свалив главную вину на тебя. Ну и денек же был!

Несчастный Питер с утра сидит в колодках, и все слуги и крестьяне собрались вокруг, осыпая его насмешками и грязью, — они только что ушли, и он теперь представляет собой жалкое зрелище — с разбитым носом, ободранной рожей, заплывшим глазом и яичной скорлупой в волосах. Бедный Питер!

Что касается Агнессы, Мардж и Гильома, их выпороли так, что они запомнят это на всю жизнь. Трудно сказать, у кого из них больше болит задница. Но хозяева желают видеть тебя, Джайлс. Сэр Жискар клянется, что не успокоится, пока не лишит тебя жизни.

— Гм-м, — задумчиво пробормотал Джайлс. Он неуверенно поднялся, отряхнул солому с одежды, подтянул пояс и набекрень надел на голову шляпу.

Монах мрачно наблюдал за ним.

— Питер в колодках, Гильом выпорот, Мардж и Агнесса тоже — какое же наказание ожидает тебя?

— Думаю, я приму свою кару, добровольно отправившись в изгнание, — сказал Джайлс.

— Тебя не выпустят за ворота, — предупредил Амброз.

— Верно, — вздохнул Джайлс. — Монах может пройти свободно, в то время как честного человека останавливают из-за подозрений и предрассудков. Что ж, придется понести еще одно наказание. Одолжи мне твою мантию.

— Мою мантию? — воскликнул монах. — Да ты с ума сошел...

Тяжелый кулак врезался в пухлый подбородок, и монах с тихим вздохом осел на землю.

Несколько минут спустя скупающий стражник, забавлявшийся тем, что целился тухлым яйцом в неряшливую фигуру в колодках, увидел, как из конюшни появился человек в мантии и капюшоне и медленно двинулся через открытое пространство. Плечи его были устало опущены, голова склонена, лицо его было скрыто капюшоном.

Стражник поправил поношенный шлем и неуклюже шагнул к монаху.

— Да пребудет с тобой Господь, брат, — сказал он.

— Рах vobiscum, сын мой, — донесся тихий приглушенный ответ из глубины капюшона.

Стражник сочувственно покачал головой, глядя вслед монаху, направлявшемуся к боковым воротам.

— Бедный брат Амброз, — пробормотал стражник. — Он слишком близко к сердцу принимает грехи мира, сгибаясь под грузом тяжких преступлений человечества.

Он вздохнул и снова прицелился в утрюмую физиономию над колодками.

* * *

По голубой глади Средиземного моря тяжело двигалась торговая галера, неуклюжая и широкая. Квадратный парус безвольно свисал с единственной толстой мачты. Гребцы, сидевшие на скамьях по обеим сторонам средней палубы, налегали на длинные весла, словно машины, одновременно наклоняясь вперед и откидываясь назад. Из глубины корпуса доносился шум голосов, жалобные крики животных и запах конюшни и хлева. На юге подобно расплавленному сапфиру простиралась голубая вода. На севере однообразную картину нарушал возвышавшийся впереди остров, белые

скалы которого были увенчаны темной зеленью. Вокруг царили достоинство, чистота и безмятежность, если не считать вонючей неуклюжей лохани. Переваливаясь с борта на борт, она тащилась по пенящейся воде, издавая звуки и запахи, кои свидетельствовали о присутствии здесь человека.

Внизу пассажиры средней палубы, усевшись среди своих узлов, готовили пищу на небольших жаровнях. Дым смешивался с запахами пота и чеснока. Слышалось ржание несчастных лошадей, зажатых в узком пространстве. Овцы, свиньи и куры добавляли к здешним запахам свой аромат.

Вскоре к бормотанию множества голосов под палубой добавились новые — членов экипажа и более состоятельных пассажиров, имевших места в каютах. Затем послышался голос самого капитана, резкий и раздраженный. Ему ответили — громко и хрипло, с акцентом.

Капитан-венецианец, пробираясь среди тюков с товаром, обнаружил на борту безбилетного, к тому же пьяного пассажира — толстого рыжеволосого человека в поношенной кожаной одежде. Он храпел меж бочек и, наверное, храпел бы еще очень долго, если бы не возмущенный вопль капитана.

Последовала пылкая тирада на итальянском языке, смысл которой в конце концов свелся к требованию, чтобы чужак заплатил за свой проезд.

— Заплатить? — эхом отсзввался незнакомец, проводя толстыми пальцами по нечесаным волосам. — Чем мне заплатить? Где я? Что это за корабль? Куда мы плывем?

— Это «Сан-Стефано», и он идет на Кипр из Палермо.

— Ах да, — пробормотал безбилетник. — Помню. Я поднялся на борт в Палермо... и прилег возле винной бочки между...

Капитан поспешно осмотрел бочку и с утроенной яростью завопил:

— Собака! Ты всю ее выпил!

— Как давно мы в море? — зевнув, невозмутимо спросил незнакомец.

— Достаточно долго чтобы оказаться вдали от берега, — проворчал капитан. — Ах ты свинья как ты мог проваляться пьяным все это время...

— Неудивительно, что в брюхе у меня пусто, — вздохнул чужак. — Я лежал среди тюков, а когда проснулся, пил, пока не заснул снова. Хм-м!

— Деньги! — потребовал итальянец. — Плати золотом за проезд!

— Золотом! — фыркнул в ответ незнакомец. — У меня и медяка нет.

— Тогда отправишься за борт, — мрачно пообещал капитан. — Для нищих на «Сан-Стефано» нет места.

Чужак воинственно засопел и схватился за меч.

— Выбросить меня за борт? Тому не бывать, пока Джайлс Хобсон в состоянии держать оружие. Свободнорожденный англичанин ничем не хуже любого итальянца в бархатных штанах. Зови своих забияк и увидишь, как я пушу им кровь!

С палубы донесся громкий испуганный крик:

— Впереди по правому борту галеры! Сарацины!

Капитан взвыл, и лицо его приобрело пепельный оттенок. Тут же забыв о своем споре с безбилетником, он развернулся и кинулся на верхнюю палубу. Джайлс Хобсон последовал за ним, по пути обозревая встревоженные коричневые лица гребцов и перепуганные физиономии пассажиров — латинских священников, торговцев и паломников. Проследив за их взглядом, он увидел три длинные низкие галеры, которые стремительно мчались к ним по голубой глади. Люди на «Сан-Стефано» уже слышали звон цимбал и видели развевавшиеся на верхушках мачт флаги. Весла погружались в голубую воду и поднимались над ней, блестя серебром.

— Развернуть корабль к острову! — закричал капитан. — Если сумеем добраться до него, то сможем укрыться и спасти свои жизни. Корабль потерян, и весь груз тоже! Святые угодники, спасите меня! — Он

со стоном воздел руки к небу — не столько от страха, сколько от жадности.

«Сан-Стефано» неуклюже накренился и вперевалку двинулся в сторону освещенных солнцем белых скал. Стройные галеры нагоняли его, мчась по волнам подобно водяным змеям. Пространство между «Сан-Стефано» и скалами сокращалось, но значительно быстрее сокращалось пространство между ним и преследователями. В воздух начали взмывать стрелы, со стуком падая на палубу. Одна из них вонзилась рядом с сапогом Джайлса Хобсона, и он отдернул ногу, словно от ядовитого паука. Толстый англичанин вытер пот со лба. Во рту у него пересохло, в голове стучало, в животе все переворачивалось. Внезапно он ощутил жестокий приступ морской болезни.

Гребцы изо всех сил навалились на весла, тяжело дыша, казалось, почти выдергивая неуклюжий корабль из воды. Стрелы плотным дождем осыпали палубу. Кто-то взвыл, другой без слов осел рядом. Один из гребцов дернулся, когда в его плечо попала стрела, и выпустил весло. Охваченные паникой гребцы стали сбиваться с ритма. «Сан-Стефано» потерял скорость и начал раскачиваться еще сильнее, слышались крики пассажиров. Со стороны преследователей доносились торжествующие вопли. Они разделились, намереваясь взять в клещи обреченную галеру.

На палубе торговцев священники принялись отпускать грехи.

— Да хранят меня святые угодники... — выдохнул худой пизанец, опускаясь на колени на палубе. Внезапно он вскрикнул, схватился за ошеренное древко вонзившейся в его грудь стрелы, опрокинулся набок и замер.

В борт, через который перегибался Джайлс Хобсон, воткнулась стрела, задрожав возле его локтя. Он не обратил на нее никакого внимания. Чья-то рука легла ему на плечо. Задышавшись, он повернулся и поднял позеленевшее лицо. Прямо в глаза ему обеспокоенно смотрел священник.

— Сын мой, возможно, это наш смертный час; исповедайся в своих грехах, и я отпущу их тебе.

— Я знаю за собой один-единственный грех,— с несчастным видом простонал Джайлс — Я ударил монаха и похитил его мантию, чтобы бежать в ней из Англии.

— Увы, сын мой...— начал священник, затем с тихим стоном опустился на палубу. Из темного расплывающегося пятна на его боку торчала сарацинская стрела.

Джайлс огляделся по сторонам. Вдоль обоих бортов «Сан-Стефано» скользили длинные стройные галеры. Пока он смотрел на них, третья галера, находившаяся в середине треугольника, с оглушительным треском протаранила торговый корабль. Стальной нос пробил фальшборт, разнес в щепки кормовую надстройку. Удар сбил людей с ног. Некоторые, раздавленные во время столкновения, с воем умирали страшной смертью.

Стальные носы двух других галер врубились в скамьи, на которых сидели гребцы, выбивая из их рук весла и ломая ребра.

В борта впились абордажные крючья, и на палубу хлынули смуглые обнаженные люди с горящими глазами и с саблями в руках. Их встретили отчаянно отбивавшиеся остатки ошеломленных пассажиров и команды.

Джайлс Хобсон нашарил свой меч и, пошатываясь, шагнул вперед. Перед ним мелькнула темная фигура. Он увидел пылающие глаза противника и услышал свист кривого клинка. Джайлс отразил удар своим мечом, едва при этом не упав. Затем он широко расставил ноги и вогнал меч пирату и брюхо. Кровь и внутренности хлынули на палубу, в агонии умирающий корсар увлек за собой своего убийцу.

Обутые и босые ноги топтали пытавшегося подняться Джайлса Хобсона. Кривой клинок, зацепив кожаную куртку, распорол ее от края до воротника. Наконец он встал, сбросив с себя лохмотья. Смуглая

рука вцепилась в его порванную рубашку, над головой взлетела дубинка. Отчаянно рванувшись, Джайлс отскочил назад, оставив обрывки рубашки в руке противника. Дубинка опустилась и стукнулась о палубу; ее обладатель, не удержавшись, рухнул на колени. Джайлс побежал по залитой кровью палубе, приседая и уворачиваясь от клинков и кулаков.

Несколько оборонявшихся толпились в дверях на полубаке. Остальная часть галеры находилась в руках торжествующих сарацин — они толпой рванули на нижние палубы. Послышались жалобные вопли животных, которым перерезали горло, и крики женщин и детей, которых вытаскивали из укрытий среди груза.

В дверях полубака оставшиеся в живых отбивались зазубренными мечами от окруживших их пиратов. Те с издевательскими воплями то отступали, то вновь наседали, выставив вперед пики.

Джайлс бросился к борту — он намеревался прыгнуть в воду и поплыть к острову. В этот момент он услышал за спиной быстрые шаги и резко развернулся, уклоняясь от сабли в руке коренастого человека среднего роста, в сверкающих посеребренных доспехах и украшенном гравировкой шлеме с перьями цапли.

Пот заливал глаза толстого англичанина, ему не хватало дыхания, живот выворачивало наизнанку, ноги дрожали. Мусульманин замахнулся, метя в голову. Джайлс отбил удар. Клинок его с лязгом ударился о кольчугу предводителя разбойников.

Внезапно висок Джайлса обожгло, словно раскаленным железом, и поток крови ослепил его. Выронив меч, он кинулся головой вперед на противника, повалив его на палубу. Мусульманин извивался и ругался, но толстые руки Джайлса изо всех сил сжимали его.

Внезапно раздался дикий крик, послышался топот множества ног по палубе. Сарацины начали прыгать за борт, отцепляя абордажные крючья. Пленник Джайлса что-то хрипло прокричал, и к нему через палубу бросились другие. Джайлс отпустил его, пробежал слов-

но кот вдоль фальшборта и вскарабкался на крышу разбитой кормовой надстройки. Никто не обращал на него внимания. Обнаженные люди в фесках подняли закованного в латы предводителя на ноги и поволокли его через палубу, в то время как тот яростно ругался и брыкался, явно желая продолжить схватку. Сарацины попрыгали в свои галеры и начали грести прочь. Джайлс, присевший на крыше разрушенной надстройки, наконец увидел причину их поспешного бегства.

Из-за западной оконечности острова, до которого они пытались добраться, вышла эскадра больших красных кораблей. На носу и корме их возвышались орудийные башни, на солнце блестели шлемы и наконечники копий, слышался громкий звук труб и грохот барабанов, на верхушке каждой мачты развевался длинный флаг с эмблемой Креста.

Из уст оставшихся в живых пассажиров и матросов «Сан-Стефано» вырвался радостный крик. Галеры быстро уходили на юг. Ближайший корабль-спаситель тяжело подошел к борту, стали видны смуглые лица под стальными шлемами.

— Эй, на судне! — прозвучала суровая команда. — Вы тонете, будьте готовы перейти к нам на борт.

Услышав этот голос, Джайлс Хобсон вздрогнул и устоялся на орудийную башню, возвышавшуюся над «Сан-Стефано». Голова в шлеме наклонилась над фальшбортом, взгляд холодных серых глаз встретился с его взглядом. Он увидел большой нос и шрам, пересекавший лицо от уха до края челюсти.

Оба тут же узнали друг друга. Прошедшее время не притупило негодования сэра Жискара де Шатильона.

— Вот как! — достиг ушей Джайлса Хобсона его кровожадный вопль. — Наконец-то я нашел тебя, негодяй...

Джайлс развернулся, сбросил сапоги и подбежал к краю крыши. Сильно оттолкнувшись, он с чудовищным шумом врезался в голубую воду. Голова его вы-

нырнула на поверхность, и он быстрыми взмахами поплыл к далеким скалам.

С корабля слышался удивленный ропот, но сэр Жискар лишь мрачно улыбнулся.

— Поддай мне лук, — приказал он оруженосцу. Он вложил в лук стрелу и подождал, когда голова Джайлса снова появится среди волн. Зазвенела тетива, стрела серебристым лучом сверкнула на солнце. Джайлс Хобсон вскинул руки и исчез. Сэр Жискар больше его не видел, но рыцари некоторое время еще наблюдали за водой.

* * *

К Шавару, визирю Египта, в его дворце в эль-Фустате, пришел евнух в ярких одеждах и униженным тоном — как и подобало обращаться к самому могущественному человеку калифата — объявил:

— Эмир Асад-эд-дин Ширкух, повелитель Эмесы и Раббы, генерал армии Нур-эд-дина, султан Дамаска, вернулся с кораблей эль-Гази с назарейским пленником и желает аудиенции.

Визирь молча кивнул в знак согласия, но его тонкие бледные пальцы, лежавшие на украшенном драгоценными камнями белом поясе, судорожно дернулись, что было явным признаком душевного волнения.

Шавар был красивым стройным арабом, с присущими его народу пронзительными темными глазами. Шелковые одежды и украшенный жемчугом тюрбан сидели на нем как влитые.

Эмир Ширкух ворвался подобно буре, шумно приветствуя его голосом, более подходящим для военного лагеря, чем для дворцовых палат. Его халат из муарового шелка искусные руки швеи вышили золотой нитью, но коренастой фигуре эмира больше подходили военные доспехи, чем мирные одежды. Это был крепко сложенный человек среднего роста, с лицом

смуглым и суровым. Возраст не пригасил беспокойного огня в его темных глазах.

С ним пришел человек — рыжеволосый, краснолицый и толстый. Шавар не смотрел на него, однако успел заметить, что их национальные объемистые шаровары, шелковый халат и туфли с загнутыми носками выглядели на нем весьма нелепо.

— Надеюсь, Аллах даровал тебе в море удачу? — вежливо осведомился визирь.

— В некотором роде, — согласился Ширкух, опускаясь на подушки. — Одному Аллаху известно, сколь долог был наш путь, и сначала мне казалось, что все мои внутренности вывернутся наизнанку — ибо корабль наш раскачивался на волнах, словно хромой верблюд на сухом песке. Но затем Аллаху было угодно, чтобы болезнь миновала.

Мы потопили несколько жалких галер с паломниками, отправив в преисподнюю немало неверных, однако добыча оказалась мизерной. Но, визирь, посмотри — ты когда-нибудь видел кяфира, похожего на этого человека?

Визирь внимательно поглядел на незнакомца, в ответ тот простодушно вылупил на него свои большие голубые глаза.

— Я встречал таких среди франков в Иерусалиме, — решил Шавар.

Ширкух что-то проворчал и начал без особых церемоний жевать виноград, бросив гроздь своему пленнику.

— Возле одного острова мы заметили галеру, — сказал он, продолжая жевать, — напали на нее и вступили в бой с ее командой. Большинство из них оказались плохими воинами, но этому человеку удалось пробиться к борту, и он прыгнул бы в воду, если бы я его не перехватил. Аллах, он оказался силен как бык! У меня до сих пор болят ребра от его объятий.

В самой середине схватки нас окружил отряд кораблей с христианскими воинами. Они направлялись —

как мы позднее узнали — в Аскалон. Просто франкские авантюристы, искавшие счастья в Палестине. Мы поспешно отступили на наши галеры. Оглянувшись, я увидел, как мой противник прыгнул за борт и поплыл к скалам. Какой-то рыцарь с назарейнского корабля выпустил в него стрелу, и он, как мне показалось, утонул.

Наши бочки с водой были почти пусты. Как только франкские корабли скрылись за горизонтом, мы вернулись к острову за пресной водой. И там мы нашли на берегу лежавшего без сознания толстого рыжеволосого человека, в котором я узнал своего недавнего противника. Стрела не попала в него, он глубоко нырнул и далеко проплыл под водой. Но он потерял много крови из раны на голове — это я задел его своей саблей — и был близок к смерти.

Поскольку он оказался хорошим бойцом, я отнес его в свою каюту и привел его в чувство, и в последующие дни он научился говорить на языке, на котором мы, последователи ислама, общаемся с проклятыми назарейнами. Он рассказал мне, что он внебрачный сын короля Англии и что враги прогнали его со двора отца и теперь преследуют по всему свету. Он поклялся, что король, его отец, готов заплатить за него немалый выкуп, так что дарю его тебе. С меня хватит удовольствия от того плаванья. Ты же получишь выкуп, когда малик Англии узнает о своем сыне. Он веселый собеседник; он может рассказать историю, выпить бутылочку и спеть песню не хуже любого из тех, кого я когда-либо знал.

Шавар снова с интересом взглянул на Джайлса Хобсона. В его румяной физиономии он не в силах был обнаружить каких-либо следов королевского происхождения, однако для араба краснолицые, веснушчатые и рыжеволосые люди Запада были все на одно лицо.

Он снова перевел взгляд на Ширкуху. Эмир значил для него куда больше, чем любой бродяга-франк, пусть даже королевского происхождения. Старый воjak, не соблюдая никаких приличий, напевал себе под нос курдскую военную песню, потягивая из бокала

ширазское вино, — шиитские правители Египта так же не придерживались строгих моральных принципов, как и их последователи-мамелюки.

Внешне казалось, что Ширкуха не интересует ничто в мире, кроме утоления жажды, но Шавар размышлял о том, какая хитрость может таиться под этим обманчивым поведением. Будь это другой человек, Шавар считал бы жизнерадостность эмира признаком низкого интеллекта. Однако курд, правая рука Нур-эд-дина, был далеко не глуп. Не ввязался ли Ширкух в эту сумасбродную гонку с корсарами эль-Гази лишь из-за того, что его неутомимая энергия не давала ему покоя, даже во время визита ко двору калифа? Или же его путешествие имело какой-то более глубокий смысл? Шавар всегда искал скрытые мотивы, даже в самых обыденных вещах. Он добился своего нынешнего положения, исключив даже самую возможность каких-либо интриг. Тем не менее этой ранней весной 1167 года от Рождества Христова суждено было произойти многим событиям.

Шавар подумал о костях Дирхама, гниющих в канаве возле часовни Ситта Нефиса, и, улыбнувшись, сказал:

— Тысяча благодарностей за твою щедрость, друг мой. В ответ на нее в твои палаты доставят яшмовый кубок, полный жемчуга. Пусть этот обмен дарами символизирует нашу вечную дружбу.

— Да наполнит Аллах золотом твои уста, о повелитель, — вставая, произнес Ширкух. — Пойду, выпью вина со своими офицерами и расскажу им сказки о моих путешествиях. Завтра я еду в Дамаск. Да пребудет с тобою Аллах!

— И с тобою, друг мой.

После того как быстрые шаги курда затихли вдали, Шавар жестом предложил Джайлсу сесть рядом с ним на подушки.

— Как насчет твоего выкупа? — спросил он на норманно-французском, который выучил, общаясь с крестоносцами.

— Король, мой отец, заполнит этот зал золотом, — быстро ответил Джайлс. — Враги сообщили ему, что я погиб. Велика будет радость старика, когда он узнает правду.

С этими словами Джайлс взял бокал с вином и начал фантазировать дальше, стараясь создать впечатление достаточно ценного экземпляра, чтобы не быть убитым. Затем... Но Джайлс жил сегодняшним днем, мало думая о том, что будет завтра.

Шавар наблюдал за ним, глядя, как содержимое бокала быстро исчезает в глотке пленника.

— Ты пьешь, словно французский барон, — заметил араб.

— Я принц всех пьяниц, — скромно ответил Джайлс, и в словах его на этот раз было больше правды, чем во всех прежних.

— Ширкух тоже любит выпить, — продолжал визирь. — Ты пил с ним?

— Немного. Он не такой пьяница, как я, но несколько фляг мы вместе с ним осушили. Вино слегка развязывает ему язык.

Шавар резко поднял голову. Это было для него новостью.

— Он говорил? О чем?

— О своих стремлениях.

— И каковы же они? — Шавар затаил дыхание.

— Стать калифом Египта, — ответил Джайлс, по привычке преувеличивая действительные слова курда. Ширкух говорил много, хотя и довольно бессвязно.

— Он что-то говорил про меня? — спросил визирь.

— Он сказал, что ты у него в руках, — ответил Джайлс, и это, как ни удивительно, было правдой.

Шавар замолчал. Где-то во дворце звякнула лютня, и чернокожая девушка затянула странную тоскливую южную песню. Слышался серебристый плеск фонтанов и хлопанье голубиных крыльев.

— Если я пошлю гонцов в Иерусалим, его шпионы расскажут ему об этом, — пробормотал Шавар. —

Если я убью его или посажу за решетку, Нур-эд-дин сочтет это поводом к войне.

Он поднял голову и уставился на Джайлса Хобсона.

— Ты называешь себя королем пьяниц. Сможешь превзойти в своем умении эмира Ширкуха?

— Во дворце короля, моего отца, — ответил Джайлс, — за одну ночь я перепил пятьдесят баронов, самый слабый из которых умел выпить в пять раз больше, чем Ширкух, — и все они валялись без чувств под столом.

— Хочешь получить свободу без выкупа?

— Конечно, клянусь святым Витольдом!

— Ты вряд ли хорошо разбираешься в восточной политике, будучи впервые в этих краях. Однако Египет — краеугольный камень империи. Его домогаются Амальрик, король Иерусалима, и Нур-эд-дин, султан Дамаска. Ибн-Руззик, а после него Дирхам, а после него я вели игру друг против друга. С помощью Ширкуха я победил Дирхама, с помощью Амальрика я прогнал Ширкуха. Это рискованная игра, ибо я никому не могу доверять.

Нур-эд-дин осторожен. Ширкух — человек, которого следует опасаться. Думаю, он явился ко мне с предложением дружбы, чтобы усыпить мою бдительность. Возможно, уже сейчас его армия движется на Египет.

Если он похвалялся перед тобой своим могуществом, это верный знак того, что он уверен в успехе своих планов. Мне необходимо сделать его беспомощным на несколько часов, однако я не посмею причинить ему вред, не зная наверняка, движутся ли уже сюда его войска. Поэтому это будет твоей задачей.

Джайлс все понял, и широкая улыбка озарила его румяное лицо, он многозначительно облизнул губы.

Шавар хлопнул в ладоши и отдал соответствующие распоряжения. Вскоре вошел Ширкух, неся перед собой опоясанное шелковым кушаком брюхо, словно индийский император.

— Наш высокочтимый гость, — промурлыкал Шавар, — рассказал мне о своей доблести за кубком вина. Можем ли мы позволить кяфиру вернуться домой и похвалиться потом перед своим народом, что он превзошел правовежного? Кто лучше сумеет усмирить его гордыню, нежели Горный Лев?

— Состязание в пьянстве? — Ширкух шумно расхохотался. — Клянусь бородой Магомета, мне это нравится! Давай, Джайлс ибн малик, наливай!

В зал вошла процессия рабов, держащих золотые сосуды с пенящимся нектаром.

За время своего плена на галере эль-Гази Джайлс привык к крепкому восточному вину. И все же кровь кипела у него в жилах, в голове шумело, а зад, казалось, качался и вращался, когда наконец Ширкух, голос которого затих на середине бессвязной песни, завалился набок на подушки, выронив золотой кубок.

Шавар тут же вскочил на ноги и хлопнул в ладоши. Вошли рабы-суданцы — обнаженные гиганты в шелковых набедренных повязках и с золотыми серьгами в ушах.

— Отнесите его в нишу и положите на диван, — приказал он. — Лорд Джайлс, ты в состоянии ехать верхом?

Джайлс поднялся, покачиваясь, словно корабль в бурном море.

— Буду держаться за гриву, — икнул он. — Но зачем мне ехать верхом?

— Чтобы передать мое сообщение Амальрику, — бросил Шавар. — Вот оно, запечатанное в шелковый пакет, в нем говорится, что Ширкух намеревается завоевать Египет, и предлагается плата в обмен на помощь. Мне Амальрик не доверяет, но он выслушает человека королевской крови, принадлежащего к его собственному народу. Ты расскажешь ему о хвастовстве Ширкуха.

— Ага, — пьяно пробормотал Джайлс, — королевской крови, мой дедушка служил конюхом на королевской конюшне.

— Что ты сказал? — переспросил Шавар, не поняв, затем продолжил, прежде чем Джайлс успел ответить: — Ширкух проваляется без чувств несколько часов. Пока он здесь, ты уже будешь на пути в Палестину. Он не поедет завтра в Дамаск, ибо ему будет плохо с переноя. Я не посмел бы заключить его под стражу или даже отравить его вино. Я ничего не могу предпринять, пока не достигну соглашения с Амальриком. Пока что Ширкух безопасен, и ты доберешься до Амальрика раньше, чем он доберется до Нур-эд-дина. Поторопись!

* * *

Со двора за стеной доносился звон упряжи и нетерпеливое топтание лошадей. Послышался неясный шепот, затем удаляющиеся шаги. Оставшись один, Ширкух неожиданно сел. Он изо всех сил потряс головой, несколько раз проведя по ней рукой, словно пытался счистить налипшую паутину. Шатаясь, он поднялся, хватаясь за портьеру. На его бородатом лице сияла ликующая улыбка. Спотыкаясь, Ширкух добрался до забранного золотой решеткой окна. Тонкие золотые стержни согнулись под его могучими руками. Он кувырком вывалился наружу, приземлившись головой вниз посреди большого розового куста. Не обращая внимания на царапины и ссадины, эмир поднялся, раскачиваясь словно корабль на волнах, и огляделся по сторонам. Он находился в большом саду; вокруг него покачивались огромные белые цветы, и ветерок шевелил листья пальм. На небе всходила луна.

Никто не остановил его, когда он перебрался через стену, когда, шатаясь, побрел по пустынным улицам, хотя притаившиеся в тени поры жадно смотрели на его богатую одежду. Окольными путями он дошел до собственного жилища и пинками разбудил рабов.

— Коней, да проклянет вас Аллах! — Голос его срывался от с трудом скрываемого торжества. Из тени появился Али, его главный конюх.

— Куда теперь, хозяин?

— В пустыню и дальше в Сирию! — прорычал Ширкух, с силой ударяя его по спине. — Шавар проглотил паживку! Аллах, как же я пьян! Весь мир кружится — но он принадлежит мне!

Этот ублюдок, Джайлс, скачет сейчас к Амальрику — я слышал, как Шавар давал ему распоряжения, когда я лежал, притворившись спящим. Мы направили визиря по ложному пути! Теперь Нур-эд-дин не станет колебаться, когда его шпионы принесут ему новость из Иерусалима о наступающей армии! Я превратил двор калифа в растревоженный улей, разрушил все его планы! Да, когда я отправился немного проветриться с корсарами на галере, Аллах ниспослал мне прямо в руки этого рыжего тупицу! Я наговорил ему с три короба, якобы спяну. Я надеялся, что он перескажет все это Шавару, что Шавар испугается и пошлет к Амальрику — и вынудит чересчур осторожного султана действовать. Теперь начнется война ради удовлетворения чьего-то тщеславия. Но поедem же, дьявол вас побери!

Несколько минут спустя эмир и его небольшая свита ехали по тенистым улицам, мимо спящих садов и шестизэтажных дворцов из розового мрамора, лазурита и золота.

Стражник, стоявший возле маленьких уединенных ворот, громко крикнул и поднял пику.

— Собака! — Ширкух поднял лошадь на дыбы и напис над стражником, словно облаченное в шелк смертоносное облако. — Я Ширкух, гость твоего хозяина!

— Но мне приказано никого не пропускать без письменного распоряжения, с подписью и печатью визиря, — возразил солдат. — Что я скажу Шавару?

— Ты ничего не скажешь, — пророчески произнес Ширкух. — Мертвые не разговаривают.

Его сабля сверкнула и опустилась, и солдат осел на землю, с разрубленными шлемом и головой.

— Открывай ворота, Али, — рассмеялся Ширкух. — Сегодня ночью правят Судьба и Предназначение!

В облаке освещенной лунным светом пыли они вырвались за ворота и помчались по равнине. На каменистом отроге Мукаттама Ширкух придержал лошадь, оглядываясь на город, который лежал в лунных лучах словно призрак мечты; здесь смешивались кирпич, камень и мрамор, роскошь и нищета, величие и убожество. На юге сверкал под луной купол Имама Эш-Шафи, на севере возвышался гигантский замок Эль-Кахира, черные стены коего отчетливо вырисовывались в белом сиянии луны. Между ними лежали остатки и руины трех столиц Египта, дворцы, на которых еще не высохла известь, стояли рядом с обвалившимися стенами, населенными лишь летучими мышами.

Ширкух рассмеялся и издал торжествующий радостный крик. Его лошадь встала на дыбы, а сабля сверкнула в воздухе.

— О, невеста в золотом одеянии! Жди моего возвращения, Египет, ибо, когда я вернусь, я вернусь вместе с воинами и всадниками, чтобы заключить тебя в свои объятия!

* * *

Аллаху было угодно, чтобы Амальрик, король Иерусалима, находился в Даруме, лично наблюдая за укреплением этой маленькой заставы в пустыне, когда в ворота въехали посланники из Египта. Амальрик был осторожным и подозрительным королем, рожденным для войн и интриг.

В зале замка египетские эмиссары приветствовали его, сгибаясь до полу. Джайлс Хобсон, выглядевший довольно смешно в пыльном шелковом халате и белом тюрбане, неуклюже протянул ему запечатанный пакет от Шавара.

Амальрик вскрыл его и прочитал, рассеянно меряя шагами зал, словно золотогривый лев, величественный и вместе с тем опасный.

— Что это за незаконнорожденный сын короля? — внезапно спросил он, уставившись на Джайлса, который ничуть не смутился.

— Всего лишь небольшая ложь, ваше величество, — признался англичанин, уверенный, что египтяне не понимают норманно-французского. — Я вовсе не незаконнорожденный, я законный младший сын шотландского барона.

Джайлсу вовсе не хотелось, чтобы его пинком отправили на кухню вместе с остальными слугами, и он предпочел придерживаться легенды о знатном происхождении, разумно полагая, что король Иерусалима не слишком знаком с благородными семействами Шотландии.

— Я встречал немало людей, у которых не было доспехов, боевого клича и богатства, но от того не менее достойных, — сказал Амальрик. — Ты не останешься без награды. Мессир Джайлс, ты знаешь, насколько важно это сообщение?

— Визирь Шавар кое-что говорил мне об этом, — признался Джайлс.

— Судьба Средиземноморья висит на волоске, — сказал Амальрик. — Если один правитель завладеет и Египтом, и Сирией, мы окажемся зажатыми в тисках. Пусть лучше Шавар правит Египтом, чем Нур-эд-дин. Мы отправляемся в Каир. Пойдешь с нами?

— По правде говоря, милорд, — начал Джайлс, — я крайне устал...

— Верно, — прервал его Амальрик. — Лучше будет, если ты поедешь в Акру и отдохнешь от своих страптивий. Я дам тебе письмо к лорду. Сэр Жискар де Шатильон даст тебе все, о чем ты попросишь...

Джайлс вздрогнул.

— Нет, милорд, — поспешно сказал он. — Что значат уставшие ноги и пустое брюхо по сравнению с долгом? Разрешите мне поехать с тобой и исполнить свой долг в Египте!

— Мне нравится твой настрой, мессир Джайлс, — сказал Амальрик, одобрительно улыбаясь. — Если бы

все чужеземцы, ищущие приключений, были подобны тебе...

— Если бы это было так, — тихо шепнул один из египтян своему товарищу, — всех винных бочек Палестины не хватило б. Мы еще расскажем визирю про этого агуна.

Но, так или иначе, на рассвете этого весеннего дня закованные в железо воины двинулись на юг, над их шлемами развевалось большое знамя, и наконецники их копий холодно сверкали в сумеречном свете.

Их было немного: сила королевских крестоносцев заключалась в качестве, а не в количестве. В Египет отправлялись триста семьдесят пять рыцарей: знатные господа из Иерусалима, бароны, чьи замки обороняли восточные границы, рыцари святого Иоанна в белых накидках, мрачные тамплиеры, искатели приключений из-за моря, с красными от северного холодного солнца лицами.

Вместе с ними ехала группа туркопольцев — турок-христиан, крепких мужчин на выносливых лошадках. Следом за всадниками громыхали повозки — в них и рядом с ними ехали слуги, оборванцы и проститутки, сопровождавшие любое войско.

Дюны Джифара вновь огласились топотом копыт и лязгом доспехов. Железные воины вновь ехали по старой военной дороге — дороге, по которой столь часто ездили их отцы.

Однако, когда наконец русло Нила нарушило однообразие равнины, извиваясь подобно змее с оперением из зеленых пальм, они услышали громкий звон цимбал и накиров и увидели перья цапель на шлемах воинов среди ярко раскрашенных в цвета ислама шатров. Ширкух достиг Нила раньше них, вместе с семью тысячами всадников. Подвижность всегда была преимуществом мусульман. Чтобы собрать громоздкое войско франков, требовалось время.

Скача словно одержимый, Горный Лев добрался до Нур-эд-дина, рассказал ему обо всем, а затем, не задер-

живаясь, вновь поскакал на юг, вместе с войсками, которые держал в состоянии полной готовности со времени первой египетской кампании. Одной мысли о том, что Амальрик в Египте, было достаточно, чтобы заставить Нур-эд-дина действовать. Если бы крестоносцы стали хозяевами Нила, это означало бы в итоге конец ислама.

Ширкух был неустойчивым, как и подобало кочевнику. Он гнал своих людей через пустыню Вади эль-Гизлан, пока даже выносливые сельджуки не начали шататься в седлах. Он кинулся прямо в пасть ревущей песчаной бури, сражаясь словно безумец за каждую милю, за каждое мгновение. Он пересек Нил возле Атфи, и теперь его всадники понемногу приходили в себя, пока эмир наблюдал за восточным горизонтом, где двигался лес копий — войско Амальрика.

Король Иерусалима не осмелился пересечь Нил, попав прямо в зубы врага — так же, как и Ширкух. Не разбивая лагеря, франки продолжали двигаться на север вдоль берега реки. Рыцари ехали не спеша, выматривая место, где можно было бы перейти медленный поток.

Мусульмане свернули лагерь и двинулись дальше, в том же темпе, что и франки. Феллахи, выглядывавшие из своих глинобитных хижин, удивленно смотрели, как два войска, разделенные рекой, движутся в одном и том же направлении, не проявляя враждебности друг к другу.

Так они в конце концов подошли к башням Эль-Кахиры.

Франки разбили лагерь вблизи побережья Биркет эль-Хабаш, возле садов эль-Фустата, где среди океана пальм и цветов возвышались шестизэтажные дома с плоскими крышами. Ширкух остановился на другом берегу, в Гизе, в тени насмешливого колосса, воздвигнутого таинственными владыками, забытыми еще до рождения его предков.

События зашли в тупик. Ширкух, несмотря на порывистый характер, обладал терпением курда, столь

же нерушимым, сколь и его родные горы. Его вполне устраивало ожидание на берегу широкой реки, отделявшей его от ужасных мечей европейцев.

Шавар встретил Амальрика во всем великолепии, под шумную музыку накиров, и обнаружил, что старый лев все так же осторожен и неукротим. Двести тысяч динаров и договор, скрепленный рукой калифа, — такова была цена, которую он запросил за Египет. И Шавар знал, что заплатить придется. Египет продолжал спать, как он спал уже тысячу лет, не ощущая тяжести гнета македонцев, римлян, арабов, турок или фатимидов. Феллахи, тяжело трудившиеся на полях, вряд ли знали, кому они платят налоги. Страны под названием Египет не существовало, это был миф, прикрытие для деспота. Египет и Шавар были единым целым, цена Египта равнялась цене головы Шавара.

Франкские посланники отправились во дворец калифа.

Личность Воплощения Божественного Разума всегда была окутана покровом тайны. Духовный вождь шиитской веры был непостижим и загадочен, и благоговейный страх перед его именем лишь возрастал по мере того, как его политическую власть узурпировали плетущие интриги визири. Ни один франк никогда не видел калифа Египта.

Для этой миссии выбрали Хуго из Кесареи и Жоффрея Фульше, мастера тамплиеров, — двух неотесанных вояк, столь же утрюмых, как и их собственные мечи. Их сопровождала группа всадников в доспехах.

Они проехали через цветущие сады эль-Фустата, мимо минарета Ситта Нефиса, где когда-то погиб от рук толпы Дирхам, по извилистым улицам, пересекавшим руины эль-Аскара и эль-Катаи, мимо мечети ибн-Тулуна и Слонового озера, по оживленным улицам Эль-Мансурии — квартала суданцев, где из домов доносились звуки странной туземной музыки и надменные чернокожие, разодетые в шелк и золото, словно дети, разглядывали утрюмых всадников.

У ворот Зувейлы всадники остановились. Мастер тамплиеров и лорд Кесарейский поехали дальше в сопровождении лишь одного человека — Джайлса Хобсона. Толстый англичанин был одет в кожаные доспехи и кольчугу, а у бедра его висел меч, хотя огромное брюхо несколько портило его воинственный вид. Мало кто думал сейчас о незаконных королевских отпрысках или младших сыновьях баронов, однако Джайлс завоевал доверие Хуго Кесарейского, которому понравились его рассказы и непристойные песни.

У ворот Зувейлы их встретил Шавар. Он повел их через базары и турецкий квартал, где люди с ястребиными лицами глядели на них и молча плевались. Впервые франки в полном вооружении ехали по улицам Эль-Кахиры. У ворот Большого Восточного дворца посланники отдали свое оружие и последовали за визирем по сумрачным, увешанным коврами коридорам, где словно фигуры из черного дерева стояли немые суданцы с мечами в руках.

Посланники пересекли открытый двор, окруженный резными аркадами на мраморных колоннах, звеня по мозаичному покрытию обутыми в железо ногами. Фонтаны выбрасывали в воздух серебристые струи, разворачивали свое радужное оперение павлины, порхали на золотых нитях попугаи. В просторных залах сверкали драгоценные камни в глазах золотых и серебряных птиц. Наконец они вошли в большое помещение для приемов, с потолком из черного дерева и слоновой кости. Одетые в шелк и драгоценности придворные стояли на коленях лицом к широкому занавесу, расшитому золотом и жемчугом, сверкавшим на фоне темного бархата словно звезды на полумночном небе.

Шавар трижды распростерся на покрытом коврами полу. Занавес отодвинулся, и удивленные франки уставились на золотой трон, на котором, в одеждах из белого шелка, сидел аль-Адид, калиф Египта.

Они увидели стройного юношу, с темной, почти как у негра, кожей, с безвольно лежавшими на под-

локотниках трона руками и затянутыми сонной пеленой глазами. Казалось, он был объят смертельной скукой, и слушал слова своего визиря, представлявшего гостей, как наизусть знакомый и часто повторявшийся рассказ.

Однако в глазах его мелькнуло нечто похожее на мысль, когда Шавар крайне мягко сообщил ему о желании франков, чтобы договор был скреплен его рукой. Аль-Адид поколебался, затем протянул руку в перчатке. Все затаили дыхание. Однако калиф улыбнулся, словно воспринимал происходящее как некую причуду варваров, и, сняв перчатку с руки, вложил свои тонкие пальцы в медвежью лапу крестonosца.

Джайлс Хобсон наблюдал за происходящим, благоразумно держась несколько позади. Взгляды всех были сосредоточены на группе возле золотого трона. Ушей Джайлса достиг тихий шепот, звучавший возле его плеча. Голос был женским, и англичанин быстро обернулся, забыв о визирях, королях и калифах. Тяжелый ковер слегка отодвинулся в сторону, из темноты его поманила тонкая белая рука. Он ощутил соблазнительный аромат духов, который невозможно было ни с чем спутать.

Джайлс тихо повернулся и отодвинул ковер, напряженно вглядываясь в полумрак. За портьерой находилась ниша, из нее уходил вдаль извилистый коридор. Перед англичанином вырисовывались неясные очертания гибкой фигуры. Пара глаз смотрела прямо на него, от дьявольского запаха духов кружилась голова.

Он отпустил занавес. Из тронного зала доносились приглушенные голоса.

Женщина ничего не говорила. Ее маленькие ступни бесшумно ступали по покрытому толстым ковром полу. Она звала его за собой, продолжая отступать все дальше. Лишь когда, окончательно сбитый с толку, он разразился градом ругательств, она предостерегающе приложила палец к губам.

— Чтоб тебя черти взяли, девчонка! — выругался он, останавливаясь. — Дальше я не пойду. Что еще за игрушки? Зачем ты меня манишь, а потом убегаешь? Я возвращаюсь в зал, и пусть собаки откусят тебе...

— Подожди! — прозвучал ее мелодичный голос. Она скользнула к нему, положив руки ему на плечи. Слабый луч, падавший из извилистого коридора позади нее, высвечивал стройные очертания ее фигуры под полупрозрачной одеждой. Ее кожа светилась, словно матовая слоновая кость в пурпурном сиянии.

— Я могла бы полюбить тебя, — шепнула она.

— Что же тебя удерживает? — неловко спросил Джайлс.

— Не здесь, идем со мной, — Она выскользнула из его рук и поплыла впереди, словно гибкий парящий призрак среди бархатных портьер.

Он последовал за ней, горя от нетерпения и не задумываясь о возможных последствиях, пока она не ступила в восьмиугольную комнату, столь же тускло освещенную, как и коридор. Когда он шагнул следом за ней, на проход позади него упал занавес. Он не обратил на это внимания. Его не интересовало, где он находится. Сейчас его волновала лишь стройная фигура, бесстыдно позировавшая перед ним, ничем не прикрытая. Она подняла обнаженные руки и сплела гибкие пальцы на затылке, длинные волосы словно черная блестящая пена падали на узкие плечи.

Он стоял, ошеломленный ее красотой. Она не была похожа ни на одну женщину из тех, что он встречал прежде. Дело было не только в ее темных глазах, черных волосах, длинных, подкрашенных углем ресницах или стройных ногах цвета слоновой кости, каждое ее движение, каждый взгляд, каждая поза возбуждали страстное желание. Это была женщина, владевшая искусством доставлять удовольствие, мечта, сводящая с ума каждого любовника. Английские, французские и венецианские женщины, которых приходилось знать Джайлсу, казались медлительными, флегматичными и

холодными по сравнению с этим трепещущим воплощением чувственности. Одна из фавориток калифа! Осознав это, он ощутил, как кровь забилась у него в жилах. Из его груди вырывалось тяжелое дыхание.

— Разве я не прекрасна? — Ее дыхание, смешанное с ароматом духов, коснулось его щеки. Мягкие пряди ее волос упали ему на лицо. Он попытался обнять ее, но она неожиданно легко увернулась. — Что ты можешь сделать для меня?

— Все что угодно! — пылко поклялся он, намного искреннее, чем клялся обычно другим.

Его рука сжала ее запястье, и он привлек ее к себе; другая рука обняла ее за пояс, и ощущение ее податливой плоти действовало на него опьяняюще. Он потянулся губами к ее губам, но она ловко отстранилась, сопротивляясь с неожиданной силой. Казалось, гибкая танцовщица обладала силой пантеры. Однако, даже сопротивляясь, она не отвергала его.

— Нет, — рассмеялась она, и смех ее показался ему журчанием серебристых струй фонтана. — Сначала плата!

— Назови же ее, ради любви дьявола! — выдохнул он. — Я ведь не святой! Я не в силах перед тобой устоять!

Он отпустил ее запястье, нащупывая завязки у нее на плечах.

Внезапно она прекратила сопротивление. Закинув обе руки за его толстую шею, она посмотрела ему в глаза. Глубина ее глаз, темных и загадочных, казалось, поглотила его, он содрогнулся, охваченный волной чувства, которое было сродни страху.

— Ты занимаешь высокий пост в совете франков! — выдохнула она. — Мы знаем, что ты открылся перед Шаваром, признавшись, что ты сын английского короля. Ты пришел вместе с посланниками Амальрика. Тебе известны его планы. Скажи мне то, что я хотела бы знать, и я твоя! Что намерен предпринять Амальрик?

— Он собирается построить мост из лодок и перейти Нил, чтобы ночью напасть на Ширкуха, — не колеблясь, ответил Джайлс.

Она тут же рассмеялась, издевательски и с неопикуемой злобой, потом ударила его по лицу, вырвалась из его объятий, отскочила назад и пронзительно закричала. В следующее мгновение из-за ковров на стенах выскочили обнаженные чернокожие гиганты.

Джайлс не стал терять времени, пытаясь нашить меч на пустом поясе. Когда огромные длинные руки попытались схватить его, тяжелый кулак англичанина обрушился на чернокожего и тот упал со сломанной челюстью. Перепрыгнув через тело, Джайлс с неожиданным проворством метнулся через комнату. Однако, к своему ужасу, он увидел, что все стены завешены коврами. Он начал отчаянно шарить среди портьер. Затем мускулистая рука обхватила его сзади за горло и потащила назад.

Тут же в него вцепились другие руки. Отчаянно отбиваясь ногами, он попал одному из негров в живот, и тот рухнул на пол. Чей-то палец ткнул его в глаз, и Джайлс вонзил в него зубы, отчего укушенный дико завопил. Однако несколько пар рук сразу подняли англичанина, избивая и пиная ногами. Он услышал скрежещущий звук, и тут его швырнули куда-то вниз, в черную дыру, видимо открывшуюся в полу. С душевраздирающим воплем он полетел вниз головой в глубокий колодезь, внизу которого слышался шум воды.

Джайлс с чудовищным плеском ударился о воду и почувствовал, как его неустойчиво тащит вперед. Колодезь внизу был достаточно широким. Он упал возле одного из его краев, а его тащило к другому, где было достаточно светло, чтобы увидеть другую зияющую черную дыру. Страшная сила швырнула его к краю этой пропасти. Отчаянно цепляясь пальцами, он все же ухватился за скользкий камень и удержался. Взглянув наверх, он увидел высоко над собой, в тусклом свете, несколько голов, склонившихся над колодезем. Затем

свет внезапно померк, крышка закрылась, и Джайлса окутала кромешная тьма, среди которой слышался лишь шум неумолимо увлекавшей его воды.

Джайлс понял, что в этот колодец сбрасывали врагов калифа. Он подумал о том, сколько тщеславных генералов, визирей-заговорщиков, мятежной знати и назойливых фавориток из гарема нашли свой конец в этой черной дыре, чтобы вновь появиться при свете дня лишь в виде падали на волнах Нила. Было ясно, что колодец уходил в подземный поток, который впадал в реку, возможно в нескольких милях отсюда.

В промозглой тьме цепляясь за край дыры, Джайлс Хобсон был настолько объят страхом, что ему даже не пришло в голову призвать на помощь всевозможных святых, которых он обычно поносил. Он просто висел на краю отверстия неправильной формы, держась за что-то скользкое, трясаясь от ужаса перед тем, что вот сейчас его может швырнуть в бездну черного, склизкого туннеля, и чувствуя, как немеют от напряжения руки и пальцы, медленно, но верно соскальзывая с опоры.

Из последних сил он издал дикий, отчаянный вопль, и — о чудо! — ему ответили. Колодец наполнился светом, тусклым и серым, но после абсолютной темноты Джайлсу показалось, что его ослепила яркая вспышка. Кто-то кричал — слова невозможно было разобрать сквозь шум льющейся воды. Он попытался крикнуть в ответ, но из горла вырывался лишь хрип. Затем, обезумев от внезапной мысли, что люк снова может закрыться, он издал нечеловеческий визг, который едва не разорвал ему глотку.

Страхнув воду с глаз и откинув назад голову, он увидел высоко наверху, в открытом люке, голову и плечи. В следующий миг оттуда сбросили веревку. Она раскачивалась у него перед глазами, но он боялся отпустить руку и сорваться. В отчаянии он вцепился в веревку зубами, а потом и руками, едва не свалившись в черную дыру. Онемевшие пальцы соскальзывали, от

ужаса и беспомощности по лицу катились слезы. Однако челюсти Джайлса намертво сжимали спасительную веревку, и мускулы его шеи едва выдерживали дикое напряжение.

Те, кто находился наверху, начали изо всех сил тянуть его наверх. Джайлс почувствовал, как тело вырывается из объятий потока. Когда его ноги повисли над водой, он увидел в полумраке то, за что цеплялся: человеческий череп, каким-то образом застрявший в щели среди скользких камней.

Он быстро поднимался наверх, раскачиваясь, словно маятник. Онемевшие руки крепко сжимали веревку, зубы, казалось, сейчас треснут и вылетят. Мускулы челюсти превратились в камень, и Джайлс перестал ощущать собственную шею.

Уже на пределе человеческих возможностей он увидел, как мимо него скользит крышка люка, и рухнул на пол возле ее края.

Он лежал, не в силах разжать зубы, стискивавшие веревку. Кто-то массировал его онемевшее лицо ловкими пальцами, и в конце концов челюсти расслабились, измученные десны начали кровоточить. К его губам поднесли кубок с вином. Он шумно глотнул, проливая вино на измазанную слизью кольчугу. Кубок попытались вырвать из его пальцев, видимо опасаясь, что он может подавиться, но он вцепился в него обеими руками и пил, пока на дне не осталось и капли. Лишь тогда он отпустил кубок и увидел над собой лицо Шавара. Позади визиря стояли несколько великанов-суданцев, ничем не отличавшихся от тех, что сбросили его в колодец.

— Мы хватились тебя в тронном зале, — сказал Шавар. — Сэр Хуго обвинил было тебя в предательстве, но один из евнухов сказал, что видел, как ты пошел по коридору за девушкой-рабыней. Тогда сэр Хуго рассмеялся и решил, что ты взялся за свои старые штучки, а потом уехал вместе с сэром Жоффреем. Однако я знал, какому риску ты себя подвергаешь, забавляясь

с женщиной во дворце калифа, поэтому я начал тебя искать, и раб сказал мне, что слышал дикий крик, доносившийся из этой комнаты. Я вошел туда в тот самый момент, когда какой-то чернокожий поправлял ковер над люком. Он бросился бежать, но умер, не успев сказать ни слова. — Визирь показал на распростертое на полу тело: шея была наполовину разрублена, и голова лежала у самого плеча, лицом вверх. — Как это могло случиться?

— Меня заманила сюда женщина, — ответил Джайлс, — и напустила на меня черномазых, угрожая сбросить в колодец, если я не расскажу о планах Амальрика.

— И что ты сказал ей? — Визирь посмотрел на Джайлса столь пристально, что тот содрогнулся и отодвинулся подальше от все еще открытого люка.

— Я ничего им не сказал! Кто я такой, в конце концов, чтобы знать планы короля? Потом они швырнули меня в эту проклятую дыру, хотя я сражался как лев и покалечил пару негодяев. Будь при мне мой верный меч...

По кивку Шавара люк закрыли и снова положили над ним ковер. Джайлс облегченно вздохнул. Рабы унесли тело.

Визирь коснулся руки Джайлса и пошел впереди него по скрытому портьерами коридору.

— Я пошлю с тобой эскорт в лагерь франков. В этом дворце есть шпионы Ширкуха и другие, которые не любят его, но ненавидят меня. Опиши мне эту женщину — евнух видел лишь ее руку.

Джайлс мысленно поискал подходящие эпитеты, затем покачал головой:

— У нее были черные волосы, глаза как лунный свет, тело как алебастр.

— Под это описание подходят тысячи женщин калифа, — сказал визирь. — Впрочем, неважно, отправляйся, поскольку ночь близится к концу, и одному Алаху известно, что принесет с собой утро.

Ночь и в самом деле близилась к концу, когда Джайлс Хобсон въехал в лагерь франков в окружении турецких мамелюков с обнаженными саблями. Однако в шатре Амальрика (осторожный монарх предпочитал свой шатер дворцу, предложенному ему Шаваром) горел свет, туда и направился Джайлс, уверенный в том, что его рассказ поможет ему завоевать расположение короля.

Амальрик и его бароны склонились над картой, слишком занятые разговором, чтобы заметить Джайлса и его заляпанную слизью, всю в пятнах одежду.

— Шавар даст нам людей и лодки, — говорил король. — Мы составим из лодок мост и ночью попытаемся...

Сдавленный всхлип сорвался с губ Джайлса, словно его ударили в живот.

— А, сэр Джайлс Толстяк! — воскликнул Амальрик, поднимая голову. — Ты только сейчас вернулся после своих приключений в Каире? Тебе повезло, что твоя голова до сих пор на плечах. Э... что с тобой? Ты весь в поту и побледнел. Куда ты?

— Я принял рвотное, — пробормотал через плечо Джайлс.

Оказавшись на улице, он, спотыкаясь, кинулся бежать. Привязанная лошадь вздрогнула и фыркнула. Он схватился за поводья, взялся за луку седла, затем, уже поставив одну ногу в стремя, остановился. Какое-то время он размышлял, затем, утерев капли холодного пота с лица, медленно, волоча ноги, вернулся к королевскому шатру.

Бесцеремонно войдя внутрь, он сразу же заговорил:

— Милорд, ты намереваешься перебросить мост из лодок через Нил?

— Да, именно так, — ответил Амальрик.

Джайлс издал громкий стон и опустился на скамью, уронив голову на руки.

— Я слишком молод, чтобы умирать! — горестно простонал он. — Однако придется все рассказать, хотя наградой мне будет меч в брюхо. Этой ночью шпионы Ширкуха поймали меня и заставили говорить. Я сказал им первую ложь, которая пришла мне в голову, — и, да сохранит меня святой Витольд, сам того не зная, я сказал правду. Я сказал... что ты намереваешься построить мост из лодок!

Настунила тишина. Жоффрей Фульше в ярости швырнул на пол свой кубок.

— Смерть жирному ублюдку! — прорычал он, поднимаясь.

— Нет! — внезапно улыбнулся Амальрик, поглаживая золотистую бороду. — Теперь враг будет ожидать от нас моста. Вот и хорошо. Слушайте!

По мере того как он говорил, на лицах баронов стали появляться мрачные улыбки, а Джайлс Хобсон ухмыльнулся и выпятил живот, словно его промах оказался искусно замаскированным ловким тактическим ходом.

Всю ночь сарацинское войско было начеку. На противоположном берегу горели костры, отражаясь от округлых стен и блестящих крыш эль-Фустата. Звук труб смешивался с лязгом стали. Эмир Ширкух, разъезжая вдоль берега, у которого выстроились его закованные в броню ястребы, поглядывал на восточный небосклон, где начинала заниматься заря. Со стороны пустыни дул ветер.

Накануне на реке разыгралось сражение, и полную ночь били барабаны и угрожающе гудели трубы. Весь день египтяне и обнаженные суданцы тяжело трудились, наводя через темный поток переправу из соединенных друг с другом лодок, от края до края. Трижды они пытались пробиться к западному берегу, под прикрытием лучников с барж, отступая перед тучами турецких стрел. Один раз конец моста из лодок почти коснулся берега, и всадники в шлемах направили своих коней в воду, нанося удары по бритым головам тех,

кто трудился в воде. Ширкух ожидал атаки рыцарей с другой стороны узкого промежутка, но ее не последовало. Люди в лодках снова отступили, оставив своих мертвых, плававших в мутной вспененной воде.

Ширкух решил, что франки прячутся за стенами, экономя силы к тому моменту, когда их союзники закончат мост. Противоположный берег был усеян обнаженными фигурами, и курд ожидал их очередной безнадежной попытки перейти реку.

Когда рассветные лучи осветили пустыню, Ширкух увидел вдруг мчавшегося как ветер всадника, с мечом в руке и в размотанном тюрбане, с бороды его стекала кровь.

— Горе исламу! — крикнул он. — Франки пересекли реку!

Паника охватила лагерь мусульман, воины поспешно покидали берег, бросая дикие взгляды на север. Лишь бычий рев Ширкуха удержал их от того, чтобы бросить свои мечи и кинуться прочь.

Эмир яростно выругался. Его перехитрили, обвели вокруг пальца. В то время как египтяне отвлекали его внимание своими бесполезными усилиями, Амальрик с рыцарями переместился на север, пересек дельту реки на кораблях и теперь быстро двигался на юг, полный желания отомстить. У шпионов эмира не было ни времени, ни возможности до него добраться. Шавар об этом позаботился.

Горный Лев не посмел ждать атаки на открытом месте. Еще до того, как солнце достигло зенита, турецкое войско двинулось в путь. За ними солнечные лучи сверкали на наконечниках копий, блестевших в поднимавшемся облаке пыли.

Пыль раздражала Джайлса Хобсона, ехавшего позади Амальрика и его советников. Толстого англичанина мучила жажда, пыль покрывала серым слоем его доспехи, его кусали мухи, пот заливал глаза, и поднимавшееся солнце безжалостно раскаляло его шлем, так что он повесил его на луку седла и откинул назад

капюшон, рискуя получить солнечный удар. По обе стороны от него скрипела кожа и лязгали доспехи. Джайлс представил себе кружку английского эля и проклял того, чья ненависть заставила его отправиться в путешествие вокруг света.

Они преследовали Горного Льва вдоль долины Нила, пока не достигли эль-Бабена, Врат, и обнаружили готовое к бою сарацинское войско среди низких песчаных холмов.

Бесть об этом разнеслась среди воинов, новый пыл охватил рыцарей. Скрип кожи и лязг стали, казалось, наполнились новым значением. Джайлс надел шлем и, приподнявшись на стременах, взглянул поверх покрытых железом плеч ехавших впереди всадников.

Слева простирались орошаемые поля, по краю которых двигалось войско. Справа была пустыня. Впереди возвышались холмы. На этих холмах и между ними развевались знамена турок, слышался звук их накиров. Основная часть их войска расположилась на равнине между франками и холмами.

Христиане остановились — триста семьдесят пять рыцарей и еще полдюжины, что проехали весь путь от Акры и добрались до войска лишь час назад, вместе со своими слугами. Позади них, двигаясь вместе с обозом, выстроились беспорядочными рядами их союзники: тысяча туркопольцев и около пяти тысяч египтян, яркие одежды которых затмевали их отвагу.

— Выступим вперед и уничтожим этих, на равнине, — предложил один из чужеземных рыцарей, новичок на Востоке.

Амальрик окинул взглядом войско и покачал головой. Он взглянул на знамена — они развевались среди копий на склонах холмов с каждого фланга, там, где слышался бой барабанов.

— В центре знамя Саладдина, — сказал он. — Войско Ширкуха — вон на том холме. Если бы центр намеревался оказать сопротивление, эмир был бы там. Нет, мессирь, думаю, они хотят заманить нас в ловуш-

ку. Будем ждать их атаки, под прикрытием луков туркопольцев. Пусть нападают первыми: они находятся на чужой территории и вынуждены торопить события.

В строю не слышали его слов. Он поднял руку, и, решив, что это означает сигнал к атаке, лес копий зашевелился и опустился. Амальрик, поняв свою ошибку, поднялся на стременах, чтобы выкрикнуть приказ отступить, но, прежде чем он успел что-либо сказать, норовистый конь Джайлса толкнул коня рыцаря, который ехал рядом. Рыцарь — один из тех, кто присоединился к войску менее часа назад, — раздраженно повернулся. Джайлс увидел перед собой худое длинноносое лицо, пересеченное синевато-багровым шрамом.

— Ха! — Рыцарь инстинктивно схватился за меч. Действия Джайлса тоже были инстинктивными. Все мысли улетучились у него из головы при виде этой жуткой физиономии, преследовавшей его в кошмарах более года. Завопив, он вонзил шпоры в брюхо лошади. Животное пронзительно заржало и прыгнуло, налетев на боевого коня Амальрика. Тот встал на дыбы и, закусив удила, помчался по равнине.

Ошеломленные крестоносцы, которым показалось, что их король в одиночку атакует сарацинское войско, с криками последовали за ним. Равнина сотрясалась от топота множества копыт, и копья закованных в железо всадников с треском ударились о щиты их врагов.

Нападение было столь стремительным, что почти смело захваченных врасплох мусульман. Они не ожидали, что атака последует столь быстро после появления христиан. Однако союзники рыцарей стояли в замешательстве. Не было никаких приказов, никаких распоряжений перед боем. Преждевременная атака дезорганизовала войско. Туркопольцы и египтяне в неуверенности не двигались с места, выстроившись возле обоза.

Первые ряды сарацинского центра полностью полегли, и рыцари Иерусалима скакали прямо по их

изуродованным телам, размахивая огромными мечами. На какое-то мгновение ряды турок застыли, затем начали отступать под руководством своего командира, стройного и смуглого, хорошо владеющего собой молодого офицера, Салаццина, племянник Ширкуха.

Христиане последовали за ними. Амальрик, проклиная свою неудачу, делал все возможное, чтобы с честью выйти из затруднительного положения. Его усилия увенчались успехом: наконец турки призвали на помощь Аллаха и повернули своих коней прочь.

* * *

Сарацины вновь отступили к холмам. Воздух потемнел от их стрел. Передовые сил наступающих рыцарей сильно пострадали, но закованные в латы воины продолжали утрюмо наступать, подставляя под град стрел головы в шлемах. Затем со стороны флангов вновь послышался грохот барабанов. Всадники правого крыла, во главе с Ширкухом, пронеслись по склону и ударили по толпе возле обоза, сметая не готовых к бою египтян. Левое крыло начало окружать рыцарей с фланга, гоня впереди них войска туркопольцев. Амальрик, услышав барабанный бой позади и по обеим сторонам от себя, отдал приказ отступать, прежде чем их окончательно не окружили.

Джайлсу Хобсону все это казалось концом света. Его оглушили лязг мечей и крики, его окружал океан беснующейся стали и вздымающихся облаков пыли. Он вслепую парировал и наносил удары, вряд ли осознавая, разрубает его клинок чью-то плоть или воздух. Где-то впереди двигались всадники, что-то торжествующе крича. Сквозь грохот сражения пробивался боевой клич Саладдина: «Яла-л-ислам!», позднее прогремевший по всему миру. Сарацинский центр снова вступал в бой.

Внезапно давление ослабло, и равнина заполнилась бегущими людьми. Дикий вой прорезал лязг и

грохот. Стрелы туркопольцев удерживали левое крыло сарацин лишь столько времени, сколько требовалось рыцарям, чтобы выскользнуть из сжимающихся тисков. Однако Амальрик, который отходил слишком медленно, оказался отрезанным вместе с горсткой рыцарей. Турки кружили вокруг него, торжествуя визжа и размахивая саблями. В замешательстве ряды закованных в железо воинов отступили, ничего не зная о судьбе своего короля.

* * *

Джайлс Хобсон, ошеломленный, ехал по полю и столкнулся лицом к лицу с Жискарром де Шатильоном.

— Собака! — прорычал рыцарь. — Мы обречены, но ты отправишься в ад раньше меня!

Его меч взмыл в воздух, но Джайлс уклонился в седле и схватил его за руку. Глаза толстяка были налиты кровью. Меч его был окровавлен, шлем смят.

— Твоя ненависть и моя трусость стоили сегодня победы Амальрику, — облизнув покрытые пылью губы, прохрипел Джайлс. — Теперь он сражается за свою жизнь, искупим же грехи, насколько это возможно.

Ярость угасла в глазах де Шатильона. Он развернулся кругом, взглянул на увенчанные перьями головы, кружившиеся вокруг горстки железных шлемов, и кивнул своему недавнему врагу.

Они вместе вступили в схватку. Их мечи свистели в воздухе, врезаясь в доспехи и кость.

Амальрик лежал на земле, придавленный подымающей лошадьё. Вокруг него бушевало сражение, в котором его рыцари умирали под сокрушительными ударами турецких клинков.

Джайлс скорее свалился, чем соскочил с седла, схватил короля и оттацил его в сторону. Мускулы толстого англичанина сводило от напряжения, с губ его срывался стон. Воин-сельджук, наклонившись с лошади, попытался нанести удар по непокрытой голове

Амальрика. Джайлс рванулся вперед, принимая удар на собственную макушку, его колени подогнулись, из глаз брызнули искры. Жискар де Шатильон поднялся на стременах, держа меч в обеих руках. Клинок рассек кольчугу, заскрежетав о кость. Сельджук упал с разрубленным позвоночником.

Джайлс напрягся, поднял короля и перекинул его через свое седло.

— Спасайте короля! — Он не узнал в этом крике своего собственного голоса.

Жоффрей Фульше пробился к ним, нанося смертельные удары врагам. Он схватил поводья коня Джайлса, поддужины шатающихся, окровавленных рыцарей сомкнулись вокруг обезумевшей лошади и ее бесчувственной ноши. В отчаянии они расчищали себе дорогу мечами. Сельджуки кружили позади них, падая под сокрушительными ударами клинка Жискара де Шатильона. Вот на него налетела волна диких всадников и мелькающих в воздухе лезвий. Люди падали с седел, хлынула кровь.

Джайлс поднялся с залитой кровью земли. Вокруг отчаянно били копыта, сверкали клинки. Он побежал среди лошадей, нанося удары в их брюха, бока и ноги. Удар меча сбил шлем с его головы. Клинок Джайлса сломался о ребра сельджука.

Лошадь Жискара жутко заржала и осела на землю. Ее мрачный наездник поднялся, кровь вытекала из всех щелей его доспехов. Широко расставив ноги на пропитанной кровью земле, он продолжал работать своим громадным мечом, пока стальная волна не прокатилась над ним и его не скрыли из виду раскачивающиеся перья и встающие на дыбы кони.

Джайлс подбежал к украшенному пером цапли предводителю и схватил его за ногу. Удары осыпали его голову, погружая в огненную тьму, но он с тупым и мрачным упорством продолжал цепляться за ногу турка. Стащив противника с седла, он упал рядом с ним, сжимая его за горло. Потом удары копыт отбро-

сили его в пыль. Он с трудом поднялся на ноги, отирая с лица кровь и пот. Бокруг него грудой лежали мертвые люди и мертвые лошади.

Он был почти оглушен, но все же различил в гудящей тишине знакомый голос. Подняв голову, он увидел Ширкуха, восседавшего на своем белом коне и смотревшего прямо на него. На бородатом лице Горного Льва сияла улыбка.

— Ты спас Амальрика, — сказал он, показывая на группу всадников в отдалении. Они догоняли отступающее войско, сарацины их не преследовали.

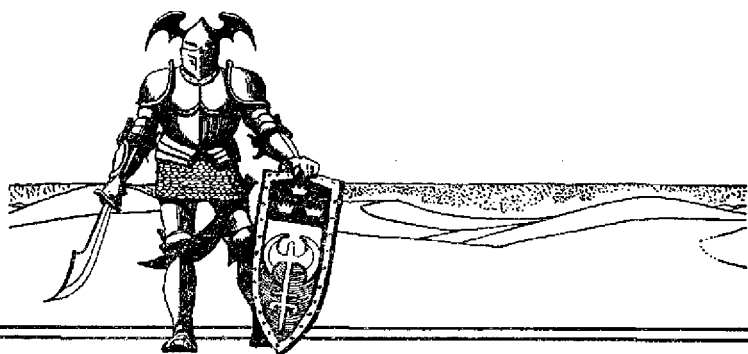
Рыцари отступали организованно — они потерпели поражение, но не были разбиты. Турки позволили им уйти невредимыми.

— Ты герой, Джайлс ибн малик, — добавил Ширкух.

Джайлс опустился на труп лошади и уронил голову на руки. Он был настолько потрясен, что едва не рыдал.

— Я не герой и не сын короля, — ответил он Ширкуху. — Убей меня, и покончим с этим.

— Кто собирается тебя убивать? — спросил Горный Лев. — Я только что завоевал в этом сражении империю и с радостью выпью кубок вина в знак этого события. Убить тебя! Ради Аллаха, я и волоса не трону на голове столь отважного бойца и замечательного пьяницы. Ты должен прийти и выпить со мной в честь завоеванного королевства, когда я торжественно въеду в Эль-Кахиру.

ДОРОГА БОЗМУНДА

Из-за густых курчавых облаков показалась луна, осветив тени деревьев серебряным сиянием, и человек метнулся в густые заросли, словно преследуемый охотниками зверь, что в страхе прячется от предательского света. Когда его ушей достиг звук подкованных копыт, он еще глубже забился в укрытие, стараясь не дышать. В тишине слышался сонный крик ночной птицы и ленивый плеск волн о далекий берег. Луна снова скрылась за наплывшим облаком, и в то же мгновение из-за деревьев на другой стороне небольшой поляны появился всадник.

Человек в кустах тихо вырвался. Он мог различить лишь неясные очертания движущейся фигуры, а слышал лишь звяканье стремян и скрип кожи. Но вот луна снова выглянула из облаков. Облегченно вздохнув, человек выскочил на дорогу.

Лошадь с фырканием поднялась на дыбы. С губ всадника сорвалось изумленное проклятие и в его руке сверкнуло короткое копьё. Столь неожиданное появление незнакомца прямо под носом у его лошади не предвещало ничего хорошего для одинокого путника. Незнакомец был высок и мускулист, на нем не было

ничего, кроме набедренной повязки, и его стальные мышцы отчетливо вырисовывались в лунном свете.

— Назад! Или я проткну тебя насквозь! — рявкнул всадник по-турецки. — Кто ты, во имя шайтана?

— Роджер де Коган, — ответил незнакомец на норманно-французском. — Говори тише. До войск мусульман не больше мили, и рядом могут быть их разведчики. Это просто чудо, что тебя не схватили. Дальше у берега, в небольшой бухте под прикрытием высоких деревьев, спрятаны три галеры, и я видел там блеск оружия.

Всадник молча ждал продолжения, не опуская копья, но и не поднимая его вновь.

— Этой ночью я сбежал с галеры знаменитого пирата, араба Юсефа ибн-Залима. Многие месяцы я провел на веслах, но теперь — свободен. Я знаю, он назначил здесь встречу, с какой целью — мне неизвестно. Он слишком боялся предательства со стороны турок, а потому встал на якорь за пределами бухты. А теперь он покоится на дне залива, ибо я разорвал свои цепи, тихо подкрался к нему, пока он дремал на носу, задушил его и поплыл к берегу.

Всадник что-то проворчал, сидя на лошади прямо и недвижимо, подобно освещенной лунным светом статуе. Он был высокого роста, в серой кольчуге, не скрывавшей очертаний его мускулистых рук, и в стальном шлеме, небрежно сдвинутом на затылок. В полумраке хищные ястребиные черты его лица производили поистине жуткое впечатление.

— Думаю, ты лжешь, — сказал он на норманно-французском со своеобразным акцентом. — Хочешь сказать, ты галерный раб? С коротко подстриженными волосами и свежевыбритым лицом? И как осмелились галеры мусульман скрываться на европейском берегу, да еще столь близко от города?

— Ради всего святого, — с неприкрытым удивлением ответил беглец, — ты ведь не станешь сомневаться в том, что я христианин? Да, я пострижен и безбо-

род, но ведь рыцарю не пристало выглядеть неряхой, даже в плену. Одним из пленных на галере был грек-бродяга, и лишь сегодня утром я уговорил его постричь и побрить меня. Что касается второго твоего замечания, то всем известно: мусульмане рыщут по Босфору и Мраморному морю, когда им заблагорассудится. Однако мы рискуем жизнью, пока стоим здесь и болтаем. Поддай мне стремя, и прочь отсюда.

— Недумаю, — пробормотал всадник. — Ты слишком много видел.

Резким сильным толчком он послал копьё прямо в широкую грудь беглеца. Удар был неожиданным, и только инстинктивное движение спасло того от смерти. Копьё со свистом пронеслось мимо, оцарапав кожу на плече, однако де Коган успел схватиться за древко и изо всех сил дернул его назад. Ярость, вызванная подлым нападением, пробудила в нем жажду убийства.

В следующее мгновение всадник потерял равновесие и вылетел головой вперед из седла, прямо на грудь рыцарю. Вместе они рухнули наземь, в густые заросли. Небрежно надетый шлем всадника зацепился за ветку, слетел и упал в кусты. Лошадь фыркнула, в испуге метнулась к деревьям.

Рука в кольчужной перчатке схватилась за кинжал, однако де Коган оказался проворнее. Он отпрянул чуть в сторону, приподнялся над своим противником и схватил тяжелый камень, подвернувшийся ему под руку. Отточенный клинок блеснул в лунном свете, но прежде, чем он достиг цели, булыжник обрушился на покрытую кольчужным капюшоном голову.

Роджер почувствовал, как под его ударом хрустнул череп, но уже не мог остановиться. Одержимый яростью, он бил и крушил врага до тех пор, пока тот не застыл под ним бездыханный. Струйка крови, что медленно сочилась из-под металлической сетки, стекла на холодные пальцы победителя — лишь тогда сознание его прояснилось и боевой пыл исчез, словно с жаркой кровью врага впитался в сырую землю.

Роджер со стоном поднялся, отбросив в сторону камень, и взглянул на мертвеца. Ярость, испаряясь, дрожью пробежала по его телу, он всмотрелся в ястребиные черты поверженного, в замешательстве пожал плечами. Затем его осенила внезапная мысль — она была столь проста и ясна, что рыцарь удивился, почему она не пришла ему в голову раньше. Всадник появился со стороны лагеря мусульман. Вряд ли он мог проехать мимо него незамеченным. Значит, он был в самом лагере. Это означало, что его связывали с мусульманами некие отношения... Роджер снова пожал плечами. С тех пор как он прошел в авангарде войск Петра Отшельника вниз по Дунаю, он успел неплохо узнать обычаи Востока. Византийцы и мусульмане нередко вцеплялись друг другу в глотку, но иногда они втайне действовали совместно, что ставило европейцев в тупик. Однако Роджер никогда прежде не слышал о перебежчиках-крестоносцах — а этот человек носил доспехи крестоносца и явно не был византийцем.

Только крайняя необходимость заставила рыцаря раздеть мертвеца. Тот был чисто выбрит, а соломенного цвета волосы коротко пострижены. Судя по его внешности, он мог быть норманном, однако де Коган помнил его чуждый акцент. Поспешно облачившись в доспехи, рыцарь плотнее затянул пояс с мечом и, отыскав железный шлем, надел его на свои рыжие кудри. Все одеяние подходило ему так, словно было сделано нарочно для него. Неизвестный всадник и он сам были одного роста, одинаково широкоплечи и тонки в талии. Роджер положил ладонь на холодную рукоять длинного меча и вновь почувствовал себя человеком — впервые за несколько месяцев. Легкий звон ножен о кольчугу на бедре напомнил ему о том, что он снова сэр Роджер де Коган, рыцарь Креста, один из лучших воинов Англии.

Вокруг царила совершенная тишина, если не считать отдаленного щебета ночных птиц. Рыцарь поймал коня, что спокойно пасся на границе леса, вскочил в

седло, и в этот момент долгие дни унижений и тяжкого труда свалились с его плеч, будто сброшенная мантия, оставив в душе лишь мрачную решимость посчитаться с поклонниками Магомета. Он холодно улыбнулся, вспомнив затихающий хрип бывшего хозяина — Юсефа ибн-Залима, но лицо его вновь помрачнело, когда перед его мысленным взором возник иной образ — худое длинное лицо с высокомерной усмешкой на тонких губах. Принц Осман, сын Килиджа Арслана, Красного Льва Сельджуков. Да, сейчас призрак в остроконечном шлеме с пером цапли смеялся над ним, но рано или поздно должен был наступить день, когда его настигнет заслуженное возмездие. Сэр Роджер умел ждать — как и подобало истинному норманну, он отличался завидным терпением.

Копье рыцарь не тронул, но отстегнул висевший на седельной дуге щит и с привычной звериной осторожностью нырнул в тень деревьев, туда, куда он направлялся до неожиданного приключения. На щите не было никаких знаков, однако на груди кольчуги виднелась странная золотая эмблема — нечто вроде сокола, — явно выполненная в греческой манере.

Лес был пустынен и тих, ветер не долетал сюда со стороны моря. Роджер следовал вдоль берега, так близко от него, насколько это было возможно, прислушиваясь к отдаленному плеску волн. Местность была холмистой и неровной. Часа через три среди деревьев стали мелькать огни Константинополя, которые появлялись, если всадник поднимался на холмы, и исчезали, если он спускался в долины. По его подсчетам, ночь уже миновала четверть своего земного пути, когда он въехал на окраину города, раскинувшегося вдоль северного побережья бухты Золотой Рог.

Он миновал кварталы венецианских торговцев и других заграничных купцов, проехал по длинным унылым улицам, беспорядочно усеянным деревянными строениями, меж коих виднелись и богатые каменные дома. Однако, прежде чем он добрался до центра горо-

да, путь ему преградила стена, а стража у ворот окликнула его. Рука в кольчужной перчатке поднесла факел почти к самому его лицу, но прежде, чем он успел назвать себя, он увидел фигуру в черном бархате, которая склонилась со стены. Судя по всему, этот человек внимательно разглядывал его. Затем последовало несколько приглушенных слов по-гречески, и ворота распахнулись, чтобы пропустить его и тут же закрыться за ним. Он собирался уже двинуться дальше, но человек в черном устремился к нему и схватил коня за поводья.

— Свет, свет! — раздраженно крикнул незнакомец. — О чем вы думаете? Забыли распоряжения своего господина? Мануэль, отведи коня. Идем со мной, милорд Торвальд. Нет, погоди! Я бы не узнал тебя в этих западных доспехах и без бороды, если б не золотой сокол на твоей кольчуге. Однако кто-нибудь может оказаться прозорливее меня — возьми этот шелковый шарф и прикрой лицо.

Сэр Роджер взял шарф и обмотал его вокруг шлема, так что видны были лишь его стального цвета глаза. Конечно, его приняли за человека, которого он убил. Наверняка сейчас ему угрожала опасность, и все же, если б он назвал себя, ему угрожала бы опасность не меньшая. Имя «Торвальд» пробудило неясные воспоминания в мозгу норманна, и он инстинктивно коснулся рукояти меча на поясе.

Проводник вел его по узким пустынным улицам, и вскоре Роджер понял, что они находятся недалеко от причала, выдававшегося в пролив. Они остановились у приземистой каменной башни, очевидно реликвии более ранней и грубой эпохи. Кто-то выглянул через щель в двери.

— Открывай, дурак! — прошипел человек в черном. — Это Анджелус и господин Торвальд Разрушитель.

Скрипнули петли, дверь отворилась внутрь. Сэр Роджер последовал за проводником. Станные, нелепые мысли обуревали его в этот момент. Торвальд Раз-

рушитель — вот как звали того человека, которого он забил камнем на лесной поляне. Ему приходилось слышать об этом норвежце, самом беспощадном воине Варангианской Стражи — банды наемников, убийц с севера. Он знал, что греки оказывали им поддержку; он видел их возле императорского дворца и помнил их шлемы с гребнями, алые накидки и золоченные кольчуги. Однако что мог делать капитан варангианцев ночью на пути меж городом и турецким лагерем? Почему он был облачен в доспехи крестоносца?

Роджер понял, что волею случая ступил в яму, полную змей, но до поры решил ничего не предпринимать. Он лишь плотнее прикрыл лицо шарфом и проследовал за своим проводником по короткому темному коридору в небольшую, слабо освещенную комнату. В большом, богато украшенном кресле кто-то сидел, сопровождающий поклонился ему почти до пола и вышел, закрыв за собой дверь. Рыцарь стоял, напряженно вглядываясь в полумрак. По мере того как его глаза привыкали к тусклому пламени свечей, фигура в кресле вырисовывалась все четче и ясней. Наконец Роджер разглядел, что это был невысокий коренастый человек, закутанный в простую накидку из темного атласа, скрывавшую всю прочую его одежду. Рядом на столе лежали маска и шляпа без перьев с опущенными полями, из чего следовало, что этот человек пришел сюда тайно, боясь быть узнанным. Взгляд рыцаря не отрывался от лица незнакомца: большие карие глаза, в коих светился живой ум, курчавая иссиня-черная борода, темные волосы, перетянутые над широким лбом золотистой лентой...

Сэр Роджер вздрогнул. Ради всего святого, в какой заговор, в какую интригу довелось ему ввязаться? В кресле перед ним сидел Алексис Комнен, император Византии.

— Ты явился довольно скоро, Торвальд, — сказал император.

Сэр Роджер не ответил, слишком занятый мыслями о том, какая же таинственная сила привела им-

ператора Востока из его прекрасного дворца с мраморными колоннами в темную башню на краю города.

— Посыльный не сообщил тебе, зачем я потребовал твоего присутствия?

Сэр Роджер наудачу покачал головой. Алексис кивнул.

— Я сказал ему лишь, чтобы он поторопил тебя. Мне хотелось бы знать: когда ты путешествовал среди корсаров Черного моря, они когда-либо подозревали, кто ты на самом деле?

Сэр Роджер снова покачал головой.

Алексис улыбнулся:

— Ты, как всегда, неразговорчив, старый волк! Это хорошо.

До сих пор ты следил за мусульманскими пиратами, однако сейчас у меня есть для тебя работа поважнее. Потому я и послал за тобой...

Торвальд, с тех пор как ты отправился к туркам на разведку, здесь побывало множество франков. Они пришли не так, как Петр Отшельник и Готье Сан-Авуар — толпы жалких нищих и мошенников. Они пришли с боевыми конями и фургонами, рыцарями и женщинами, лучниками, копьеносцами и воинами — одержимые жаждой вновь обрести Гроб Господень.

Первым пришел Хуго из Вермандуа, брат французского короля. Он прибыл на корабле, вместе с несколькими помощниками. Я оказал ему королевские почести, богато одарил его и убедил поклясться мне в верности. Затем появились другие: Сен-Жиль из Прованса, Годфрей из Буйона и его братья и этот дьявол Боэмунд. Все они поклялись мне в верности, кроме упрямого графа Прованского — но я его не боюсь. Все его мысли в Иерусалиме. Боэмунд — другое дело. Он готов перерезать горло святому Павлу ради удовлетворения собственного тщеславия.

Они захватили для меня Ниццу, но потом я выманил их оттуда, послав Мануэля Бутумитеса с целью тайного сговора с турками, и теперь в городе стоят мои

солдаты. Сейчас войско движется на юг, к Палестине, и в горах Малой Азии Килидж Арслан перережет им всем глотки.

Император на миг прервался, словно некая важная мысль неожиданно посетила его, но затем продолжил:

— Не думаю, что им удастся одержать верх над Килиджем Арсланом, но по крайней мере, они нанесут ему достаточно серьезный удар для того, чтобы в ближайшие годы он больше не представлял для нас угрозы. Нет, я боюсь его куда меньше, чем этого дьявола, Боэмунда. Я хорошо помню, что лишь благодаря удаче я смог победить его двенадцать лет назад, когда он пришел сюда из Италии с Робертом Жискаром.

Торвальд, я послал за тобой потому, что нет такого человека к востоку от Дуная, который мог бы сравниться с тобой в искусстве владения мечом. Несмотря на тщательно разработанный план, Боэмунд буквально ускользнул у меня между пальцами! Среди корсаров ты был моими глазами и моим мозгом, теперь ты должен стать моим мечом. Твоя задача — проследить, чтобы Боэмунд не покинул поле битвы живым, когда Килидж Арслан выступит против франков. Не руби направо и налево, но направляй все свои удары на него! Таков мой приказ — что бы ни было, как бы ни повернулась судьба в бою, кто бы ни победил или проиграл, остался жив или погиб — убей Боэмунда!

Голос императора гулко отдавался в помещении, его темные глаза сверкали магнетическим блеском. Роджер так явственно ощущал исходящую от него энергию, что сердце, до того бившееся спокойно, ровно, теперь неистово затрепетало.

— Крестоносцы уже несколько дней в пути, — продолжал Алексис, — но они движутся медленно, поскольку их конница вынуждена идти наравне с повозками. Тебе будет легко проскользнуть мимо них и добраться до султана прежде, чем он вступит в битву. Тебе подобрали доброго коня — он уже на лодке. А лодка

стоит у Зеленого Причала — Анджелус проводит тебя туда. На азиатском берегу тебя встретит Ортук-хан, которого называют Оседлавшим Ветер, и отведет к султану. Теодор Бутумитес с Годфреем... — Он внезапно замолчал, уставившись на шлем Роджера. — Ради святого Павла, — сказал он, — у тебя на кольчуге кровь, Торвальд. Ты ранен?

— Нет, — рассеянно ответил Роджер, захваченный крутоворотом всевозможных догадок и предположений.

В ту же минуту он понял свою ошибку. Алексис вздрогнул, и в его пронизательных глазах вспыхнуло подозрение. Чувства этого человека были остры, словно только что наточенный меч.

— Ты не Торвальд! — рявкнул он и одним движением, быстрым, словно у атакующего ястреба, сорвал шарф с головы рыцаря. Оба вскочили на ноги, и император отпрянул, крича: — Это не Торвальд! Эй, стража! Здесь шпион!

Меч сэра Роджера сверкнул в пламени свечей. Алексис, словно кот, отпрыгнул назад, и просвистевший рядом с его головой клинок срезал прядь его волос. В то же мгновение комната заполнилась вооруженными людьми, что врывались во все двери, готовые поразить любого, кто покусится на жизнь их владыки. Однако в комнате они увидели только двоих: самого императора и его преданного слугу, так что на секунду отчаянные крики Алексиса ошеломили их. Лишь Роджер в точности знал, что следует делать. У него не было времени снова атаковать императора, который спрятался за большим креслом, крича своим солдатам, чтобы те прикончили самозванца. Норманн метнулся к ближайшей двери, путь к которой преграждали трое. Первый упал — одним рубящим ударом рыцарь рассек его шлем и череп, когда же остальные двое бросились к Роджеру с поднятыми мечами, он пригнулся и нырнул головой вперед, прикрываясь щитом. Они отшатнулись в стороны, и норманн на полном ходу вы-

летел через дверь в коридор. Едва удержавшись на ногах, он кинулся бежать по короткому проходу. Внешняя дверь осталась без охраны. Быстро расправившись с цепями и засовами, он выскочил наружу, захлопнул дверь перед носом вопящих преследователей и помчался по узкой улице. Погоня не отставала. Рыцарь уже не надеялся, что ему удастся убежать, но вот впереди показались широкие ряды спускавшихся к воде ступеней из зеленого мрамора, известных как Зеленый Причал. Это место было хорошо знакомо сэру Роджеру. У самого причала стояла большая лодка, у нижней ступени ее удерживал крюк, накиннутый на вделанное в мрамор кольцо. Конюхи придерживали стройную арабскую лошадь, а мускулистые гребцы изумленно смотрели на рыцаря, который быстро сбежал по ступеням и прыгнул в лодку.

— Посторонитесь! — рявкнул он. Лодчники заколебались. Сверху, с улицы, донесся шум погони — лязг стали и треск факелов.

— Вперед!

И гребцы увидели блеснувшую в темноте обнаженную сталь. Они были лишь слугами, а не солдатами. Рулевой отцепил крюк и изо всех сил оттолкнул лодку от ступеней. Тяжелое судно развернулось по течению, гребцы налегли на весла. Они выплыли на простор пролива, в темной воде коего отражались звезды. Оглянувшись, сэр Роджер увидел фигуры в доспехах, которые бежали по причалу в поисках лодки. Ему повезло: причал уже скрылся вдали, когда до него донесся едва слышный лязг уключин, и он понял, что погоня продолжается.

Гребцы, поглядывая на его окровавленный меч, изо всех сил навалились на весла. Шум погони постепенно приближался — враги преследовали его на протяжении трех миль, и последние несколько сотен ярдов он видел их шлемы, сверкавшие в звездном свете. Однако он все еще опережал их на несколько десятков ярдов, когда нос его лодки коснулся наконец ази-

атского побережья. Вскочив в седло, он прищепил коня и скрылся в темноте.

Здесь у него было преимущество: его преследователи не имели лошадей. Быстрым галопом он поскакал на восток. В темноте виднелись лишь тусклые очертания невысоких холмов и неясные расплывчатые пятна — видимо, пастушьи хижинки. Облака снова заслонили звезды, и луна давно исчезла где-то в глубине небес. Рыцарь натянул поводья, двигаясь почти шагом в густой тьме, когда внезапно понял, что неподалеку есть кто-то еще, — он расслышал топот копыт и звон упряжи. Человек выругался на чужом, но ненавистно знакомом языке. Турки! Двигаясь вслепую в темноте, Роджер оказался прямо среди них. Он осторожно потянулся к мечу, но в тот же миг один из всадников свистящим шепотом спросил его:

— Это ты, лорд Торвальд?

— Кто же еще? — прорычал рыцарь, стараясь в точности повторить норвежский акцент Торвальда.

— Посвети, — пробормотал другой голос. — Лучше удостовериться.

Звякнул кремень о сталь, и вспыхнул крохотный огонек, отразившись в отполированных наконечниках, блестящих шлемах и кольчугах и озарив круг бородатых темных ястребиных лиц. Высокий воин, державший огонь, наклонился и пристально взглянул на сэра Роджера.

— Видите золотого сокола? — сказал он. — Кроме того, взгляните на меч. Лицо Разрушителя не слишком знакомо мне без бороды, но, клянусь Аллахом, я узнал бы этот меч где угодно!

Огонь погас. Сзади, ближе к берегу, послышался отдаленный ропот множества людей. Факелы отбрасывали беспорядочные отблески. Роджер почувствовал, как воины вокруг него подозрительно застыли, и услышал, как шевельнулись в ножнах их сабли.

— Кто там? — спросил высокий мусульманин.

— Люди, которых послал император. Они должны проследить, чтобы я благополучно добрался до ме-

ста,— ответил сэр Роджер.— Он опасался, что франки могли оставить своих шпионов. Чего мы ждем? Скоро рассвет.

— Верно,— пробормотал турок.— И нам лучше будет добраться до холмов, пока темно. Ты появился раньше, чем мы ожидали. Мы ехали к берегу, чтоб встретить тебя, и вдруг ты оказался среди нас. Нам повезло, что мы не разминулись в этой проклятой тьме. Поезжай среди нас, милорд.

Они пустили лошадей легким галопом, преодолевая милю за милей, и к рассвету, словно летящая банда пустынных призраков, пересекли горный кряж и скрылись среди холмов.

При дневном свете рыцарь увидел своих спутников — два десятка всадников-сельджуков, одетых в сталь, золото и кожу. Они мчались подобно ветру, не жалея коней, и он предположил, что в холмах их ждут свежие лошади, поскольку они уже были за восточными границами владений Алексиса. Они ни в чем его не подозревали, но у него в этом мрачном маскараде не было никаких планов. Ему приходилось плыть по течению, будучи помимо воли захваченным водоворотом событий. Он знал, что следует делать, если возникнет благоприятная возможность, но в данный момент он был беспомощен и не располагал всеми необходимыми сведениями.

В самом деле, вся его жизнь шла подобным образом. Об этом сейчас мрачно размышлял он под стук копыт. Он родился в замке, отстроенном из руин саксонской крепости, почти через год после битвы при Гастингсе. С ранней юности он ввязался в столь запутанную историю, что сам уже отчаялся выбраться из нее невредимым. Ему пришлось покинуть родные края — всего на день он успел опередить солдат, посланных рассерженным королем. Обидевшись на своего сеньора, он поступил на службу к герцогу Роберту Нормандскому, что постоянно ссорился со своим похожим на лиса братом. Однако нетерпеливая душа Роджера не смогла вынести праздности и обжорства герцога, сколь бы доб-

родушен тот ни был, и в конце концов он оказался в королевстве, которое норманнские мечи отсекали от Южной Италии. Он скакал рядом с Танкредом и участвовал в его приключениях, но нескончаемые амбиции Боэмунда наскучили английскому рыцарю. Место действия переместилось в Рейнланд, где ему пришлось стать участником кровавого завершения вражды герцога Годфрея с Рудольфом Швабским. Затем наступила пора расцвета крестовых походов, последовавшая за трубным зовом папы Урбана, и люди начали продавать свои земли, чтобы купить коней, которые унесли бы их на восток — спасать заблудшие души и убивать язычников.

Бароны постепенно собирались вместе, но, с точки зрения наиболее нуждающихся, слишком медленно. Кроме того, многие молчаливо сомневались в том, что на их долю что-либо останется после того, как великие лорды одержат победу. Толпы крестьян, нищих и бродяг объединились вокруг Петра Отшельника, целую земаю, по которой он ступал, и подставляя головы под удары копыт его упрямого осла — в попытках вырвать клоч серой шерсти животного как священную реликвию. Петр во всем подражал Урбану, и, казалось, какая-то магнетическая сила привлекала на его сторону все новых и новых людей. Этот мрачный фанатик обратил в свою веру также нескольких бедствующих рыцарей и дворян, и пестрая орда двинулась на восток, вниз по Дунаю, воспевая осанну и воруг свиней.

Среди этих бедных рыцарей были Роджер де Коган и его брат по оружию, Готье Сан-Авуар — Безденежный. Они пытались навести хоть какой-то порядок среди окружавшего их сброда, но с тем же успехом они могли пытаться собрать в стаю карпатских стервятников. Прожорливые паломники, которых насчитывалось около восьмидесяти тысяч, словно саранча прошли по земле венгров, сразились с заставами Алексиса, на коленях приветствовали ипили Константинополя и наконец обосновались там, явно намереваясь уничтожить все продовольственные запасы империи.

Когда они начали сдирать свинцовые листы с крыш соборов, чтобы продать их на рынке, Алексис, пребывая в совершеннейшем отчаянии, убедил их перебраться на другой берег Босфора. Там они рассеялись по холмам и, к всеобщему облегчению, пали жертвой разбойничьей банды турок. Готье и его товарищи, подвижные скорее доблестью, нежели благоразумием, поспешили на помощь несчастным и наткнулись на целую армию украшенных перьями цапли и распевających песни всадников. Готье пал смертью храбрых на груди вражеских трупов, вместе со своими доблестными воинами, а сэр Роджер, придя в себя после страшного удара секиры по макушке шлема, обнаружил, что скован цепями вместе с прочими воинами своего отряда. Далее они пешком шагали в Ниццу, здесь его продали высокому худому стервятнику, одетому в сталь и золото, — арабу, Юсефу ибн-Залиму. Его изящный корабль ходил вдоль берегов Черного моря и вверх и вниз по Босфору, от Черного моря до Средиземного. Рыцарю пришлось стать свидетелем ужасных сцен, кои разыгрывались как в трюме галеры, так и на запятнанной кровью палубе, — потом они являлись ему в кошмарных снах в течение всей его жизни. Однако эти кровавые видения не в силах были затмить иную жуткую картину — его товарища, Готье, умирающего среди мертвых, и — худого надменного всадника в золоченой кольчуге и шлеме с пером цапли, поднимающего на дыбы лошадь, копыта которой мигом позже опускаются на окровавленное лицо...

«Так Осман, сын Килиджа Арслана, поступает с неверными!» Эти презрительные слова звучали в ушах Роджера де Когана сквозь плеск волн, скрип весел и шум сражений.

Теперь же английский рыцарь оказался в одной компании с турецкими грабителями. Он чувствовал себя участником мрачного маскарада, он ничего не знал о том, куда они направляются, за исключением того, что ему — вне всякого сомнения — предстоит

оказаться лицом к лицу с принцем Османом и его жестокосердным отцом. Роджер постоянно оглядывался, нет ли признаков погони, но если солдаты Алексиса и преследовали их, то уже сбились со следа.

К полудню всадники подошли к невысокой башне среди холмов. Тут их ждали еда, питье и свежие лошади. Они находились во внешних владениях Килиджа Арслана, Красного Льва ислама, но пока что не встречали никаких поселений — лишь руины, оставшиеся от древних времен правления римлян. Быстро поев, они вновь вскочили в седла и помчались дальше.

В течение всего жаркого и сухого летнего дня они скакали галопом среди неровных холмов, не жалея лошадей. Роджер искал взглядом передовой отряд крестоносцев или хоть какие-то признаки их движения, но понял, что они сами, видимо, едут севернее. Он не задавал никаких вопросов, ничего не говорил и Ортук-хан. Он ехал, напевая песню о воине, который был столь искусным наездником, что удостоился имени Оседлавшего Ветер. Роджер чувствовал — это было слабостью и предметом тщеславия сельджука.

Взошла луна, затем зашла снова, и они опять остановились среди холмов, где смогли поменять лошадей. Ортук-хан долго о чем-то разговаривал с запыленным гонцом. Затем он уселся на землю, скрестив ноги, и сделал знак своим людям, чтобы те приготовили еду.

— Мы уже недалеко от цели, — сказал он Роджеру. — За часы мы преодолели расстояние, на которое крестоносцам потребовались дни. Теперь лишь три часа пути отделяет нас от лагеря неверных. На рассвете мы двинемся вперед и вступим в битву.

Недоумевая, каким именно образом Алексис надеялся избавиться от Бозмунда, не уничтожив остальных крестоносцев, Роджер решил задать вопрос:

— Расскажи мне еще раз, какую ловушку Красный Лев подстроил крестоносцам.

— Очень просто, — с готовностью ответил Ортук-хан. — Маймун — Бозмунд — вместе со своими людьми

ми идет впереди основного отряда неверных. Этой ночью они разбили лагерь там, где холмы спускаются к равнине Дорилеум, ожидая подхода Сенджила — Сен-Жиля — и остальных.

Однако Алексис дал этим остальным проводника, который поведет их по ложному пути. Видишь вон ту вершину, которая возвышается над другими холмами? Если ты поскачешь прямо на юг от этой вершины, через пять часов ты окажешься возле их лагеря.

На рассвете Красный Лев нападет с востока и раздавит Маймуна и его рыцарей. Затем он двинется дальше и сотрет с лица земли Сенджила и остальных.

Значит, Алексис был заодно с сельджуками — по крайней мере, в том, что касалось уничтожения Бозмунда, это было очевидно с самого начала. Вероломный проводник, которого упомянул Ортук-хан, вероятно, Теодор Бутумитес. Алексис говорил, что грек был вместе с Сен-Жилем. Рыцарь взглянул на вершину, стараясь четко запомнить ориентиры, указанные ему турком. Равнина Дорилеум находилась в трех часах езды к востоку, лагерь остальных крестоносцев — в пяти часах к югу. Вот первые лучи солнца коснулись восточных холмов. Турки зашевелились, седлая лошадей и застегивая доспехи.

— Ортук-хан, — небрежно сказал сэр Роджер, вставая и кладя руку на гриву стройного турецкого коня, которого ему дали, — уже светает, и нам нужно торопиться, чтобы присоединиться к Красному Льву. Но, чтобы разогреть коней, давай пробежим наперегонки до того холма.

Турок улыбнулся:

— Нам еще три часа скакать до Дорилеума, и у наших коней будет еще немало работы, прежде чем мы доберемся до лагеря.

— До холма всего лишь несколько сотен ярдов, — ответил сэр Роджер. — Я много слышал о твоем искусстве наездника и почту за большую честь состязаться с тобой. Конечно, здесь много камней и булыжников и почва ненадежна. Если ты неуверен...

Лицо Ортук-хана потемнело.

— Ты дурно выразился, о человек, которого зовут Разрушителем. Единственная глупость может сделать дураком и мудреца. Однако садись в седло. Я обгоню тебя, как мальчишку.

Они вскочили в седла и, натянув поводья, подвели коней вровень друг с другом, затем сорвались с места, словно выпущенные из лука стрелы. Одетые в сталь воины с интересом наблюдали за гонкой.

— Почва не столь неровная, как сказал франк, — промолвил один. — Смотрите, они летят, словно соколы. Ортук-хан вырывается вперед.

— Однако Разрушитель преследует его по пятам! — воскликнул другой. — Смотрите, они уже возле холма... Что это? Франк вытащил меч! Он сверкает в свете зари... О Аллах!

Изумленный крик вырвался из груди воинов. Мчавшийся на всем скаку норманн скрылся за холмом. Позади него лошадь без всадника унеслась прочь от неподвижной фигуры, лежавшей в алой луже посреди камней. Для Оседлавшего Ветер эта гонка оказалась последней.

Стряхнув с клинка красные капли, сэр Роджер отпустил поводья своей лошади. Он не оглядывался, хотя напряженно вслушивался, не раздастся ли стук копыт преследователей. Держа курс на вершину, он скользил среди холмов, словно летящий призрак. Вскоре после восхода солнца он пересек широкую дорогу со следами колес повозок и отпечатками множества ног и копыт. Дорога Бозмунда. Среди следов виднелись более свежие отпечатки копыт, неподкованных и поменьше. Следы турецких коней. Значит, разведчики сельджуков следовали за норманнской колонной в небольшом отдалении.

Ближе к полудню Роджер въехал в широко раскинувшийся лагерь крестоносцев. Его сердце, что никогда не отличалось излишней мягкостью, потеплело при виде знакомой картины: рыцарей, державших со-

колов на руке и больших собак на поводках, рыжеволосых женщин, смеявшихся в завешенных балдахинами шатрах, юных пажей, чистивших доспехи своих господ. Все это казалось частью Европы, переместившейся в унылые холмы Малой Азии. В лагере насчитывалось двести тысяч человек, костры и палатки были разбросаны по всей равнине. Некоторые шатры были разобраны, часть быков привязана к повозкам, но всюду и во всем чувствовалось ожидание. Воины опирались на свои копья, пажи бродили среди низких кустов, свистом подзывая собак.

Роджер видел желтоволосых рейнландцев, чернобородых испанцев и провансальцев — французов, немцев, австрийцев. Его ушей достигла многоязыкая речь.

Рыцарь проехал сквозь толпу, изумленно взиравшую на его пыльную кольчугу и взмыленную лошадь, и остановился перед шатрами, которые, судя по их ярким цветам, принадлежали вождям экспедиции. Он увидел, как они выходят из палаток в полном вооружении: Годфрей Буйонский, его братья, Юстас и Болдуин Булонские, а также коренастый седобородый Раймонд де Сен-Жиль, граф Тулузский. Рядом с ними стоял человек в богато украшенных доспехах, отполированные пластины которых выглядели богатым нарядом по сравнению с серыми кольчугами западников. Роджер понял, что это Теодор Бутумитес, брат новоиспеченного герцога Ниццы и офицер греческой кафафракты.

Турецкий конь фыркнул и дернул головой, роняя клочья пены. Роджер спешил и, как и подобает норманну, не стал тратить лишних слов.

— Милорды, — сказал он, не теряя времени на приветствие, — я пришел, чтобы сообщить вам, что предстоит сражение, и, если вы хотите принять в нем участие, вам стоит поторопиться.

— Сражение? — спросил Юстас Булонский, насторожившись, словно почуявший запах, охотничий пес. — И кто сражается?

— Бозмунд противостоит Красному Льву, как раз сейчас, пока мы здесь стоим.

Бароны неуверенно переглянулись, а Бутумитес рассмеялся:

— Этот человек сумасшедший. Как мог Килидж Арслан напасть на Бозмунда, разминувшись с нами? И мы не видели никаких турок.

— Где Бозмунд? — спросил Раймонд.

— На равнине Дорилеум, примерно в шести часах быстрой езды отсюда на север.

— Что? — слышался недоверчивый возглас. — Как это может быть? Лорд Теодор повел нас прямой дорогой, через долины, которые прошел стороной Бозмунда. Норманны где-то позади нас, и Теодор послал своих византийских разведчиков, чтобы найти их и привести сюда, потому что они заблудились в холмах. Мы ждем их, прежде чем продолжить путь.

— Это вы заблудились, — бросил сэр Роджер. — Теодор Бутумитес — шпион и изменник, посланный Алексисом, чтобы направить вас по ложному пути, пока Килидж Арслан уничтожает Бозмунда...

— Ты заплатишься за это жизнью, собака! — закричал разъяренный грек, метнувшись вперед и хватаясь за меч. Роджер с мрачным видом шагнул ему навстречу, взявшись за рукоять собственного меча, но вмешались бароны.

— Это серьезное обвинение, друг мой, — сказал Годфрей. — Чем ты можешь доказать свои слова?

— Ради всего святого, — воскликнул Роджер, — разве вы не видели, что грек сворачивает все дальше и дальше на юг? Норманны пошли более прямой дорогой — это вы сбились с пути. Бозмунд двигался на юго-восток, вы же шли прямо на юг. Если бы вы следовали в этом направлении достаточно долго, вы могли бы добраться до Средиземного моря, но вряд ли пришли бы в Святую Землю!

— Кто этот бродяга? — сердито спросил Бутумитес.

— Герцог Годфрей знает меня, — ответил норманн. — Я Роджер де Коган.

— Святые угодники! — воскликнул Годфрей, и его усталое лицо осветилось улыбкой. — Я должен был узнать тебя, Роджер! Но ты изменился... Да, изменился. Милорды, — повернулся он к остальным, — этот джентльмен знаком мне с давних времен — он был вместе со мной в Латеране, когда я...

Он замолчал, испытывая странное отвращение, которое испытывал всегда, вспоминая об убийстве герцога Рудольфа в священных пределах, — со своей стороны он считал сие святотатством.

— Но мы его не знаем, — ответил Сен-Жиль с присущей ему осторожностью. — И рассказ его весьма странен — он намерен вести нас в бой, вооруженный лишь собственным мечом...

— Гром и молния! — крикнул Роджер, терпение которого лопнуло. — Мы так и будем стоять здесь и болтать, пока турки не перережут горло Боэмунду? Это мое слово против слова грека, и я требую суда — пусть поединок рассудит нас!

— Хорошо сказано! — воскликнул Адемар, легат папы, высокий человек в рыцарской кольчуге. Подобные сцены согривали его сердце — сердце воина. — Как выразитель интересов нашего Святого Отца, я подтверждаю справедливость подобного решения.

— Что ж, пусть будет так! — воскликнул Роджер, горя от нетерпения. — Выбирай оружие, грек!

Бутумитес окинул взглядом его пыльную кольчугу, и его внимание привлекла тонконогая, покрытая пеной лошадка. Он таинственно улыбнулся:

— Осмелишься проскакать мне навстречу с обнаженным копьем?

В этой области франки были опытнее греков, но Бутумитес, будучи более крепко сложенным, чем большинство его соотечественников, вполне мог состязаться с жителями Запада в физической силе, к тому же у него был опыт рыцарских турниров за время пребы-

вания при дворе Алексиса. Он бросил взгляд на своего могучего черного боевого коня, облаченного в тяжелую сбрую из шелка, стали и покрытой лаком кожи, и снова улыбнулся. Однако вмешался Годфрей:

— Нет, господа, мне очень жаль, но сэр Роджер прискакал сюда па уставшей лошади. Притом она более подходит для скачек, нежели для поединка. Роджер, ты возьмешь моего коня и копье, и мой шлем тоже.

Бутумитес пожал плечами. В одно мгновение все его сокрушительное преимущество улетучилось, но он все еще был уверен в себе. Так или иначе, он предпочитал копье клинку, не имея никакого желания встретить удар громадного меча, висевшего на бедре сэра Роджера. Ему уже приходилось прежде сражаться с норманнами.

Роджер взял длинное тяжелое копье и сел на коня, которого держали пажы Годфрея, но отказался от тяжелого шлема — массивного, напоминавшего котел, без подвижного забрала, но с щелью для глаз. Поединок не сопровождался какими-либо условностями или формальностями. В те давние времена скачка с копьями была либо дуэлью с обнаженным оружием, либо просто разновидностью тренировки перед более серьезной схваткой.

Толпа выстроилась по обеим сторонам, оставив широкую открытую полосу. Соперники разъехались на небольшое расстояние, развернулись, взяли копья наперевес и стали ждать сигнала.

Раздался звук трубы, и кони устремились навстречу друг другу. Сверкающие черные доспехи и украшенный перьями шлем византийца резко контрастировали с пыльными серыми доспехами и простым железным кольчужным капюшоном норманна. Роджер знал, что Бутумитес направит свое копье прямо в его незащищенное лицо, и низко наклонился, глядя на соперника над краем своего тяжелого щита. Толпа завопила, когда рыцари столкнулись со страшным грохотом. Оба копья дрогнули в руках, и кони встали на

дыбы. Однако Роджер удержался в седле, хотя и был наполовину оглушен чудовищным ударом, в то время как Бутумитеса выбросило из седла, словно ударом молнии. Он остался лежать там, где упал, бесформенной грудой полированного металла в пыли, и из его расколотого шлема сочилась кровь.

Роджер успокоил лошадь, соскользнул на землю, в голове у него все еще звенело. Копье византийца, отразившись от края щита, сорвало с его головы капюшон и едва не порвало сухожилия на шее. На негнущихся ногах он подошел к толпе, что собралась вокруг распростертого на земле грека. С него сняли шлем с перьями, и Бутумитес посмотрел остекленевшими глазами на лица стоявших вокруг. Ясно было, что он умирает. Его нагрудник был разбит, и вся грудная клетка вдавлена внутрь. Альдемар склонился к нему с четками в руке, быстро бормоча молитву.

— Сын мой, не желаешь ли исповедоваться?

Губы умирающего пошевелились, но выдохнули лишь слабый хрип. Собрав последние силы, грек пробормотал:

— Дорилеум... Килидж Арслан... Бозмунд...

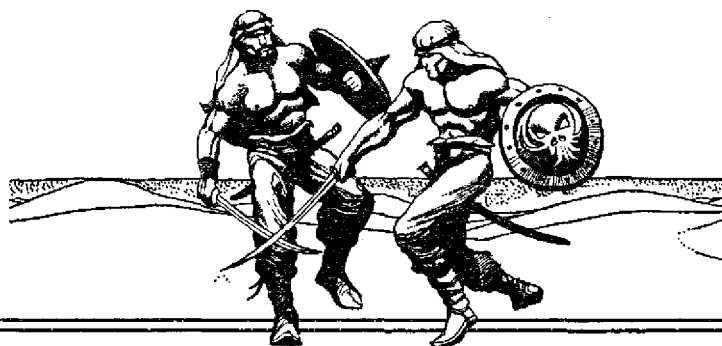
Тут кровь хлынула с его губ, и он застыл, разбросав покрытые сталью руки и ноги. Годфрей немедленно перешел к делу.

— По коням! — крикнул он. — Коня сэру Роджеру! Бозмунд нуждается в помощи, и, во имя Господа, он не будет звать напрасно!

Толпа закричала, наступила всеобщая суматоха — рыцари садились на коней, воины облачались в доспехи, женщины и пажы собирали шатры.

— Подождите! — воскликнул Сен-Жиль. — Мы не можем отправиться вместе с повозками и слугами — кто-то должен охранять обоз...

— Вот и займись этим, милорд Раймонд, — сказал Годфрей, стгоя от желания лететь навстречу врагу и на помощь другу. — Подготовь повозки и следуй за нами. Мне и моим всадникам нужно спешить. Роджер, веди!

РОЖДАЮЩИЕ ГРОМ

1

Посетители таверны как по команде повернули головы к двери и уставились на вошедшего.

В дверях стоял высокий широкоплечий человек, одетый в простую тунику, короткие кожаные штаны и плащ из верблюжьей шерсти; на ногах его были рваные стоптанные сандалии, покрытые пылью множества дорог и троп. В загорелой мускулистой руке он крепко сжимал посох пилигрима. Его спутанные рыжие волосы, перехваченные синей повязкой, достигали самых лопаток, черты лица были резки, тонкие губы усмешливы, а яркие синие глаза светились безрассудством. На поясе, в потертых ножнах, висел короткий прямой меч.

Его спокойный взор скользнул по завсегдатаям этого заведения — мореплавателям, разным бездельникам, что лениво потягивали чай и без умолку болтали, — и остановился на человеке, который сидел поодаль, за грубо сколоченным столом, и пил вино. Новоприбывший никогда его прежде не видел. Этот парень был высок, плечист и гибок как пантера. Взгляд его голубых

глаз, глядевших из-под гривы золотистых с рыжим отливом волос, казался холодным будто лед. Он был облачен в легкую серебристую кольчугу, на поясе у него висел длинный меч, а на скамье рядом с ним лежали небольшой щит и легкий шлем.

Новоприбывший уверенно шагнул вперед, остановился перед ним и, насмешливо улыбнувшись, произнес несколько слов. Незнакомец совсем недавно прибыл на Восток, а потому ровным счетом ничего не понял. Он повернулся к одному из завсегдатаев и спросил его на норманнском наречии:

— Что говорит этот неверный?

— Я сказал, — ответил путешественник на том же языке, — что наступили дни, когда стало невозможно войти в египетскую таверну, чтобы не обнаружить там христианского пса у себя под ногами.

Услышав это, незнакомец поднялся, и путешественник тут же потянулся к своему мечу. В глазах христианина блеснули искрящиеся огоньки, он дернулся подобно вспышке летней молнии. Вытянув вперед левую руку с поднятой ладонью, правой он выхватил меч и занес его над головой. Путешественник еще не вынул свой меч из ножен, но легкая усмешка не сходила с его губ. С почти детским изумлением он взглянул на лезвие, сверкнувшее перед его глазами, как будто был зачарован блеском стали.

— Проклятый пес! — прорычал христианин. Его голос напоминал скрежет металла. — Я отправлю тебя в ад небритым!

— Тебя, наверное, произвела на свет бешеная пантера, коль ты прыгаешь, словно кот, — спокойно отозвался путешественник, как будто бы в этот миг его жизнь не висела на волоске. — Однако ты меня удивил. Я не знал, что франки осмеливаются обнажать меч в Дамiette.

Франк хмуро взглянул на противника, голубые глаза его угрожающе вспыхнули.

— Ты кто? — сурово спросил он.

— Гарун-путешественник, — усмехнулся его собеседник. — Убери свой клинок. Прошу прощения за мои грубые слова. Есть еще на свете франки старой закалки.

Выражение лица христианина смягчилось, и он убрал меч в ножны. Вновь усевшись за стол, он жестом пригласил путешественника присоединиться.

— Давай-ка садись и освежись немного. Если ты путешественник, то тебе, должно быть, есть что порассказать.

Однако Гарун принял это предложение не сразу. Он обвел взглядом таверну и рукой подозвал хозяина, который с видимой неохотой двинулся к нему. Подойдя ближе, хозяин отшатнулся, приглушенно вскрикнув. Взгляд Гаруна внезапно стал жестким и колючим, он нахмурил брови и рявкнул:

— Ты что, хозяин, хочешь сказать, что уже когда-то встречался со мной?

Его голос напоминал рычание тигра, вышедшего на охоту, он заставил трактирщика задрожать, словно от лютого холода. Расширенные от ужаса глаза бедняги не отрываясь смотрели на сильную тяжелую руку, постукивающую по рукоятке меча.

— Нет, нет, господин, — залепетал хозяин. — Клянусь Аллахом, я вас не знаю... Я никогда вас раньше не видел. — Мысленно он добавил: «И, слава Аллаху, никогда больше не увижу!»

— Тогда скажи мне, что здесь делает этот франк в доспехах и при оружии? — резким голосом спросил Гарун по-турецки. — Венецианским собакам позволено торговать в Дамiette, так же как и в Александрии, но они расплачиваются за эту привилегию тем, что терпят насмешки и оскорбления, и никто из них не осмелится здесь нацепить на пояс меч, а уж тем более поднять его на мусульманина!

— Он не венецианец, добрый Гарун, — отвечал хозяин. — Вчера он сошел на берег с венецианской торговой галеры, потому что не поладил с торговцами

или с командой. Он уверенно ходит по улицам, открыто носит оружие и пререкается со всяким, кто его заденет. Он говорит, что направляется в Иерусалим, но не смог найти корабль, который шел бы в Палестину, потому и приехал сюда. Он намерен проделать остаток пути по суше. Мусульмане говорят, что он сумасшедший, и никто не хочет с ним связываться.

— А ты знаешь, что безумцев коснулась рука Аллаха и они находятся под его покровительством? — усмехнулся Гарун. — Хотя этот человек, я думаю, вовсе не безумен. Ладно, давай тащи мне вина, собака!

Хозяин низко поклонился и метнулся прочь — выполнять приказание путешественника. Запрещение Пророком крепкого вина и прочие ортодоксальные заповеди частенько нарушались в Дамииетте, куда стекался народ самых разных национальностей. Турки жили здесь бок о бок с коптами, а арабы — с суданцами.

Гарун опустил на скамью против франка и взял кубок вина, принесенный слугой.

— Ты сидишь здесь, в самой гуще своих врагов, словно восточный шах, — усмехнулся он. — Клянусь Аллахом, у тебя поистине королевский вид.

— А я и есть король, неверный, — буркнул франк. Вино, которое он выпил, вселило в его душу изрядную долю безрассудства.

— Ну и где же твое королевство, малик? — Вопрос был задан без всякой насмешки. Гарун видел на своем веку многих свергнутых королей, которые были вынуждены покинуть родину и бежать на Восток.

— На темной стороне луны, — отвечал франк с горьким смехом. — Среди руин всех нерожденных или забытых империй, скрытых сумерками далеких веков. Кагал Руад О'Доннел, король Ирландии. Это имя ничего не значит для тебя, Гарун с Востока, и ничего не значит для страны, где я родился и которая была моей. Те, кто были моими врагами, теперь на вершине власти, а те, кто были моими вассалами, лежат холодные и неподвижные глубоко в земле. Летучие мыши охотят-

ся в моих разрушенных замках, и уже само имя Рыжего Кагала стерлось в памяти людей. Ну что ж, наполни-ка мой кубок, раб!

— У тебя душа воина, малик. Ты стал жертвой чего-то вероломства?

— Вот именно, вероломства,— Кагал скрипнул зубами,— а также уловок и коварства одной женщины, которая заворожила и ослепила меня настолько, что меня выбросили, как сломанную пешку. Да, леди Элинор де Курси, с ее черными, как полуночные тени озера Дерг, волосами и серыми глазами, подобными...

Внезапно он дернулся, как человек, очнувшийся от транса, и в его глазах вновь появился воинственный блеск.

— Святые и дьяволы! — взревел он. — Да кто ты такой, что я должен изливать перед тобой свою душу? Вино предало меня и развязало мой язык, но я...

Он потянулся к рукоятке меча, но Гарун рассмеялся:

— Я не сделал тебе ничего плохого, малик. Направь свой воинственный пыл в другую сторону. Клянусь Эрликом, я сейчас устрою тебе отличное испытание, дабы охладить твою кровь!

Поднявшись, он схватил копьё, лежавшее рядом с пьяным солдатом, прямо посередине древка острием вверх и, обойдя вокруг стола, вытянул свою мощную руку.

— Хватайся за древко, малик, — засмеялся он. — За всю мою жизнь я не встретил никого, кто мог бы покачнуть древко в моей руке.

Кагал поднялся, ухватился за копьё так, что его сжатые пальцы почти касались пальцев Гаруна. Затем оба, широко расставив ноги и согнув руки в локтях, напрягли все свои силы. Лица их покраснели, толстые вены на могучих шеях вздулись, мышцы перекачивались под кожей словно железные шары. Оба они были под стать друг другу: Кагал чуть повыше ростом, а Гарун чуть пошире в плечах. Они противостояли друг

другу, как медведь и тигр, как лев и пантера. Истуканами замерли они на одном месте — никто из них не сдвинулся и на один дюйм, и копье оставалось совершенно неподвижным под натиском равных сил. Затем, с внезапным громким треском, крепкое дерево расколосось, соперники пошатнулись, у каждого в руке оказалась половина древка, переломившегося надвое.

— Хо! — закричал Гарун, сверкая глазами, которые, впрочем, тут же потускнели, ибо в них мелькнуло внезапное сомнение. — Клянусь Аллахом, малик, — сказал он, — это никуда не годится! Из двух мужчин один должен повелевать, иначе обоих ждет плохой конец. Это значит, что никто из нас никогда не уступит другому и...

— Садись и давай выпьем, — отозвался кельт, отбросив в сторону сломанное древко и взяв в руки кубок. По выражению его лица было видно, что он уже отбросил свои воспоминания о потерянном величии и прочие грустные мысли. — Я давно не был на Востоке и не ожидал увидеть человека, подобного тебе. Сдается мне, ты не таков, как все те египтяне, арабы и турки, которых я встречал.

— Я родился далеко, к востоку отсюда, среди шатров Золотой Орды, в степях Верхней Азии, — сказал Гарун, опускаясь на скамью. Его лицо вновь приняло веселое выражение. — Я был уже почти взрослым, когда услышал о Магомете, хвала ему! Хо, богатур! Кем я только не был в этой жизни! Когда-то довелось мне быть татарским князьком — я сын хана Субудая, который был правой рукой Чингис-хана. Потом — когда турки совершили набег на восток и захватили в Орде множество пленных — я стал рабом. На невольничьих рынках Каира меня продали за три слитка серебра, клянусь Аллахом, и мой хозяин отдал меня в багайризы (если тебе неизвестно, то багайризами называют солдат из рабов), потому что он боялся, что я его задушу! Хо! А теперь я — Гарун-путешественник и совершаю паломничество к святым местам. Но все-

го несколько дней назад я был человеком Байбарса, дьявол его поberi!

— На улицах люди говорят, что этот Байбарс и есть настоящий правитель Каира, — с любопытством произнес Кагал. Хотя он недавно появился на Востоке, он уже слышал это часто повторявшееся имя.

— Люди врут, — махнул рукой Гарун. — Египтом правит султан, а султаном правит Шаджар ад-Дарр. Байбарс же всего-навсего генерал багайризов, величайший болван. И я был его человеком! — Он внезапно громко расхохотался. — Я приходил и уходил по его приказанию — укладывать его в кровать, поднимать его по утрам, сидеть вместе с ним за столом, кормить его... Я только что не пережевывал за него пищу! И все же я убежал от него! Клянусь Аллахом, сегодня мне не придется возиться с этим глупым Байбарсом! Я свободный человек, и пусть дьявол займется им, султаном и Шаджар ад-Дарром, да и всей Саладинской империей. Теперь я сам себе хозяин!

Из него ключом била энергия, не позволявшая ему ни одного мгновения посидеть спокойно и помолчать. Казалось, от радости он слегка обезумел. Синие глаза его излучали неиссякаемую жизненную силу. С громким раскатистым смехом он хлопнул ладонью по столу и заорал:

— Клянусь Аллахом, малик, ты поможешь мне отпраздновать мое освобождение от безмозглого осла Байбарса, дьявол его поberi вместе со всей его грязью! Эй, парень, неси кумыс! Мы с господином Кагалом собираемся устроить такую пьянку, какой кабаки Дамьетты не видели последние сто лет!

— Но мой господин уже опустошил целый кувшин вина и совсем пьян! — воскликнул неопределенного вида слуга, которого Кагал нашел себе на одном из причалов. Он вовсе не так уж заботился о своем господине, а просто по восточной привычке вмешивался во все со своими суждениями.

— Что я сказал? — зарычал Гарун, хватая кувшин вина. — Не смей перечить! Вот смотри, я сейчас

выпью залпом этот кувшин! — Большими глотками он осушил кувшин и с грохотом поставил его на стол.

Наконец принесли кумыс — перебродившее кобылье молоко в перевязанных и запечатанных кожаных мехах, — запрещенный напиток, привезенный с караванами из турецких земель для соблазна пресыщенной знати и удовлетворения жажды кочевников и багайризов.

Кубок за кубком Кагал вместе с Гаруном поглощал беловатый острый напиток. Никогда еще у изгнанного ирландского короля не было такого собутыльника, как этот бродяга. От громового смеха Гаруна вздрагивали даже выдавшие виды сплавщики леса, что сидели сейчас в таверне. Он во весь голос рассказывал забавные истории, пел арабские любовные песни, в которых и слова и мелодии дышали шорохом пальмовых листьев и шелестом шелковых вуалей, диким голосом ревели лихие песни наездников на никому не ведомом языке, и в этих мотивах слышались раскатистые звуки монгольских барабанов и звон мечей.

Луна зашла, Дамиетта погрузилась в предрассветную тишину. Гарун, пошатываясь, поднялся со скамьи и ухватился за край стола. Возле него стоял единственный прислужник, наливавший вино в кубки. Остальные слуги и гости похрапывали на полу, многие посетители уже давно разошлись. Гарун, мутным взором оглядев спящих, поднял голову и издал громкий воинственный крик.

— Если бы ты не был королем, малик, — прорычал Гарун, — я показал бы тебе борьбу на дубинках. Моя кровь разгорячилась, как кровь турецкого жеребца, и, клянусь Аллахом, я пробил бы чью-нибудь башку в честном бою!

— Тогда бери свой посох, — отозвался, поднимаясь, Кагал. — Меня считают дураком, но никто никогда не посмеет сказать, что я отступаю в драке.

Опрокинув стол, он схватился за одну из его ножек. Раздался треск дерева, и круглая ножка стола оказалась в железной руке кельта.

— Вот моя дубинка, странник! — взревел он. — Давай начнем честный поединок, и если удача захочет тебе улыбнуться, то пусть она прикроет твою голову своими крыльями!

— Вот это по-моему, малик! — весело воскликнул Гарун. — Ни один король со времен малика Рика не скрещивал дубинки с вольным странником! — С громовым смехом он взял свой посох.

Борьба была короткой и яростной. Вино, которое оба они выпили, лишило их руки твердости, а глаза ясности, да и на ногах оба стояли уже не совсем уверенно, но сила их оставалась прежней. Гарун ударил первым, и больше по счастливой случайности, чем благодаря своему искусству, Кагал парировал удар. Дубинка Гаруна все же скользнула над его ухом, да так, что из глаз короля-изгнанника посыпались мириады сверкающих искр. Удар откинул его к столу, левой рукой Кагал ухватился за его край, чтобы удержать равновесие, а затем нанес ответный удар — столь быстрый и яростный, что странник не смог его отразить. Хлынула кровь. Дубинка раскололась в руке Кагала, и Гарун рухнул на пол, как бревно.

Кагал разочарованно отшвырнул в сторону обломки дубинки, встряхнул головой, чтобы обрести ясность мыслей.

— Ни один из нас не поддастся другому — ну что ж, а сейчас я все же одержал верх...

Он замолчал. Гарун лежал, распростершись на полу, и мирно похрапывал. Удар Кагала рассек ему кожу и свалил с ног, но невероятное количество хмельного, выпитого татаринном, заставило его в мгновение ока заснуть мертвецким сном. Кагал понял, что если он не выберется как можно скорее на свежий воздух, то сейчас же рухнет без чувств рядом с Гаруном.

Бормоча про себя проклятия, он пинками растолкал слугу и, взяв щит, шлем и плащ, пошатываясь, вышел из таверны. Огромные белые грозди звезд висели в ночном небе над плоскими крышами Дамьетты, от-

ражаясь в черных волнах реки. Собаки и нищие спали прямо в пыли на улицах, и в черных тенях извилистых аллей не было видно даже крадущегося вора.

Слуга привел коня, Кагал прыгнул в седло и поскакал по безмолвным улицам. Холодный ветер — предвестник восхода — окончательно освежил его, когда он проезжал по лабиринту аллей и базаров. Солнце, пока таящееся где-то в глубинах ночи, еще не окрасило первыми лучами горизонт, но в воздухе уже чувствовалось его приближение.

Король-изгнанник скакал мимо грязноватых домиков с плоскими крышами, вдоль сточных канав, мимо колодцев с длинными деревянными журавлями, мимо раскидистых пальм. Позади него оставался в темноте удивительный, загадочный город, а впереди растлались пески Джифара.

2

Бедуины не перерезали горло Рыжему Кагалу по дороге из Дамьетты в Аскалон. Видимо, судьба берегла его для каких-то особых дел и свершений, и потому он ехал бесечно, в одиночестве (если не считать его оборванца-слуги), через пустынные земли, и ни одна зазубренная стрела или кривая сабля не коснулись его, хотя несколько всадников с ястребиными лицами в развевающихся белых халатах все же досаждали путнику на последнем отрезке пути, преследуя его до самых ворот христианских пограничных крепостей.

По беспокойной земле ехал пилигрим Рыжий Кагал, направляясь в Иерусалим в теплые весенние дни 1243 года. Золотоволосый принц узнал много нового о земле, которая в начале путешествия представлялась ему смешением неясных имен и событий. Он узнал, что император Фредерик II отобрал Иерусалим у неверных без боя. Он узнал, что теперь Святой город христиане поделили с мусульманами, которые

тоже почитали этот город и называли его Аль Кудс, что означает «святой», потому что оттуда, как они говорили, Магомет вознесся в рай и там он будет вершить последний суд над людскими душами.

Еще Кагал узнал, что дух этой земли был лишь тенью героического прошлого. На севере Богемунд VI правил Антиохией и Триполи, на юге христиане владели берегом до самого Аскалона, у них были города, такие как Хеврон, Вифлеем и Рамлах. Мрачные орден тамплиеров и рыцарей святого Джона рыскали как сторожевые псы, и злобные солдаты-монахи не расставались с оружием ни днем, ни ночью, готовые отправиться в любую часть страны, которой будет угрожать вторжение неверных. Но как долго могла продержаться эта тонкая линия защиты и как долго люди, жившие вдоль берега, могли противостоять все возраставшему натиску орд язычников?

Из разговоров в тавернах по дороге в Иерусалим Кагал вновь услышал имя Байбарса. Поговаривали, что султан Египта, потомок великого Саладина, впал в старческое слабоумие и всем правила наложница — Шаджар ад-Дарр, с которой делили власть военачальники курд Ае Бег и Байбарс Пантера. Этот Байбарс был сущим дьяволом в человеческом обличье — говорили, что он страшный пьяница и любитель женщин, его ум был острее, чем у монахов, а его отвагу в сражении воспевали арабские певцы. Он был человеком сильным и честолюбивым.

Он командовал наемниками, которые, как говорили, были истинной силой египетской армии — некоторые называли их багайризами, другие — мамелюками. Это войско большей частью состояло из турецких рабов, обученных только искусству войны. Сам Байбарс служил когда-то в армии как простой солдат и стал полководцем только благодаря своей отваге. Он мог за один присест съесть жареную овцу, как рассказывали арабские путешественники, и, хотя вино запрещалось Кораном, все прекрасно знали, что он мог пере-

пить всех своих офицеров. Также было хорошо известно, что он мог переломить человеку хребет голыми руками, впад в ярость, и, когда он скакал на коне в гуще сражения, размахивая своей тяжелой кривой саблей, никто не смел встать на его пути.

И если этот воплощенный дьявол пришел с юга со своими головорезами, как могли правители земли обетованной противостоять ему без помощи, которую измученная войнами и распрями Европа не смогла им предоставить? Среди франков сновали шпионы, изучая их слабые места, рассказывали, что самому Байбарсу удалось под видом бродячего сказителя проникнуть во дворец Богемунда. Не иначе, он был в союзе с самим Злом, этот египетский полководец. Он любил ходить среди своих людей, изменив облик, и, говорили, безжалостно убивал всякого, кто узнавал его. Странная душа, полная воинственных порывов и жестокая, как у хищника.

Но все же больше всего разговоров было не о Байбарсе и не о султанине Измаиле, мусульманском правителе Дамаска. Там, где розовел восток, поднималась еще одна угроза, превосходившая по своей силе обоих этих ближайших врагов.

Кагал услышал о странном новом ужасном народе, подобном бичу для Востока, — монголах, или татарах, как их называли священники, уверяя, что это настоящие демоны, о которых возвещали еще древние пророки. Давным-давно они ворвались, как песчаная буря с востока, сметая всех на своем пути, поставили на колени мусульманский мир и стерли в пыль владения мусульманских царей. Их полководцем был тот самый Субудай, о котором Кагал впервые услышал от Гаруна.

Затем орда повернула назад, и Святая земля избежала участи своих соседей. Монголы двинулись обратно, в глубь неизвестного востока, со своими знаменами из бычьих хвостов, со своими ужасными луками, и люди почти забыли их. Но в последние годы грифы

вновь закружили на востоке, время от времени с курдских холмов приходили вести о турецких кланах, спасавшихся бегством от надвигающегося войска со знаменами из бычьих хвостов. Неужели непобедимая орда вновь двинулась на юг? Субудай не тронул Палестину, но кто мог знать, что было на уме у Мангу-хана, коего арабские путешественники называли нынешним правителем кочевников?

Так говорили люди теми теплыми весенними днями, когда Кагал держал путь в Иерусалим, стараясь забыть прошлое, растворяясь в настоящем, впитывая в себя дух и традиции этой страны и ее народа, изучая новые языки с легкостью, присущей кельтам.

Он прибыл в Хеврон и в большом кафедральном соборе Вифлеемской Девы преклонил колени возле святого места — места рождения Господа Иисуса Христа, — где всегда горело множество свечей. Затем он приехал в Иерусалим — древний город с разрушенными султаном Дамаска стенами, с которых муллы протяжно созывали мусульман на молитву и внутри которых они существовали бок о бок с христианскими священниками, воспевавшими Иисуса.

За улицей Скорби он увидел изящные колонны порталов Аль Аксы, и ему сказали, что самое первое, что должен сделать истинный христианин, прибывший в Иерусалим, — это приложить руки к этим колоннам. Ему показали мечети, которые когда-то были христианскими храмами, и рассказали, что позолоченный купол над мечетью Омара накрывает серый камень, являвшийся для мусульман святыней святынь — с него Магомет вознесся в рай, а в дни Израиля на нем стоял ветхозаветный ковчег, а потом храм, откуда Христос изгнал торговцев. Этот камень был вершиной горы Мориях — одной из двух гор, на которых был построен Иерусалим.

Но теперь мусульманский купол скрывал камень от взоров христиан, и дервиши с обнаженными мечами стояли возле него днем и ночью, преграждая путь

неверным, хотя и считалось, что городом правили христиане. Тут Кагал осознал, сколь беспомощными и слабыми стали почитатели Христа на земле обетованной.

Он направился к холмам, окружавшим Святой город, и остановился на горе Олив, дабы окинуть взором весь прекрасный Иерусалим. Здесь почти сто пятьдесят лет тому назад стоял Танкред. И здесь же король-изгнанник глубоко задумался о тех далеких днях, когда впервые сюда пришли с запада люди, сильные своей верой и страстным желанием найти царство Божие.

Теперь их потомки перерезали глотки своим соседям на западе и стояли под пятой честолюбивых королей и алчных служителей церкви и в своих войнах и воплях забыли ту неясную зыбкую границу, за которой еще оставалась тень былой славы.

Дальше и дальше скакал на своем коне Рыжий Кагал сквозь юную весну, жаркое лето, задумчивую осень, следуя древними путями пилигримов, что увлекали его от Иерусалима в неведомые, удивительные и загадочные края, о коих прежде он мог только слышать. Он побывал в Аскалоне, Тире, Яффе и Акре, посетил мрачные монастыри ордена тамплиеров. Уолтер де Бриен предложил ему совместно управлять пришедшим в упадок королевством, но Кагал отказался и отправился дальше. Трон, на котором он никогда не сидел, и слава земного правителя не прельщали его.

Так, в мечтах о новой весне, он прибыл в замок Рено д'Иблена возле самой границы.

3

Сир Рено был отпрыском могущественной христианской семьи д'Ибленов, владевшей мрачными серыми замками на побережье. Самому ему, правда, достались лишь немногие плоды завоеваний предков. Путешественник и искатель приключений, живущий своим умом и мечом, он получал от судьбы больше тя-

желых ударов, нежели богатств. Он был высок и строен, на его загорелом лице выделялись орлиные глаза и тонкий с горбинкой нос. Он носил старые, выдавшие виды доспехи, потертый и рваный бархатный плащ, а с рукояток его меча и кинжала давным-давно исчезли прекрасные драгоценные камни. Все его владения свидетельствовали об упадке и бедности. Пересохший ров, окружавший замок, во многих местах был засыпан, а внешние стены представляли собой просто груды обвалившегося камня. Внутренний двор зарос сорной травой, которая буйно росла повсюду, даже над засыпанным колодцем.

Комнаты замка были пустыми и пыльными, огромные пауки вили свои паутины среди холодных камней, по полу сновали юркие ящерицы. Шаги отдавались гулким эхом в огромных залах и коридорах. Сюда уже не приходили крестьяне с хлебом и вином, и пестро одетые расторопные слуги не сновали повсюду, потому что вот уже полстолетия замок стоял заброшенный, пока д'Иблен не приехал на Иордан, чтобы поселиться в нем. Вскоре, доведенный бедностью до отчаяния, благородный сир стал главарем шайки разбойников, грабивших караваны мусульман.

Сейчас, в сумрачной пыльной башне полуразвалившегося замка, рыцарь в ветхом наряде сидел за кубком вина со своим гостем.

— История постигшего вас предательства немного мне известна, — сказал Рено.

Кагала немало удивили слова хозяина — ведь с той далекой ночи в Дамьетте он никому не рассказывал о своем прошлом.

— Кое-какие вести из Ирландии долетели и до этого отдаленного края, — продолжал рыцарь. — А потому — как бродяга бродяге — предлагаю к вашим услугам мой кров и мою пищу. Но я хотел бы услышать эту историю из ваших собственных уст.

Кагал невесело усмехнулся и сделал большой глоток вина.

— История скоро сказывается и быстро забывается. Меня лишили наследства еще до моего рождения. Английские лорды обещали мне содействие в моих претензиях на ирландский трон. Но я должен был помочь им в борьбе против О'Нилов. Тогда окончилась бы их тягостная вассальная зависимость от Генриха Английского и они служили бы мне как бароны. В этом поклялся мне Уильям Фитцджеральд и остальные лорды. Но я не так уж глуп. Им не удалось бы уговорить меня так легко, если бы... не леди Элинор де Курси, с ее черными волосами и гордыми нормандскими глазами. О дьявол!.. Что ж, могу рассказать и то, что было дальше. Я сражался за них — и выигрывал для них войны, но они обманули меня и изгнали прочь. Я пошел сражаться за трон, имея меньше тысячи человек. Теперь их кости покоятся на холмах Донегала, и лучше бы сам я тоже погиб там. Увы, мои солдаты принесли меня, бесчувственного, с поля битвы...

Затем и мой собственный клан изгнал меня. Я понес свой крест — после того, как перерезал глотку Уильяму Фитцджеральду на глазах у его приспешников. Не стоит больше об этом говорить. Мое королевство превратилось в призрачное туманное облако. Я скитаюсь по свету, прокладывая себе дорогу в этой жизни своим мечом, и ищу забвения от утраченных мечтаний о троне и от призрака умершей любви.

— Оставайся здесь и грабь караваны вместе со мной, — предложил Рено. Кагал пожал плечами:

— Боюсь, это долго не продлится. Если на вас нападут, то всего лишь с полусотней вооруженных людей ты не сможешь долго удерживать эти руины. Я видел, что старый колодец засыпан, и запасы воды, видимо, на исходе. В случае осады у тебя останутся только бочки с водой, которую ты наберешь из весенних луж за стенами замка.

— Бедность толкает людей на отчаянные поступки, — дружески кивнул Рено. — Готфри, первый правитель Иерусалима, построил этот замок как заставу в те

дни, когда его правление простиралось за Иордан. Саладин напал на замок и частично разрушил его, и с тех пор здесь гнездятся летучие мыши да ночуют шакалы. Я сделал его своим логовом, отсюда я устраиваю набеги на караваны, идущие в Мекку, но обыкновенно добыча бывает очень скудной. Мой сосед, шейх Сулейман ибн-Омад, неизбежно уничтожит меня, если я останусь здесь надолго, хотя пока я успешно борюсь с его небольшими отрядами. Я довел его до бешенства набегами на пилигримов, что направляются в Мекку, — ведь он обещал им защиту и покровительство. Так что теперь он поклялся вывесить мою голову на своей башне. Ну что ж, у меня есть еще кое-что на уме. Взгляни сюда.

Сир Рено указал гостю на стол, где острием ножа было нацарапано нечто вроде карты.

— Вот здесь мой замок, а вот здесь, к северу, находится Эль-Омад — владение шейха Сулеймана. Теперь взгляни: далеко к востоку я провожу извилистую линию — вот так. Это великая река Евфрат, которая начинается где-то в холмах Малой Азии и пересекает всю равнину, соединяясь наконец с Тигром и впадая в Бальэль-Фарс — Персидский залив ниже Басры. Теперь смотри, вот здесь, где я ставлю отметку, стоит Мосул, город персов. За Мосулом лежит неизведанная земля, покрытая пустынями и горами, но среди этих гор находится некий город, называемый Шахазар. Там — сокровищница султанов. Правители Востока посылают туда золото и драгоценности, а сам город управляется воинами, которые поклялись охранять эти сокровища. Ворота днем и ночью крепко-накрепко закрыты, и ни один караван не выходит из города. Это тайное хранилище богатств и роскоши, и мусульмане стараются, чтобы слухи о нем не дошли до ушей христиан. Теперь ты понимаешь меня? Я намереваюсь покинуть свои древние руины и отправиться на восток, на поиски этого города!

Кагал, восхищенный этой красивой и безумной идеей, улыбнулся, но с сомнением покачал головой:

— Если сокровища так хорошо охраняются, как ты говоришь, как может горстка людей надеяться завладеть ими? Даже если им удастся прорваться через вражескую страну, которая лежит между этим замком и Шахазаром...

— Потому что горстка франков уже когда-то захватила эти сокровища, — ответил Д'Иблен. — Почти полвека назад искатель приключений Кормак Фитцджерффри совершил набег на Шахазар и унес неописуемое богатство. То, что сделал он, может сделать и кто-то другой. Конечно, это безумие: скорее всего, курды перережут нам глотки еще до того, как мы увидим берега Евфрата. Но мы будем мчаться быстро — и тогда мусульмане, занятые предстоящим нашествием монголов, могут не заметить небольшой отряд всадников. Мы будем ехать на день впереди слухов о нас и ворвемся в Шахазар внезапно, подобно урагану. Лорд Кагал, неужели мы будем сидеть и покорно ждать, когда Байбарс придет из Египта и перережет нам глотки? Или мы отважимся испытать судьбу под самым носом мусульман и монголов?

Холодные глаза Кагала сверкнули, и он громко рассмеялся, как будто безумие, таившееся в его душе, нашло отклик в безумии сделанного ему предложения. Он и Рено д'Иблен ударили друг друга по рукам.

— Над землей обетованной навис призрак смерти, но если мы встретим ее в нашем путешествии, это будет ничуть не менее славно, чем столкнуться с ней лоб в лоб на поле битвы! Мы мчимся на восток, дьявол знает за какой смертью!

Солнце едва село, когда ретивый слуга Кагала, преданно следовавший за своим господином на протяжении всех его полных опасностей путешествий, пробравшись через пролом в стене, помчался к Иордану, безудержно нахлестывая своего пони. Жизнь была ему дороже, чем сумасшедшие планы хозяина.

Когда в небе замерцали первые звезды, Рено и Рыжий Кагал спустились верхом со склона во главе

отряда хорошо вооруженных людей. Это были закаленные в боях молчаливые воины, рожденные большей частью на земле обетованной, и несколько ветеранов Нормандии и Рейнланда, которые последовали за своими лордами в Святую землю и остались там. Они были одеты в кольчуги и стальные шлемы, у каждого имелся небольшой легкий щит. Они ехали на резвых арабских скакунах и выносливых турецких жеребцах да к тому же вели за собой множество прекрасных коней, захваченных однажды в набеге. Кстати, именно после этого набега в уме Рено и родился план нападения на Шахазар.

Д'Иблен давно усвоил урок, преподанный Востоком: секрет успеха любого военного предприятия в быстроте и в том, какой конь под тобой. И все же он понимал, как рискованно, почти неосуществимо то, что он задумал. Да, Кагал и Рено отправились в страну, где непрестанно кружили грифы.

4

Бородатый часовой на башне, возвышавшейся над воротами Эль-Омада, прищутив глаза, пристально вглядывался вдаль. Далеко на востоке появилось облако пыли, в коем то появлялась, то вновь исчезала черная точка. Араб без труда догадался, что это едет одинокий всадник на загнанном коне. Он дал сигнал тревоги, и спустя мгновение рядом с ним появились еще несколько стражников, державших наготове луки и копья. Они следили за приближавшейся фигурой с тем напряжением, какое бывает у людей, рожденных для междоусобных войн и набегов.

— Какой-то франк, — сказал один из них. — Скачет на издыхающей кляче.

Они внимательно смотрели, как всадник, окутанный облаком пыли, медленно приближался, пока наконец не достиг ворот Эль-Омада. Самый молодой

стражник вскинул лук, но резкое слово, произнесенное первым часовым, остановило его. Франк у ворот то ли слез, то ли свалился со своего ослабевшего коня, шатаясь, подошел к воротам и несколько раз постучал.

— Клянусь Аллахом, — удивленно воскликнул бородатый часовой, — назареянин сошел с ума! — Он наклонился вниз и крикнул: — Эй, покойник! Что тебе надо у ворот Эль-Омада?

Франк взглянул наверх воспаленными глазами. Его лицо заострилось и потемнело под палящими ветрами пустыни, колытуга побелела от пыли, а губы потрескались и запеклись.

— Открой ворота, собака, иначе тебе придется плохо! — с трудом произнес он.

— Это же Кагал-малик — рыжий король. Люди называют его безумным, — прошептал лучник. — Он ехал верхом вместе с лордом Рено, как сказали пастухи. Не упускайте его из виду, пока я не схожу за шейхом.

— Тебе, должно быть, жить надоело, назареянин, — сказал первый часовой, — если ты пришел к воротам своего врага.

— Сходи за хозяином замка, собака! — рявкнул кельт. — Я не разговариваю со слугами, а мой конь умирает.

Наконец среди стражников замаячила высокая фигура шейха Сулеймана ибн Омада.

— Клянусь Аллахом, это какая-то ловушка! — воскликнул он. — Назареянин, что тебе здесь надо?

Кагал облизал почерневшие губы сухим языком.

— Когда бегут дикие собаки, пантера и бык спасаются вместе, — сказал он. — Смерть несется с востока как на мусульман, так и на христиан. Я приехал предупредить тебя — позови своих слуг и заставь их как следует запереть ворота, иначе следующий восход солнца ты будешь встречать среди обутлившихся руин твоего замка. И еще... Я призываю тебя оказать гостеприимство подвергнувшемуся опасности путешественнику — мой конь умирает.

— Это не ловушка,— пробормотал шейх в боро-
ду.— Франк говорит правду. На востоке уже началось
разрушение, и кто знает, монголы, может быть, уже
близко...

Он чуть повернул голову к стражникам и повели-
тельно крикнул:

— Откройте ворота, собаки, и впустите его!

Кагал, пошатываясь, ввел своего измученного
коня в открытые ворота, и первые же его слова вызва-
ли среди арабов уважение.

— Позаботьтесь о моем коне...— пробормотал он
и опустился на землю, закрыв лицо руками.

Раб принес ему кувшин воды. Жадно выпив все
до капли, Кагал поставил пустой сосуд на землю и тут
только увидел, что шейх спустился с башни и стоит
перед ним. Острым взглядом Сулейман окинул кельта
с головы до ног, отметив про себя и следы усталости
на его лице, и пыль, покрывавшую доспехи, и свежие
вмятины на шлеме и щите. Край ножен был покрыт
черной запекшейся кровью, что говорило о том, что
путник убирал меч, не тратя времени на то, чтобы вы-
тереть его.

— Ты много сражался и быстро убежал,— заклю-
чил Сулейман.

— Да, клянусь всеми святыми.— Кагал хрипло
рассмеялся.— Я бежал ночь и день и снова ночь без
отдыха. Этот конь уже третий, который пал подо мной.

— От кого ты бежишь?

— От орды, которая, должно быть, появилась из
самого пекла ада! Дикие всадники в высоких меховых
шапках и с волчьими головами на своих знаменах.

— Аллах иль Аллах! — воскликнул Сулейман.—
Хорезмийцы! Они летят впереди монголов!

— Сдается мне, они убегают от какой-то более
мощной орды,— отозвался Кагал.— Позволь мне бы-
стро рассказать тебе всю историю. Мы вместе с сиром
Рено и всеми его людьми отправились на восток в по-
исках сказочного города Шахазара...

— Так вот каков был предмет поисков! — прервал его Сулейман. — Что ж, я собирался уничтожить это разбойничье гнездо, когда пастухи сообщили мне, что разбойники умчались в ночи, словно воры. Я мог бы погнаться за ними, но понял, что христианский поход на восток не приведет их ни к чему, кроме гибели, — и никто не может изменить волю Аллаха.

— Да, — горько усмехнулся Кагал. — Мы мчались на восток к нашей гибели, как люди слепо мчатся прямо навстречу урагану. Мы проложили себе путь через земли курдов и пересекли Евфрат. За ним далеко к востоку мы увидели дым и пламя и кружение множества грифов. Рено сказал, это турки сражаются с ордой, но мы не встретили беженцев, и тогда я этому удивился. Но теперь — теперь не удивляюсь. Убийцы накатили на них подобно внезапной штормовой волне, никому не удалось спастись бегством. Как люди, несущиеся во сне навстречу смерти, мы ворвались прямо в обрушившийся ураган: неожиданный топот копыт по горному хребту — и они навалились на нас. Их были сотни — стая всадников, скачущих с разведкой впереди орды. Никакой возможности убежать не было. Все наши погибли там же, где остановились.

— А сир Рено? — спросил шейх.

— Погиб, — махнул рукой Кагал. — Я видел кри-
вое лезвие, раскроившее его шлем и его череп.

— Будь милостив, Аллах, и спаси его душу от адского огня неверных! — набожно воскликнул Сулейман, еще вчера клявшийся убить беспокойного соседа.

— Он дрался как лев, и десятки шакалов погибли от его меча, — мрачно отозвался кельт. — Клянусь Богом, язычники валились будто переспелые зерна под копыта лошадей, прежде чем пал последний из наших людей... Мне одному удалось прорубить себе путь назад.

Шейх, закаленный в боях и походах, мысленно представил себе эту картину: скачущие с дикими криками всадники в меховых одеждах и Рыжий Кагал, промчавшийся словно ветер смерти через этот водо-

ворот сверкающих лезвий, с мечом, звенящим в его руке.

— Мне удалось оторваться от преследователей, — устало продолжал Кагал, — и когда я миновал холм, то оглянулся назад и увидел огромную черную массу, что надвигалась как саранча, оглашая все вокруг звоном и грохотом своих литавр. Когда мы ехали через земли турок, они бросились в погоню за нами, и теперь пустыня была наводнена всадниками, но восток уже пылал, так что у них не было времени охотиться за мной одним. Они столкнулись с более сильным врагом, поэтому мне и удалось вырваться и от них.

Мой конь упал подо мной, но я украл жеребца из стада, которое охранял турецкий мальчишка. Когда и тот конь не смог нести меня, я отобрал лошадь у странствующего курда — он подъехал ко мне с явным намерением ограбить умирающего странника. И теперь я говорю тебе, носителю славного прозвища Страж Тропы: берегись, иначе эти демоны с востока проскачут на своих конях по руинам твоего замка так же, как скакали они по телам убитых турок. Я не думаю, что они будут осаждать твою крепость — они подобны голодным волкам в степи, они сметают все на своем пути, они летят на своих конях быстрее ветра, они перешли через Евфрат. Позади меня прошлой ночью небо было красным, что твоя и моя кровь. Если они продвигаются так же быстро, как скакал я, они должны быть уже близко.

— Что ж, пусть подойдут, — мрачно отозвался араб. — Эль-Омад выстоял против назарян, против курдов и турок — за сотню лет ни один враг не вступил на эту землю. Малик, наступило время, когда христиане и мусульмане должны подать друг другу руки. Благодарю тебя за предупреждение и прошу принять участие в обороне моей крепости.

Однако Кагал помотал головой:

— Тебе не понадобится моя помощь, а у меня есть другое дело. Я загнал трех прекрасных скакунов вов-

се не для того, чтобы спасти собственную шкуру. Я должен скакать дальше: там, впереди, на пути этих дьяволов Иерусалим с его разрушенными стенами и малочисленной стражей.

Сулейман побледнел и потеребил бороду.

— Эль Кадс! Эти языческие собаки будут убивать всех подряд, не спрашивая веры, и осквернят святые места!

— Вот потому, — Кагал поднялся, — я должен предупредить их. Кочевники продвигаются вперед так стремительно, что ни одно слово о них не успеет достигнуть Палестины. Только я один могу успеть. Дай мне свежего коня и отпусти скорей.

— Ты уже выполнил все, что было в твоих силах, — возразил Сулейман. — Еще час такой скачки, и ты в изнеможении свалишься с седла. Вместо тебя я отправлю одного из своих людей...

Кагал покачал головой:

— Это мой долг. Я посплю часок — один маленький часок ничего не изменит. А потом поскачу дальше.

— Иди в мою спальню, — предложил Сулейман, но упрямый кельт помотал головой.

— Вот что до сих пор служило мне постелью, — сказал он, обессилено опустился на траву, накрылся плащом и в крайнем изнеможении сразу заснул глубоким крепким сном.

Ровно через час он проснулся, хотя никто и не думал его будить. Перед ним поставили еду и вино, и он торопливо поел. Его лицо по-прежнему было изможденным и осунувшимся, с заостренными чертами, но за время короткого отдыха в золотоволосом короле вновь появились какие-то скрытые запасы выносливости. Будучи словно сделанным из железа в этот железный век, он добавил к своей физической силе и крепости огромную внутреннюю энергию, которая заставляла его делать невозможное, преодолевать самого себя.

Когда он выезжал из ворот крепости, раздался крик стражника. Тот, стоя на стене, показывал на восток, туда, где в жаркое голубое небо поднимался столб черного дыма. Шейх Сулейман поднял руку в прощальном приветствии. Кагал пустил коня в галоп и помчался к Иерусалиму.

Бедуины в своих черных войлочных покрывалах изумленно смотрели на него, пастухи, пасшие свой стада, застывали на месте от его крика. Там, где он пролетал на своем скакуне, за его спиной слышался стук копыт и бряцанье доспехов, тревожные крики и снова стук копыт — встревоженные люди метались в поисках надежного укрытия.

5

Заходила луна, когда Кагал в зыбком звездном свете переплывал спокойные воды Иордана. Когда первые лучи солнца позолотили купола Святого города, загнанный конь упал под кельтом возле ворот на дороге в Дамаск. Кагал поднялся на ноги и, полумертвый от усталости, подойдя к воротам, громко окликнул стражников. На него с любопытством посмотрели мирные сирийские путники, ожидавшие, когда их впустят в город.

Из ворот вышел бородатый фламандский солдат с пикой. Кагал снял с его пояса фляжку с вином и залпом осушил ее.

— Веди меня к патриарху, — хрипло выдохнул он. — Гибель несется к Иерусалиму на быстрых конях!

У людей, слышавших это, вырвался крик удивления и испуга. Кагал обернулся, и... ужас перехватил его горло. На востоке пылало пламя, поднимались клубы дыма — знаки приближения гибельной орды.

— Они перешли через Иордан! — в бессильном отчаянии воскликнул он. — Святые угольники, могут ли люди, рожденные женщинами, скакать так быстро?

Они летят впереди ветра, и будь проклята моя слабость из-за которой я потерял целый час...

Он осекся, взглянув на полуразрушенные городские стены. Конечно, город был обречен, и лишний час не смог бы ничего изменить.

В сопровождении солдата Кагал шел по городским улицам и видел, что страшная весть распространяется по городу подобно пожару. Куда-то бежали с причитаниями евреи в голубых одеждах, женщины на улицах и на балконах с воплями заламывали руки. Высокие сирийцы, погрузив свои пожитки на ослов, устремились к западным воротам, возле которых беспорядочно толпился народ. Город наполнился стенаниями и криками ужаса перед лицом поднимавшейся на востоке страшной угрозы. Люди не задумывались о том, что нужно орде: смерть есть смерть, от чьих бы рук она ни наступила...

Кагал застал патриарха растерянным и подавленным. И в самом деле, как можно было надеяться защитить город без стен с горсткой солдат? Он был готов отдать свою жизнь, но сделать что-то еще не мог. Муллы созывали правоверных, и впервые за всю историю мусульмане и христиане должны были объединить свои силы и встать на защиту города, который почитали святым и те, и другие. На улицах Иерусалима словно бурлили реки — народ стекался в мечети и соборы, громко призывая Иегову и Аллаха, люди просили у небес чуда, которое спасло бы Святой город. Но в безмятежном голубом небе над Иерусалимом не появился сверкающий меч. Только на востоке по-прежнему поднимались столбы дыма и пламени, а вскоре стали видны клубы пыли под копытами всадников.

Патриарх собрал свое немногочисленное войско, состоявшее из стражников, рыцарей, вооруженных пилигримов и мусульман, возле ворот, открывавшихся в сторону Дамаска. Бесполезно было бы выставять людей на защиту разрушенных стен, а на дороге они смогут встретить орду и отдать свои жизни — пусть без всякой надежды на спасение, но и без страха.

Кагал, позабыв о своей слабости, в лихорадочном возбуждении перед предстоящей битвой ехал позади патриарха на большом рыжем жеребце. Увидев поблизости высокого широкоплечего человека на изящной гнедой турецкой лошади, он радостно воскликнул:

— Гарун, клянусь всеми святыми!

Тот повернулся к нему, и Кагала одолело сомнение. Гарун ли перед ним? На солдате были кольчуга и заостренный турецкий шлем, в руке он держал небольшой круглый щит, на его поясе висела длинная широкая сабля, намного тяжелее обычных мусульманских сабель. Кроме того, Кагал помнил, что Гарун был гладко выбрит, а у этого солдата над верхней губой курчавились усы, как у самого настоящего турка. Но лицо его очень напоминало лицо Гаруна — те же угловатые резкие черты, тот же пронзительный взгляд синих глаз...

— Ради всех святых, Гарун, — растерянно и вместе с тем обрадовано сказал Кагал, — как ты здесь оказался?

— Да проклянет меня Аллах, если я когда-нибудь назывался Гаруном, — ответил воин глубоким низким голосом. — Я солдат Акбар и пришел в Эль Кадс вместе с пилигримами. Ты меня с кем-то спутал.

Голос не был похож на голос Гаруна, но Кагал мог бы поклясться, что нигде в мире не найти других таких запоминающихся глаз. Он пожал плечами:

— Ну, неважно. Куда ты направляешься?

— В холмы! — ответил солдат. — Мы никому не принесем пользы, умерев здесь, так что лучше иди со мной. По облакам пыли видно, что на нас движется целая орда.

— Удрать и даже не попытаться сопротивляться? Я к этому не привык, — с достоинством ответил кельт. — Иди, если ты боишься.

В ответ Акбар громко выругался:

— Клянусь Аллахом, лучше положить голову под ступню слона, чем назвать меня трусом! Я буду защищать свою землю до последнего дыхания, не хуже любого назарянина!

Кагал в раздражении отвернулся от своего собеседника. Несмотря на гнев, который вызвали у Акбара его слова, ему показалось, что в глазах солдата мелькнула какая-то затаенная мысль. Впрочем, Кагал тут же забыл о нем. Над Иерусалимом стоял вопль — беспомощные люди в своих домах стонали в ожидании неминуемой гибели. Орда приближалась, и всадников уже можно было разглядеть.

В небеса возносился звон литавр, земля дрожала под копытами лошадей. Безудержное стремительное продвижение орущих дьяволов ошеломяло их жертвы. Эти варвары, обитавшие в степях дальней Азии, двигались впереди монголов, подобно тому как пушок семян чертополоха летит впереди ветра. Напоенные кровью покоренных племен, они мчались к Иерусалиму, откуда к богам неслись, но не достигали их, отчаянные молитвы тысяч коленопреклоненных людей.

Кагал снова увидел тех жутких всадников. Пока он, изнуренный, гнал коня к Святому городу, только в воспоминаниях его хранился их суровый вид: на стройных высоких конях широкоплечие всадники в волчьих шкурах и в кольчугах — смуглые скуластые лица, глаза, как у бешеных собак, свирепые взгляды из-под высоких меховых шапок или остроконечных шлемов; знамена с головами волков, пантер и медведей.

Сокрушительным потоком пронеслись они по дороге на Дамаск, вздыбливая коней, они перескакивали через разрушенные стены, толпились в воротах. Лавиной смели они малочисленных защитников города и затем по их телам, не встречая более никакого сопротивления, двинулись в обреченный город.

Красный дьявол правил сейчас бал на улицах Иерусалима, по которым в ужасе бежали, пытаясь спастись, старики, женщины и дети. С криками, подобными волчьему вою, дикари валили несчастных с ног, топтали их копытами своих коней, поднимали детей на пиках. Потоки крови лились в сточные канавы. Загорелые окровавленные руки срывали одежды с кри-

чащих девушек, выламывали двери и разбивали окна, за которыми пытались укрыться насмерть перепуганные люди. Дикари захватывали все мало-мальски ценное, что удавалось найти в домах, и крики и стенания их жертв, коих пытали огнем и мечом, стремясь заполучить богатую добычу, поднимались к небесам. Смерть простерла свои крылья над Иерусалимом, и люди богохульствовали, умирая.

Первая волна этого стремительного и безудержного нападения отбросила уцелевших защитников в глуть города.

Оттесненный от ворот Рыжий Кагал оказался на узкой аллее, куда вышвырнуло его коня, как вышвыривает на берег волна бревна сплавного леса. Он потерял из виду патриарха и был почти уверен, что тот лежал теперь бездыханным возле дамасских ворот.

Меч Кагала был в крови по самую рукоятку, душа его горела пылом битвы, всем его существом владели ныне только ярость и ужас от криков, доносящихся до него со всех сторон.

— Я должен умереть возле Гроба Господня! — выкрикнул он и, пришпорив коня, понесся вскачь по аллее. Он пересек узенькую кривую улочку и выехал на улицу Скорби, по которой наперерез ему скакал кочевник, держа над головой обнаженную саблю, малиновую от крови. Меч Кагала вознесся как солнечный луч, и голова кочевника слетела с плеч. У кельта вырвался торжествующий возглас.

Подобно ветру к нему подлетел еще один всадник, и Кагал узнал Акбара. Солдат крикнул, осаживая коня:

— Ну что, сэр, ты все еще собираешься принести в жертву обе наши жизни?

— Твоей жизнью распоряжаешься ты, а моя принадлежит мне! — прорычал Кагал. Его глаза пылали яростью.

С соседней улицы выехал отряд всадников. Возле Гроба Господня они спешили, выкрикивая что-то на своем варварском языке и разбрызгивая по святым

камням кровь со своих кривых сабель. На мгновение перед глазами Кагала от гнева все поплыло в красном тумане, но в следующий вздох он уже обрушился на врагов. Его свистящий меч не разбирал, где щит, а где шлем — он срубал головы и раскраивал черепа, и варвары падали один за другим под его ударами. Но даже в бешеной ярости Кагал помнил, что он не один. Акбар крушил врагов бок о бок с кельтом, тяжелая сабля в его руке разрубала кольчуги и переламывала кости.

Через несколько мгновений возле Гроба Господня лежала гора окровавленных тел. Кагал отъехал назад и тряхнул головой, чтобы разогнать красный туман перед глазами. Акбар проревел что-то на незнакомом языке и крепко обнял кельта за плечи.

— Хо, богатырь! — проревел он, и теперь у Кагала не осталось никаких сомнений — перед ним был Гарун. — Клянусь Эрликом, ты героически дерешься! Но надо уходить отсюда, малик. Ты принес обильную жертву твоему Богу, и едва ли он теперь накажет тебя за то, что ты спасешь свою жизнь. Клянусь громом Аллаха, нам не справиться с десятком тысяч!

— Уходи, — ответил Кагал, стряхивая капли крови со своего меча. — Я умру здесь.

— Ну что ж, — рассмеялся Акбар, — если ты хочешь за бесценок отдать свою жизнь здесь, так это твое дело! Может быть, небеса и будут благодарны тебе за это. Но едва ли тебя вспомнят добрым словом твои братья, когда варвары внезапно нападут на них! Все наши всадники перебиты, спаслись только мы с тобой. Кто расскажет о нашествии франкским баронам?

— Ты прав, — коротко отозвался Кагал. — Веди меня.

Они повернули коней и пустили их в галоп вниз по улице как раз в тот миг, когда с верхнего ее конца донеслись яростные крики кочевников. За разрушенной стеной Кагал оглянулся и увидел вздымавшиеся в небо языки пламени. Он бросил поводья и закрыл лицо руками.

— Великий Боже! Они подожгли Гроб Господень!

— И осквернили мечеть Эль Аксы, я в этом не сомневаюсь, — угрюмо отозвался Акбар. — То, что написано в заповедях, должно было случиться, и никому не удастся избежать своей судьбы. Все на свете уходит, уходит даже Святая Святых.

Потрясенный Кагал покачал головой. Они ехали мимо рыдающих беженцев, те хватали их за стремени, но сердце Кагала затвердело. Раз уж он должен предупредить баронов, он не может позволить себе задержаться даже для того, чтобы помочь беспомощным и несчастным людям.

Но вот не слышно стало за спиной криков и звона стали, только облако дыма поднималось над разграбленным и поверженным в прах городом среди холмов, наполняя душу леденящим ужасом.

Акбар неожиданно усмехнулся.

— Клянусь Аллахом, — воскликнул он, поправляя луку седла, — эти кочевники здорово дерутся! Они скачут на конях, как татары, и убивают, как турки! Я должен был бы стать их предводителем! Я должен был бы сражаться среди них, а не против них.

Кагал ничего на это не ответил. Его странный спутник напоминал ему фавна, некое сверхъестественное существо, готовое осмеять все человеческое.

И тут Акбар жестко произнес:

— Здесь наши пути расходятся, малик. Твой путь лежит в Аскалон, а мой — в Эль Каира.

— Почему в Каир, Акбар, или Гарун, или как там на самом деле тебя зовут? — спросил Кагал.

— Потому что у меня еще есть дело к этому уроду, к Байбарсу, унеси дьявол его душу! — прорычал Акбар и рассмеялся громовым смехом.

Спустя несколько часов бешеной скачки по безлюдной пыльной дороге Кагал встретил путников — стройного рыцаря, полностью облаченного в доспехи, в шлеме с опущенным забралом, и его слугу — карлика с круглой рыжей бородой, в кольчуге и рогатом

шлеме, с тяжелым боевым топором в руках. Какое-то неясное воспоминание шевельнулось в душе Кагала при виде этого сурового лица с грубоватыми чертами, и он придержал коня.

— Скажи мне, путник, где я мог видеть тебя раньше?

На него спокойно взглянули холодные глаза.

— Клянусь Одним, я не знаю этого. Мое имя Вулфгар Ют, а это мой господин.

Кагал взглянул на молчавшего рыцаря. Сквозь прорези забрала на него посмотрели затуманенные глаза... Великий Боже! Кагал вздрогнул под этим взглядом, мысли вихрем закружились в его голове, в замешательстве он подался вперед, пытаясь проникнуть взглядом за опущенное забрало. Рыцарь отшатнулся и почти по-женски взмахнул рукой. Краска прилила к лицу кельта.

— Прошу прощения, сэр,— сказал он.— Я повел себя непозволительно.

— Мой господин дал обет не разговаривать и не открывать лица до тех пор, пока он не исполнит наложенную на него епитимью,— ответил вместо рыцаря слуга.— Он известен как Рыцарь в Маске. Мы едем в Иерусалим.

Кагал печально покачал головой:

— Туда теперь нет пути для христианина. Полчища степных дикарей ворвались в город, и Святая Святых обратилась в груды дымящихся развалин.

Рот Юта открылся сам собой.

— Иерусалим захвачен дикарями? — пробормотал он.— Но, добрейший сэр, этого не может быть! Как мог Господь допустить, чтобы Его Святой город попал в лапы нечестивцев?

— Не знаю,— горько ответил Кагал.— Неисповедимы пути Господни, и воля Его недоступна моему пониманию. Но на улицах Иерусалима проливается кровь Его людей, и сам Гроб Господень почернел в дыму и пламени.

Ошеломленный Ют, теребя свою рыжую бороду, взглянул на господина, неподвижно сидевшего в седле.

— Великий Один, — растерянно сказал он, — что же нам теперь делать?

— Вам остается только одно, — ответил Кагал. — Возвращайтесь в Аскалон и расскажите об этой беде. Я сам собирался туда, но если вы сделаете это за меня, то я отправлюсь на поиски Уолтера де Бриена. Расскажите сенешалю Аскалона, что Иерусалим захвачен дикими степными кочевниками, — их около десяти тысяч. Пусть готовится к войне. И пусть ваши кони несут вас быстрее ветра.

С этими словами Кагал повернул коня и направился к Яффе.

6

В Рамлахе Кагал нашел Уолтера де Бриена, погруженного в размышления возле гробницы святого Георгия в Белой мечети. Уставший до изнеможения кельт коротко и скупно рассказал о случившейся беде. Его губы почернели и запеклись, говорить ему было трудно. Почти бесчувственного Кагала привели в дом и уложили спать. Он проспал почти целый день.

Когда он пробудился, город был уже пуст. Охваченные ужасом жители Рамлаха, наспех похватав кое-что из пожитков, устремились по дороге к Яффе, причитая что-то о наступлении конца света. Сам Уолтер де Бриен поскакал на север, оставив с Кагалом одного воина, чтобы тот передал кельту просьбу де Бриена следовать за ним в Акру.

Кагал ехал по опустевшим улицам, и эхо разносило цокот копыт его жеребца. Золотоволосый король чувствовал себя призраком в мертвом городе. Западные ворота были распахнуты, возле спущенных флагов валялись копыя, будто стража, побросав оружие, в панике разбежалась.

Конь нес Кагала по равнине, поросшей пальмами и фиговыми деревьями, и вскоре кельт увидел толпы бредущих по дороге людей. Они сгибались под тяжестью поклажи и стонали от жажды и усталости. Увидев всадника, люди завопили от страха, будто бы на них напали убийцы. Отмахиваясь от них, Кагал пытался пробраться сквозь толпу. Он не сомневался в том, что кочевники направляются к морю и скоро окажутся возле Рамлаха, но, обернувшись, не увидел на горизонте привычного уже облака пыли от конских копыт.

Он свернул с дороги на Яффу, заполненную толпами народа, и помчался на север. Впереди него, подобно лесному пожару, неслась весть о дикой орде, надвигавшейся с востока. Деревни и маленькие городки пустели, жители поспешно перебирались в прибрежные города или прятались за стенами крепостей на холмах. Христианский мир обетованной земли повернулся спиной к морю, а лицом на восток, встречая приближавшуюся с каждым часом угрозу.

Кагал въехал в Акру, когда там уже собирались немногочисленные силы — рыцари в поношенных кольчугах и помятых доспехах и бароны со своими воинами. Султан Дамаска Измаил разослал повсюду своих гонцов, дабы всех призывали к союзу, и везде без колебаний принимали этот призыв. Со всех концов страны мчались сюда из своих огромных мрачных замков рыцари святого Джона, тамплиеры в красных шлемах со всклокоченными бородами — утруемые молчаливые сторожевые псы земли обетованной.

Оставшиеся в живых после страшной резни жители Иерусалима продолжали двигаться к Аскалону и Яффе — жалкая горстка измученных и насмерть перепуганных людей, которым удалось избежать огня и меча и чудом уцелеть в кровавой бойне.

Они рассказывали страшные вещи. Семь тысяч христиан, главным образом женщин и детей, погибли мучительной смертью во время набега кочевников, Гроб Господень почернел от огня и дыма, алтари во

всем городе были разрушены, а святыни осквернены. Мусульмане страдали не меньше христиан.

Среди беженцев оказался и патриарх — его спас от гибели безымянный германский воин, скрывавший страшную рану до тех пор, пока вдали не показались стены Аскалона. Тогда он сказал: «Господин мой, там видны башни Аскалона, и теперь я тебе больше не нужен. Сейчас я лягу и буду спать, потому что я очень устал» — и испустил дух на пыльной дороге.

Пришла весть и о кочевниках. Они не задержались надолго в разрушенном и разграбленном городе, а направились дальше к югу, через пустыню на Газу, где разбили лагерь, наконец остановившись после долгого похода. С юга долетали самые разные противоречивые толки, и де Бриен позвал к себе Кагала.

— Славный рыцарь, — сказал барон, — мои разведчики сообщают мне, что из Египта движется войско мамелюков. Их цель очевидна — они хотят захватить оставленный кочевниками город. Но вот что самое главное — ходят толки о союзе между мамелюками и кочевниками. Если это действительно так, то на нас могут напасть с тыла, пока мы готовимся к сражению с ордой, и мы не сможем выстоять против натиска двух войск с двух сторон. Жители Дамаска проклинают кочевников за то, что те осквернили их святыни, — как мусульмане, так и христиане. Но эти мамелюки родственны туркам по крови, и кто знает, что на уме у Байбарса, их предводителя?

Дорогой Кагал, ты можешь отправиться к Байбарсу для переговоров? Ты своими глазами видел разрушение и разграбление Иерусалима и сможешь рассказать ему правду о том, как нечестивые осквернили Эль Аксутак же, как и Гроб Господень. В конце концов, он ведь мусульманин. По крайней мере, узнай, собирается ли он заключить союз с этими дьяволами. Завтра, когда вперед выступят отряды Дамаска, мы двинемся на юг, чтобы встретить врага прежде, чем он пойдет на нас. Скачи впереди войска под флагом персмиррия и возьми с собой столько людей, сколько тебе нужно.

— Дай мне флаг,— сказал Кагал.— Я поеду один.

Он выехал из лагеря еще до заката, безоружный и с флагом перемирия. Только боевой топорик висел на луке седла для защиты от разбойников, не признававших никаких флагов. Он скакал по опустошенной, почти вымершей земле, спрашивая дорогу у странствующих арабов, которые знали все, что происходило вокруг. Миновав Аскалон, Кагал узнал, что мамелюки пересекли Джифар и встали лагерем к юго-востоку от Газы. Близость к кочевникам сделала его осторожным, и он свернул к востоку, чтобы избежать нежелательных встреч с разведчиками нечестивых. Он не доверял обманчивой тишине и зорко смотрел по сторонам.

Сумерки уже сгущались, когда кельт въехал в египетский лагерь, расположившийся рядом с несколькими колодцами неподалеку от Газы. Когда он увидел оружие мамелюков, их количество и жесткую дисциплину, его охватили дурные предчувствия. Соскочив с коня, Кагал поднял флаг перемирия и показал на свой пояс, на котором не было меча. Дикие мамелюки с острыми птичьими лицами, сверкая доспехами, столпились вокруг него в зловещем молчании, как будто затаили мысль, несмотря на флаг, изрубить пришельца на куски своими кривыми саблями. Однако вместо этого они провели его к куполообразному шелковому шатру, что стоял в середине лагеря.

Возле входа замерли черные рабы, обнажив сабли, а из шатра доносился громкий голос — удивительно знакомый,— выводивший какую-то песню.

— Вот шатер эмира Байбарса Пантеры, кафар,— прорычал бородатый турок.

На это Кагал ответил с истинно королевским выскомерием:

— Проведи меня к своему господину, собака, и сообщи обо мне с должным уважением.

С турецкого воина слетела спесь, и с неожиданным почтением он повиновался. Кагал шагнул к шелковому шатру и услышал зычный голос мамелюка:

— Господин Кизил-малик, посол от баронов Палестины.

Изнутри огромный шатер освещался единственной свечой, стоявшей на полированном столе и излучавшей золотистый свет, вокруг стола на шелковых подушках сидели египетские полководцы, потягивая запрещенное вино. Среди них выделялся высокий плечистый человек в шелковых шароварах, атласной куртке, подпоясанной широким, расшитым золотом кушаком, — вне всякого сомнения, это и был Байбарс, гроза всего юга. У Кагала перехватило дыхание — эти всклокоченные рыжие волосы, это жесткое загорелое лицо со сверкающими синими глазами...

— Добро пожаловать, господин кафар! — воскликнул Байбарс. — Что за новости ты принес?

— Ты был Гаруном-путешественником, — медленно произнес Кагал, — а в Иерусалиме ты был солдатом Акбаром.

Байбарс оглушительно расхохотался.

— Клянусь Аллахом, — проревел он, — по сей день я ношу на голове шрам, как память о той ночной потасовке в Дамiette. Хорошую же затрещину ты мне тогда дал!

— Ты играешь свои роли, как дешевый лицедей, — сказал Кагал, — но ради чего тебе нужны все эти превращения?

— Знаешь, — ответил Байбарс, — во-первых, я не доверяю ни одному шпиону, я доверяю только себе. Во-вторых, это заставляет меня по-новому смотреть на жизнь. Я не врал тогда, когда рассказывал тебе ночью в Дамiette, что праздновал мое бегство от Байбарса. Клянусь Аллахом, Байбарсу бывает иногда тяжело нести бремя государственных забот, зато Гарун-путешественник — простой и веселый бродяга с чистой совестью и быстрыми ногами. Когда я становлюсь лицедеем, я убегаю от самого себя и стараюсь быть честным в каждой роли — конечно, до тех пор пока я ее играю. Давай сидем и выпьем.

Кагал покачал головой. Все его тщательно обдуманные дипломатические планы рухнули, стали бесполезными, как дорожная пыль. Тогда он шагнул вперед и заговорил сразу о самом главном.

— Я пришел спросить тебя, Байбарс, — решительно сказал он, — собираешься ли ты со своим войском присоединиться к кочевникам, которые осквернили Гроб Господень и Эль Аксу?

Байбарс осушил кубок и задумался, но Кагал прекрасно знал, что татарин уже давно все решил.

— Аль Кадс мой, и я его возьму, — небрежно сказал Байбарс. — Я очищу мечети. Да, клянусь Аллахом, кочевники сделают эту работу, как того требует наша вера. Они станут хорошими мусульманами. Они отличные воины. С ними я посею гром — а кто пожнет бурю?

— Но в Иерусалиме ты сражался против них! — с горечью напомнил ему Кагал.

— Да, — откровенно признал эмир, — но иначе они перерезали бы мне глотку, как любому франку. Я не мог сказать им: «Стойте, собаки, я — Байбарс».

Кагал кивнул, сознавая, что спорить бесполезно.

— Тогда моя задача выполнена. Теперь я требую, чтобы меня беспрепятственно выпустили из лагеря.

Байбарс с ухмылкой покачал головой:

— Нет, малик. Ты устал и томишься от жажды, поэтому ты будешь моим гостем.

Рука Кагала невольно коснулась пустого места на поясе. Байбарс улыбался, но в глазах его сверкал холодный огонь, и рабы рядом с ним тотчас же наполовину вытащили из ножен свои кривые сабли.

— Ты собираешься держать меня, как пленника, несмотря на то что я посол?

— Ты пришел без приглашения, — пожал плечами Байбарс, — я не просил переговоров. Ди Дзаро!

Вперед вышел высокий худощавый венецианец в черной бархатной куртке.

— Ди Дзаро, — сказал Байбарс, усмехаясь, — малик Кагал — наш гость. Садись на коня и скачи в вой-

ско франков. Там скажи, что лорд Кагал послал тебя с тайным поручением. Скажи, что он пытается обвести болвана Байбарса вокруг пальца и обещает, что сможет уговорить его не вступать в союз с кочевниками.

Венецианец мрачно ухмыльнулся и вышел из шатра, избегая взора горящих глаз кельта. Кагал знал, что итальянские торговцы часто вступали в тайный сговор с мусульманами, и все же немногие опускались так низко, как этот предатель.

— Ну что ж, Байбарс, — спокойно сказал Кагал, — раз ты сейчас решил играть роль пса, я ничего не могу сделать. У меня нет меча.

— Я очень рад, — весело отозвался Байбарс. — Пойдем, и не тревожься ни о чем. Просто тебе не повезло: ты встал на пути Байбарса! Люди для меня только инструменты, ибо я рожден для великих свершений, — у ворот Дамаска я понял, что те всадники с обагренными кровью руками всего лишь сталь, из которой можно выковать большой мусульманский меч. Клянусь Аллахом, малик, если бы ты мог видеть, как я мчался, словно ветер, в Египет — и вновь пересек Джифар, ни разу не остановившись, чтобы передохнуть! А если бы ты видел меня, когда я прибыл в лагерь кочевников с муллами, воспевавшими преимущества ислама! А как я убедил их дикого Куран-шаха, что его безопасность зависит только от их обращения в нашу веру и от союза с нами! Конечно, я не доверяю этим волкам до конца, поэтому и расположил свой лагерь подальше от них, но когда франки пойдут на нас, они увидят наши войска стоящими рядом и готовыми к сражению и будут ужасно удивлены, если... эта собака ди Дзаро хорошо справится со своим делом!

— Твое вероломство выставляет меня подлым псом в глазах моих людей, — с горечью сказал Кагал.

— Не бойся, никто не назовет тебя предателем, — примирительно ответил Байбарс, — потому что скоро все они до единого погибнут. Они уже тени прошлого, и я избавляю от них землю. Смотри на жизнь проще.

Он протянул наполненный кубок. Кагал, взяв его, сделал небольшой глоток и начал ходить взад и вперед по шатру, как человек, впавший в полное отчаяние. Мамелюки наблюдали за ним, исподтишка ухмыляясь.

— Ну что ж, — сказал Байбарс. — Я был татарским князем, я был рабом, а теперь я снова стану правителем. Шаман Куран-шаха читает для меня по звездам — он говорит, что если я выиграю сражение с франками, то стану султаном Египта.

«Эмир уверен в своих полководцах, — подумал Кагал, — коль при них высказывает свои честолюбивые устремления». Вслух он сказал:

— Франков не волнует, кто будет султаном Египта.

— Да, но сражения и тела погибших — это лестница, по которой я поднимаюсь к славе. Каждая война, которую я выигрываю, укрепляет мою власть. Теперь на моем пути стоят франки, и я отброшу их в сторону. Но шаман предсказал мне странную вещь... Он сказал, что, когда франки пойдут против нас, меч мертвого воина нанесет мне ужасную мучительную рану...

Внезапно Кагал понял, что он незаметно приблизился к столу, на коем стояла свеча. Он поднес кубок к губам, а затем молниеносным движением выплеснул вино на пламя. Свеча зашипела и погасла, и шатер погрузился в кромешную тьму. Одновременно кельт выхватил спрятанный за пазухой кинжал и бросился к тому месту, где должен был сидеть Байбарс.

В темноте он столкнулся с кем-то и, взмахнув кинжалом, глубоко вонзил его в чье-то тело. Раздался вопль, полный смертельного ужаса, и Кагал, выдернув кинжал, отскочил в сторону. Для второго удара времени не было. Люди в шатре кричали и падали, спотыкаясь друг о друга, звенела и скрежетала сталь. Окровавленный кинжал Кагала полоснул по шелковой стене шатра, прорезав в ней длинную щель, и кельт выскочил наружу. При свете звезд он увидел, как к шатру со всех сторон сбегаются египтяне.

Услышав позади себя знакомый ревущий голос, Кагал понял, что в темноте ударил кинжалом не Байбарса, а кого-то другого. Он быстро помчался к привязанным у стойки коням, перепрыгивая через натянутые веревки шатров, — одинокая тень среди множества метавшихся фигур. Мимо него галопом промчался часовой на коне, держа в руке горящий факел. Кельт выпрыгнул из темноты подобно пантере и оказался в седле за спиной часового. Испуганный вопль мамелюка оборвался, когда острый кинжал христианина перерезал ему горло.

Столкнув тело на землю, Кагал успокоил фыркавшего и встававшего на дыбы коня и повернул его в противоположную сторону. Подобно ветру промчался он по гудящему лагерю и вскоре почувствовал, как в лицо ударил теплый воздух равнины. Услышав позади себя топот копыт, он понял, что за ним отправлена погоня, и еще сильнее пришпорил арабского скакуна.

Где-то на севере ему навстречу двигалось войско христиан. Кагал надеялся догнать по дороге венецианца, но тот выехал намного раньше и был уже далеко, а вот преследователи, отправленные Байбарсом, неумолимо приближались...

На рассвете, когда франки снимались с лагеря, к ним прискакал венецианец и рассказал о том, что сбежал от египтян, а затем потребовал встречи с де Бриеном.

Войдя в полусвернутый шатер барона, ди Дзаро сказал:

— Сеньор, меня послал господин Кагал — он сейчас ведет переговоры с Байбарсом. Он уверен, что мамелюки не вступят в союз с кочевниками, и настоятельно просит вас немедленно выступить вперед...

Снаружи раздался быстрый топот копыт — приближался одинокий всадник, чьи развевавшиеся волосы напоминали золотистую вуаль на фоне розоватого неба. Возле шатра де Бриена загнанный конь рухнул на землю. Человек вскочил на ноги и молнией ворвался в шатер.

Ди Дзаро вскрикнул и побледнел, увидев свою смерть — кинжал кельта в мгновение пронзил его сердце, и венецианец, упав, подкатился к ногам Уолтера де Бриена. Барон ошеломленно взглянул на Кагала.

— Во имя Бога, друг мой, какие новости?

— Байбарс соединяет свое войско с войском нечестивых, — ответил Кагал. Де Бриен опустил голову.

— Что ж, никто не может просить о вечной жизни.

7

Объединенное войско земли обетованной медленно двигалось к югу по мрачной пыльной равнине. Черно-белый флаг тамплиеров плыл рядом с крестом патриарха, а поодаль слабый ветерок колыхал черные знамена мусульман.

Монархов не было с ними. Император Фредерик выдвинул свои притязания на королевство Иерусалим и укрылся на Сицилии, строя заговор против Папы Римского. Командовать баронами был избран де Бриен, разделивший руководство войском с мусульманским полководцем Аль Мансуром эль-Оманом.

Они вновь разбили лагерь в пределах видимости мусульманских застав, и всю ночь ветер, порывами налетавший с юга, яростно трепал их шатры и палатки. К утру разведчики доложили о движении орды кочевников и о том, что мамелюки уже присоединились к ним.

В бледном свете восходящего солнца Рыжий Кагал вышел в полном боевом облачении из своей палатки. Во всем лагере войско пришло в движение — воины складывали палатки и надевали доспехи. В зыбком неясном свете они показались Кагалу призраками: высокий патриарх, отпускавший грехи и благословлявший; огромный командир тамплиеров, пристально наблюдавший за сборами своих мрачных молчаливых воинов; Аль Мансур в золотом шлеме, украшенном

изображением птичьей головы... И вдруг кельт застыл, увидев стройную, одетую в доспехи фигуру, которая двигалась сквозь всю эту толчею в сопровождении бородатого карлика с боевым топором на плече.

Ошеломленный, он покрутил головой. Почему так страшно замирало его сердце при виде этого таинственного Рыцаря в Маске? Кого или о ком напоминал ему этот стройный юноша и о чем пробуждал горькие воспоминания в его душе? У Кагала появилось ощущение, что он окутан паутиной иллюзий.

В этот миг кто-то обнял его за плечи. Обернувшись, он увидел перед собой шейха Сулеймана ибн-Омада.

— Клянусь Аллахом! — воскликнул шейх. — Благодаря тому что ты меня предупредил, мне не пришлось спать среди руин, оставшихся от моей крепости! Эти поганые псы налетели, словно ветер. Мои лучники стреляли со стен, а ворота были накрепко заперты, и тогда эти дьяволы после единственной неудачной атаки отправились дальше — искать более легкую добычу. Сын мой, будь сегодня рядом со мной!

Кагала тронула неподдельная сердечность старого ястреба пустыни, и он согласился. Вот так и случилось, что к полю боя кельт поехал в рядах мусульман, сверкающие шлемы которых были украшены перьями.

Войско двинулось вперед — их было немногим больше двенадцати тысяч человек — навстречу войску мамелюков и кочевников, в чьих рядах насчитывалось пятнадцать тысяч воинов и еще бесчисленное количество легковооруженных наемников. В центре правого крыла, впереди всех, свое привычное место занимали тамплиеры — пятьсот мрачных, закаленных в боях воинов, слева от них двигались рыцари святого Джона и рыцари Тевтонского ордена — всего около трехсот человек, а справа ехала небольшая группа баронов с патриархом, державшим в поднятой руке железный скипетр. Объединенные силы их боевых отрядов насчитывали около семи тысяч человек. Остальное вой-

ско состояло из кавалерии мусульман, двигавшейся в самом центре всей армии, и воинов эмира Керака, образовавших левый фланг, — смуглые, с ястребиными лицами арабы, более искусные в разбойничьих набегах, чем в сражениях по всем правилам войны.

Вскоре они увидели впереди полчища своих врагов. В объединенном войске загрохотали барабаны и затрубили боевые рога. Мусульманские воины запели боевые песни, но христиане были молчаливы, как люди, идущие навстречу заведомой гибели. Кагал, чей конь шел между конями Аль Мансура и шейха Сулеймана, взглянул в сторону этих мрачных рядов и нашел того, кого искал. Снова его сердце странно забилося при виде стройной фигуры Рыцаря в Маске, который ехал рядом с патриархом. Рядом с рыцарем маячил рогатый шлем Юта. Кагал отвернулся, стараясь отогнать мысли о странном наваждении.

Оба войска двигались навстречу друг другу, темные полчища диких всадников ехали впереди выстроенных в правильном боевом порядке рядов мамелюков. Кочевники скакали рысью, образовав подобие строя, и Кагал увидел, как крестоносцы сомкнули свои ряды, чтобы встретить врага, не дрогнув. Дикие всадники прищипорили коней, и темная орда быстро понеслась по равнине. Внезапно они перестроились на всем скаку и, вихрем промчавшись мимо рыцарей, обрушились на мусульман.

Этот маневр, родившийся у хитроумного Байбарса, привел в замешательство все объединенное войско. Арабы закричали и приготовились отразить нападение, но их обескуражила бешеная скорость и неукротимая ярость кочевников.

Они мчались, как ураган, натягивая тетиву луков и стреляя на скаку. На арабов обрушились тучи звенящих, украшенных птичьими перьями стрел. Обтянутые кожей щиты и легкие доспехи оказались бесполезными против этого смертоносного шквала, и ряды мусульман начали быстро редеть. Аль Мансур прон-

зительно выкрикивал команды, приказывая начать ответную атаку, но арабы, придя в полное смятение, бездействовали. Тут в самый центр их рядов ворвался мощный клин кочевников. Кагал снова увидел широкоплечие приземистые фигуры, дикие смутные лица, мелькающие кривые сабли, которые были гораздо шире и тяжелее легких мусульманских клинков. Он вновь испытал бессильное отчаяние, зная уже непреодолимую и неукротимую силу натиска кочевников.

Его огромный рыжий жеребец задрожал от сильного удара — свистящий клинок обрушился на щит кельта. Кагал привстал на стременах и, отклоняясь то вправо, то влево, начал отражать неистовую атаку дикаря, успевая видеть, как повсюду падали с коней на землю обезглавленные тела мусульман. Клинок сверкающих кривых сабель продолжал врезаться все глубже в ряды арабов, уже сломленных и начавших понемногу отступать. Если бы они сомкнулись теснее, то могли бы еще противостоять натиску кочевников, но их боевой дух уже упал, и они были не в состоянии не только начать ответную атаку, но и защититься от бешеной атаки кочевников.

Кагал, вынужденный отступать вместе с остальными, сражался с безумным отчаянием, пытаясь отстоять каждый клочок земли под копытами своего коня. Внезапно он услышал голос старого Сулеймана ибн-Омада, который яростно сыпал ругательствами где-то рядом с ним, и заметил, как его кривая сабля описывала сверкающие круги смерти над головами дикарей.

— Собаки и собачьи дети! — кричал старый ястреб пустыни. — Мы еще можем достойно ответить! Клянусь Аллахом, франк, давай прижмись ко мне теснее — вот так! А теперь помолись своему Богу и вперед! Эй, дети мои, а ну все ко мне и господину Кагалу! Сын мой, держись рядом со мной! Сражение еще не проиграно! Мы должны драться!

Верные воины Сулеймана сплотились вокруг него и Кагала, и эта небольшая группа отчаянных людей

начала прорываться вперед сквозь полчища диких оскаленных лиц, преграждавших им дорогу. Глаза слепило неистовое сверкание стали — кельт уже почти ничего не видел вокруг себя, но, продолжая все яростнее рубить мечом направо и налево, наконец почувствовал, что вырвался из кровавого побоища на открытое пространство. Оглянувшись, он увидел, что ряды мусульман уже полностью обратились в бегство — их черные знамена бесславно колыхались на ветру позади своего войска. Эта безудержная атака совершенно сломала их дух, и они в панике бежали, как перепуганные дети от налетевшего урагана. Конники Дамаска и воины эмира Кирака стремительно покидали поле боя под пение непрерывно вонзавшихся в их спины стрел и под свист кривых сабель, рубивших им головы. Мамелюки, до сих пор не принимавшие никакого участия в сражении, теперь наконец устремились вперед, и Кагал заметил огромную фигуру Байбарса, который галопом мчался в гущу битвы. Эмир отогнал вопящих кочевников от их убегающей добычи и перестроил их беспорядочно разбросанные ряды.

Одетые в волчьи шкуры всадники сплестились теснее и рысью понеслись по равнине. Теперь их атака была усилена мамелюками, закованными в серебряные доспехи. Они налетели на франков столь внезапным вихрем, что те не смогли укрепить свои дрогнувшие ряды, дабы поддержать центр, когда их разбитые арабские союзники бежали с поля боя. И все же христиане мужественно встретили врагов.

— А вот теперь я и в самом деле чувствую объятия смерти, — вновь раздался рядом с Кагалом голос шейха Сулеймана. — И конец здесь может быть только один. Клянусь Аллахом, моя голова не предпачена для того, чтобы неверный привязал ее к седлу и возил за собой. Ну что ж, дорога в пустыню для нас открыта. Эй, сын мой, ты что, сошел с ума?

Но Кагал уже поворачивал коня, вырвав поводья из рук вцепившегося в них шейха, на лице которого

застыло изумленное выражение. Он поскакал по усеянной телами равнине навстречу серо-стальным рядам, неумолимо двигавшимся вперед.

Шейх вновь закричал вслед кельту, пытаясь остановить его безумный порыв.

Кагал занял место в рядах христиан как раз в тот миг, когда боевые рога протрубили начало атаки. С клятвами и проклятиями на устах рыцари Креста стремительно бросились вперед, навстречу летевшим к ним бешеным ордам. Пригибаясь под тучами непрерывно летящих стрел, мрачно глядя в лицо врагу, рыцари шли в свой последний бой. Два войска сшиблись, и это было подобно землетрясению. И вот тут впервые орда дикарей дрогнула.

Длинные пики тамплиеров в клочья разметали первые ряды кочевников, огромные крестоносцы начали теснить врагов, сбрасывая их с лошадей. Вплотную с воинами-монахами шло остальное христианское войско, выставив вперед мечи. От неожиданности дикие всадники в волчьих шкурах отступили назад, яростно рыча и бешено размахивая своими смертоносными саблями, но длинные мечи европейцев беспощадно разрубали головы и тела. Кочевники один за другим падали на землю под копыта своих коней, а рыцари все глубже и глубже продвигались в смешавшиеся ряды дикарей, воинственные крики которых сменились воплями ужаса и отчаяния. Орда подалась назад.

Но тут Байбарс, увидев, что ход битвы изменился, вновь применил хитроумный маневр. Мамелюки, обогнув самый опасный участок сражения, зашли в тыл к крестоносцам и нанесли им неожиданный удар. Не успевшие еще устать багайризы со свежими силами легко смяли ряды франков, в то время как кочевники прекратили отступать и с новым ожесточением ринулись вперед.

Окруженные со всех сторон, христиане падали один за другим, но, умирая, каждый старался унести с собой жизнь врага. Спиной к спине, в медленно сужавшемся кольце, в центре которого громоздился огром-

ный валун с водруженным на него крестом патриарха, стояло насмерть последнее войско земли обетованной.

До тех пор пока конь не пал под ним, Кагал сражался в седле, затем он присоединился к кольцу пехотинцев. Охваченный неистовой яростью, он не чувствовал никакой боли от ран, и время потеряло свой смысл, и казалось, что уже целую вечность сверкает сталь и кружится водоворот лиц, искаженных гневом и отчаянием. Среди кровавого побоища кельт вдруг отчетливо увидел блеснувшие перед ним золотом доспехи, взмахнув мечом, он снес с плеч голову противника и только тогда понял, что убил самого Куран-шаха, хана орды. Вспомнив Иерусалим, он с мстительным наслаждением наступил ногой на мертвое лицо врага.

А битва между тем достигла высшего накала. Рядом с кельтом упал на землю мрачный молчаливый командир тамплиеров, затем сенешаль Аскалона и одновременно с ним правитель Акры. Тонкое кольцо защитников Креста редело под ударами кривых сабель, кровь заливала им глаза, а солнце нещадно жгло их, они задыхались от пыли и теряли сознание от ран. Однако христиане продолжали сражаться даже сломанными мечами и копьями, и против этого железного кольца Байбарс снова и снова посылал своих убийц, и каждый раз он видел, как его полчища опять откатываются назад.

Солнце уже начало клониться к горизонту, когда, охваченный безумным гневом оттого, что ему не удается сломить сопротивление столь жалкой горстки воинов, эмир вновь переформировал ряды своих диких волков и они мощным вихрем обрушились на защитников Креста, оставляя после себя след из окровавленных тел.

Но даже тогда никто из христиан не отступил. Они падали один за другим под ударами кривых сабель мамелюков, но оставшиеся в живых продолжали сражаться. Внезапно атака прекратилась. Байбарс вновь отвел мамелюков назад, выстраивая их для нового маневра. Оглушенный тишиной Кагал безумными глазами обвел усеянное мертвыми телами поле битвы, и

окровавленный, с множеством зазубрин меч выпал из его ослабшей руки. Его шлем был давно потерян, доспехи пробиты, а из глубокой раны под кольчужой струилась кровь. Но внезапно он вскинул голову.

— Кагал! Кагал!

Он вытер со лба пот и кровь, застывшие ему глаза, и подумал, что у него начинается бред. Но тут он снова услышал все тот же голос:

— Кагал!

Он подошел к огромному камню, возле которого горами лежали тела погибших. Среди этих тел он увидел Вульфгара Юта, узнав его рыжую, воинственно торчавшую бороду. Мощной рукой мертвец все еще продолжал сжимать покореженный и залитый кровью топор, а огромная гора мертвых кочевников под ним свидетельствовала о его неукротимой силе и ярости.

— Кагал!

Кельт опустился на колени рядом со стройной фигурой Рыцаря в Маске. Он стащил с него шлем — и оцепенел, увидев рассыпавшиеся непослушные черные локоны и ясные глубокие серые глаза. Он невольно вскрикнул:

— О святые угодники! Элинор! Я, должно быть, схожу с ума...

Тонкие руки обвились его шее, и в глазах у него потемнело. Через пробитые доспехи девушки текла кровь.

— Ты не сходишь с ума, Рыжий Кагал, — прошептала она. — И не гредишь. Я наконец пришла к тебе, но мы вновь расстанемся. Я причинила тебе смертельное зло, и, только когда ты ушел от меня навсегда, я поняла, как люблю тебя. О, Кагал! Мы родились под несчастливой звездой — мы оба искали свою цель в огне и в тумане. Ты ушел, и я не знала, где тебя искать. Тогда леди Элинор де Курси умерла, и вместо нее родился Рыцарь в Маске. Я понесла свой крест в наказание. Только один верный слуга знал мою тайну, и он пошел со мной на край земли.

— Да, — пробормотал Кагал. — Я помню его — даже мертвый он остался верным товарищем.

— Когда я встретила тебя среди холмов под Иерусалимом,— слабо прошептала Элино́р,— мое сердце готово было разорваться и выскочить из груди и упасть в пыль к твоим ногам. Но я не решилась открыться тебе. Ах, Кагал, я умерла сегодня за Крест, но не прошу прощения у Бога. Пусть на все будет Его воля. Но твое прощение мне нужно, а я не осмеливаюсь просить о нем.

— Я давно простил тебя,— с трудом произнес Кагал.— Не печалься больше об этом, моя девочка. Твоей вины было совсем немного. Все это теперь не имеет значения, все желания и мечты людей рассеялись здесь, как угренний туман. Мир кончился на этой равнине.

— Поцелуй меня,— еле слышно сказала Элино́р, борясь с навалившейся на нее тьмой.

Кагал осторожно приподнял ее за плечи, коснувшись запекшимися губами нежных губ. Она судорожно выпрямилась в его руках, и ее прекрасные глаза зажглись каким-то странным светом.

— Солнце садится, и мир кончается,— задыхаясь, воскликнула девушка,— но я вижу золотую корону на твоей голове, Рыжий Кагал, и я сижу рядом с тобой на троне славы! Да здравствует король Кагал! Да здравствует Кагал Руад, король Ирландии!..

Она откинулась назад, из уголка ее рта потекла тонкая струйка крови. Кагал бережно опустил безжизненное тело Элино́р на землю и поднялся, шатаясь, как в бреду. Он сделал несколько неуверенных шагов, чувствуя тошноту и головокружение.

Солнце садилось за край равнины — она казалась Кагалу покрытой тонким платком кровавого тумана, сквозь который было видно, как беспорядочно двигаются неясные призрачные фигуры. В его ушах зазвенел шум множества голосов, и в этом шуме слышались возгласы приветствия королю, сливавшиеся в один мощный хор:

— Да здравствует Кагал Руад, король Ирландии!

Он тряхнул головой, и туман рассеялся. Король зашагал вниз по склону. Отряд всадников с хищными лицами стремительно помчался ему навстречу. Кагал услышал

свист стрелы и почувствовал, как железный наконечник пробил его кольчугу. С безумным смехом он вырвал стрелу из груди, и из глубокой раны хлынула кровь. Затем копье пробило его горло, и он, ухватившись за древко, вырвал его и отбросил в сторону, не замедляя шага.

Острием меча он пробил кольчугу дикого всадника. Предсмертный вопль ужаса кочевника все еще отдавался эхом в голове кельта, когда он отсек занесенную над ним руку с кривой саблей. Брошенная пика вонзилась ему в грудь, но он, словно не замечая этого, взмахнул мечом и нанес сокрушительный удар по шлему, пробив его насквозь. Он увидел залитое кровью лицо с обезумевшими от ужаса глазами, и кочевник с диким криком рухнул с коня на землю. Король вонзил острие меча в землю и остановился с гордо поднятой непокрытой головой, глядя на приближавшуюся к нему группу всадников в сверкающих доспехах. Тот, кто скакал впереди всех, натянул поводья так, что его белый конь встал на дыбы. Всадник громко расхохотался — вот так победитель встретился лицом к лицу с побежденным. Позади Кагала солнце садилось в море крови. Над его волосами, развевавшимися на легком ветру, поднималось что-то вроде сияния, и Байбарсу вдруг показалось, что он видит на голове кельта корону из червонного золота.

— Ну что ж, малик, — усмехнулся татарин, — те, кто пытался помешать предназначению Байбарса, лежат под копытами моих коней, и по ним я совершаю свое блистательное восхождение к империи!

Кагал рассмеялся, и кровь хлынула из страшной раны на горле. Подобно льву, он вскинул голову, подняв меч в королевском приветствии.

— Правитель Востока! — твердым голосом произнес он. — Добро пожаловать в содружество королей! К славе и божественному огню, к золоту и лунному туману, к величию и смерти! Эй, Байбарс, король приветствует тебя!

Внезапно он прыгнул и нанес страшный удар мечом. Ни конь Байбарса, который попятился и захрапел,

ни его обученные охранники, ни его собственная ловкость не смогли бы спасти мамелюка от гибели. Сама Смерть спасла его — Смерть, настигшая кельта во время его прыжка. Рыжий Кагал умер в воздухе, и его тело рухнуло на седло Байбарса. Меч, зажатый в мертвой руке, описав дугу, скользнул по лбу эмира, оставив глубокий кровавый след, и вонзился ему в глаз.

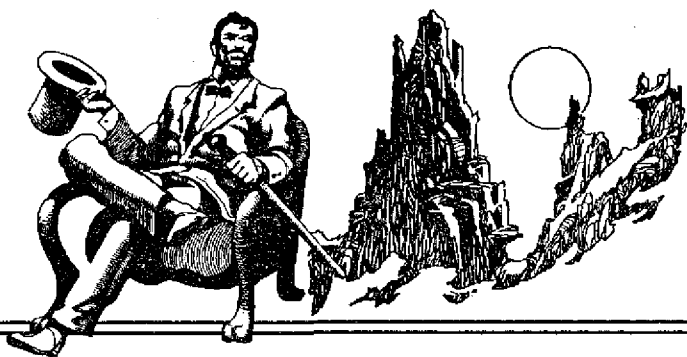
Воины Байбарса вскрикнули, как один, и устремились к своему полководцу. Байбарс покачнулся в седле, побледнев от неожиданной боли. Кровь струилась по его пальцам, зажимавшим страшную рану. Пока его охранники бестолково суетились вокруг него, пытаясь помочь, он поднял голову и увидел единственным глазом, затуманенным от боли, Рыжего Кагала, застывшего мертвым возле ног его коня. На губах кельта застыла улыбка, а его огромный меч лежал на земле рядом с ним.

— Во имя Аллаха! — простонал Байбарс. — Я мертвец.

— Нет, ты не мертв, мой господин! — воскликнул один из его соратников. — Это рана от меча мертвеца, она достаточно серьезна, но не смертельна. А вот войска франков больше нет. Бароны убиты или захвачены в плен, а Крест патриарха повержен. Те из кочевников, что остались в живых, готовы служить тебе, как своему новому господину, с того мига, как Кизил-малик убил их хана. Арабы убежали, и Дамаск теперь тебе не страшен — Иерусалим наш. Теперь ты будешь султаном Египта!

— Я победил, — отозвался Байбарс, впервые в своей дикой жизни переживший потрясение. — Но я наполовину слеп, и какой смысл продолжать убивать этих христиан? Они будут приходить снова и снова, будут с радостью идти на смерть — такова их вера. Чего мы сейчас добились? Они непобедимы, и когда-нибудь — через год или через тысячу лет — они растопчут ислам и вновь наводнят улицы Иерусалима.

А в вечернем небе над залитым кровью полем страшной битвы уже загорелась первая звезда.

СКАЧУЩИЙ-С-ГРОМОМ

Когда-то я был Железным Сердцем — воином-ястребом из племени команчей.

То, о чем я говорю, вовсе не фантазия, и я не страдаю галлюцинациями. Я говорю, опираясь на достоверные знания, опираясь на магическую память — единственное наследие, оставленное мне расой, покорившей моих предков.

Это не сон. Я сижу здесь, в собственном умело обставленном кабинете на пятнадцатом этаже. А внизу на улице гремят и рычат машины самой неестественной цивилизации из тех, что за свою историю видела наша планета. Глядя в окно рядом, я вижу лишь клочок голубого неба, зажатый между вершинами небоскребов, высящихся над этим современным Вавилоном. А посмотрев вниз — только бетонные полосы, по которым течет непрерывный поток людей и машин. Здесь нет подобных океану просторов голой коричневой прерии и голубого неба; здесь нет сухой травы, колышущейся под невидимыми ногами людей степей; здесь нет одиночества, бескрайности и таинственности, слепящих разум всевидящей слепотой и навевающих сны; нет видений, порождающих пророчества.

Тут весь мир низведен до механических законов — силы, которую можно увидеть и пощупать, до мощи и энергии, что перемалывают все подряд и превращают мужчин и женщин в бездушные автоматы.

И все же я сижу здесь, посреди этой пустыни из стали, камня и электричества, и повторяю непостижимое: я был Железным Сердцем, Скальпохватом, Мстителем, Скачущим-с-Громом.

Мои волосы темнее, чем у многих моих клиентов и деловых партнеров. Я ношу одежду цивилизованного человека столь же непринужденно, как и любой из них. А почему бы и нет? Мой отец в юности носил пончо, головной убор воина из перьев и набедренную повязку, а я никогда не носил никаких одеяний, кроме одежды белых людей. Я говорю по-английски... а также по-французски, по-испански и по-немецки без акцента, если не считать легкого юго-западного выговора, какой найдешь у любого оклахомца или техасца. За спиной у меня годы жизни в колледже — Карлайль — Техасский университет — Принстон. Я преуспел, работая по своей профессии. Меня без сомнений принимают в избранном светском кругу — в обществе, состоящем из мужчин и женщин чисто англосаксонского происхождения. Общающиеся со мной люди очень редко узнают во мне индейца. Внешне я стал белым, но...

Одну вещь я все же унаследовал от своих предков. Память. Тут нет ничего смутного, размытого или иллюзорного. Так же как я помню свое прошлое в качестве Джона Гарфилда, так помню я и иные свои воплощения, например жизнь и деяния Железного Сердца. И когда я сижу в своем кабинете, уставясь неподвижным взглядом на пустыню из стали и бетона, то она порой кажется мне столь же зыбкой и нереальной, как поднимающийся ранним утром туман на берегах Красной реки. Я смотрю сквозь все эти наслоения и заглядываю глубже и дальше в прошлое, вспоминаю невзрачные бурые горы Уичито, где когда-то появился на свет; я вижу колышущуюся под ударами юго-западно-

го ветра траву и вырисовывающийся на фоне синего, как вороненая сталь, неба высокий дом Куано Паркера. Я вижу хижину, где родился я сам, и пасущихся на опаленном солнцем пастбище тощих лошадей и мелких коров, вижу сухие, редкие ряды кукурузы на небольшом поле поблизости... но я снова вглядываюсь. Я вижу простор прерий — коричневых, сухих и бескрайних. Там нет ни высокого белого дома, ни хижины, ни кукурузного поля, и только колышущаяся коричневая трава, типичные из бизоньих шкур и бронзовый обнаженный воин с головным убором из перьев, хвосты которого развеваются у него за спиной, словно след горящего метеора. Этот воин скачет, словно ветер, объятый безумной, дикой радостью.

Я родился в хижине белого человека. Я никогда не носил боевой раскраски, ни разу не ступал на тропу войны и не танцевал танца скальпа. Я не умею ни орудовать копьем, ни пускать стрелы с кремневым накопчиком в фыркающего бизона. Любой сын оклахомского фермера превзойдет меня как наездник. Короче говоря, я — цивилизованный человек, и все же...

С ранней юности меня одолевало тягостное беспокойство, неприкаянность и угрюмая неудовлетворенность своей жизнью. Я читал книги, учился, с рвением, радовавшим моих учителей, предавался разным занятиям, какие цепляли белые. Они с гордостью ставили меня в пример другим и говорили мне, что я белый не только по одежде, но и в душе, думая, что эти слова для меня лучшая похвала.

Но беспокойство в душе моей росло, хотя никто и не подозревал об этом, так как я скрывал его под маской непроницаемого индейского лица, как мои предки, привязанные апачами к столбу пыток, скрывали свою боль от взоров врагов.

Беспокойство таилось где-то на задворках моего разума, когда я слушал учителей в классе, скрывая внутреннее пренебрежение к тем знаниям, которые сам же стремился приобрести ради материального благополу-

чия. Это беспокойство воздействовало на мои сны. И сны, смутные в детстве, становились с возрастом все более живыми и яркими. В них всегда присутствовал бронзовый обнаженный воин, скачущий, словно кентавр, на фоне гор, туч, огня. Гремел гром. А за спиной всадника развевались перья хвостов головного убора. Наконечник его поднятого копья сверкал в свете молний.

От этих видений во мне просыпались инстинкты и суеверия моего народа. Сны стали воздействовать на мою жизнь наяву, ведь они всегда играли важную роль в жизни индейцев. Порой мною стало овладевать бешенство. Я стал терять навыки, необходимые для избранного мною существования в роли белого. Надо мной нависла тень окровавленного томагавка. У меня появилась потребность, неукротимая тяга к насилию, беспокойство, которое, как я начал опасаться, сможет утолить только кровь. Ночью я метался на постели, пытаясь заснуть, боясь, что меня захлестнет неудержимый прилив из сумеречных, бездонных глубин подсознания. А если такое случится, я знал, что стану убивать неожиданно, жестоко и, по понятиям белого человека, беспричинно.

Я не хотел убивать людей, никогда не причинявших мне никакого вреда, и отправиться потом за это на виселицу. Хотя я презирал (как и до сих пор презираю) философию и кодекс белого человека, тем не менее материальные блага цивилизации я считаю (и считал) вполне желанными, поскольку мне запрещено вести дикую жизнь, какую вели мои предки.

Я пытался анализировать эту первобытную, смертоносную тягу, заменить ее спортом, но обнаружил, что американский футбол, бокс и борьба только усиливают это чувство. Чем яростней я бросался в схватку, не жалея свое крепкое, мускулистое тело, тем меньше удовлетворения получал от борьбы и тем больше тянуло меня к чему-то такому, чего я и сам не понимал.

Наконец обратился за помощью. Я не пошел к белому врачу или психологу, а вернулся в округ, где родился, и отыскал старика Орлиное Перо — шамана,

живущего в одиночестве среди гор, презирающего обычаи белого человека. В одеждах белого сидел я, скрестив ноги, в его типи из древних шкур бизона и, рассказывая, время от времени опускал руку в стоящий между нами котелок с тушеным мясом. Шаман был стар. Даже и не знаю, сколько ему лет... Орлиное Перо сидел передо мной в истрепанных и изношенных мокалинах, завернувшись в выцветшее, латаное одеяло. Он был с отрядом тех, кого генерал Маккензи настиг в Пало Дуро. Когда генерал приказал перестрелять лошадей индейцев, он тем самым обрек Орлиное Перо на нищету, так как богатство шамана, да и всего племени, заключалось именно в лошадях.

Шаман выслушал меня, не говоря ни слова, и после этого сидел не двигаясь, уронив голову на грудь, почти касаясь морщинистым подбородком ожерелья из зубов пауни. В тишине я слышал, как вздыхает ночной ветер, налетая на шесты вигвама, и злое ухает в чаще леса сова. Наконец шаман поднял голову и сказал:

— Индейское племя. Тебя тревожит колдовская память. Воин, которого ты видишь в снах, — тот, кем ты некогда был. Он приходит вовсе не для того, чтобы уговорить тебя схватиться за томагавк и начать рубить белых тварей. Он — ответ на зов предков, звучащий в твоей душе. Ты производишь из древнего рода воинов. Твой дед скакал рядом с Одиноким Волком и Петой Ноконой. Он снял много скальпов. Книги белых тебя удовлетворить не могут. Если ты не найдешь какую-то отдушину, твоим разумом рано или поздно овладеет кровавое бешенство и духи предков запоют у тебя в голове. Тогда ты станешь убивать, словно во сне, не зная почему, и белые повесят тебя. Негоже команчу встретить смерть, задохнувшись в петле. Повешенный не может спеть песню смерти. Душа его не может покинуть тело, а вынуждена будет вечно обитать под землей, вместе с гниющими костями... Ты не можешь быть воином. Эти времена миновали. Но есть способ избежать дурных последствий твоего колдовства. Если бы ты

смог вспомнить... Всякий команч, умерев, уходит на время в Страну Счастливой Охоты, отдохнуть и поохотиться на белого бизона. Потом, спустя сто лет, он возрождается в племя... если его дух не погибает с потерей скальпа. Но такой человек не помнит прежней жизни. А если помнит, то немного. Он видит лишь размытые фигуры, движущиеся в тумане. Но есть колдовство, способное заставить человека вспомнить, — сильное и ужасное колдовство, которое обычному человеку не пережить. Я-то помню свои прежние воплощения. Помню людей, в телах которых обитала моя душа в былые века. Я могу бродить в тумане и говорить с великими, чей дух еще не возродился, — с Куоно Паркером, и с Петой Ноконой — его отцом, и с Железной Рубашкой — его отцом, с Сатантой из племени киова, и Сидящим Бизоном из рода Огалалла, и многими другими... Если ты храбр, то сможешь вспомнить и заново прожить свои прежние жизни и удовлетвориться этим, узнав о своей бывшей доблести и силе.

Шаман предлагал мне решение — заменитель бурной жизни в моем нынешнем существовании — предохранительный клапан для таящейся на дне моей души врожденной свирепости.

Рассказывать ли вам о ритуале, с помощью которого я смог вспомнить свои былые воплощения? Обряд проходил в горах, на глазах у одного лишь Орлиного Пера. Я выдержал такую пытку, какая белым может привидеться только в кошмарах. Это древняя-предревняя магия, тайная магия, о которой всеведущие антропологи даже не догадываются. Она всегда принадлежала команчам. Сиу позаимствовали из нее ритуалы своего танца солнца, а арикара одолжили у сиу часть ее для своего танца дождя. Но она всегда была тайным обрядом, видеть который мог только шаман команчей. Никаких танцев, кричащих толп женщин и воинов, способных вдохновить человека, укрепить его дух боевыми песнями... Только голая безмолвная сила воли и выносливость, на ветру в свете древних звезд.

Орлиное Перо прочертил глубокие борозды в мускулах у меня на спине. Шрамы остались и по сей день. В эти впадины можно кулаки засунуть. Шаман глубоко рассек мои мускулы и продел сквозь них сыромятный ремень, крепко связав их, а потом перебросил ремень через ветку дуба и с помощью силы, которую можно объяснить только колдовством, поднял меня над землей, так что ноги мои стали болтаться высоко над травой. Он закрепил ремни и оставил мое тело висеть, а сам стал бить в барабан из кожи, снятой с живота вождя липанов. Шаман барабанил так медленно, что тихий, зловеющий грохот его барабана лишь подчеркивал мои мучения, смешиваясь с шорохом ледяного ветра.

Ночь все тянулась и тянулась. Звезды скользили по небу. Ветер то замирал, то начинал дуть с новой силой. Барабан продолжал монотонно выстукивать свою дробь, и постепенно звук его стал меняться. Это был уже не барабанный бой, а грохот копыт неподкованных коней, несущихся по прерии. Уханье совы стало не уханьем, а криком смерти, вырывавшимся из глоток воинов древности. Пламя мучений затуманило мой взор ревушим костром, вокруг которого прыгали и пели черные фигуры. Я больше не раскачивался, свисая на окровавленных ремнях с ветки дуба, а стоял, выпрямившись во весь рост, у столба пыток. Ноги мне лизало пламя, а я пел свою песню смерти, бросив вызов врагам. Прошлое и настоящее фантастически и страшно слилось и перемешалось. Во мне боролось сто личностей (мои бывшие воплощения), до тех пор пока у меня не осталось ни времени, ни пространства, ни формы, ни обличья. Теперь для меня существовал лишь извивающийся, крутящийся хаос людей, событий и образов. А потом все оказалось отброшено в никуда бронзовым, раскрашенным, торжествующим всадником на коне, чьи копыта высекали искры. Всадник несся на фоне пылающего занавеса темного заката. Воин-команч ликовал, как ликовать может лишь варвар. И вместе с ним ликовал его конь.

Когда они проскакали, мой измученный разум сдался, и я потерял сознание.

В сером свете зари, пока я висел, обмякнув и лишившись чувств, Орлиное Перо привязал к моим ногам черепа бизонов, которые, как сокровища, хранил с давних времен. Под их тяжестью кожа и жилы прорвались. Я упал на траву у подножия древнего дуба. Боль от этой свежей раны оживила меня, но боль изрезанного и изодранного тела ни в какое сравнение не шла с великим прозрением. В тот темный предрассветный час, когда барабан перемешал прошлое и настоящее, а сознание, которое всегда борется с более неопределенными чувствами, капитулировало, знание, которого я добивался, пришло ко мне. Боль была необходима — великая боль помогла преодолеть сознательную часть души, управляющей материальным телом. Я пробудился, но память о прошлых воплощениях осталась. Называйте это как вам угодно — хоть психологией, хоть магией. Меня больше не будут мучить неопределенные образы, тяга к насилию, которая была всего лишь имплантированным инстинктом, созданным тысячей лет скитаний, охот и битв. Я мог найти облегчение в воспоминаниях, снова пережив дикие деньки своего прошлого. Так что...

Я помню много прошлых жизней, череда которых протянулась в такую далекую древность, что историки изумились бы, узнав об этом. И вот что я обнаружил: жизни команча разделялись отнюдь не сотней лет. Иногда возрождение происходило почти сразу же, иногда между жизнями проходило много лет. Уж не знаю, по какой необъяснимой причине все так устроено.

Мне неизвестно, какое «я» обитает ныне в теле американского гражданина, зовущегося Джоном Гарфилдом, в прошлом имевшего много диких, раскрашенных воплощений... к тому же не в столь уж отдаленном прошлом. Например, во время своего последнего появления в роли воина на сцене великого Юго-Запада я был неким Эзатемой, скакавшим рядом с Куоно Паркером и Сатантой из племени кива. Меня убили в битве при Адоб Уоллс

летом 1874 года. Между Эзатемой и Джоном Гарфилдом существовала интерлюдия в виде слабого, деформированного ребенка, родившегося во время бегства племени комагчей из резервации в 1878 году и оставленного умирать где-то на бесплодных западных равнинах. Я был... но зачем пытаться перечислить все жизни и тела, что были моими в прошлом? В моей памяти сокрыты воспоминания бесконечной цепи раскрашенных, обнаженных фигур в перьях, протянувшейся далеко в незапамятные времена... во времена настолько отдаленные и немыслимые, что я сам не решаюсь переступить их порога.

Мой белый читатель, я не стану и пытаться увлечь тебя с собой. Ибо мое племя очень древнее, оно уже было древним, когда мы жили в горах к северу от Йеллоустоуна и путешествовали пешком, навьючив на собак свои скудные пожитки. Исследования белых людей остановилось на этом периоде нашего прошлого. Так оно и лучше для их душевного спокойствия и их прекрасно упорядоченных теорий относительно истории человечества. Но я могу порассказать вам такое, что вышибет из вас ту улыбчивую снисходительность, с которой вы читаете эту повесть о народе, уничтоженном вашими предками. Я мог бы порассказать вам о долгих скитаниях по континенту, все еще кишашему доисторическими ужасами, — но довольно.

Я расскажу вам о Железном Сердце, Скальпхвате. Из всех тел, что были моими, тело Железного Сердца почему-то кажется более тесно связанным с телом Джона Гарфилда из двадцатого века. Именно Железное Сердце я видел в своих снах. Воспоминания о нем, смутные и непонятные, преследовали меня с юности. И все же, рассказывая вам о Железном Сердце, я должен говорить устами Джона Гарфилда, или же мой рассказ окажется всего лишь невнятным бредом, не имеющим для вас ни малейшего смысла. Я, Джон Гарфилд, — человек двух миров, с разумом, не принадлежащим целиком ни краснокожим, ни белым. Но я все же худо-бедно могу понять и тех и других. Позволь-

те мне рассказать повесть о Железном Сердце — не так, как рассказал бы ее Железное Сердце, а как — Джон Гарфилд, чтобы вам все было понятно.

Запомните, есть много такого, о чем я не стану говорить. Есть сцены жестокости и дикости. Я — Джон Гарфилд — рассматриваю их как естественные продукты той жизни, какую вел Железное Сердце. Но вы не поймете, не сможете понять эту жестокость и в ужасе отвернетесь. Есть и другие вещи, о которых я лишь упомяну. У варварства свои пороки, свои слабости, и их не меньше, чем у цивилизации. Ваши цинизм и утонченность — слабые и ребяческие по сравнению со стихийным цинизмом и утонченностью того, что вы называете дикостью. Если наши достоинства были бы не испорчены, как у новорожденного детеныша пантеры, то наши грехи — подревнее Ниневии. Если... но довольно. Я расскажу вам о Железном Сердце и об ужасе, который он повстречал, Ужасе из Неведомых Времен, который был древнее, чем забытые развалины, лежащие скрытыми в джунглях Юкатана.

Железное Сердце жил во второй половине шестнадцатого века. События, которые я опишу, должно быть, произошли где-то около 1575 года. Мы уже стали племенем всадников. Более века прошло с тех пор, как мы спустились с гор Шошони, сделавшись жителями равнин и охотниками на бизонов, следуя за стадами пешком от Большого Невольничьего озера до Мексиканского залива, вечно враждуя с кроу, киова, пауни и апачами. Путешествие моего племени оказалось долгим и утомительным. Но появление лошадей изменило нашу жизнь... изменило нас за довольно короткий срок, превратив из нищей расы голых скитальцев в народ непобедимых воинов, оставивших кровавый след завоеваний на равнинах от деревень черноногих на реке Биг-Хорн до испанских поселений в Чихуахуа.

Историки говорят, что команчи пересели на коней в 1714 году. На самом деле к тому времени мы уже больше века ездили на лошадях. Когда пришел Коро-

надо, искавший легендарные Города Сиболо, мы уже стали расой наездников. Детей учили ездить верхом прежде, чем ходить. Когда мне, Железному Сердцу, исполнилось четыре года, я ездил на собственной лошадке и сторожил табун.

Железное Сердце был человеком могучим, среднего роста, коренастым и мускулистым, как и большинство представителей его племени. Я расскажу вам о том, как получил такое имя. У меня был брат немногим старше меня, которого звали Красный Нож. Среди индейцев не часто встретишь дружащих между собой братьев, но я пылко восхищался Красным Ножом и тянулся к нему, как только может юноша тянуться к старшему брату.

Это был век переселений. Мы пока еще не добрались до каньона Пало Дуро и не сделали его колыбелью своего племени. Наши северные пастбища все еще простирались севернее реки Платт, хотя мы постепенно все чаще и чаще вторгались на Застолбленные Равнины юга, гоня перед собой апачей. Сто двадцать пять лет спустя мы навеки сломали их мощь в семидневной битве на реке Уичито и отшвырнули их, сломленных и разбитых, в горы штата Нью-Мексико. Но во времена Железного Сердца апачи все еще считали южные прерии своим владением а мы воевали больше с сиу, чем с ними.

Вот воины сиу и убили Красного Ножа.

Они захватили нас врасплох неподалеку от берега Платта, примерно в миле от крутого холма, увенчанного чахлыми зарослями. К этому-то холму мы и устремились, думая только об одном: «Это не обычный набег!» Нападение сиу смахивало на вторжение. Врагов собралось тысячи три: тетоны, брулы и янктоны. Они собирались напасть на стойбище команчей, расположенное несколькими милями южнее. Если племя не предупредить, сиу захватят его врасплох и уничтожат. Я добрался до холма, но конь Красного Ножа упал вместе с всадником, и сиу схватили моего брата. Они притащили его к подножию холма, на гребне которого я, укрытый от их стрел, уже готовился послать дымовой

сигнал, запалив костер. Сиу и не пытались влезть на холм, так как знали, что напорются на мое копьё и стрелы. А тропинка, ведущая наверх, была только одна. Но враги крикнули мне, что если я не стану подавать сигнал, то они подарят Красному Ножу быструю смерть и поедут дальше, не трогая меня.

Красный Нож крикнул:

— Зажигай костер! Предупреди наш народ! Смерть сиу!

И тогда враги стали пытаться его. Но я не обращал на это внимания, хотя прерия у меня перед глазами плыла в красной пелене. Сиу медленно разрезали его на куски, а Красный Нож смеялся над ними и пел свою песню смерти, пока не захлебнулся собственной кровью. Он прожил намного дольше, чем мог простой смертный. Но тогда я не обратил на это внимания. Дым за клубился, поднимаясь к небу и предупреждая мое племя.

Тогда сиу поняли, что потеряли преимущество внезапной атаки, вскочили на коней и ускакали, еще до того, как первая тучка пыли на юге отметила приближение моих братьев-воинов. Жизнью своего брата я купил жизнь племени и получил новое имя. Стех пор меня звали Железным Сердцем. Целью моей жизни стала месть. Я хотел выплатить сиу долг и убивал их снова и снова, поющими стрелами, разящим копьём, жгущими плоть факелами и маленькими ножами для разделки мяса... Я стал Железным Сердцем, Скальпохватом, Мстителем, Скачущим-с-Громом. Последнее имя я получил за то, что, когда удары грома катились над прерией, заставляя прятать голову даже самых храбрых воинов, я имел обыкновение скакать галопом, потрясая копьём и распевая о своих деяниях, не обращая внимания ни на богов, ни на людей. Страх умер в сердце моем там, на холме, когда я смотрел, как под тетонскими ножами умирает мой брат. И только один раз в той моей жизни страх пробудился вновь. Вот об этом-то я вам и расскажу.

Осенью 1575 года около сорока наших воинов отправились на юг, чтобы нанести удар по испанским

поселениям. Стоял сентябрь, который позже станет месяцем войны, — месяцем, когда мужчины отправляются на юг за лошадьми, скальпами и женщинами. Да, во времена Эзатемы так уж повелось — воевать в сентябре. Я тоже много раз ездил по этой накатанной тропе в том или ином теле, но во времена Железного Сердца этому обычаю было уже не меньше сорока лет.

Отправляясь в поход, мы стремились добыть лошадей, но в тот раз так и не добрались до Рио-Гранде. Мы свернули в сторону и нанесли удар по липанам на реке, которую теперь называют Сан-Саба. Это оказалось глупой выходкой, но мы были молодыми воинами, и нам не терпелось пересчитать налобные повязки наших старинных врагов. Мы еще не усвоили, что лошади — поважнее женщин, а женщины — поважнее скальпов. Мы захватили липанов врасплох и устроили грандиозную резню. Но у липанов было заключено перемирие с людоедами-тонкева, непримиримыми врагами команчей. Раз и навсегда мы свели счеты с тонкева лишь зимой 1864 года. Тогда мы стерли с лица земли их резервацию Кларк Форк в Бразосбе. Эзатема участвовал в той битве, и он (я!) окунал руки в их кровь с такой радостью, словно помнил события далекого прошлого своего племени.

Но осенью 1575 года до той резни было еще много-много лет. Преследуя удирающих сломя голову липанов, мы наскочили напрямик на орду тонкева и их союзников уичито.

Вместе с липанами против нас выступило около пятисот воинов — слишком неравные силы даже для команчей. Кроме того, мы сражались в сравнительно лесистой местности. Тут у наших врагов было преимущество, потому что мы, рожденные и выросшие в прериях, предпочитаем драться на открытой местности.

Когда мы вырвались из лесов и бежали на север, нас осталось всего пятнадцать, и тонкева преследовали нас почти сто миль даже после того, как липаны прекратили погоню. Как они ненавидели нас! И потом, каждому тонкева не терпелось набить живот мясом

команча, должным образом поджаренного. Людоеды верили, что от этого боевой дух команча переходит к пожирателю. Мы тоже в это верили, вот потому-то мы так и ненавидели тонкева. К этому прибавлялось естественное отвращение к людоедству.

Апачей мы встретили неподалеку от горы Дабл-Форк в Бразоса. Мы нанесли им удар походя, двигаясь на юг. Они остались зализывать раны в зарослях чапаралья, хоть и горели желанием отомстить. Чуть позже им это удалось. Они нас нагнали. Бой оказался коротким. Мы были на усталых лошадях, и после боя от сорока воинов, которые столь гордо отправились на юг, осталось только пятнадцать. И всего пять всадников перевалило через хребет Кэпрок... тот хребет со множеством ущелий и проходов, что протянулся через прерии, словно гигантская ступень, ведущая на земли, расположенные намного выше.

Я мог бы рассказать вам, как воевали индейцы прерий. На нашей планете раньше никогда не видывали таких боев и никогда больше не увидят, ибо все это минуло в прошлое. От Молочной реки до Мексиканского залива индейцы сражались одинаково: верхом, кружа, налетая, словно шершни со смертоносными жалами, осыпая врагов градом стрел с древками из кизила и кремневыми наконечниками. Индейцы атаковали, разворачивались, отступали, заманивая врага, словно осы. Они жалились, как кобры. А та стычка у Кэпрока ничуть не походила на бой между индейцами. Нас было пятнадцать, и мы сражались против сотни апачей. Мы бежали, оборачиваясь, чтобы пустить стрелу или ударить копьем, только когда не могли разминуться с врагом. Когда они нас нагнали, уже разгорался закат, иначе сага о Железном Сердце на этом бы и закончилась, а его скальп коптился бы у очага какого-нибудь апача вместе с десятью другими, снятыми в тот день тиграми прерий.

Но когда наступила ночь, нам удалось рассеяться, оторваться от врагов и вновь соединиться, уже поднявшись на Кэпрок, усталыми, голодными, с пустыми

колчанами, на измотанных лошадях. Теперь нас осталось пятеро. Иногда мы шли пешком и вели коней в поводу, что само по себе говорит о том, в каком они были состоянии, ведь команч никогда не пойдет пешком, если можно ехать на коне. Но мы брели, спотыкаясь, чувствуя, что обречены. Мы пробирались на север, отклоняясь на запад, забираясь в земли, куда не заезжал никто из команчей. Таким образом мы надеялись ускользнуть от своих непримиримых врагов. Мы оказались в самом сердце страны апачей, и никто из нас не питал ни малейшей надежды когда-нибудь добраться живым до нашего лагеря на Симарроне. Но мы продолжали бороться, упорно пробираясь через огромную безводную пустыню, где даже кактусы не росли и где на твердой, как железо, земле не оставляли следов неподкованные копыта лошадей.

Должно быть, к рассвету мы пересекли какую-то черту. Точнее я сказать не могу. На самом-то деле не было там никакой черты, и все же в какой-то миг все мы поняли, что вступаем в иную страну. И люди, и животные это почувствовали. Мы все шли пешком, вели лошадей в поводу, и вдруг все разом попадали на колени, словно сбитые с ног землетрясением. Лошади зафыркали, стали бить копытами и, не будь они слишком слабыми, вырвались бы на волю и удрали.

Но мы забрались уже слишком далеко, чтобы нас что-то волновало. Встав на ноги, мы потащились дальше, заметив, что небо заволокло тучами, а звезды стали тусклыми и совсем невидимыми. Более того, ветер, который почти беспрестанно дул на этом огромном плато, внезапно стих. Мы шли по равнине в ужасной тишине, спотыкаясь, плелись все время на север до тех пор, пока не рассвело. День выдался сумрачным и тусклым. Мы остановились, измученно глядя друг на друга, словно духи на следующий день после светопреставления.

Мы решили, что попали в страну духов. Каким-то образом ночью мы пересекли черту, что отделяла эту таинственную страну от естественного мира. Подоб-

но остальной равнине, местность здесь уныло протянулась во все стороны от горизонта к горизонту, плоская и однообразная. Но тут было до странного тускло. В воздухе плавал какой-то сумрачный туман. И дело не столько было в тумане, сколько в уменьшившейся яркости солнечного света. Когда солнце взошло, то выглядело бледным и водянистым, больше походя на луну, чем на солнце. Воистину мы ступили в Затемненную Землю — мрачную страну, о которой до сих пор шепчут у костров чероки, хотя откуда они узнали о ней — неведомо.

Мы не видели, что лежит у горизонта, но зато разглядели впереди на равнине скопление конических типи. Сев на усталых лошадях, мы медленно поехали к ним. Инстинктивно мы знали, что там нет никого живого. Перед нами лежало стойбище мертвых. Мы молча сидели на лошадях, съжившись под свинцовым небом. Во все стороны от нас протянулась однообразная пустыня. Это было все равно что смотреть сквозь закопченное стекло. К западу от нас сгущался туман. Сквозь него наши взоры уже не могли проникнуть. Котопа содрогнулся и отвел взгляд, прикрывая рот ладонью.

— Это заколдованное место, — сказал он. — Находиться здесь — не к добру. — И невольно он сделал такое движение, словно собирал вокруг плеч одеяло, потрепанное во время бегства.

Но я был Железным Сердцем. Страх во мне давно умер. Я направил своего испуганного коня к ближайшему типи (а все типи тут были из шкур белых бизонов) и откинул в сторону полог. И тут, хоть страх и был мне больше неведом, по коже моей поползли мурашки, так как я увидел обитателя этого жилища.

Существовала одна старая-престарая легенда, забытая больше сотни лет назад. При жизни Железного Сердца она уже стала лишь смутным и искаженным слухом. Но порой старики еще рассказывали о том, как давным-давно, еще до того, как сложились ныне существующие племена, с севера, тогда населенного множе-

ством диких и страшных народов, пришло одно ужасное племя. Оно двигалось на юг, убивая и уничтожая все на своем пути, до тех пор пока не рассеялось на великих равнинах юга. Старики говорили, что люди севера ушли в туман и исчезли. Все это случилось давным-давно, настолько давно, что даже предки команчей не пришли еще в долину Йеллоустоуна. И все же здесь предомной лежал один из воинов этого ужасного народа.

Великан растянулся на медвежьей шкуре внутри типи. Ростом он, наверное, был все семь футов. Его могучие плечи и руки бугрились мускулами. Лицо казалось неприятным, тонкогубым, с выпирающей челюстью, покатым лбом и спутанной гривой лохматых волос. Рядом с ним лежал топор, острый как бритва, из камня, который, как теперь я знаю, был зеленым нефритом. Топор был вставлен в расщепленное топориче из странного твердого дерева, некогда росшего далеко на севере, которое поддавалось полировке не хуже красного. Увидев топор, мне захотелось завладеть им, хотя рукоять его казалась слишком длинной и выглядел он чересчур тяжелым для конной схватки.

Я просунул копьё внутрь типи и, подцепив топор, выволок его наружу, смеясь над возражениями своих спутников.

— Никакого святотатства я не совершаю, — заявил я. — Это же не вигвам смерти, куда воины уложили тело великого вождя. Этот человек умер во сне, как и все они. Уж не знаю, почему он пролежал здесь столько веков и его не сожрали ни волки, ни сарычи. И почему не сгнило его тело, мне тоже непонятно, но эта страна — заколдованная. А топор я возьму себе.

И только я хотел спешиться и взять топор, как неожиданный крик заставил нас всех резко обернуться. Мы оказались лицом к лицу с пауни в полной боевой раскраске! И одной из них была женщина! Она, как воин, сидела на коне и размахивала боевым топором.

Женщины-воины встречались среди племен равнин редко, но время от времени они все же попадались.

Еще мгновение, и мы узнали ее. Это была Кончита — девушка-воин из южных пауни. Она считалась птицей войны и часто водила отряды отборных воинов в дерзкие набеги по всему юго-западу.

В моей памяти четко отпечатались эта картина. Я вижу все так, как увидел тогда, когда развернулся: стройная, гибкая, надменная девушка, от которой исходила жизненная сила и угроза. По-варварски великолепно восседала она на огромном скакуне. А за спиной у нее толпились свирелые раскрашенные воины. Девушка же была нагой, если не считать короткой, расшитой бусинами юбки, немного не доходившей до середины бедер. Пояс ее тоже украшали бусины, и на нем висел нож в опять-таки расшитых бусинами ножнах. Ее стройные голени скрывали мокасины, а черные волосы, заплетенные в две толстые блестящие косы, свисали на голую спину. Темные волосы ее сверкали, а красные губы открылись в насмешливом крике, когда она замахнулась на нас топором, управляясь со своим конем без всяких там уздечек и седла, с грацией, от которой дух захватывало. К тому же она была чистокровной испанкой, дочерью одного из капитанов Кортеса. Во младенчестве ее похитили апачи с низовьев Рио-Гранде. А у них, в свою очередь, выкрали южные пауни. Среди них она и выросла как настоящая индейская девушка.

Все это я понял, бросив только один краткий взгляд. Кончита с пронзительным криком ринулась на нас. Ее воины летели следом за ней. Я сказал, «ринулась», потому что это самое подходящее слово. Конь и его всадница скорее налетели на нас, а не подъехали галопом.

Бой оказался недолгим. Да и как могло быть иначе? Их было двадцать на сравнительно свежих лошадях, а нас — пятеро усталых команчей на чуть не падающих от усталости скакунах. На меня набросился высокий воин. Лицо его было сплошь покрыто шрамами. В тумане пауни нас не видели, как и мы их, пока не столкнулись вплотную. Увидев наши пустые колчаны, они решили прикончить нас копьями и палицами. Вы-

сокий воин ударил меня копьем, и я развернул лошадь, которая из последних сил отозвалась на давление моего колена. Никакой пауни не смог бы сравниться с команчем в бою, даже южный пауни. Копье просвистело мимо моей груди, и, когда конь и всадник пронеслись мимо, я вогнал в спину врага свое копьё так, что наконечник вышел у него из груди.

Пронзая противника, я краем глаза заметил еще одного воина, подъезжавшего ко мне слева, и попытался снова развернуть лошадь, одновременно высвобождая копьё. Но лошадь моя вконец вымоталась. Она закачалась, словно каноэ, идущее на дно в быстром течении Миссури, и палица пауни обрушилась на меня. Я метнулся в сторону и спас свой череп, не дав превратить его в разбитое яйцо, но палица с силой ударила меня по плечу. Удар сшиб меня с лошади. Я как кошка приземлился на ноги, выхватил нож, но тут меня задел чей-то конь, и я повалился наземь. Это была Кончитита. Ее конь налетел на меня, и когда, полусглушенный, я с трудом поднялся на ноги, всадница грациозно спрыгнула с седла и занесла над моей головой окровавленный топор.

Я увидел тусклый блеск лезвия и, ошеломленный, понял, что не смогу избежать удара... И тут девушка застыла с поднятым топором, широко раскрытыми глазами уставившись поверх моей головы на что-то, находящееся позади меня. Помимо своей воли я повернулся и тоже посмотрел туда же.

Остальные команчи уже пали, забрав с собой пятерых пауни. А все оставшиеся в живых замерли, как и Кончитита. Один даже замер с ножом в зубах, стоя на коленях на спине мертвого Котопы и срывая скальп. Он согнулся и словно неожиданно окаменел, уставившись туда же, куда и все.

Все дело в том, что на западе туман разошелся и стали видны стены и плоские крыши странного сооружения. Оно было похоже и все же странно непохоже на пуэбло индейцев, выращивавших кукурузу далеко на западе. Подобно пуэбло, оно было сложено из кирпича,

да и архитектурой напоминало подобные строения. Из этого здания вышла цепочка странных фигур... невысоких людей, одетых в наряды из ярко окрашенных перьев и выглядевших несколько похожими на индейцев, живущих в пуэбло. Они были без оружия и держали в руках только веревки из сыромятной кожи и кнуты. Лишь шедший впереди более высокий и сухопарый человек нес в левой руке странный, похожий на щит диск из сверкающего металла, а в правой — медный молот.

Эта странная процессия остановилась перед нами, и мы уставились на них — девушка-воин с все еще занесенным топором, пауни, пешие и конные, раненые и я, привставший на колено. Тут Кончита, неожиданно почувствовав опасность, отчаянно выкрикнула приказ. Она, забыв обо мне, шагнула вперед, размахивая топором. Когда пауни приготовились к атаке, человек с перьями грифа в волосах ударил молотом в гонг, и на нас, словно невидимая пантера, обрушился страшный грохот. Он походил на удар грома и звучал столь громко, что казался почти осязаемым. Кончита и пауни рухнули как подкошенные. Лошади их взвились на дыбы и рванули прочь. Кончита покатила по земле, крича от боли и зажимая уши. А я был Железным Сердцем, командиром, и звук не мог испугать меня.

Я одним прыжком вскочил с земли с ножом в руке, хоть череп мой, казалось, раскалывался от этого ужасного звука. Я метнулся к тому человеку, кто носил головной убор с перьями грифа, целя ему в горло. Но мой нож так и не впился в его тело. Снова незнакомец ударил в ужасный гонг, и звук сразил меня, отшвырнув как тряпичную куклу, словно удар могучего воина. И в третий раз ударил молот по гонгу. Казалось, земля и небо раскололись надвое от оглушающего звука. Я упал на землю, словно сраженный палицей.

Когда я снова смог видеть, слышать и думать, то обнаружил, что руки у меня связаны за спиной, а шею стягивает сыромятный ремень. Меня заставили подняться, и люди, взявшие нас в плен, погнали к городу.

Я называю то место городом, хотя больше оно напоминало замок. С Кончитой и ее пауни поступили точно так же, за исключением одного тяжелораненого. Его убили, перерезав горло его же ножом, и оставили вместе с остальными мертвецами. Один из пленивших нас поднял топор, что я выволок из типи, и стал с любопытством его разглядывать, а потом забросил себе на плечо. Чтобы проделать это, ему пришлось взяться за рукоять обеими руками.

Спотыкаясь, побрели мы к замку, полузадушенные сдавившими нас ремнями. Время от времени нас подгоняли, щелкая сыромятными плетями. Но стегали конвоиры только Кончиту. Человек, который вел ее, постоянно грубо дергал за веревку, стоило девушке чуть замедлить шаг. Пауни пали духом. Они были самыми воинственными из всего своего племени, принадлежали к ветви, которая жила у истоков Симаррона и которая по обычаям и традициям отличалась от своих северных братьев. Они скорее напоминали типичных представителей равнинной культуры, в отличие от своих соплеменников, и никогда не вступали в контакты с англоязычными пришельцами. Около 1641 года их выкосила оспа. Пауни заплетали волосы в длинные, волочащиеся по земле косы, как кроу и миннетари, и утяжеляли свои косы серебряными украшениями.

Замок (я называю его так на языке Джона Гарфилда и на вашем собственном языке; Железное Сердце именовал бы его вигвамом или пуэбло) стоял на возвышении, недостойном называться холмом, но нарушавшем плоскую монотонность равнины. Замок окружала стена. В ней зияли ворота. На одной из плоских крыш, поднимавшихся ярусами, мы увидели фигуру, закутанную в сверкающую мантию из перьев, блестящих даже в этом затемненном месте. Человек в мантии властно махнул рукой, затем величественно последовал к дверям и исчез.

Столбы ворот замка были бронзовыми, с резными изображениями пернатого змея, при виде которо-

го пауни содрогнулись и отвели взгляды. Как и все индейцы прерий, они помнили об ужасах прошлого, когда великие и ужасные царства далекого юга воевали с дикарями далекого севера.

Нас провели через двор замка. По короткой бронзовой лестнице мы поднялись в коридор. Как только мы очутились внутри строения, всякое сходство с пуэбло исчезло. Но мы знали, что некогда подобные дома высились в больших городах среди переполненных змеями джунглей далекого юга. Тогда же в наших душах зашевелились отзвуки древних легенд.

Мы вошли в просторное круглое помещение, куда из открытого купола струился сумрачный свет. В центре его высился черный каменный алтарь с темными канавками по краям. Перед ним на возвышении, на троне из человеческих костей, заваленном мехами, восседал тот странный человек, которого мы видели на крыше.

Это был высокий индеец, стройный и жилистый, с высоким лбом и узким, острым, ястребиным лицом. Его лицо казалось маской жестокого высокомерия и насмешливого цинизма. Человек на троне определенно считал себя выше низменных человеческих страстей, таких как гнев, милосердие или любовь.

Он обвел нас взглядом, и пауни опустили глаза. Даже Кончита, храбро встретившись с ним взглядом, вздрогнула и отвела взор. Но я был Железным Сердцем, команчем, и страх во мне спал. Я встретил пронзительный взгляд странного незнакомца не моргнув глазом. Он долго смотрел на меня и через минуту заговорил на языке индейцев, обитающих в пуэбло. В старые времена это был торговый язык прерий, который понимало большинство индейцев, освоивших верховую езду.

— Ты похож на дикого зверя. В твоих глазах горит огонь убийства. Разве ты не боишься?

— Железное Сердце — команч, — презрительно ответил я. — Спроси у сиу, есть ли что-нибудь такое, чего он боится! Его топор все еще готов раскалывать

головы врагов. Спроси у апачей, киова, шайенов, липанов, кроу, пауни! Если б с команча спустили шкуру, а кожу разрезали бы на куски не шире ладони и каждый кусок положили бы на голову убитого им воина, то мертвых было бы больше, чем кусков!

Несмотря на страх, пауни нахмурились от такой похвальбы. Сидящий же на троне весело рассмеялся.

— Крепок, силен. Его тщеславие придает ему храбрость, — сказал он сухопарому индейцу с гонгом. — Такой воин многое вынесет, Ксототл. Помести-ка его в последнюю камеру.

— А женщину, повелитель Тескатлипока? — спросил, низко кланяясь, Ксототл, и Кончита удивленно уставилась на фантастическую фигуру на троне. Кончита знала ацтекские легенды, а услышанное ею имя было именем одного из воплощений Солнца, которое присвоил себе владыка этого злого замка, косясь над легендами предков.

— Помести ее в Покоях из Злата, — распорядился Тескатлипока, которого называли Повелителем Туманов. С любопытством он взглянул на положенный на алтарь нефритовый топор.

— Да это же топор Гуара, вождя северян! — воскликнул он. — Он поклялся, что его топор когда-нибудь раскроит мне череп! Но Гуар и все его племя умерло в своих вигвамах из шкур карибу много веков назад. Мне не хотелось бы вспоминать о тех временах! Оставьте топор на алтаре, уведите пленных! Вскоре я поговорю с девушкой, а потом устроим развлечения, какие бывали во времена Золотых Царей!

Нас вывели из круглой палаты и провели через ряд просторных помещений, где прекрасные и нагие, за исключением золотых украшений, женщины столпились поглазеть на пленников, и особенно на девушку-воина из племени пауни. Они смеялись над ней сладким, тихим, злым смехом, ядовитым, как отравленный мед.

Нас отвели в длинный коридор, куда выходило множество крепких дверей. Когда мы проходили мимо

такой двери, ее открывали, и в камеру, куда она вела, бросали одного из воинов пауни. Я был последним, и, когда меня потащили в камеру, я увидел ужас в глазах прекрасной Кончиты. Ее тюремщики потащили дальше. Меня же грубо бросили на пол и связали мне ноги сыромятным ремнем. Ни еды, ни воды мне не дали.

Вскоре дверь моей темницы снова открылась, и, подняв взгляд, я увидел Повелителя Тумана, который смотрел на меня сверху вниз.

— Бедный дурачок! — пробормотал он. — Мне почти жаль тебя! Кровожадный зверь прерий, с гордостью и похвальбой, с рассказами о скальпах и убийствах. Дурак! Скоро ты будешь молить о смерти!

— Команч не кричит у столба пыток, — ответил я, и в глазах у меня все поплыло от красного тумана. Я задохнулся от ярости. Мои мышцы напряглись и вздулись. Сыромятные ремни врезались в тело, но выдержали. Повелитель Тумана рассмеялся и молча покинул камеру, закрыв за собой дверь. Снаружи задвинули засов.

Того, что случилось дальше, я не видел и узнал об этом намного позже. Ксототл отвел Кончиту по лестнице наверх, в палату, где стены, пол и потолок были из золота. Там стояло золотое ложе, застеленное мехом каланов. Ксототл развязал девушку и мгновение стоял, разглядывая ее с горячим желанием в глазах. Потом, мрачно и неохотно отвернувшись, он запер дверь и оставил Кончиту одну. Вскоре к ней явился Повелитель Тумана, высокий, шествующий, словно бог, закутанный в свою странную мантию из ярких перьев. Вслед за ним в комнату вполз гигантский змей.

Повелитель Тумана рассказал девушке, что был магом древнего-предревнего царства, которое пришло в упадок еще до того, как в него забрели варвары-толтеки. По своим личным причинам он ушел далеко на север и основал собственное царство на этой унылой равнине, напустив вокруг колдовской туман. Он нашел племя индейцев, живших в пуэбло, осажденных пришельцами с севера, и несчастные обратились к нему за помощью, полностью

отдавшись в его руки. Поколовдав, Повелитель Тумана принес смерть северянам. Но колдун оставил их лежать в собственных вигвамах и сказал индейцам из пуэбло, что может вернуть их врагов к жизни, если пожелает. Под его жестокой властью спасенный народ истаял, и ныне в живых осталось не больше сотни. Сам Повелитель Тумана явился с юга больше тысячи лет назад. Бессмертным он не был, но собирался прожить еще очень долго.

Потом Повелитель Тумана покинул девушку. Когда же он вышел, за ним бесшумно уполз во всем послушный ему змей. Этот змей пожрал множество подданных злоеющего колдуна...

Лежа в камере, я слышал, как воинов-пауни одного за другим вытаскивали из камер и волокли по коридору. Прошло много времени, прежде чем я услышал испуганный звериный крик боли. Я лежал и гадал, какая же пытка могла вырвать такой крик из горла южного пауни. Раньше я много раз слышал, как южане смеялись под ножами, когда с них снимали скальпы. Вот тогда во мне снова проснулся страх — не столько физический, сколько страх перед неизвестностью. Я боялся, что не выдержу пытки, закричу и тем самым навлеку позор на народ команчей. Я лежал и слушал крики пауни. Каждый воин кричал только один раз.

Тем временем Ксототл явился к Кончите с глазами, горящими от вожделения.

— Ты нежная и мягкая, — промямлил он. — Я устал от наших женщин.

Он насильно обнял девушку и вынудил ее опуститься на золотое ложе. Кончита не сопротивлялась, но кинжал, висевший на поясе Ксототла, неожиданно оказался у нее в руке. Она стремительно вонзила клинок в спину насильника. И прежде, чем Ксототл закричал, закрыла ему рот поцелуем. Упав с ним навзничь на постель, она снова и снова пронзала его тело, пока он не перестал шевелиться. Потом, поднявшись, как кошка она выскользнула за дверь, прихватив по дорожке лук, еще один нож и несколько стрел.

Мгновение спустя Кончита уже была в моей камере. Она склонилась надо мной. Ее большие глаза метали молнии.

— Быстро! — прошипела девушка. — Он убивает последнего из пауни! Докажи, что ты — мужчина!

Нож был остер, клинок тонок, но сыромятный ремень крепок. Наконец девушка перепилила ремень. Я очутился на ногах с ножом за поясом, луком и стрелами в руках. Мы выбрались из камеры и осторожно пошли по коридору, а потом столкнулись лицом к лицу с удивленным охранником. Бросив оружие, я схватил его за горло прежде, чем он смог закричать. Повалив его на пол, я сломал ему шею голыми руками раньше, чем он смог выпустить из рук копьё и вытащить свой нож.

Поднявшись по лестнице, мы оказались в круглом помещении с открытым куполом. На пороге нас встретил гигантский змей, угрожающе свернувшийся в кольца при нашем приближении. Быстро выступил я вперед и всадил стрелу глубоко в глаз рептилии. Потом мы осторожно прошли мимо твари, корчащейся в страшной предсмертной агонии. Мы проникли в зал с куполом и увидели последнего пауни, умирающего в страшных муках. Когда Повелитель Тумана повернулся к нам, я пустил ему в грудь стрелу. Она отскочила, не причинив никакого вреда. Когда и со второй стрелой произошло то же самое, я застыл, парализованный от удивления.

Отбросив лук, я помчался на врага с ножом в руке. Мы покатались по залу, стараясь сжать друг друга смертельной хваткой. Мне повезло, что он был в зале один. Пока он творил зло, его челядь пряталась в другой части замка. Мой нож, как я ни старался, не смог пробить странную, облегающую тело одежду, которую носил колдун под мантией. А до горла или лица колдуна мне было не дотянуться. Наконец Повелитель Тумана отшвырнул меня в сторону и уже готов был пустить в ход свою магию, когда Кончита остановила его криком:

— Мертвые встают из вигвамов северян. Они идут к пуюбло!

— Ложь! — закричал колдун, но лицо его стало пепельным. — Они мертвы! Они не могут восстать!

Он запнулся, метнулся к окну, а потом резко повернул назад, разгадав ловушку. Недалеко от меня лежал топор Гуара-северянина, могучее оружие иного века. За те мгновения, пока колдун колебался, я схватил топор и, высоко занеся его, прыгнул вперед. Когда Повелитель Тумана снова повернулся ко мне, в его глазах вспыхнул страх. Топор разрубил ему череп, разбрызгав мозги по полу комнаты.

Грянул раскат грома. Над равниной пронеслись огненные шары. Пузбло закачалось. Мы с Кончитой бросились бежать, стараясь отыскать безопасное место. В ушах у нас звучали вопли тех, кто остался в замке.

Когда занялась заря, оказалось, что над равниной больше нет никакого тумана. Нас окружали только поросшие редкой травой, выжженные солнцем просторы, где тлели многочисленные кости.

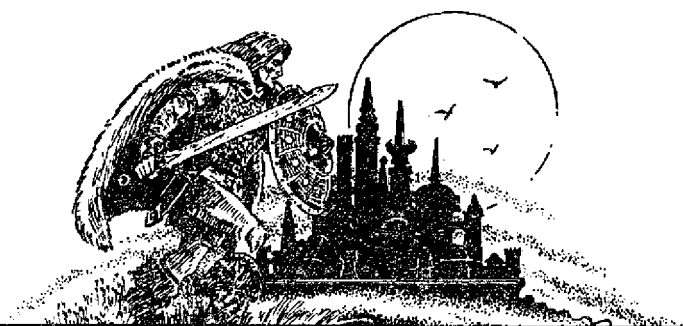
— А теперь мы отправимся к моему народу, — заявил я, взяв девушку за запястье. — Вон там пасется несколько лошадей.

Но Кончита попыталась вырваться, презрительно крикнув:

— Собака команч! Да ты жив только благодаря моей помощи! Ступай своей дорогой! Ты годишься только в рабы пауни!

Ни мгновения я не колебался. Я схватил ее за блестящие черные косы и швырнул наземь лицом вниз. Поставил ногу ей на плечо и без всякого милосердия отходил по голым бедрам и ягодицам, пока Кончита не запросила пощады. Потом я рывком поставил ее на ноги и заставил следовать за собой, ловить лошадей. Она, плача, повиновалась мне, потирая многочисленные кровоподтеки.

Вскоре мы уже ехали на север, к лагерю на реке Канафизн, и моя красавица казалась довольной. А я понял, что нашел женщину, достойную Железного Сердца, Скачущего-с-Громом.

ШЕСТВУЮЩИЙ ИЗ ВАЛЬХАМЫ

Небо пылало — мрачное, отталкивающее, цвета потускневшей вороненой стали, исполосованное тускло-матовыми подтеками. И на фоне этого мутно-красноватого пятна крошечными казались невысокие холмы, бывшие настоящими пиками на этом плоскогорье — безотрадной равнине из наносов песка и зарослей мескита, равнине, расчерченной квадратами бесплодных полей, где фермеры-арендаторы надрывались, влача нищее существование. Всю свою жизнь проводили они в бесполезных трудах и горькой нужде.

Я доковылял до холма, который казался выше остальных. С двух сторон к нему подступали заросли сухого мескита. Расстилавшаяся передо мной панорама страшной бедности и мрачного запустения ничуть не улучшила моего настроения. Я тяжело опустился на полусгнившее бревно, и на меня накатил волна мучительной меланхолии, порожденной этой унылой, серой землей. Наполовину затянутое пеленой пыли и прозрачными облаками, красное солнце почти село. Оно застыло над краем западного горизонта, отделенное от него полоской

не шире ладони. Но закат ничуть не изменил песчаные наносы и заросли. Мрачный вид солнца лишь подчеркивал страшную заброшенность этой страны.

Неожиданно я сообразил, что нахожусь на вершине не один. Из густых зарослей вышла женщина. Она остановилась, глядя прямо на меня. Я же в безмолвном удивлении воззрился на нее. Внешность ее была весьма необычной. Однако я понял, что она все-таки красива. Ни маленькая, ни высокая, стройная и с великолепною фигурой. Не помню, какое на ней было платье. У меня сложилось смутное впечатление, что одежда ее выглядела богато, но скромно. Я лишь запомнил странную красоту ее лица, обрамленного темным волнистым ореолом волос. Ее глаза притягивали мой взгляд, как магнит. Но я не могу сказать вам, какого цвета они были. Они казались темными и светящимися, ничуть не похожими на глаза всех тех женщин, что я встречал в своей жизни. Она заговорила, и ее голос со странным акцентом показался мне чуждым и звонким, словно отдаленные переливы колоколов.

— Почему ты так нервничаешь, Хьяльмар?

— Вы меня с кем-то путаете, мисс, — ответил я. — Меня зовут Джеймс Эллисон. Вы кого-то ищете?

Она медленно покачала головой:

— Я пришла снова посмотреть на этот край. Не думала, что найду здесь тебя.

— Не понимаю вас, — удивился я. — Я никогда вас прежде не видел. Вы местная? Говор ваш не похож на техасский.

Она покачала головой:

— Нет. Но в давние времена я жила в этих местах.

— На вид вы не такая уж старая, — сказала напрямик. — Извините, что не встаю. Как видите, у меня только одна нога, а подъем сюда оказался для меня столь долгим, что теперь мне пришлось присесть отдохнуть.

— Жизнь обошлась с тобой сурово, — тихо произнесла незнакомка. — Я еле узнала тебя. Тело твое сильно изменилось.

— Должно быть, вы видели меня до того, как я потерял ногу, — с горечью заметил я. — Хотя я готов поклясться, что не могу вас узнать. Мне было всего четырнадцать, когда на меня упал мустанг и раздробил мне ногу так, что пришлось ее ампутировать. Ей-богу, иногда я жалею, что это случилось с ногой, а не с шеей.

Вот так калеки иногда говорят с совершенно незнакомыми людьми — не столько стремясь вызвать сочувствие, сколько пытаясь дать выход отчаянью невыносимо измученной души.

— Не волнуйся, — мягко сказала девушка. — Жизнь отнимает, она же и дарует...

— Только не надо читать мне проповеди про смирение и бодрость духа! — гневно воскликнул я. — Будь у меня силы, так и передушил бы всех этих проклятых крикливых оптимистов! С чего мне веселиться? Что мне делать, кроме как сидеть и ждать медленно надвигающейся смерти от неизлечимой болезни? У меня нет никаких радостных воспоминаний... Мне нечего ждать от будущего... за исключением еще нескольких лет боли и горя. А потом наступит чернота полного забвения. В моей жизни не было ничего хорошего, я провел ее в этом заброшенном, пустующем крае.

Плотину моей сдержанности прорвало, и все накопившееся за долгие годы разом выплеснулось. Мне даже не казалось странным, что я изливаю душу незнакомке, женщине, которую я никогда прежде не видел.

— У этого края есть свои воспоминания, — сказала девушка.

— Да. Но я-то к ним непричастен. Даже здешняя жизнь пришла бы мне по душе, если б я прожил ее, веселясь на всю катушку, как ковбой. Но скваттеры превратили этот край из пастбища в скопище нищих ферм. Я не смог бы повеселиться, охотясь на бизонов, воюя с индейцами или исследуя этот край. Я родился не в тот век. Но мне недоступны подвиги даже этого усталого века.

Невозможно рассказать, как горько сидеть прикованным к креслу, беспомощным и чувствовать, как пе-

ресыхает в жилах горячая кровь, а в голове тускнеют сверкающие мечты. Я происхожу от расы людей беспокойных, непоседливых, боевых. Мой прадед погиб в Аламо, сражаясь плечом к плечу с Дэвидом Крокеттом. Мой дед скакал рядом с Джеком Хейсом и Большеногим Уоллесом. Он погиб вместе с тремя четвертями бригады Худа. Самый старший из моих братьев пал при Вайми-Риджи, сражаясь с канадцами, а другой погиб в Аргонне¹. Отец мой — тоже калека. Он день-деньской дремлет в кресле, но его сны заполнены прекрасными воспоминаниями, так как пуля пробила ему ногу, когда он участвовал в атаке на холм Сан-Хуан.

— Но мне-то что вспоминать, о чем мечтать или думать?

— Тебе следовало бы помнить, — тихо произнесла незнакомка. — Даже сейчас воспоминания возвращаются к тебе, словно эхо далекой лютни. Я помню! Помню, как ползла к тебе на коленях, и ты пощадил меня... Да, и помню гром и грохот, когда разверзлась земля... Неужели тебе никогда не снилось, как ты тонешь?

Я пораженно вздрогнул:

— Откуда ты знаешь? Не раз мне казалось, что бурлящие и пенящиеся воды вздымаются надо мной, словно зеленая гора, и я просыпался, хватая воздух открытым ртом. Я задыхался... Но откуда ты об этом знаешь?

— Тела меняются, а душа остается прежней, — загадочно ответила она. — Даже мир меняется. Край этот, как ты говоришь, безотраден, однако прошлое у него подревнее и почудесней, чем у Египта.

Я, дивясь, покачал головой:

— Из нас двоих кто-то сумасшедший, либо вы, либо я. У Техаса есть славные воспоминания. Тут шла война... Но что такое несколько столетий истории по сравнению с египетскими древностями? Я имею в виду настоящую древность.

¹ Местность (плоскогорье) во Франции, где во время Первой мировой войны происходили ожесточенные бои. (Примеч. авт.)

— В чем особенность этого штата? — спросила женщина.

— Не знаю, что именно вы имеете в виду, — ответил я. — Если вы подразумеваете геологическую особенность, то меня лично поразило то, что край этот представляет собой скопление обширных плоскогорий или террас, поднимающихся постепенно от уровня моря до высоты в четыре тысячи футов, словно ступени гигантской лестницы, разделенные грядами поросших лесом гор. Последняя такая гряда — Кэпрок, а за ней уже начинаются Великие Прерии.

— Некогда Великие Прерии тянулись до Залива¹, — сказала она. — В давние-предавние времена то, что теперь является штатом Техас, было единым огромным плато, полого опускающимся к побережью, но без нынешних горных хребтов и террас. Страшный катаклизм разломил этот край по линии Кэпрока, и на опустившуюся сушу с ревом хлынул океан. Затем, век за веком, воды постепенно отступали, оставляя земли такими, как ныне. Но, отступая, они унесли в глубины Залива много любопытных вещей... Да неужели же ты не помнишь! Огромные бескрайние прерии, протянувшиеся до утесов над сверкающим морем? А над этими утесами поднимался великий город!

Я недоуменно уставился на незнакомку. Неожиданно она нагнулась ко мне, и из-за ее близости и необычной красоты меня захлестнула волна странных чувств. Незнакомка сделала странный жест.

— Ты увидишь! — резко выкрикнула она. — Ты видишь... Что ты видишь?

— Вижу песчаные наносы и мрачные на закате заросли мескита, — ответил я, говоря медленно, словно человек, погружающийся в транс. — Вижу, как солнце садится на западном горизонте.

— Ты видишь огромные прерии, вытянувшиеся до сияющих утесов! — воскликнула она. — Ты видишь

¹ Имеется в виду Мексиканский залив.

переливающиеся на закате шпили и золотой купол города?! Ты видишь...

И тут неожиданно наступила ночь. На меня накатил волна темноты и нереальности, в которой существовал только ее голос, настаивающий, повелевающий...

У меня возникло ощущение, что пространство и время тают. Мне показалось, я кружу над бездонными безднами и меня обдувает космический ветер. А потом я смотрел на клубящиеся облака, нереальные и светящиеся, из которых выкристаллизовывался странный ландшафт, знакомый — и в то же время фантастически незнакомый. Во все стороны тянулись прерии, сливаясь в жарком мареве с горизонтом. Вдали, на юге, вздымая шпили на фоне вечернего неба, застыл громадный черный циклопический город, а за ним сияли голубые воды спокойного моря. Неподалеку от меня по прерии двигалась цепочка фигур. Это были рослые люди с желтыми волосами и холодными голубыми глазами, облаченные в чешуйчатые кольчуги и рогатые шлемы, со щитами и мечами в руках.

Один из них отличался от остальных тем, что был невысоким, хотя и крепкого телосложения, и темноволосым. А шедший рядом с ним высокий желтоволосый воин... на какой-то миг у меня возникло отчетливое ощущение двойственности. Я, Джеймс Эллисон из двадцатого века, увидел и узнал того человека, который был мною в тот смутный век и в той странной стране. Ощущение это растаяло почти мгновенно, а я уже был Хьяльмаром, сыном Харфагра, не сознающим никакого иного существования, ни былого, ни грядущего.

Однако, рассказывая повесть о Хьяльмаре, я волею неволей стану растолковывать вам кое-что из того, что он видел, делал и ощущал, словами современного человека. Но помните, что Хьяльмар был Хьяльмаром, а не Джеймсом Эллисоном. Он знал не больше и не меньше, чем вмещал его жизненный опыт, ограниченный сроком его жизни. Я — Джеймс Эллисон, и я был Хьяльмаром, но Хьяльмар-то не был Джеймсом Эллисоном. Человек

может оглянуться в прошлое десятилетиями давности, но не может заглянуть в будущее ни на мгновение.

Нас было человек пятьсот, и мы не сводили глаз с черных башен, высившихся на фоне одинаково голубых моря и неба. Весь день, с тех пор как первые сполохи зари открыли их нашим удивленным взглядам, мы шли к этому городу. На этих ровных травянистых прериях видно было далеко. Впервые завидев город, мы решили, что он близко, но нам пришлось тащиться весь день, и нас по-прежнему отделяли от него много лиг. Мы решили было, что это призрачный город — один из тех фантомов, что являлись нам во время долгого перехода через пыльные пустыни на западе, где в пылающих небесах мы видели неподвижные озера, окруженные пальмами, извилистые реки и просторные города, неизменно исчезающие, когда мы приближались. Но это был не мираж, порожденный солнцем, пылью и безмолвием. В ясном вечернем небе мы отчетливо видели гигантские детали массивной зубчатой башни, мрачного контрфорса и титанической стены.

В каком же смутном веке я, Хьяльмар, шагал через эти прерии к безымянному городу со своими соплеменниками? Не могу сказать. Это было давно. В Нордхейме тогда жили желтоволосые люди. Звались они не арийцами, а рыжеволосыми ванирами и златовласыми асирами. Это происходило до великого переселения, когда мой народ разбросало по всему миру. И все же переселения поменьше уже начались. Мы не один год находились в пути, далеко уйдя от своей северной отчизны. Теперь нас разделяли земли и моря. О, этот долгий-предолгий путь! С ним не могло сравниться никакое переселение народов, даже тех из них, что стали эпическими. Мы совершили почти что кругосветное путешествие — от заснеженного Севера до холмистых равнин Юга. Мы побывали в горных долинах, которые возделывали мирные люди с коричневым

цветом кожи. Довелось нам побывать и в жарких, душных джунглях, воняющих гнилью и кишящих живностью, и в восточных землях, где под колышущимися пальмами пламенели первобытные цветы, где в городах из тесаного камня жили древние народы. И мы вернулись в земли, засыпанные снегом, переправились через замерзший пролив, а потом шли по ледяной пустыне. Коренастые поедатели ворвани с воплями бежали от наших мечей. Мы шли на юго-восток через гигантские горы и огромный лес — пустынный, как Рай после изгнания человека. Преодолели мы и раскаленные песчаные пустыни, и бескрайние прерии, и за безмолвным черным городом мы снова увидели море.

В этом путешествии многие состарились. Я, Хьяльмар, возмужал в этом путешествии. Когда я впервые отправился в долгий путь, я был еще юнцом, а теперь стал юношей, отважным воином, с сильными руками и ногами, могучими широкими плечами, жилистой шеей и железным сердцем.

Мы все были могучими людьми — гигантами, непостижимыми для современного человека. Ныне на земле нет никого столь же сильного, как самый слабый из нашего отряда. Мы были столь сильны, свирепы и отважны, что по сравнению с нами современные атлеты выглядели бы тяжеловесными, неуклюжими и медлительными. Мощь наша была не только физической. Порожденные волчьей расой, проведя годы в скитаниях и сражениях с людьми, зверьми и стихиями, мы впитали в души сам дух дикой жизни — ту неосозаемую силу, что слышится в протяжном вое серого волка; силу, что ревет в северном ветре, что спит в могучем бурлении горных рек; силу, что звучит в стуке града, слышится в ударах крыльев орла и таится в мрачном безмолвии бескрайних просторов диких земель.

Скажу вам, это было странное путешествие. Наш поход был не переселением целого племени — мужчин, желтоволосых женщин и голых детей. В нашем отряде подобралась сплошь мужчины — искатели приключе-

ний, которым даже обычаи их бродячего воинственного народа представились чересчур мягкими. Мы ступили на путь в одиночку, покоряя народы, исследуя мир и скитаясь, побуждаемые только безумным стремлением увидеть, что же лежит за горизонтом.

Нас отправилось в поход больше тысячи. А теперь нас осталось лишь пятьсот. Кости остальных блестели, отмечая наш путь вокруг мира. Много вождей возглавляло нас, и все они погибли в боях. Теперь же нашим вождем был Асгрим, состарившийся в бесконечных скитаниях, — суровый, свирепый воин, поджарый, словно волк, и одноглазый, вечно грызущий свою седую бороду.

Мы происходили из разных родов, но все принадлежали к народу златовласых асиров, за исключением воина, шагавшего рядом со мной. Это был Келка, мой брат по крови — пикт. Он примкнул к нам в поросших джунглями холмах далекой страны, отмечавших восточную границу земель, заселенных его народом. Там в жаркую, усыпанную звездами ночь стучали барабаны его племени. Он был воином невысокого роста, с мощными руками и ногами, опасным, как кошка джунглей. Мы, асиры, считались варварами, но Келка по сравнению с нами был настоящим дикарем. Он провел большую часть жизни в опасных, темных джунглях. В его крадущейся походке было что-то от поступи тигра, а в его руках с черными ногтями — от лап гориллы. В глазах Келки горел огонь взбешенного леопарда.

Мы были жестокой ордой. За спиной у нас осталось много стран, где пролились реки крови и где тлели угли зажженных нами пожаров. Я не в силах рассказать вам, какие боины и грабежи мы устраивали. Услышав такое, вы в ужасе отшатнетесь. Вы из более мягкого, умеренного века, и вам не понять те жестокие времена, когда одна волчья стая рвала другую, а нравы и нормы жизни отличались от принятых в этом веке, как мысли серого волка-убийцы отличаются от мыслей дремлющей перед камином толстой комнатной собачонки.

Это длинное объяснение я привел, чтобы вы могли понять, что за люди шли через равнину к городу, и, понимая это, правильно истолковать то, что случится позже. А без такого понимания сага о Хьяльмаре — всего лишь история грабежей и убийств.

Тогда же, глядя на великий город, лежащий перед нами, мы испытывали трепет. В других землях за морем мы опустошили не один город. Многочисленные столкновения научили нас избегать, когда можно, сражений с превосходящими силами противника, но страха мы не испытывали. Мы были одинаково готовы и к войне, и к дружескому пиру, как уж выберут жители города.

Горожане нас заметили. Мы находились достаточно близко, чтобы разглядеть сады, поля и виноградники перед стенами, увидеть спешащие к городу фигурки крестьян. Мы увидели, как засверкали копья на зубчатой стене, и услышали громкий рокот боевых барабанов.

— Быть войне, брат, — гортанно произнес Келка и спокойно надел на левую руку круглый щит. Мы подтянули пояса и взялись за оружие — не медное и бронзовое, какое выделывали наши современники в далеком Нордхейме, а из острой стали, сработанное в стране пальм и слонов покоренными нами хитрыми людишками, чьи вооруженные сталью воины не сумели устоять против нас.

Мы выстроились на равнине неподалеку от высоких черных стен, которые казались построенными из гигантских базальтовых блоков. Из наших рядов вышел вперед Асgrim. Он был без оружия. Наш вождь протянул руки ладонями в сторону города в знак мира. Но в землю рядом с ним вонзилась стрела, прилетевшая со стороны башен, и он отступил, присоединившись к нам.

— Война, брат! — прошипел Келка, в его черных глазах замерцали красные огоньки. В тот же миг огромные ворота распахнулись, и из города выступили шеренги воинов с колышущимися в блеске копий султанами перьев. Заходящее солнце полыхало на их начищенных до блеска медных шлемах.

Воины были высокими и поджарыми, с темной кожей, хотя и коричневой, а не черной, и хищными, ястребиными чертами. Их амуниция была из меди и кожи, а круглые щиты покрывала блестящая шагрень. Копья, тонкие мечи и длинные кинжалы у них были бронзовыми. Они наступали, выстраиваясь в идеальном порядке, — полторы тысячи мечей — неукротимый поток колышущихся султанов и сверкающих камней. На зубчатых стенах города появились зрители.

Никаких мирных переговоров.

Когда они подошли поближе, старый Астрим подал голос, словно волк, вышедший на охоту, и мы ринулись навстречу атакующим. Мы не строились ни в какой порядок. Мы бежали к ним, словно волки, и, приблизившись, увидели презрение, написанное на их ястребиных лицах. Они не стреляли из луков, и из наших рядов не вылетело ни одной стрелы, ни одного копья. Единственным нашим желанием было сойтись в рукопашной. Когда же мы оказались на расстоянии броска дротика, они обрушили на нас град копий, которые по большей части отскочили от наших щитов и кольчуг, а потом с глухим гортанным ревом наши воины врезались в ряды врага.

Кто сказал, что дисциплина выродившейся цивилизации способна потягаться со свирепостью варваров? Наши противники старались биться, как один, а мы сражались каждый за себя, бросаясь очертя голову прямо на их копья, рубя как бешеные. Весь их первый ряд рухнул под ударами наших мечей, а задние ряды отступили и заколебались, когда ощутили наш грубый напор. Если б они устояли, то могли бы зажать нас с флангов, окружить своими превосходящими силами и перебить. Но они не выдержали. В буре молотящих мечей мы прошли сквозь их строй, ломая их ряды, ступая по телам убитых, и неудержимо помчались дальше. Их строй распался. Битва превратилась в бойню. По части силы и свирепости они оказались нам не чета.

Мы косили их, как пшеницу, пожинали, как созревшую рожь! Когда я вновь воскрешаю в памяти ту

битву, Джеймс Эллисон во мне уступает место бешеному Хьяльмару, объятому безумием, без конца выкрикивавшему боевой клич. Я снова пьянею от звона мечей, плеска горячей крови и рева битвы.

Наши враги побежали, побросав копья. Мы помчались за ними по пятам и гнали их до самых ворот, через которые не так давно вышло это воинство. Ворота захлопнулись у нас перед носом — и перед носом толпы несчастных, искавших спасения от наших мечей. Горожане закрыли путь к спасению своим же воинам, и те царапали и колотили в неподатливые порталы. Но мы перебили всех, кто не успел спастись. После мы, в свою очередь, стали колотить в ворота, пока град камней и бревен со стен не вышиб мозги трем нашим воинам. Тогда мы отступили на безопасное расстояние. Мы слышали, как воют на улицах женщины, а выстроившиеся на стенах мужчины стреляли по нам из луков, не выказывая особой меткости.

От места, где столкнулись войска, до ворот равнину усеяли тела убитых, и там, где погиб кто-то из наших, лежало с поддюжины воинов с султанами на шлемах.

Солнце зашло. Мы разбили небольшой лагерь перед воротами и всю ночь слышали доносившиеся из-за стен завывания и стелания. Там плакали по тем, чьи неподвижные тела мы ограбили и свалили в кучу неподалеку от поля битвы. На рассвете мы взяли тела тридцати павших в бою асиров и, оставив лучников наблюдать за городом, отнесли мертвых к утесам, отвесно возвышавшимся в полутора тысячах футов над белым песчаным берегом. Мы нашли ведущие вниз пологие ущелья и отнесли мертвых к кромке воды.

Там из вытащенных на песок рыбацких лодок мы соорудили большой плот и уложили на него большую кучу плавуна. На нее мы положили мертвых воинов, облаченных в кольчуги, и их оружие. Мы перерезали глотки дюжине пленных и вымазали их кровью мечи мертвецов и борта плота, а затем подожгли его и оттолкнули от берега. Он уплыл далеко по зеркальной

поверхности голубой воды, пока не превратился в красный огонек и не растаял в занимающейся заре.

После этого мы поднялись обратно по ущелью и расположились перед городом, распевая боевые песни. Мы снова взяли за луки, и с башен один за другим посыпались воины, пронзенные нашими длинными стрелами. Из деревьев, растущих в садах за городом, мы соорудили штурмовые лестницы и приставили их к стенам, а потом ринулись по ним вверх, навстречу стрелам, копьям и факелам. На нас лили расплавленный свинец. Четырех воинов сожгли словно муравьев. Тогда мы снова стали пускать стрелы, пока между зубцами стены не осталось ни одной головы с султаном перьев.

Под прикрытием наших лучников мы опять приставили лестницы. Когда мы собрались снова рвануться вверх, на одной из башен появилась фигура, при виде которой мы остановились как вкопанные.

Эта была женщина, такая, какой мы уже давно не видели. Ветер развеивал ее золотистые волосы. Ее молочно-белая кожа сверкала на солнце. Она окликнула нас на нашем родном языке, запинаясь, словно много лет не говорила на нем:

— Подождите! У моих хозяев есть что сказать вам.

— Хозяев? — Асгрим произнес это слово так, словно выплюнул его. — Это кого же дочь асиров называет хозяевами? Никто не может повелевать ею, кроме мужчин ее собственного племени!

Девушка, казалось, не поняла слов нашего предводителя, но ответила:

— Это — город Хему, и хозяева Хему — владыки этой страны. Они велели мне сказать вам, что не могут выстоять перед вами в бою. Однако вам будет мало прока, если вы влезете на стены, потому что они собственными руками перебьют своих женщин и детей, подожгут дворцы, так что вам достанется лишь груда окровавленных камней. Но если вы пощадите город, вам пришлют в подарок золото и драгоценные камни, вино, редкие яства и прекраснейших девушек.

Асгрим дернул себя за бороду. Ему очень не хотелось отказываться от грабежа и резни. Но воины помоложе заревели, как быки:

— Пощади город, старый медведь! А то они всех баб перебьют... А мы много лун бродили там, где женщинами и не пахнет...

— Глупые юнцы! — воскликнул Асгрим. — Женские поцелуи и стоны быстро приедаются, а вот меч при каждом ударе заводит новую песню. Что вы предпочтете: приманку в виде женщин или безумие побоища?

— Женщин! — проревели молодые воины, бряцая мечами. — Пускай пришлют девок, и мы пощадим их проклятый город.

С усмешкой, выразившей горькое презрение, старый Асгрим повернулся к воротам города и крикнул златовласой девушке на башне:

— Моя б воля, я б стер в пыль ваши стены и шпили, окропил бы пыль кровью твоих хозяев. Но мои молодые воины — дурни! Присылайте яства и женщин... и пришлите в заложники сыновей вождей!

— Будет сделано, мой господин, — ответила девушка.

Тогда мы убрали штурмовые лестницы и вернулись в свой лагерь.

Вскоре ворота распахнулись, и из города вышла процессия нагих рабов, нагруженных золотыми сосудами с яствами и винами, о существовании которых мы и знать не знали. Рабами командовал человек с ястребиным лицом в мантии из перьев яркого цвета. В руках он держал жезл из слоновой кости, а на голове носил медный обруч в виде свернувшегося в кольцо змея. Судя по осанке, этот человек был жрецом. Он, показывая на себя, назвал имя: Шаккару. Вместе с ним явилось с полдюжины юнцов, одетых в шелковые штаны с усыпанными самоцветами поясами. Молодые люди дрожали от страха. Желтоволосая девушка, по-прежнему стоявшая на башне, крикнула нам, что это — сыновья князей, и Асгрим заставил их опробовать вино и яства, прежде чем отдать нам.

Астриму же рабы поднесли янтарные кувшины, наполненные золотым порошком, плащ из пламенно-алого шелка, шагреновый пояс с усыпанной самоцветами золотой пряжкой и начищенный до блеска медный головной убор, украшенный большим султаном перьев.

Наш вождь покачал головой и пробурчал:

— Броские побрякушки и яркие украшения — все это суетный прах, и с годами они поблекнут, но острота ощущений во время побоища не притупится, а запах свежепролитой крови полезен ноздрям старика.

Но он все-таки облачился в эту блестящую сбрую, и тогда вперед выступили девушки... стройные, молодые создания, гибкие и темноглазые, одетые в переливающиеся шелка... Асgrim выбрал самую красивую, хотя и оставался утрюмым. В тот миг он выглядел как человек, срывающий горький плод.

Прошло немало лун с тех пор, как мы видели женщин, если не считать смуглых, прокопченных созданий из племени пожирателей ворвани. Наши воины со свирепой жадностью расхватили перепутанных девушек... но моя душа пала при виде златовласой красавицы на башне. В голове у меня не осталось места ни для каких иных мыслей. Асgrim поручил мне охранять заложников и перерезать их без всякой жалости, если вино и яства окажутся отравленными, или какая-нибудь женщина заколет воина припрятанным кинжалом, или горожане неожиданно и вероломно нападут на нас.

Тем временем горожане вышли собрать тела убитых. Соблюдая множество странных ритуалов, они сожгли своих мертвых на мысу, далеко выдающемся в море.

Затем из города к нам вышла еще одна процессия, подлиннее и поважнее первой. Вожди города явились безоружными, сменив броню на шелковые туники и плащи. Впереди, подняв кверху свой жезл из слоновой кости, шагал Шаккару, а две шеренги молодых рабов, одетых лишь в короткие мантии из перьев попугаев, вынесли покрытые багдахином носилки из красного дерева, инкрустированные драгоценными камнями.

Под балдахином сидел худощавый мужчина. На его узкой голове была странная корона. А рядом с носилками шла та белокожая девушка, которая говорила с башни. Процессия подошла к нам, и рабы, по-прежнему держа носилки, опустились на колени, в то время как знать расступилась в стороны и тоже преклонила колени. Стоять остались только Шаккару и девушка.

Старый Асгрим повернулся к ним, суровый, свирепый, настороженный. Колыхавшиеся у него над головой черные перья султана отбрасывали тень на его изрезанное глубокими морщинами лицо. И я подумал, насколько же больше он походил на короля, стоя с мечом в руке среди своих воинов-великанов, чем человек, который сидел развальясь на носилках.

А потом я уставился на девушку, с которой впервые столкнулся лицом к лицу. На ней была лишь короткая туника из голубого шелка, без рукавов, с низким вырезом спереди. Подол туники едва доходил ей до коленей. На ногах ее были мягкие сандалии из зеленой кожи. Глаза девушки оказались большими и прозрачными, а волосы золотом блестели на солнце. В ее стройной фигуре проглядывала такая мягкость, какой я никогда не видел ни в одной асирке. Наши женщины с их льняными волосами обладали своего рода свирепой красотой, но эта девушка была и так прекрасна. Она выросла не в пустынной стране, как женщины нашего племени, не там, где жизнь — постоянная борьба за существование, как для мужчин, так и для женщин.

Но я сбился с мысли...

Так вот, я стоял, ослепленный сиянием ее золотых волос, пока она переводила слова короля и рыкающие гортанные ответы Асгрима.

— Мой господин говорит тебе: «Внемли, я — Акхеба, жрец Иштар, царь Хему. Да будет дружба между нами. Мы нуждаемся друг в друге, ибо вы, как сказало мне колдовство, люди, слепо скитающиеся по голой стране, а городу Хему нужны острые мечи и могучие руки. С моря надвигается на нас враг, которому мы в одиноч-

ку противостоять не сможем. Поживите в нашей стране, одолжите нам свои мечи, возьмите наши подарки и отдыхайте в свое удовольствие. Женитесь на наших девушках. Наши рабы будут трудиться на вас. Каждый день вы будете садиться за стол, ломящийся под тяжестью мяса, рыбы, белого хлеба, фруктов и вина. Носить вы будете прекрасные одеяния, жить в мраморных дворцах с шелковыми ложами и журчащими фонтанами».

Теперь-то Асгрим понимал, о чем речь, ибо мы однажды уже встречали подобный прием в одном городе среди пальм. Глаза асира засверкали при мысли о врагах и предстоящих битвах.

— Мы останемся, — ответил он. И остальные асиры взревели, выражая согласие. — Мы поживем тут и вырежем сердца ваших врагов. Но лагерь свой мы устроим за стенами города, и заложники будут находиться при нас днем и ночью.

— Хорошо, — согласился Акхеба, степенно склонив голову, а зная Хему встала на колени перед Асгримом и осыпала поцелуями его сандалии. Но он обрутал заискивающих богачей и попятился в гневном смущении, в то время как его воины захохотали в глупом веселье. Потом Акхеба вернулся в город, покачиваясь в носилках на плечах рабов, а мы приготовились к долгому отдыху. Но я не мог отвести взгляда от златовласой переводчицы, пока за ней не закрылись ворота города.

Так мы и зажили за стенами города. День за днем горожане приносили нам еду и вино и присылали все новых и новых девушек. Выходили и рабы. Они трудились в садах, полях и виноградниках, не опасаясь нас. В море плавали рыбачьи лодки — узкие суда с резными носами и полосатыми шелковыми парусами. В один прекрасный день мы приняли приглашение короля и через раскрытые железные ворота вошли в город плотной толпой, поместив в центре строя заложников с приставленными к их шеям обнаженными мечами.

Клянусь Имиром, Хему выглядел величественной постройкой! Наверняка нынешние хозяева города про-

исходили из чресел богов, ибо кто ж еще мог возвести такие могучие черные базальтовые стены в восемьдесят футов высотой и сорок в основании? Или воздвигнуть огромный золотой купол, поднимающийся на пятьсот футов над вымощенными мраморными улицами?

Миновав широкую улицу с колоннами по обеим сторонам, мы, сжимая в руках мечи, вышли на широкую рыночную площадь. Из дверей и окон на нас глядело множество людей, испуганных и замороженных. Рыночный гомон неожиданно стих, когда мы свернули на площадь, и народ подался прочь из лавок, чтобы уступить нам место. Мы держались настороженно, как тигры. Хватило бы самого малого неприятного происшествия, чтобы мы взорвались в неистовой вспышке побоища. Но жители Хему все понимали и не зли нас.

Вышли жрецы. Они склонились перед нами, а потом отвели нас в огромный дворец короля — колоссальное здание из черного камня и мрамора. Рядом с дворцом был широкий и открытый двор, вымощенный мраморными плитами. Из этого двора мраморная лестница (достаточно широкая, чтобы по ней могло подниматься, встав в ряд, человек десять) вела на возвышение, куда иной раз выходил король произнести речь перед огромной толпой собравшегося народа. За этим двором вытянулось одно дворцовое крыло. К его portalу вела широкая лестница. Эта часть здания выглядела более древней, чем остальной дворец. Стены ее покрывала странная резьба, а каменная крыша была крутой и высокой, поднимавшейся над всеми другими шпилями города, кроме золотого купола. Что находилось в этом крыле дворца — так и не узнал ни один из асиров. Горожане поговаривали, что там располагался гарем Акхебы.

По другую сторону двора стояли таинственные каменные портики, там на широкой, вымощенной мрамором улице жили младшие жрецы. За этими домами высился золотой купол, венчавший храм Иштар. Сапфировые шпили и сверкающие башни поднимались со всех сторон, но купол был выше и сиял точно

так же, как ореол Иштар. Это объяснил нам Шаккару. Проведя среди нас несколько дней, молодые вельможи порядком обучились нашему грубому, простому языку, и теперь жрецы Хему разговаривали с нами, объясняясь через них и при помощи знаков.

Служители Иштар отвели нас к высоким порталам храма. Заглянув сквозь ряды высоких мраморных колонн в таинственный, неяркий сумрак внутренних помещений, мы не решились войти, опасаясь засады. Все это время я нетерпеливо искал взглядом златокудрую девушку, но ее нигде не было. Горожане больше не нуждались в ней как в переводчице, и она исчезла, растворившись в этом таинственном городе.

После первой экскурсии мы возвратились в свой лагерь, но стали заходить в город снова и снова, сначала группами, а потом, когда наши подозрения поутихли, поодиночке. Однако мы не ночевали в городе, хотя Акхеба и предлагал нам разбить палатки на большой рыночной площади, если уж нам не нравятся предложенные им мраморные дворцы. Никто из нас никогда не жил в каменном доме или за высокими стенами. Наш народ обитал в шатрах из дубленых шкур или в хижинах-мазанках, а за долгие годы пути мы привыкли спать, как волки, на голой земле. Но днем мы бродили по городу, дивясь на его чудеса, забирали с лотков, к отчаянно купцов, все, чего ни пожелаем, и осторожно заходили во дворцы. Там нас развлекали испуганные женщины, которых мы просто завораживали. Жители Хему оказались на диво способными. Вскоре они говорили на нашем языке не хуже нас, в то время как их язык с трудом давался нашим варварским глоткам.

Но все это пришло со временем. На следующий же день после первого посещения города многие из нас снова вошли в город. Шаккару проводил нас ко двору старших жрецов, примыкавшему к храму Иштар. Когда мы вошли, я увидел златокудрую девушку, начищавшую шелковой тряпкой толстого медного идола. Асгрим опустил свою тяжелую руку на плечо одного из молодых вельмож.

— Передай жрецу, что эта девушка будет моей, — проворчал он. Но прежде чем жрец успел ответить, во мне вспыхнула бешеная ярость, и я шагнул к Асгриму, как тигр подходит к своему сопернику.

— Если кто и возьмет эту девушку, то им будет Хьяльмар, — прорычал я. Асgrim развернулся с кошачьей стремительностью, заслышав в моем голосе мурлыкающие нотки убийцы из джунглей. Мы напряженно стояли лицом друг к другу, положив руки на эфесы мечей. Келка по-волчьи оскалился и начал потихоньку подкрадываться к Асгриму со спины, украдкой доставая свой длинный нож, но тут Акхеба обратился к нам через одного из заложников:

— Нет, господа мои. Алуна не для вас и вообще ни для кого. Она — служанка богини Иштар. Просите любую другую женщину в городе, и она будет ваша, будь она даже моей фавориткой. Но эта женщина — священна.

Асgrim крикнул и не стал настаивать. Девушка, дышавшая фимиамами таинственного храма, произвела впечатление даже на его свирепую душу, и хотя мы, асиры, не слишком почитали богов других народов, однако тогда мы не испытывали ни малейшего желания брать девушку, посвятившую свою жизнь таинственному божеству. Однако мои суеверия оказались слабее желания обладать Алуной. Я снова и снова приходил ко дворцу жрецов, и, хотя тем не слишком нравились мои визиты, они не сочли нужным (или не посмели) запретить мне приходить. Постепенно я начал ухаживать за Алуной.

Рассказать вам о моем умении ухаживать за девушками? Любую другую женщину я бы просто уволок за волосы в свою палатку, но даже без запретов жрецов в моем отношении к Алуне было что-то, связывавшее мне руки. Тут я не мог допустить никакого насилия. Я ухаживал за ней, как мы, асиры, ухаживаем за своими свирепыми и гибкими красавицами. Я хвалился своей мощью и рассказывал байки о побоищах и грабежах. Без

преувеличения можно сказать, что мои повести о битвах и убийствах привлекли бы самых свирепых красавиц Нордхейма. Но Алуна была мягкой и скромной. Она выросла в храме и дворце, а не в глинобитной хижине в ледяной пустыне! Моя свирепая похвальба пугала ее. Она не понимала меня. И, по странной прихоти природы, ее непонимание и делало ее еще более очаровательной в моих глазах. Равно как и моя дикость, пугающая ее, заставляла ее смотреть на меня с большим интересом, чем на мягкотелых мужчин Хему.

Разговаривая с Алуной, я узнал, как она попала в Хему. Ее сага оказалась столь же странной, как и повесть об Асгриме и нашем отряде. Алуна мало что могла рассказать о тех краях, где жила в детстве. Она не имела не малейшего понятия о географии, но говорила, что родилась где-то далеко на Востоке. Она помнила унылое побережье и беспорядочно разбросанные мазанки. Вокруг нее тогда были желтоволосые люди, как и она сама. Думаю, происходила она из ветви асиров, живущих на западной границе страны, заселенной в те века народом Хьяльмара. Алуна было лет девять-десять, когда ее захватили во время набега темнокожие люди на галерах. Девушка не знала, кто они такие. Да и мое знание древних племен ничего не могло мне подсказать, ибо в те времена финикийцы еще не выходили в море, да и египтяне тоже. Могу лишь предположить, что это были люди какого-то древнего племени былых веков, как и жители Хему.

Они захватили Алуну в плен, но буря унесла их на юго-запад. Много дней блуждали они по морю, пока их галера не налетела на рифы страшного острова, где жили странные, раскрашенные люди. Островитяне перебили уцелевших, отправив их мясо в свои котлы. Желтоволосую девочку они по какой-то прихоти пощадили. Посадив ее в большое каноэ, разрисованное скалящимися черепами, они отправились в путь и плыли, пока не увидели на высоких утесах шпили Хему.

Там Алуну продали жрецам Хему. Так она и стала служительницей богини Иштар. Я полагал, что ее дол-

жность священна и почетна, но обнаружил, что дело вовсе не в этом. В душе моей зашевелился червячок сомнений, когда я понял, с каким презрением относились горожане к людям других, более молодых рас.

Ее положение в храме не было ни почетным, ни достойным, хотя и звалась она служанкой богини, она не имела никаких привилегий, за исключением того, что прикасаться к ней не позволялось никому из жрецов. Фактически она была не более чем рабыня, на которую холодные и похожие на ястребов жрецы изливали свою жестокость. Для них она не выглядела красавицей. Светлая кожа и переливающиеся золотые волосы казались горожанам всего лишь признаками неполноценности. Даже мне, не склонному напрягать свой разум, приходила в голову смутная мысль, что если блондинка выглядела достойной презрения, то какое же вероломство могло таиться за почетом, оказываемым ей мужчинами этого города.

От Алуны я узнал мало о городе Хему. Много больше рассказали мне жрицы и молодые вельможи. Горожане были очень древним народом и считали, что происходят от полумифических лемурийцев. Некогда их города опоясывали весь залив, на берегу которого стоял Хему. Но некоторые города поглотило море, иные пали под натиском разрисованных дикарей с островов, а другие оказались разрушены в ходе гражданских войн, так что теперь уже почти тысячу лет тут был только Хему. Торговые отношения горожане поддерживали лишь со своевольными, размалеванными жителями островов, которые до самого недавнего времени (около года) регулярно приплывали на своих длинных каноэ с высокими носами торговать серой амброй, кокосами, китовым усом и добытыми среди островов кораллами. Взамен горожане снабжали их красным деревом, леопардовыми шкурами, золотом, слоновыми бивнями и медной рудой, которые привозили с какого-то неизвестного материка, расположенного далеко на юге.

Жители Хему — угасающая раса. Хотя их еще было несколько тысяч, многие считались рабами, потомками тысяч поколений рабов. Их народ представлял собой лишь тень былого величия. Еще несколько веков — и вымерли бы последние из них. Но на островах, лежащих к югу, зародилась опасность, готовая одним махом покончить с существованием Хему.

Раскрашенные воины перестали приплывать для мирной торговли. Теперь они появлялись лишь на боевых каноэ, стуча копьями по обтянутым шкурами щитам и распевая варварские боевые песни. Среди них объявился вождь, объединивший враждующие племена и бросивший их в поход против Хему. Он отправился в поход не против бывших хозяев этих земель, ибо прежняя империя, частью которой был город Хему, рухнула еще до переселения дикарей на острова с далеского континента — колыбели их расы. И вождь дикарей не походил на своих подданных. Он был гигантом с белой кожей (вроде нас, асиров), с безумными голубыми глазами и алыми, как кровь, волосами.

Жители Хему видели его. Ночью его боевые каноэ, переполненные раскрашенными копейщиками, прокрались вдоль берега, а на рассвете дикари хлынули вверх по ущельям меж утесов, убивая рыбаков, спавших в хижинах на берегу, рубя земледельцев, как раз собиравшихся на поля. Дикари пытались штурмовать город. Однако в тот раз могучие стены устояли, и нападающие, отчаявшись взять город, отступили. Но рыжий король, появившись перед воротами, размахивая отрубленной женской головой, которую держал за волосы, что есть мочи клялся вернуться с таким флотом каноэ, от которого почернеет море, и стереть в пыль башни Хему. Вот он-то и его убийцы и были теми самыми врагами, для борьбы с которыми нас наняли, и мы со свирепым нетерпением ждали их прибытия, все больше и больше привыкая к благам цивилизации, так как варвары могут за короткий срок приспособиться к цивилизованным обычаям. Мы по-прежнему жили в лагере на равнине и

держали мечи под рукой, но больше из врожденной осторожности, чем из опасения. Даже Асгрим, как казалось, не чувствовал больше опасности, особенно после того, как Келка, обезумев от вина, убил на рыночной площади трех горожан, и за этим кровавым деянием не последовало никакой мести и никто не запросил виры.

Преодолев свою подозрительность, мы позволили жрецам провести нас в душное, темное здание храма Иштар. Мы даже побывали во внутреннем святилище, где во мраке, пропитанном запахом фимиама, тускло горели жертвенные огни. Там на большом черном с красными прожилками алтаре, у подножия мраморной лестницы, принесли в жертву вопящую рабыню. Эта лестница, уходившая куда-то наверх, в темноту, пропадая из вида, как сказали нам, вела в обитель Иштар. Дух жертвы поднимался по ней, чтобы служить богине. Я считал это правдой, так как после того, как тело на алтаре перестало двигаться и ритуальные песнопения стихли до ледящего кровь шепота, я услышал где-то высоко, на верхней площадке лестницы, звуки, похожие на плач, и решил, что нагая душа жертвы, рыдая от ужаса, предстала перед богиней.

Позже я спросил Алуу, видела ли она когда-нибудь богиню. Девушка затряслась от страха, сказав, что на Иштар могут смотреть лишь духи мертвых. Она, Алуна, никогда не ступала на мраморную лестницу, что ведет к обители богини. Алуу звали служанкой Иштар, но ее обязанности заключались в исполнении приказов жрецов с ястребиными лицами и их голых женщин со злыми глазами, которые словно тени скользили в пурпурном полумраке меж колонн.

Однако среди воинов-асиров росло недовольство. Они устали от праздной жизни, роскоши и даже от темнокожих женщин. Ведь в душе асира постоянной остается только жажда кровавой битвы и дальних странствий. Асгрим ежедневно беседовал с Шаккару и Акхебой о древних временах. Я был очарован Алуной, а Келка каждый день напивался в винных лавках. Он

пил, пока без чувств не падал прямо на улице. Но остальные воины шумно выражали свое недовольство той жизнью, которую вели, и спрашивали у Акхебы, как же насчет врага, которого им обещали предоставить.

— Потерпите, — отвечал Акхеба. — Враги приплывут, а с ними явится и их рыжий король.

Над переливающимися шпилями Хему занялся рассвет. К тому времени, о котором речь пойдет дальше, воины начали проводить в городе не только дни, но и ночи. Предыдущей ночью я как раз напился с Келкой и валялся с ним на улице, пока утренний бриз не выветрил из моей головы винные пары. С утра пораньше отправившись на поиски Алуны, я прошелся по мраморной мостовой и зашел во дворец Шаккару, примыкавший к храму Иштар. Миновав обширные внешние покои, где все еще спали жрецы и их женщины, я вдруг услышал доносящиеся из-за закрытых дверей звуки ударов плети по обнаженному телу. К ним примешивался жалобный плач и мольбы о пощаде. И голос молящей был мне знаком.

Дверь из проложенного серебром красного дерева оказалась закрытой на засов, но я вышиб ее, словно она была из картона. Алуна стояла на четвереньках. Туника ее была задрана. Жрец с холодным, ядовитым презрением бичевал ее плетью из мелких ремешков, которая оставляла на коже ягодиц девушки алые рубцы. Когда я ворвался в комнату, жрец обернулся. Лицо его стало пепельным. Прежде чем он успел пошевелиться, я сжал кулаки и одним ударом расколол ему череп, как яйцо, заодно и сломав ему шею.

Мой взор заволокло красной пеленой. Наверное, дело было не столько в боли, которую тот жрец причинял Алуне (потому что боль в варварской жизни тех времен — дело обычное), сколько в осознании того, что жрец обладал ею... и, скорее всего, не он один.

Настоящего мужчину можно распознать по тем чувствам, которые он испытывает к женщине одной с

ним крови. Это — единственный тест расового сознания. Можно взять себе в жены иноземку, сесть с иноземцем за один стол и не испытывать ни малейшего неудобства. Только при виде иноземца, овладевшего или собирающегося овладеть женщиной одной с вами крови, вы осознаете расовые и национальные различия. Так и я, державший в своих объятиях женщин многих рас и ставший кровным братом дикарю-пикту, затрясся в безумной ярости при виде чужака, поднявшего руку на асирку.

Я считаю, осознание, что она в рабстве у иного народа, и порожденный этим гнев и послужили первопричинами моих чувств. Корни любви лежат в ненависти и ярости. А непривычная мягкость и нежность этой женщины выкристаллизовала мое первое смутное ощущение. Теперь же я стоял, хмуро глядя на Алу-ну, а она рыдала у моих ног. Я не помог ей встать, не вытер ее слез, как сделал бы цивилизованный человек. Приди мне в голову такая мысль, я немедленно отверг бы ее как недостойную мужчины. Стоя там, я вдруг услышал, как меня громко зовут по имени, и в покои вбежал Келка, кричащий во все горло:

— Они плывут, брат, как и говорил старик! В город прибежали дозорные с утесов. Они говорят: в море черنو от боевых лодок!

Вросив взгляд на Алу-ну, я повернулся, собираясь уйти вместе с пиктом. Но тут девушка, пошатываясь, поднялась на ноги и подошла ко мне. Со струящимися по щекам слезами, она протянула ко мне руки:

— Хьяльмар! Не покидай меня! Я боюсь! Мне страшно!

— Сейчас я не могу тебя забрать, — проворчал я. — Будет битва. Но, вернувшись, я заберу тебя, и никакие жрецы меня не остановят!

Я быстро шагнул к ней. Мои руки рванулись вперед... а затем, из боязни оставить синяки на нежной коже Алуны, я отдернул их. Какое-то мгновение я безмолвно стоял, и меня терзали противоречивые чувства. Они лишили меня способности говорить и действовать. Потом,

освободившись от наваждения, я вышел на улицу вслед за пиктом, не находившим себе места от нетерпения.

Солнце уже восходило, когда мы, асиры, выступили к очерченным алым светом утесам. Следом за нами отправились полки жителей города. Мы сбросили нарядные одежды и головные уборы, которые носили в городе. Восходящее солнце искрилось на наших рогатых шлемах, длинных поношенных кольчугах и обнаженных мечах. Мы шагали, позабыв о месяцах безделья и кутежей. Наши души трепетали от предвкушения предстоящей схватки. Мы шли на битву, как на пир, и, вышагивая, гремели мечами и щитами, словно пели победную песню о Ньерде, съевшем красное, дымящееся сердце Хеймдаля. Воины Хему в изумлении смотрели на нас, а люди, высыпавшие на стены города, ошеломленно качали головами и перешептывались.

Вот так и подошли мы к утесам. Там мы увидели, что море, как и сказал Келка, черно от боевых каноэ с высокими носами, украшенными ухмыляющимися черепами. Десятка два лодок уже пристали к берегу, а другие покачивались на гребнях волн. Вражеские воины плясали на песке и кричали. Их крики доносились и до нас. Приплыло их много, самое малое — тысячи три, но, возможно, много больше. Жители Хему побледнели, но старый Асгрим лишь рассмеялся, как не смеялся на моей памяти много лун. Годы спали с его плеч, словно отброшенная в сторону мантия.

На берег от подножия утесов вело с поддюжины расселин, и именно по ним должны были наступать захватчики, так как ни один человек не смог бы забраться по отвесным скалам. Мы собрались у верхних концов этих ущелий, а позади нас выстроились горожане. Они не собирались принимать участия в битве, оставаясь в резерве на тот случай, если нам потребуется помощь.

Распевающие, раскрашенные воины хлынули вверх по ущельям, и мы наконец увидели их короля, возвышающегося над огромными фигурами воинов. Утреннее солнце зажгло его волосы алым пламенем, а

смех его походил на порывы морского ветра. Он один из всей этой орды носил кольчугу и шлем, а большой меч в его руке сверкал, словно серебряный. Да, это был один из бродячих ваниров, наших рыжих родичей из Нордхейма. Я ничего не знаю о его долгом пути в эти земли, о его скитаниях и не смогу пропеть его сагу, хотя она могла оказаться еще более дикой и невероятной, чем у Алуны или у нас. Какое безумство помогло ему стать королем свирепых дикарей, я даже и предположить не могу. Но когда он увидел, что за люди противостоят ему, его яростные крики зазвучали с новой силой. Повинуясь ему, раскрашенные воины бросились вверх по склонам, словно волны со стальными гребнями.

Мы натянули луки, и тучи наших стрел засвистели по ущельям. Передние ряды скошил наш стальной дождь. Орда завоевателей отступила, а потом, сплотив ряды, опять хлынула вверх. Мы отбивали атаку за атакой, но снова и снова налетали они на нас в слепой ярости.

Атакующие не имели никаких доспехов, и наши длинные стрелы прошивали их обтянутые кожей щиты, словно холстину. Сами они из луков стреляли плохо. Когда же им удавалось подойти достаточно близко, они швыряли в нас копья. Так погибли некоторые из нас. Но мало кому из врагов удалось приблизиться к нам на расстояние броска копья. Еще меньше дикарей прорвалось наверх. Помню, как один огромный воин выполз из ущелья, словно змей, с пузырящейся на губах алой пеной. Из его живота, шеи, груди, рук и ног торчали оперенные стрелы. Он был как бешеный пес, и его предсмертный укус оторвал пятку моей сандали. Я растоптал ему голову, превратив ее в кровавое месиво.

Некоторые, очень немногие, прорвались сквозь этот слепящий смертоносный град и сошлись с нами врукопашную, но их судьба оказалась немногим лучше. В схватках один на один мы, асиры, были сильнее. Наши доспехи отражали удары их копий, в то время как наши мечи и топоры пробивали их деревянные щиты, словно бумажные. Однако врагов было так мно-

го, что, если бы не преимущество нашей позиции, все мы погибли бы на утесах, и заходящее солнце осветило бы лишь дымящиеся развалины Хему.

Весь этот долгий летний день мы держали оборону. Когда же у нас опустели колчаны, тетивы луков истрепались, а ущелье завалили груды раскрашенных тел, мы отбросили луки, выхватили мечи, ринулись вниз и сошлись с захватчиками один на один, меч против меча. Дикари гибли как мухи, однако их осталось еще слишком много, и огонь мести пылал в их сердцах. Они желали поквитаться за убитых друзей и родичей, чьи тела теперь устилали ущелья.

Дикари рвались вперед, завывая, словно штормовой ветер. Они потрясали копьями, размахивали боевыми дубинами. Мы встретили их вихрем стали, рубя груды, отсекая руки и ноги и снося головы с плеч. Ущелья превратились в настоящую бойню, где люди едва могли удержаться на ногах, ступая по залитым кровью, заваленным трупами тропам.

По земле уже пролегли длинные тени, когда я встретился с королем нападавших. Он стоял на ровной площадке, где полого поднимающийся склон выравнивался, прежде чем снова перейти в еще более крутой подъем. Его задело несколькими стрелами, и на его теле было несколько рубленых ран, но безумный огонь в его глазах не померк. Его громовой голос все еще призывал к атакам шедших за ним запыхавшихся, усталых, шатающихся воинов. Хотя в других ущельях еще бушевала яростная битва, он стоял здесь на груде мертвецов, и рядом с ним застыли два огромных воина с копьями, липкими от крови асиров.

Я бросился на ванира. Келка мчался за мной по пятам. Двое раскрашенных воинов ринулись мне наперерез, но на них налетел Келка. Телохранители ванира напали на кельта с двух сторон, со свистом рассекая копьями воздух. Но как волк уворачивается от ударов, пикт уклонился от их окровавленных копий. Три фигуры на миг столкнулись. Потом один воин упал

с выпотрошенными кишками, другой рухнул поперек него, и пикт ловким ударом отсек ему полголовы.

Я подскочил к рыжему королю. Мы одновременно нанесли удары. Мой меч сорвал с его головы шлем, а от его ужасного удара его меч и мой щит разлетелись вдребезги. Прежде чем я смог снова ударить, он отшвырнул рукоять меча и схватился со мной голыми руками. Я выпустил меч, бесполезный в ближнем бою, и мы сцепились в смертоносных объятиях.

Мы оказались равны по силе, но его сила покидала тело вместе с кровью, сочащейся из двух десятков ран. Напрягаясь и пытая от усилий, мы шатались из стороны в сторону. Я чувствовал, как пульс стучит у меня в висках, видел, как вздулись его жилы. Вдруг он неожиданно подался назад, и мы полетели кувырком, покатились по склону. В схватке ни он, ни я не рискнули вытащить кинжалы. Но пока мы катились по склону и рвали друг друга, я почувствовал, как его могучие руки медленно теряют свою железную силу. Извернувшись из последних сил, я оказался наверху и вонзил пальцы в его жилистое горло. От пота и крови в глазах у меня померкло, дыхание со свистом вырывалось из моих легких, но я все глубже впивался пальцами в его горло. Его руки бесцельно и вслепую стали хватать воздух, и тут я, закрипев зубами от усилий, вырвал кинжал и вонзил его в тело врага. Гигант подо мной перестал шевелиться.

Затем я, полуослепленный, пошатываясь, поднялся на ноги. Каждая жилка моего тела тряслась от напряжения после отчаянной борьбы. Келка уже собирался отсечь вождю варваров голову, но я этому помешал.

Когда погиб ванир, по рядам наступающих пронесся протяжный крик, и они дрогнули. Он, вождь, был тем огнем, который весь день зажигал их сердца, воодушевляя на бой. Теперь же дикари неожиданно сломались, побежали вниз по ущельям. Мы рубили убегающих. Мы преследовали их до самого берега, забивая как скот. Когда они добежали до своих каноэ и отчалили, мы бросились за ними и гнались, пока не зашли

по плечи в воду. Нас гнала вперед безумная ярость. Когда последние уцелевшие, выгребая, отплыли на безопасное расстояние, берег оказался завален трупами. В кровавой пене прибоя плавали тела.

На берегу и на мелководье лежали тела только раскрашенных дикарей, но в ущельях, где бушевал жестокий бой, полегло семьдесят асиров. А из оставшихся в живых почти все были ранены.

Клянусь Имиром, ну это было и побоище! Солнце опускалось к горизонту, когда мы вернулись с утесов, усталые, пыльные, окровавленные. У нас почти не было сил для победной песни, но сердца наши радовались кровавым деяниям. За нас пели жители Хему. Они с громкими криками высыпали из города и расстелили перед нами шелковые ковры, устлали наш путь розами и золотой пылью. С собой мы принесли своих раненых. Но прежде всего мы перенесли своих убитых на берег, разломали каноэ врагов, соорудили плот, уложили на него тела мертвых асиров и подожгли его. И еще мы взяли тело рыжего вождя захватчиков и положили его в большое каноэ вместе с телами его самых храбрых воинов, дабы те служили ему в стране мертвых, и оказали ему тот же почет, что и своим погибшим.

Вернувшись в город, я нетерпеливо стал искать взглядом в толпе Алуу, но не нашел. Горожане разбили палатки на рыночной площади, и мы уложили там своих раненых. Сюда же пришли лекари-горожане. Они стали перевязывать раны асирам. Акхеба приготовил для нас в большом зале своего дворца победный пир. Туда-то мы и отправились, пропыленные и окровавленные. Даже старый Асгрим скалил зубы, словно голодный волк, вытирая с узловатых рук запекшуюся кровь.

Я на какое-то время задержался среди палаток, где лежали раненые. Слишком устал я, чтобы отправляться на пир, пусть даже повиснув на плечах товарищей. Я ждал, что Алуна придет ко мне. Но она не пришла, и я отправился в большой зал королевского дворца, перед которым, неподвижно вытянувшись, стояли вои-

ны Хему — человек триста — для оказания большего почета своим союзникам, как сказал Акхеба.

Тот зал был длиной в триста футов и вдвое меньше в ширину. Пол его был выложен полированным красным деревом, но паркет наполовину закрывали толстые ковры и шкуры леопардов. В стенах резного камня оказалось множество сводчатых дверей из красного дерева, занавешенных бархатными гобеленами. На троне в противоположном от входа конце зала сидел Акхеба. Он взирал на пиришеств со своего царского возвышения, по обе стороны от которого выстроились ряды щеголявших султанами перьев копьеносцев. А за протянувшимся через весь зал обеденным столом расселись асиры в помятых, испачканных, пыльных одеждах и доспехах. Многие были перевязаны окровавленными тряпками. Они пили, ревели и объедались, им прислуживали рабы и рабыни.

Божды, вельможи и воины города сидели в начищенных до блеска доспехах среди своих союзников, и мне показалось, что на каждого асира приходится по три-четыре девушки, смеющихся и покорившихся грубым ласкам моих соплеменников. Порой визгливый женский смех перекрывал гомон пирующих. Во всей этой сцене проглядывало что-то фальшивое, какая-то натянутая легкость, искусственное веселье. Но я и тут не нашел Алуны и, выйдя через одну из дверей красного дерева, пересек увешанные шелками покои. Освещались они тускло, и я чуть не налетел на старого Шаккару. Тот отшатнулся. Он выглядел почему-то расстроенным, встретившись со мной. Я заметил, что он прячет что-то под балахоном, который, как сообщил Акхеба, надел сегодня в нашу честь.

Думал я в тот момент только об одном.

— Я хочу поговорить с Алуной, — сказал я. — Где она?

— В настоящее время она исполняет свои обязанности и не может с тобой увидеться, — ответил жрец. — Приходи завтра в храм...

Он потихоньку попятился от меня, и по едва заметной бледности, проступившей под его смуглой кожей,

по дрожи в его голосе я понял, что он смертельно меня боится и хочет от меня избавиться. Во мне живо вспыхнули подозрения варвара. Через мгновение я уже сжал горло жреца, выкручивая ему руки. Я отобрал длинный нож, который он извлек из-под балахона.

— Где она, шакал? — прорычал я. — Говори, а то...

Жрец болтался в моих руках словно марионетка, не доставая брыкающимися пятками до пола. Шея его выгнулась назад и каким-то чудом еще осталась несломанной. Боясь смерти, широко выпучив глаза, он задергал головой, и я чуть ослабил захват.

— Она в святилище Иштар, — пробормотал жрец. — Ее должны принести в жертву богине. Сохрани мне жизнь... я тебе все скажу... открою тайну и весь заговор...

Но я уже услышал достаточно. Схватив жреца за пояс и за колено, я вскинул его над головой, вышиб ему мозги, стукнув о колонну, и, прыжками промчавшись меж рядами массивных колонн, выскочил на улицу.

В городе царила угрожающая тишина, как перед бурей. Той ночью на улицах не собиралось никаких толп празднующих по случаю победы над врагами. Двери всех домов были закрыты, окна закрыты ставнями. Свет нигде не горел. Я не увидел во всем городе ни одного сторожа. От этого город выглядел странным и нереальным. Безмолвный, призрачный город, где единственными звуками стали крики пирующих асиров, доносившиеся из большого зала. Я разглядел пылающие факелы на площади, где лежали раненные.

Увидел я и старого Асгрима, сидевшего во главе стола. Руки у него были в пятнах от засохшей крови, а в дырах шелкового плаща просвечивала иссеченная и пропыленная кольчуга. Над головой у него раскачивались большие черные перья, отбрасывающие тень на его суровое лицо. Вдоль всего стола девушки обнимали и целовали полупьяных асиров, снимая с них тяжелые шлемы и помогая выбраться из кольчуг, в которых после выпитого вина моим соплеменникам стало жарко.

Келка, словно изголодавшийся волк, обглаживал большую мясистую кость. Несколько смеющихся девушек дразнили его, уговаривая отложить меч, пока Келка, разозлившись от их веселья и назойливости, не нанес ближайшей из них такой удар костью, что красавица рухнула на пол то ли замертво, то ли без чувств. Но пронзительный смех и веселье ничуть не уменьшились. Мне вдруг показалось, что предо мной сидят вампиры и скелеты, смеющиеся и пирующие прахом и пеплом.

Я поспешил по безмолвной улице, пересек двор и миновал дома жрецов. Тут никого не было, кроме рабов. Ворвавшись в портик храма с высокими колоннами, я пробежал через полосу густого мрака, выставив вперед руки, влетел в тускло освещенное внутреннее святилище и остановился, замерев. Младшие жрецы и обнаженные девушки столпились вокруг алтаря на коленях. Низко склонившись в поклонах, они распевали песнь жертвоприношения, держа в руках золотые кубки для сбора крови, стекавшей по высеченным в камнях канавкам. А на алтаре, тихо стеная, как могла бы стенать умирающая газель, лежала Алуна.

В святилище царил сумрак из-за клубов дыма фи-миама. Но не дым, а жажда крови затуманила мне взор. Издав нечеловеческий крик, жутко прозвеневший под сводчатым потолком, я ринулся вперед. Черепа раскалывались под моим бешено хлещущим мечом. От этой бойни у меня остались только неистовые и хаотические обрывки воспоминаний. Помню крики, свист стали, смертоносные удары, хруст костей, фонтаны крови. Верещавшие жрицы бежали. Они рвали волосы и зывали к богам. А я свирепствовал среди них — разъяренный лев, опьяненный жаждой крови. Я напоминал волка, попавшего в стадо овец и обезумевшего от свежей крови. Мало кому тогда удалось сбежать от меня.

Я помню один образ, четко отпечатавшийся на сумрачно-красном фоне всеобщего безумия: гибкая обнаженная девушка застыла от ужаса возле алтаря. Она поднесла к губам кубок с кровью. Глаза ее горе-

ли. Я схватил ее левой рукой и швырнул о мраморную лестницу с такой яростью, что, должно быть, переломал ей все кости. Остальное я помню плохо. Краткая вспышка ярости — и святилище оказалось завалено трупами. Потом я стоял среди мертвецов, в святилище, больше напоминающем бойню. По полу протянулись ручейки крови. Повсюду были разбросаны жуткие и непристойные куски человеческой плоти.

Мой меч повис в бессильно опустившейся руке, когда я, еле волоча ноги, приблизился к алтарю. Веки Алуны затрепетали, и, когда я взглянул на нее, она открыла глаза. Мои руки безвольно повисли, я весь обмяк.

— Хьяльмар! — прошептала она. Потом ее веки сомкнулись. От длинных ресниц на щеки легли тени, с тихим вздохом она попыталась поднять голову. Больше всего Алуна напоминала девочку, которая прилегла поспать. Моя душа рвалась из груди, но уста сковала немота. Я был варваром и не умел выразить своих чувств. Я опустился на колени рядом с алтарем и неуверенно провел рукой по ее телу. Я поцеловал губы умирающей, неловко, как поцеловал бы их зеленый юнец. Один лишь этот поцелуй... только этот неловкий поцелуй... Впервые за всю свою жестокую жизнь я — асир Хьяльмар — отнесся к кому-то с нежностью.

Потом я медленно встал, постоял над мертвой Алуной и так же медленно и механически поднял меч. При прикосновении к его рукояти мой разум обуяло безумие — бешеная ярость, присущая моему племени.

Со страшным криком бросился я к мраморной лестнице. Иштар! Дух Алуны отправился к богине, и пусть по пятам за этим духом явится мститель! Пусть богиня поплатится за Алуну. Моя вера была простым культом варваров. Жрецы говорили мне, что Иштар жила наверху и что лестница вела в ее обитель. Мне казалось, меня там ждут туманные царства звезд и теней. Я поднялся наверх, на головокружительную высоту, и святилище подо мной стало лишь неясной игрой тусклых огней и теней. Вокруг меня разлилась тьма.

Потом я неожиданно вышел, но не на широкие звездные просторы, где обитают божества, а к решетке с золотыми прутьями. Я услышал, как по ту сторону прутьев рыдает женщина. Но это оказалась не нагая душа Алуны, воюющая перед божественным престолом, потому что ее плач я бы узнал, будь Алуна живой или мертвой.

В безумной ярости схватился я за прутья решетки. Они согнулись в моих руках. Я вырвал их и пролез в отверстие, едва сдерживая крик берсеркера. В тусклом свете факела, установленного глубоко в нише, я увидел, что нахожусь в круглом сводчатом помещении, стены и потолок которого, казалось, сделаны сплошь из золота. Тут стояли бархатные лежа с шелковыми подушками, а на одном из них возлежала плачущая обнаженная женщина. Я увидел на ее теле следы от бича и остановился, ошарашенный и сбитый с толку. А где же богиня Иштар?

Должно быть, я произнес этот вопрос вслух, коверкая язык горожан, так как девушка подняла голову и взглянула на меня своими темными глазами. Она была очень красива, но в ее красоте таилось что-то чуждое, находящееся вне моего понимания.

— Я и есть Иштар, — ответила она мне. Голос ее звучал тихо, как отдаленный малиновый перезвон колокольчиков, хотя и прерываемый рыданиями.

— Ты? — ахнул я. — Ты — Иштар, богиня Хему?

— Да! — Она поднялась на колени, ломая белые руки. — О, человек, кто бы ты ни был... даруй мне милосердие, если оно вообще существует! Снеси мне голову с плеч и покончи с моими муками, длящимися уже целую вечность!

При этих словах я попятился и опустил меч.

— Я пришел убить кровавую богиню, — проворчал я. — Я не собираюсь убивать хнычущую рабыню. Если ты — Иштар, то... что же все это значит?

— Слушай же, и я расскажу тебе! — вскричала она, придвинувшись ко мне на коленях и ухватив меня за подол кольчуги. — Только выслушай меня, а потом даруй ту малость, о которой я прошу... ударь меня сво-

им мечом!.. Я — Иштар, дочь царя сумеречной Лемурии — страны, давным-давно погрузившейся в море. Еще в детстве я была отдана в жены Посейдону, богу моря. Той жуткой, таинственной брачной ночью, когда я лежала на груди океана, Посейдон даровал мне вечную жизнь, которая за долгие века моего плена стала сущим проклятием... Но тогда я жила в пурпурной Лемурии, молодая и красивая, как и сейчас. В то время как мои товарищи по детским играм старели и седели, я оставалась прежней. А потом Посейдон устал от Лемурии и Атлантиды. Он встал и потрянул своей пенистой гривой. Его белые скакуны промчались над степями, шпилями и алыми башнями, но, как и прежде, волны моего владыки, Посейдона, мягко вынесли меня на берег. Там меня и нашли жрецы. Жители Хему утверждают, что пришли на эти берега из Лемурии, но на самом деле они — раса рабов, говорящих на ублюдочном языке. Когда я заговорила с ними на языке Лемурии, жрецы закричали народу, что Посейдон ниспослал им богиню. Люди пали ниц и стали поклоняться мне. Но жрецы и тогда уже были такими же хитрыми и коварными, как сейчас, некромантами и дьяволопоклонниками, не признающими никаких богов, кроме Внешней Бездны. Они заключили меня в этом золотом куполе и с помощью пыток вырвали у меня мою тайну... Более тысячи лет народ поклонялся мне, и людям лишь иногда позволяли увидеть меня мельком — стоящей на мраморной лестнице, полускрытой дымом... или услышать мой голос, вещающий на странном наречии. Но жрецы... О, боги Му, чего я только не вынесла от них! Богиня для народа — рабыня для жрецов!

— Почему ты не уничтожишь их своим колдовством? — недоуменно спросил я.

— Я не колдунья, — ответила она. — Хотя ты мог бы счесть меня ею, если б я рассказала тебе, какие тайны мне ведомы. Лишь одно колдовство я могла бы сотворить... колдовство, влекущее за собой страшную, всепоглощающую гибель... Но для этого мне нужно

встать на рассвете на берегу и призвать Посейдона. Тихими ночами я слышу, как он бушует за утесами. Он спит и не внимлет моим крикам. И все же, если б я смогла встать у него на виду и призвать его, он услышал бы и внял моей молитве. Жрецы хитры. Они заперли меня там, где ему не видно меня и не слышно... Больше тысячи лет не смотрела я на его могучее голубое тело...

Неожиданно мы оба вздрогнули. Откуда-то изда- лека донесся до нас страшный, дикий гам.

— Измена! — воскликнула она. — Твоих сопле- менников убивают на улицах! Вы уничтожили врагов, которых боялись горожане, и теперь они обратились против вас!

Спроклятием бросился я вниз по лестнице, метнув лишь один, полный муки взор на тело, лежавшее на ал- таре. Я выбежал из храма. На улице, за домами жрецов, звенела сталь. Оттуда доносились вой смерти, крики яр- сти и подобные грому боевые крики асиров. Горожане тоже вопили, переполненные торжеством и ненави- стью. Но их крики смешивались с воплями страха и боли. Улицы больше не были безмолвными и пустынными. Они кишели сражающимися людьми. У дверей лавок, хижин и дворцов появились горожане с оружием в ру- ках. Они жаждали помочь солдатам, сцепившимся в бе- зумной схватке с желтоволосыми чужаками. Эту неис- товую сцену освещало пламя многочисленных пожаров.

Мимо меня пробегали воюющие горожане. Когда я приблизился ко дворцу короля, ко мне, пошатываясь, подошел воин-асир, выброшенный бурей битвы, неис- товствующей где-то впереди. Он был без доспехов и сгибался чуть ли не пополам. Из груди его торчала стре- ла. Руками он держался за живот.

— Вино оказалось отравленным, — простонал он. — Нас предали и обрекли на гибель! Мы сильно напились, и женщины уговорили нас отложить мечи и снять доспехи. Только Асрим и пикт не поддались их уговорам. А потом женщины выскользнули из зала. Старый стервятник Акхеба тоже куда-то подевался!

Ах, Имир, мои кишки вертит, словно завязанный в узел канат!.. А потом из дверей неожиданно хлынули лучники, осыпавшие нас стрелами. Воины Хему обнажили мечи и накинулись на нас... Наводнившие зал жрецы выхватили ножи. Слышишь, это крики с рыночной площади, где режут глотки нашим раненым! Имир, ты мог бы посмеяться... но это... ах, Имир!

Воин осел на мостовую, согнувшись, словно натянутый лук. На губах его выступила пена. Руки и ноги его дергались в страшных конвульсиях. Я помчался во двор. На противоположной стороне его и на улице перед дворцом шел бой. Там скопилась масса народа.

Стаи темнокожих воинов в доспехах бились с полуголыми желтоволосыми великанами, которые разили и рвали врагов, словно разъяренные львы, хотя единственным оружием им служили сломаанные скамьи, мечи и копья, выхваченные из рук умирающих врагов, или голые руки. Притом у всех них на губах выступила пена. Их тела терзала страшная боль. Но, клянусь Имиром, они умирали не одни. Под ногами у них сплошным ковром лежали расчлененные трупы. Они дрались, словно дикие звери, чья свирепость может стихнуть лишь когда в их телах умрет последняя, самая малюсенькая искра жизни.

Большой пиршественный зал пылал. В свете пожара я увидел стоящего на тронном возвышении старого Акхебу, трясущегося и дрожащего от зрелища собственного вероломства. Рядом с ним возвышались два могучих телохранителя. Бой шел по всему двору. Я увидел Келку. Тот был пьян, но это ничуть не отразилось на его качествах бойца. Он стоял в центре скопища врагов, и его длинный нож сверкал в свете пожара, распарывая глотки и животы, выпуская на мраморную мостовую кровь и внутренности.

С глухим, мрачным ревом бросился я в гуцу свалки, и через несколько минут мы с Келкой стояли одни в кольце трупов. Он по-волчьи оскалился, стиснув зубы:

— В вине был демон, Хьяльмар! Он дерет мне кишки, словно дикая кошка... Пошли, давай еще поуби-

ваем их, прежде чем умрем. Смотри... Наш старик дает последний бой!

Я взглянул туда, где прямо перед горящим залом среди многочисленной стаи горожан-шакалов возвышалась могучая фигура Асгрима. Его меч сверкал, вокруг него падали враги. Какой-то миг черные перья его султана колыхались над ордой, а потом исчезли, и на то место, где он стоял, накатила черная волна.

В следующий миг я огромными прыжками понесся к мраморной лестнице. Мы врезались в шеренгу воинов на нижних ступенях и прорвали ее. Враги нахлынули сзади, пытаясь стащить нас вниз, но Келка развернулся, и его длинный нож затеял смертоносную игру. Враги навалились на него со всех сторон, и вот там-то он и умер — так же как жил, рубя и убивая в безмолвном неистовстве, не прося и не давая никому пощады.

Я взбежал наверх по лестнице, и старый Акхеба взвыл, завидев меня. Свой сломанный меч я оставил в груди одного из стражников. На двоих телохранителей Акхебы я бросился с голыми руками. Они ринулись мне навстречу, нанося удары копьями. Я схватил за копье одного и дернул на себя, заставив его полететь вниз по лестнице. Копье другого пробило мне кольчугу. Под деревку заструилась кровь. Прежде чем мой враг смог вырвать копье и снова ударить, я схватил его за горло и пальцами разодрал ему глотку. После этого, выдернув из раны копье, я отшвырнул его в сторону и кинулся к Акхебе, который завопил и, подпрыгнув как можно выше, ухватился за край крыши позади возвышения. Безумный страх придал ему сил и смелости. Он карабкался по крутой крыше, словно обезьяна, хватаясь за резные украшения. И все время он был, как побитая собака.

Я последовал за ним. Моя жизнь уходила вместе с кровью, сочащейся из раны под кольчугой. Одежда уже вся пропиталась кровью, но сила дикого зверя еще не покинула меня. Визжа от страха, король лез дальше и дальше. Мы поднимались все выше и выше, пока

не оказались на относительно ровном коньке крыши в пятидесяти футах над улицами. Тут мы остановились.

Перекрывая адский шум битвы, перекрывая неистовые завывания Акхебы, над городом прозвенел странный, западающий в память крик. На вершине большого золотого купола, над всеми башнями и шпилями стояла обнаженная фигура с развевающимися на ветру волосами. Она четко выделялась на фоне разгорающейся зари. Это была Иштар. Она размахивала руками и выкрикивала неистовые призывы на незнакомом языке. Девушка сбежала из золотой клетки, которую я сломал. Теперь она стояла на куполе и призывала бога своего народа — Посейдона!

Но мне нужно было свершить месть. Я приготовился к прыжку, после которого и я, и Акхеба разбились бы, рухнув вниз с высоты в пятьдесят футов. Но тут прочная каменная кладка у меня под ногами закачалась. Акхеба завопил с новой силой. С громовым треском отдаленные утесы рухнули в море. Раздался протяжный грохот, словно землю у нас под ногами разбивали вдребезги гигантским молотом. У меня на глазах вся огромная равнина закачалась, подалась и накренилась к югу.

Землю рассекли огромные трещины, и вдруг, с неопишуемым грохотом, стали рушиться городские стены и башни. Весь город Хему пришел в движение! Превращаясь в развалины, он стал соскальзывать в море, которое ревя поднималось ему навстречу! Башня билась о башню. Они опрокидывались, перемалывая вопящих насекомых людей в пыль, расшибая их падающими камнями. Только что передо мной стоял город со шпилями и крышами, а теперь — безумный, вздымающийся, крошащийся хаос обломков грохочущего камня. Шпили, раскачиваясь над руинами, падали один за другим. А купол по-прежнему возвышался над обломками. Девушка-богиня все еще кричала и жестикулировала. Потом с ужасным ревом море взметнулось, и огромные щупальца зеленой пены обрушились на развалины. Волны становились все больше и больше, пока вся южная часть города не скрылась

под бурлящими водами. Какой-то миг конек древней крыши, за который мы цеплялись, возвышался над руинами, устояв при первом натиске стихии. Улучив момент, я прыгнул и схватил старого Акхебу. Его предсмертный крик зазвенел у меня в ушах. Я почувствовал, как плоть его горла рвется под моими железными пальцами, словно гнилая мякоть. Его мышцы отрывались от костей, а сами кости превращались в крошево. Грохот землетрясения стоял у меня в ушах. Зеленые волны бушевали у моих ног. Когда треснула земля, каменная кладка разверзлась прямо у моих ног, и меня захлестывали зеленые волны. Моя последняя мысль была о том, что Акхеба умер от моей руки раньше, чем волны коснулись его тела.

Я с криком вскочил, выбросив руки перед собой, словно пытаясь отразить натиск бурлящих волн. Я зашатался. Чувства переполняли меня. Хему и старый король исчезли. Я — одноногий инвалид — стоял на заросшем мескитом холме, и солнце висело в небе чуть выше зарослей мескита. С тех пор как незнакомка провела рукой у меня перед глазами, прошли считанные секунды. Теперь же она стояла, глядя на меня с загадочной улыбкой, в которой проглядывала не столько насмешка, сколько жалость.

— Что это такое было? — ошеломленно воскликнул я. — Я был Хьяльмаром... Я — Джеймс Элисон... Тогда Залив был морем... Великие Прерии простирались тогда до самого берега, а на берегу возвышался проклятый город Хему. Нет! Не могу поверить! Я схожусь ума. Ты меня заигнотизировала... Заставила увидеть сон...

Женщина покачала головой:

— Все это было на самом деле, Хьяльмар. Только произошло давным-давно.

— Как же тогда насчет Хему? — воскликнул я.

— Его перемолотые развалины сейчас спят в синих водах Залива, куда их смыло за долгие века, что

прошли с тех пор, как воды отступили, оставив за собой эти бескрайние холмистые степи.

— А как же Иштар — та женщина, их богиня?

— Разве она не была женой Посейдона, который услышал ее крик и уничтожил злой город? Он вынес ее невредимой на своей груди. Иштар была бессмертна. И она обошла много стран, жила среди многих народов, пока не усвоила урок. Та, что некогда была рабыней жрецов, стала их повелительницей. Она стала богиней по жестокой иронии судьбы, но после гибели Хему осталась ею по праву, в силу своей мудрости, скопленной за века... Она звалась Иштар у ассирийцев и Ашторет у финикийцев. Она была Милиттой и Белит в Вавилоне. Да... Изидой в Египте и Астартой в Карфагене. Саксы звали ее Фрейей, а греки — Афродитой, римляне — Венерой. Разные народы называли ее разными именами и по-разному поклонялись ей, но повсюду она была той же самой, и огни на ее алтарях никогда не гасли.

Говоря это, женщина подняла на меня свои ясные, темные, светящиеся глаза. Последнее сияние заката очертило ореол вокруг ее темных, как ночь, волос, обрамляющих странное, чуждое и экзотическое, но красивое лицо. У меня вырвался крик:

— Ты! Ты — Иштар! Значит, это правда! Ты — бессмертна... Ты — вечная женщина, корень и исток Мироздания... символ вечной жизни! А я в прошлой жизни был Хьяльмаром. Видел кровавые битвы и сокровища дальних стран. Познал славу великого воина...

— Воистину ты все изведаеть вновь, усталый человек, — тихо проговорил Иштар. — В скором времени ты снимешь эту жуткую маску искалеченного тела и облачишься в новое одеяние, яркое и сверкающее, как доспехи Хьяльмара!

Наступила ночь. Уже не знаю, куда пропала та женщина. А я сидел один на заросшем кустарником холме, и ночной ветер шуршал, скользя по песчаным наносам. Он нашептывал о чем-то мрачным зарослям мескита.

СОДЕРЖАНИЕ

Ястребы над Египтом (Перевод с англ. К. Плешкова)	5
Боги Севера (Перевод с англ. М. Райнер)	51
Двое против Тира (Перевод с англ. А. Курич)	61
Тень Вальгары (Перевод с англ. Г. Подосокорской)	78
Нехт Самерхенд (Перевод с англ. М. Райнер)	131
Дорога в Азраэль (Перевод с англ. М. Райнер)	163
Лев Тивериады (Перевод с англ. М. Скорогенок)	209
Повелитель Самарканда (Перевод с англ. А. Курич)	245
Врата империи (Перевод с англ. К. Плешкова)	289
Дорога Бозмунда (Перевод с англ. К. Плешкова)	334
Рождающие гром (Перевод с англ. Н. Дружининой)	357
Скачущий-с-Громом (Перевод с англ. В. Федорова)	409
Шествующий из Вальхаллы (Перевод с англ. В. Федорова)	436

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД

*Собрание сочинений
в восьми томах*

Том шестой

Ответственный редактор
Е. Артемьева

Художественные редакторы
В. Андреева, И. Марев

Технический редактор
А. Платонова

Корректор
Л. Быстрова

Компьютерная перстка
М. Кузнецов

Изд. № 0104002.

Подписано в печать 08.12.03 г.

Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Балтика». Печать высокая.

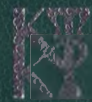
Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,61.

Заказ № 0401430.

ТЕРРА—Книжный клуб.
115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

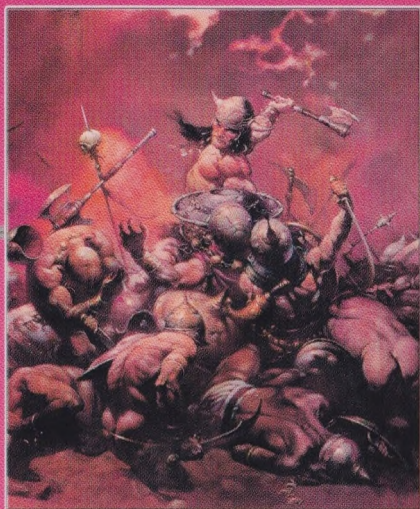
6

ՔՈՇԵՐԻ ԴՈՅԱՐՄ

РОБЕРТ ГОВАРД

ТОМ 6

ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА

В древние времена, когда существовали могучие королевства, царства и ханства, когда по земле бродили армии безжалостных наемников и варварам удавалось острием клинка завоевать золото или трон, только бесстрашные воины или коварные интриганы могли удержаться у вершин власти...

ISBN 5-275-00934-8

9 785275 009347

РОБЕРТ ГОВАРД ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА

РОБЕРТ ГОВАРД

6

